П. А. Гейсманъ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ

Часть I.

~~32~~223.

gp 121213

Объединенный Кабинет
Военно-Морских Дисциплин
В. М. А. Р. К. К. А.
ИНВ. №

КАБИНЕТ
Боевого Управления и
Службы Штаба
ВМА РККА
имени тов. Ворошилова
Инв. №

КАФЕДРА
ШТАБНОЙ СЛУЖБЫ
ВМА РККА
им. тов Ворошилова
Инв. № 04

II Гб 30979
Г-29

Его Превосходительству высокочтимому Профессору Павлу Осиповичу Щербову-Нефедовичу

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ.

Краткій историческій очеркъ его возникновенія и развитія.

Объединенный Кабинет
Военно-Морских Дисциплин
В. М. А. Р. К. К. А.
Инв. №

Инв. № 121213

Часть I.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ДО НАПОЛЕОНА I.

от искренно преданного

СОСТАВИЛЪ
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ
П. А. ГЕЙСМАНЪ,
Заслуженный Ординарный Профессоръ Николаевской Академіи
Генеральнаго Штаба.

Платона Гейсмана.

КАБИНЕТ
Боевого Управления и
Службы Штаба
ВМА РККА
имени тов. Ворошилова
Инв. №

20472

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1903

26 Февраля 1903 года.

К.Т.

Военно-Морск. орд. Ленина Академия
АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. К. Е. Ворошилова

II Д631 + II Г615 + II Г618 + II Г60

ВМА

55

1951

Оглавленіе первой части.

стр.

стр.

[1]) Въ текстѣ опечатка: XVIII.

Россія

Часть I.

Генеральный штабъ до Наполеона I.

«Каждое главное войско должно имѣть особливо генерала квартірмейстера. Но сей чинъ требуетъ мудраго разумного и искусного человѣка, въ географіи, и фортификаціи, понеже ему надлежитъ учреждать походы, лагеры и по случаю фортификаціи, и ретранжаменты, и надъ оными надзираніе имѣть... онъ ни отъ кого иного указы не получаетъ, токмо отъ командующаго генерала... надлежитъ ему, командующему генералу, въ добромъ послушаніи быть, и о походахъ и обозѣхъ съ нимъ соглашатися, и по его приказу и благоизобрѣтенію все прилежно учреждать»... Изъ главы 20-й «*Книги Устава Воинскаго*» Императора Петра I 1716 года.

Предисловіе.

Вопросы о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ генеральнаго штаба и о наилучшей его подготовкѣ поставлены на очередь. Въ литературѣ появляются статьи и цѣлыя изслѣдованія, посвященныя той или другой сторонѣ дѣятельности генеральнаго штаба и службѣ его въ ту или другую историческую эпоху. Нельзя сказать, чтобы ихъ появлялось много, но все же должно констатировать нѣкоторое оживленіе военной литературы въ этомъ отношеніи, чего до недавняго еще времени вовсе не замѣчалось.

Важность правильнаго рѣшенія упомянутыхъ вопросовъ слишкомъ очевидна; доказывать ее нѣтъ надобности. Но какъ подойти къ правильному рѣшенію этихъ вопросовъ, если военные люди, по тѣмъ или другимъ причинамъ ими интересующіеся, не согласны между собою въ отношеніи сущности дѣла, если даже не вполнѣ выяснена эта сущность? Едва ли кто-либо изъ этихъ военныхъ людей станетъ оспаривать пользу примѣненія въ этомъ случаѣ критико-историческаго метода изслѣдованія, но многіе изъ нихъ пожелаютъ ограничить его примѣненіе лишь періодомъ ближайшей къ намъ новѣйшей исторіи на томъ основаніи, что только обстановка ближайшихъ къ намъ во времени войнъ болѣе или менѣе подходитъ къ современной и болѣе или менѣе подойдетъ къ обстановкѣ ближайшаго будущаго. Нельзя отказать сторонникамъ этого утилитарнаго взгляда въ извѣстной логичности, но бѣда въ томъ, что уразумѣть и уяснить себѣ вполнѣ состояніе военнаго искусства въ ближайшій къ намъ историческій періодъ безъ отчетливаго пониманія того, что совершилось въ предыдущіе періоды, невозможно. Это подтверждается прежде всего примѣромъ почти всѣхъ выдающихся полководцевъ, которые сами, по своей собственной иниціативѣ, изучали исторію, отнюдь не ограничивая это изученіе подобными тѣсными предѣлами. Затѣмъ справедливость нашего заключенія подтверждается результатами изслѣдованій упомянутыхъ современныхъ военныхъ людей, опасающихся сдѣлаться «гробокопателями», т. е. обратиться къ изученію болѣе или менѣе отдаленнаго историческаго прошлаго: какъ бы они ни были способны къ синтезу, произведенный ими анализъ оказывается слишкомъ скуднымъ и въ результатѣ получается зданіе, построенное если не вполнѣ, то болѣе или менѣе значительною своею частью на пескѣ. Нечего и говорить, что, если произведенный анализъ еще болѣе сокращается и стремится къ нулю, то и цѣнность примѣняемаго при такихъ условіяхъ синтеза понижается въ соотвѣтственной степени.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что то, что ясно для одного, представляется неяснымъ другому; то, что, по мнѣнію перваго, должно быть поставлено чуть ли не на первый планъ, подлежитъ, по мнѣнію второго, безповоротному развѣнчанію и т. п. Отвѣтственность за неудачный исходъ не только кампаніи, но даже цѣлой войны падаетъ на генеральный штабъ, говоритъ одинъ. Другой на этотъ вопросъ прямо не отвѣчаетъ, но за то умаляетъ значеніе генеральнаго штаба до степени «адъютантуры» или второстепеннаго вспомогательнаго органа высшихъ начальниковъ канцелярско-адъютантскаго характера.

Какъ примирить эти противоположные взгляды? Какой путь слѣдуетъ избрать для того, чтобы подойти къ выясненію сущности дѣла? Намъ кажется, что начало этой работы должно имѣть историческій характеръ и только по исполненіи этой ея части должно приступить къ слѣдующей, т. е. къ той самой, къ которой чуть ли не прямо приступаютъ всѣ тѣ, кои опасаются быть «гробокопателями».

Эти соображенія не позволяютъ намъ обратиться непосредственно къ изслѣдованію вопроса о службѣ генеральнаго штаба и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаютъ насъ предпослать подобной попыткѣ краткій историческій очеркъ возникновенія и развитія этого рода службы.

Если каждый полкъ, каждая отдѣльная часть въ благоустроенной арміи старается составить свою «исторію», то и генеральный штабъ долженъ располагать соотвѣтственнымъ историческимъ очеркомъ; это вторая причина, побуждающая насъ приступить къ его составленію. Ограничиться составленіемъ историческаго очерка возникновенія и развитія одного лишь нашего генеральнаго штаба мы не считаемъ возможнымъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы отказаться отъ цѣльности изслѣдованія. Въ виду этого соображенія мы ставимъ себѣ цѣлью изслѣдовать возникновеніе и развитіе этого рода службы во всемъ культурно-историческомъ мірѣ вообще, начиная съ древнихъ вѣковъ. При этомъ, однако, древніе вѣка будутъ нами изслѣдованы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а по мѣрѣ приближенія къ нашему времени рамки изслѣдованія будутъ все болѣе и болѣе расширяться.

Всѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣетъ въ исторіи военнаго искусства Наполеонъ I. Поэтому надѣемся, что всѣмъ же будетъ понятно раздѣленіе нашего труда на три части: а) генеральный штабъ до Наполеона I; б) генеральный штабъ при Наполеонѣ I, и в) генеральный штабъ послѣ Наполеона I.

Съ установленной нами точки зрѣнія трудъ нашъ является не первымъ опытомъ изслѣдованія даннаго предмета вообще, но первымъ опытомъ изслѣдованія его въ данномъ направленіи [1]).

Желая облегчить работу будущихъ изслѣдователей того же предмета въ томъ же направленіи, считаемъ полезнымъ изложить предварительно краткій обзоръ военной литературы, заключающей въ себѣ данныя необходимыя для изслѣдованія подобнаго рода.

---

[1]) Полвѣка тому назадъ вышелъ въ свѣтъ «*Очеркъ исторіи генеральнаго штаба въ западной Европѣ и въ Россіи*», кн. *Н. С. Голицына*. Оцѣнка его приводится ниже.

Приводя ниже этотъ обзоръ, мы нисколько не желаемъ навязать будущему изслѣдователю изученіе всѣхъ упоминаемыхъ нами сочиненій, но желаемъ облегчить ему отыскиваніе тѣхъ источниковъ, кои онъ самъ признаетъ необходимыми для изученія исторіи интересующаго его лично вопроса.

Въ приводимомъ обзорѣ указаны главнымъ образомъ первоисточники, а затѣмъ такія сочиненія, кои могутъ ихъ въ большей или меньшей степени замѣнить и, насколько это необходимо, дополнить. При этомъ въ обзоръ включены не всѣ, а только важнѣйшіе (на нашъ взглядъ) труды, главнымъ образомъ, оригинальнаго характера. Перечисленіе *всѣхъ* трудовъ (хотя бы даже выдающихся), основанныхъ на первоисточникахъ и носящихъ на себѣ отпечатокъ слишкомъ субъективнаго взгляда и отношенія къ дѣлу автора, мы признали излишнимъ, полагая, что читатель найдетъ указанія на нихъ безъ особеннаго труда въ соотвѣтственныхъ руководствахъ и справочныхъ изданіяхъ.

Приводимый обзоръ военной литературы распадается на двѣ части: а) обзоръ общей военной литературы по военному искусству до Наполеона I, и б) соотвѣтственный обзоръ спеціальной военной литературы въ отношеніи генеральнаго штаба и его службы. Такое раздѣленіе принято нами въ виду того, что до XVIII столѣтія включительно невозможно отдѣлить въ военной литературѣ ту или другую спеціальность отъ остальныхъ. Попадаются сочиненія чисто спеціальнаго характера, но не въ нихъ можно найти наиболѣе цѣнныя данныя и наиболѣе вѣскія указанія; таковыя заключаются въ сочиненіяхъ первой категоріи. Этимъ и объясняется значительный размѣръ первой части обзора сравнительно съ второю.

А. Обзоръ общей военной литературы по военному искусству до Наполеона I [1]).

1) *Геродотъ* (484—408 до Р. Х.), отецъ исторіи. Предпринятое имъ изложеніе исторіи нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, а затѣмъ

[1]) Наполеонъ началъ изученіе военной исторіи съ древнихъ писателей и находилъ, что въ «Иліадѣ» *Гомера* все правдоподобно. Дѣйствительно, читатель чувствуетъ на всякомъ шагу, что авторъ былъ воиномъ. Въ Иліадѣ превосходно изображены военный бытъ и военное дѣло у грековъ и троянцевъ въ соотвѣтственную эпоху. См. ***Гнѣдичъ.*** «Иліада Гомера», 1829 г. или *Homère* (trad. par *D. Montbel).* «L'Illiade». 1828. Paris.

греко-персидскихъ войнъ [1]) не доведено до конца, но представляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для изученія военнаго быта и военнаго искусства у грековъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ того времени. Геродотъ не критикъ, но повѣствователь.

2) *Ѳукидидъ* (471—403, по инымъ 470—384 г. до Р. Х.), авторъ «Исторіи Пелопоннезской войны» [2]). Достоинства этого сочиненія опредѣляются тѣмъ, что Ѳукидидъ обладалъ качествами, недостававшими Геродоту: у него мы находимъ замѣчательный способъ изложенія, отвращеніе къ излишнимъ подробностямъ, стараніе сказать все то, что нужно знать и больше ничего. Горячій патріотизмъ не помѣшалъ ему проявить достаточное безпристрастіе.

3) *Ксенофонтъ* (455 или 450—360 или 355 г. до Р. Х.) [3]). Трудно найти другое, столь прекрасное повѣствованіе, какъ его «Анабазисъ». Греческіе воины и ихъ бытъ изображены отлично. Дѣйствующія лица у него точно живыя, а мѣстность изображена такъ, что читатель какъ будто ее видитъ. Вездѣ и во всемъ полная ясность. Къ тому же авторъ чрезвычайно скроменъ. Его «Эллиники» представляютъ продолженіе «Исторіи» Ѳукидида. Въ «Киропедіи» онъ излагаетъ свои собственныя мысли и мнѣнія о военномъ устройствѣ и военномъ искусствѣ, а также свѣдѣнія о состояніи военнаго дѣла у персовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его трактатъ: «О начальствованіи надъ конницею», въ которомъ имѣются указанія, могущія быть включенными въ наставленіе офицерамъ генеральнаго штаба даже въ наше время. Не останавливаясь на остальныхъ его сочиненіяхъ, должно признать вышеуказанные его труды первоклассными источниками въ дѣлѣ изученія военной исторіи древнихъ вѣковъ.

4) *Полибій* (206—124, по инымъ 202—121). Его «Всеобщая исторія» [4]), изъ которой до насъ дошла только небольшая часть

[1]) «Herodoti Historiarum libri IX, graece et latine. Argentorati et Parisiis, 1816. *Miot*. Histoire d'Hérodote, suivie de la vie d'Homère. Nouvelle traduction. 3 vol. Paris. 1821—1822. *Letronne*. Notice sur la traduction d'Hérodote de M. Miot etc. Paris. 1823.

[2]) «Histoire de la guerre du Péloponnése par Thucydide, fils d'Olorus». См. «Oeuvres complètes de Thucydide et de Xénophon avec notices biographiques» par J. A. C. *Buchon*. Paris. 1836.

[3]) См. тамъ же: а) «L'Anabase», б) «Les Hélléniques»; в) «La Cyropédie» и г) «L'Hipparchique ou du commandement de la cavalerie» и т. д.

[4]) См. «*Polybii* historiarum libri», 1590 г. «*Полибіевой* военной исторіи томъ перьвой». Съ франц. на рус. яз. перев. акад. наукъ ассесоромъ Сер. *Волчковымъ*. Спб. 1756. *Folard*. «Histoire de Polybe», trad. du grec par Thuillier. Avec 1 commentaire. 7 vol. Amsterdam. 1774.

(5 книгъ), представляетъ весьма цѣнный источникъ по исторіи военнаго искусства и военной исторіи древнихъ народовъ, главнымъ образомъ римлянъ.

5) *Діодоръ Сицилійскій* (въ I вѣкѣ до Р. X.). Въ своей «Всеобщей исторіи» (или «Исторической Библіотекѣ») [1]) онъ сообщаетъ свѣдѣнія о военномъ бытѣ, о военномъ искусствѣ и о войнахъ римлянъ и другихъ народовъ не только своего времени, но и вообще древнихъ вѣковъ.

6) *Діонисій Галикарнасскій* (въ I вѣкѣ до Р. X.). Въ своей «Римской археологіи» [2]) онъ сообщаетъ свѣдѣнія по военной исторіи древнихъ временъ, главнымъ образомъ римской.

7) *Кай Юлій Цезарь* (100—44 до Р. X.). Его «Комментаріи о галльской войнѣ» [3]) хотя и представляютъ апологію, написанную съ цѣлью наглядно показать римскому народу, что онъ сдѣлалъ, но, тѣмъ не менѣе, являются первоклассньмъ источникомъ при изученіи военнаго быта и военнаго искусства римлянъ въ его время. Въ самомъ началѣ читатель находитъ обзоръ театра войны (новость для того времени, если не считать Катона). Цезарь мотивируетъ свои дѣйствія и излагаетъ ихъ кратко, ясно, отчетливо и съ полною энергіею. Эта энергія, смѣлость, дѣятельность проходятъ черезъ весь его трудъ. Каковъ полководецъ, таково и сочиненіе; каковъ человѣкъ, таковъ и писатель. Имѣются и недостатки: искаженіе нѣкоторыхъ фактовъ, умаленіе значенія невыгодныхъ обстоятельствъ, сведеніе чуть ли не на нѣтъ элемента случайностей и т. п. Тѣмъ не менѣе, по этому сочиненію могутъ многому научиться и современные военные люди, особенно будущіе начальники и офицеры генеральнаго штаба. Съ этой точки зрѣнія не лишены значенія и послѣднія книги его сочиненія, посвященныя описанію гражданской войны [4]), не-

---

[1]) См. *Diodore de Sicile* (trad. en français par *Terrasson*). «Histoire universelle». 7 vol. 1737. *Diodoros Siculus.* «Historische Bibliothek» Ausg. v. Dindorf. Leipzig. 1868. Deutsch v. Wahrmund. Stuttgar. 1869.

[2]) *Dionysios von Halikarnassos.* 20 Bücher röm. Geschichte... (Vollst. nur die ersten 9... das 10 und 11 grossentheils, die andern in Bruchstüken erhalten). Ausg. v. Kiessling. Leipzig 1860—1870. Deutsch v. Schaller und Christian, Stuttg. 1827—1850.

[3]) См. «*C. Julii Caesaris commentarii de bello gallico*». Съ географ. указ. и примѣч. Сост. *Ц. Н.* Изд. 2-е. Спб. 1876. Тамъ же и «*C. Jul. Cesaris commentarii de bello civili*». См. также «*Précis* des guerres de César», écrit par M. *Marchand*, à l'ile S-te Héléne sous la dictée de l'Empereur (Napoleon). Bruxelles . Paris. 1836. *Turpin de Crissé.* «Commentaires de César». 3 vol. Amsterdam. 1787.

[4]) Эти книги, равно какъ и 8-я книга сочиненія о галльской войнѣ, составлены легатомъ Цезаря Гирціемъ Пaнзой по его письмамъ и запискамъ.

смотря на то, что здѣсь политикъ сказывается въ Цезарѣ еще въ большей степени, чѣмъ въ предыдущихъ книгахъ.

8) *Саллюстій* (86—36, по инымъ 35 г. до Р. Х.), авторъ «Югуртинской войны» [1]), является замѣчательнымъ художникомъ, изображая военныхъ людей, марши и контръ-марши, сраженія, осады, штурмы, засады и партизанскія дѣйствія. Народы и отдѣльныя лица изображены весьма живо. Саллюстій отлично знаетъ театръ военныхъ дѣйствій и отлично его описываетъ. Описанія сраженій отличаются картинностью.

9) *Титъ Ливій* (59 г. до Р. Х.—19, по инымъ 16 г. по Р. Х.). Его «Римская исторія» (или исторія народа римскаго) [2]) заключаетъ въ себѣ описаніе и военныхъ событій, но требуетъ критическаго къ себѣ отношенія.

10) *Корнелій Непотъ* (въ I вѣкѣ до Р. Х.), авторъ «Жизнеописаній знаменитыхъ полководцевъ» [3]), отлично изображаетъ ихъ характеры, но, къ сожалѣнію, важныхъ свѣдѣній у него не очень много.

11) *Квинтъ Курцій* (въ I вѣкѣ по Р Х.). Его «Исторія Александра Великаго» [4]) требуетъ критическаго къ себѣ отношенія въ весьма высокой степени.

12) *Іосифъ Флавій* (27—95 г. по Р. Х.), іудейскій военачальникъ и историкъ, оставилъ исторію возстанія и войны іудеевъ противъ римлянъ.

13) *Светоній* (70—121) составилъ подробныя «Жизнеописанія» римскихъ императоровъ [5]) въ коихъ имѣются свѣдѣнія не только военнаго характера вообще, но и касающіяся военнаго управленія въ частности.

14) *Тацитъ Корнелій* (54—130). Его «Анналы» (лѣтописи) и особенно его «Исторіи» [6]) представляютъ прекрасный источникъ въ дѣлѣ изученія развитія военнаго искусства у римлянъ, германцевъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

15) *Плутархъ* (50—140). Изъ его сочиненій вниманія военныхъ людей заслуживаютъ сравнительныя «Жизнеописанія» знаме-

---

[1]) См. *Salluste*. «Oeuvres», trad. nouvelle par *Dureau de Lamalle*. 2-e édit. Paris. 1811.

[2]) См. *Tite-Live*. (trad. par *Dureau de Lamalle et Noël*). «Histoire Romaine». 17 vol. 2-e éd. Paris. 1824.

[3]) См. *Cornelius Nepos*. De excellentibus viris in usum locupletissimum notis perpetuis admodum Minelii. Lipsiae. 1733.

[4]) См. *Quinte Curce*. а) «De la vie et des actions d'Aléxandre le Grand», trad. de M. de Vaugelas. Paris 1655 и б) «Histoire d'Aléxandre le Grand». Paris 1789.

[5]) *Suétone*. (trad. par *La Harpe*) «Les douze Césars». 2 vol. Paris. 1770.

[6]) См. *Tacite*, trad. par *Dureau de Lamalle*. 6 vol. 3-e édit. Paris 1818.

нитыхъ мужей Греціи и Рима [1]), въ коихъ имѣются цѣнныя данныя, касающіяся не только характеристики, но и дѣятельности полководцевъ древняго міра.

16) *Фронтинъ* (въ I и въ началѣ II вѣка), полководецъ при императорѣ Веспасіанѣ. Его сочиненіе «О стратагемахъ» (военныхъ хитростяхъ) [2]) заключаетъ въ себѣ не только свѣдѣнія о военныхъ правахъ и обычаяхъ древнихъ народовъ и примѣры военной хитрости, но и практическія правила для дѣйствій въ различныхъ случаяхъ на войнѣ; при этомъ распоряженія и дѣйствія описаны ясно и понятно.

17) *Аппіанъ* (въ концѣ I и во II вѣкѣ). Его «Римская исторія» [3]) компилятивнаго характера требуетъ критическаго къ себѣ отношенія въ высокой степени.

18) *Арріанъ* (во II вѣкѣ). Его «Походъ Александра въ Персію и Индію» (съ «дополненіями») [4]) представляетъ лучшій источникъ при изслѣдованіи всей вообще военной дѣятельности Александра Великаго. Не лишены полезнаго значенія и другіе его труды: а) «Походъ (самого Арріана) противъ алановъ»; б) два сочиненія по тактикѣ [5]), и в) описаніе путешествія, совершеннаго по берегамъ Понта Эвксинскаго по повелѣнію императора Адріана.

19) *Поліенъ* (101—180). Его сочиненіе «О стратагемахъ и военныхъ хитростяхъ» [6]) заключаетъ въ себѣ примѣры изъ различныхъ войнъ и походовъ, но безъ надлежащей системы и разборчивости, и должно быть поставлено ниже сочиненія Фронтина.

20—22) *Діонъ Кассій* (II и III вѣка), *Густинъ* (II или III вѣка) и *Элліанъ* (III вѣка) [7]) Труды ихъ имѣютъ второстепенное значеніе.

23) *Амміанъ Марцеллинъ* (въ IV вѣкѣ). Его «Регесты» [8]) представляютъ римскую исторію (отъ Нервы), изложенную довольно безпристрастно и не лишенную интереса для военныхъ людей.

---

[1]) См. *Plutarque.* (trad. par *Ricard*). «Les vies des hommes illustres». 2 vol. Paris 1836. Тоже, 9 томовъ, 1829.

[2]) «*Frontini.* Stratagematicon», 1675. *Joly de Maizeroy.* «Traité des stratagémes permis à la guerre ou remarques sur Polyen et Frontin». Metz. 1765.

[3]) *Appian.* Taktika. Amstelodami, 1683.

[4]) *Arrian.* Les guerres d'Aléxandre»... De la traduction de *Perrot.* Paris. 1664.

[5]) *Arriani* tactica et Mauricii artis militaris libri Graece duodecim... primus edit. Versione Latina Notisque illustrat *J. Schaefferus.* Upsalae. 1644.

[6]) *Polyaeni* Stratagematum. Berolini 1756. См. также *Joly de Maizeroy.* вып. 2.

[7]) *Robortello.* Aeliani de militaribus. Venetiis 1552. *Aeliani*, et Leonis Imp., Tactica. 1613.

[8]) «Res gestae» (совершившіяся или совершенныя дѣла или событія).

24) *Флавій Вегецій Ренатъ* (въ концѣ IV вѣка) пріобрѣлъ громкую извѣстность своимъ сочиненіемъ «О военномъ дѣлѣ» [1]), которое представляетъ извлеченіе изъ сочиненій нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ему по времени писателей, а также изъ военныхъ учрежденій императоровъ Августа, Траяна и Адріана. Къ сожалѣнію, онъ не пользовался такимъ капитальнымъ источникомъ и пособіемъ, какимъ нельзя не признать сочиненіе Цезаря. Сверхъ того, онъ не умѣлъ различать разныя эпохи существованія римскихъ войскъ и смѣшивалъ учрежденія римскія съ греческими. За то онъ первый и единственный изъ древнихъ писателей изслѣдовалъ и изложилъ систематически *всѣ* отрасли военнаго дѣла. Сочиненіе его даетъ достаточно полное и ясное понятіе объ исторіи развитія военнаго искусства у римлянъ, заключая въ себѣ въ то же время правила, совѣты и указанія, касающіеся искусства веденія войны и вообще военнаго искусства во всемъ его объемѣ. Это сочиненіе заслуживаетъ особеннаго вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ военныхъ людей.

25) *Оносандръ* [2]). Его сочиненіе «Стратегиконъ логонъ» [3]) (т. е. «Наука полководца») не содержитъ въ себѣ военно-историческихъ примѣровъ, но исключительно одни только догматическія положенія, почерпнутыя, впрочемъ, изъ лучшихъ источниковъ. Въ этомъ сочиненіи имѣется не мало указаній, касающихся дѣятельности вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ, но слѣдуетъ помнить, что Оносандръ жилъ во времена упадка военнаго искусства у римлянъ.

Сочиненія выше поименованныхъ древнихъ писателей находятся въ тѣсной преемственной связи съ трудами восточно-римскихъ и греческихъ или византійскихъ писателей.

26) *Прокопій Кесарійскій* (въ VI вѣкѣ). Изъ сочиненій его особеннаго вниманія военныхъ людей заслуживаетъ «Исторія войнъ римлянъ съ персами, вандалами и готами» [4]).

27) *Императоръ Маврикій* (582—602). Его «Военное искусство» («Стратегикумъ») [5]) представляетъ трактатъ о военномъ искус-

---

[1]) *Vegetius.* «De re militari». 1644. Idem. 1633. Vegetius Renatus et alii criptores Antiqui de Re militari. Versaliae. 1670. *Turpin de Crissé.* «Commentaires sur les institutions militaires de Vegèce. 2 vol. 2 édit. Paris, 1783. [2]) Точныхъ свѣдѣній о времени, въ которое онъ жилъ, не имѣется: по однимъ въ I вѣкѣ (не вѣроятно), а по другимъ въ III и не позже V вѣка. [3]) *Rigaltius.* «Onosandri Strategicus». 1600. *Zur-Lauben.* «Onosandri Strategicus». Norimbergae. [4]) Прокопій былъ очевидцемъ описанныхъ имъ войнъ. См. *Дестунисъ.* «Прокопія Кесарійскаго исторія войнъ римлянъ съ персами, вандалами и готѳами». Спб., 1876, 1880 и 1891. [5]) Arriani tactica et *Mauricii* artis militaris libri duodecim.... Graece primus edit. Versione Latina Notisque illustrat. *Joannes Schafferus.* Upsalae. 1664.

ствѣ, составленный имъ на основаніи теоретическаго изученія военнаго дѣла и личной практики по начальствованію надъ мелкими и крупными единицами въ мирное и цѣлыми арміями въ военное время. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ все то, что, по мнѣнію автора, было необходимо знать и умѣть примѣнять какъ полководцу, такъ и младшимъ начальникамъ, а равно и вспомогательнымъ органамъ полководца и старшихъ начальниковъ вообще. Особеннаго вниманія заслуживаютъ указанія, касающіяся сбора свѣдѣній о противникѣ, приказаній и т. п. Не ограничиваясь теоретическими положеніями, совѣтами и правилами, Маврикій подробно поясняетъ, какъ слѣдуетъ примѣнять ихъ въ борьбѣ съ персами, скиоами, аварами, франками, лангобардами, славянами и т. д. Къ сожалѣнію, Маврикій почти вовсе не обратилъ на себя вниманія военныхъ писателей и изслѣдователей не только новыхъ вѣковъ, но и новѣйшаго времени, которымъ былъ гораздо болѣе извѣстенъ одинъ изъ его преемниковъ, Левъ Философъ.

28) *Императоръ Левъ VI Философъ* (886—911). Его трактатъ «О военныхъ учрежденіяхъ» [1]) представляетъ главнымъ образомъ компиляцію; основныя и притомъ наиболѣе замѣчательныя его мысли и положенія заимствованы по преимуществу отъ Вегеція, Оносандра и Маврикія; въ его же личныхъ положеніяхъ преобладаютъ стратегемы, доводимыя имъ до наибольшей степени развитія и значенія.

29) *Императоръ Константинъ VII Порфирогенетъ* (911—959), сынъ Льва VI, оставилъ нѣсколько сочиненій, изъ коихъ болѣе замѣчателенъ трактатъ «О военномъ управленіи», который, вмѣстѣ съ другими его трудами, служитъ для историковъ драгоцѣннымъ источникомъ при изученіи самой Византіи и тѣхъ народовъ, съ коими сталкивались византійцы.

Не останавливаясь на сочиненіяхъ остальныхъ византійскихъ, а равно и арабскихъ, персидскихъ и вообще мусульманскихъ писателей [2]), мы не останавливаемся и на ***средневѣковыхъ*** западно-европейскихъ хроникахъ, мемуарахъ и т. п. [3]). Отмѣтимъ только, что

---

[1]) *Leonis.* «Imperatoris de bellico apparatu liber». Basiliae. 1554. *Joly de Maiseroy.* «Institutions militaires de l'Empereur Léon le philosophe». 2 vol. Paris, 1771. [2]) Изъ мусульманскихъ писателей особенно замѣчателенъ Шерефъ-Эддинъ-Али, авторъ «Исторіи Тамерлана». См. *Cherefeddin Ali* (trad. du persan par *Petis de la Croix*). «Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du grand Tamerlan». 3 vol. Paris, 1722. О Тамерланѣ см. также *Иванинъ.* «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ при Чингизъ-Ханѣ и Тамерланѣ». Спб., 1875 [3]) См. *Petitot.* «Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis le règne de Philippe-Auguste, jusqu'au commencement du XVII siécle

крестовые походы оказали весьма важное косвенное вліяніе на развитіе военнаго дѣла, давъ толчокъ къ возникновенію въ этой области новыхъ идей и понятій. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія трудъ Марино Сануто.

30) *Марино Сануто*, венеціанецъ, современникъ конца крестовыхъ походовъ, написалъ (между 1306 и 1321 годами) сочиненіе подъ заглавіемъ: «Секретная книга о новомъ завоеваніи и сохраненіи Святой Земли». Трудъ этотъ не вызвалъ никакихъ практическихъ результатовъ, но замѣчателенъ въ виду способности автора къ широкому пониманію вопросовъ, относящихся къ сферѣ военнаго искусства [1]).

Къ концу среднихъ вѣковъ [2]) выработались новыя условія въ области государственныхъ и военныхъ отношеній, съ коими находились въ связи и соотвѣтственныя измѣненія въ военномъ устройствѣ. Съ этимъ временемъ совпадаетъ извѣстная *эпоха возрожденія*, во время которой древній классическій міръ сдѣлался предметомъ изученія и поклоненія. Вслѣдствіе этого, вліяніе идей древняго міра, касающихся военнаго искусства, отразилось на умахъ и понятіяхъ лучшихъ людей этой эпохи, причемъ многія здравыя мысли начали проникать въ сознаніе общества и даже переходить въ жизнь. Степень интенсивности этого вліянія лучше всего выясняется примѣромъ италіанца Маккіавелли.

31) *Маккіавелли* (1469—1527), человѣкъ не военный, написалъ замѣчательный трактатъ «Военное искусство», въ которомъ заключается не мало вѣрныхъ и дѣльныхъ мыслей и положеній, относящихся къ сферѣ стратегіи, тактики и военной администраціи [3]). Сочиненіе это, вмѣстѣ съ другимъ трудомъ того же автора «Государь», заслуживаетъ вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ военныхъ людей, особенно тѣхъ, кои такъ или иначе причастны къ дѣлу управ-

---

(только французскіе). Изъ нихъ болѣе замѣчательны: а) «Военныя хроники *Виллъардуэнъ*; б) трудъ *Жуэнвилля* о дѣяніяхъ Людовика Святого; в) «Хроники *Фруассара*, и г) «Мемуары» *Комина*.

[1]) См. *Пузыревскій*. «Исторія воен. иск. въ средніе вѣка», I, 183—185 и ссылка: *Стасюлевичъ*. «Исторія среднихъ вѣковъ въ ея изслѣдованіяхъ», т. III. [2]) Обзоръ военной литературы по среднимъ вѣкамъ изложенъ въ трудахъ кн. Н. С. *Голицына* и А. К. *Пузыревскаго*. Необходимо добавить: *Köhler*. «Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit von Mitte des 11 Jahrhunderts bis zu den Hussitenkriegen». 1886 etc. [3]) См. «*L'art de la guerre*» de Nicolas *Macchiavel*, citoyen et secretaire en Florence. Rouen. 1664. *Idem*. Amsterdam 1693. См. также *Кн. Голицынъ*. «Всеобщ. воен. ист. средн. временъ», III, 3—4. *Пузыревскій*. II, 88—92. Италіанскимъ изданіемъ (*Machiavelli*. «Libr. Dell'arte della guerra». Vinecia, 1554) мы не пользовались вовсе.

ленія войсками. Читатель можетъ сплошь и рядомъ не соглашаться съ авторомъ, но чтеніе будетъ вызывать его, чуть ли не на всякомъ шагу, на размышленія.

Въ началѣ *переходнаго періода новыхъ вѣковъ* (отъ начала новыхъ вѣковъ до 30-ти-лѣтней войны) появляется много сочиненій, вышедшихъ изъ подъ пера военныхъ людей, которые были поставлены (по тѣмъ или другимъ причинамъ) въ невозможность продолжать прежнюю дѣятельность съ мечемъ въ рукахъ; они описываютъ то, что дѣлали и видѣли, и откровенно высказываютъ то, что у нихъ на сердцѣ. Такихъ писателей появилось особенно много во Франціи.

32) *Блезъ де Монлюкъ* (1503—1577) является наилучшимъ представителемъ писателей этого разряда: онъ носилъ оружіе и сражался 55 лѣтъ, участвовалъ во всѣхъ войнахъ своего времени, въ пяти большихъ сраженіяхъ, 17-ти штурмахъ, 11-ти оборонахъ крѣпостей и 200 бояхъ и мелкихъ стычкахъ. Онъ прошелъ всѣ чины и званія, отъ простого лучника до маршала Франціи включительно. Послѣ 24-й раны онъ началъ писать свои «Комментаріи» [1]), о которыхъ говоритъ самъ: «Ce n'est pas un liure pour les gens de sçavoir, ils ont assez d'Historiens, mais bien pour un Soldat, Capitaine, et peut-estre qu'un Lieutenant de Roy y pourra trouver dequoy apprendre» [2]). Онъ учитъ любить свое дѣло до фанатизма, проникнуться «священнымъ огнемъ», держать въ повиновеніи подчиненныхъ, вести различныя военныя предпріятія (главнымъ образомъ малой войны) и т. д. Учитъ онъ всему этому, разсказывая свои собственныя дѣйствія и давая правила и совѣты, основанные на продолжительномъ опытѣ; они то и придаютъ особую цѣнность этому труду, заслужившему названіе «солдатской библіи». Достаточно сказать, что онъ совѣтуетъ рѣшить задачу за непріятеля прежде, чѣмъ рѣшать свою собственную, указываетъ, какъ долженъ дѣйствовать комендантъ осажденной крѣпости (того времени), находитъ цѣлесообразнымъ давать чины и назначенія тѣмъ, кои выдержатъ экзаменъ «devant les docteurs de la guerre, qui sont les vieux Capitaines» [3]) и т. д. Изученіе труда Монлюка полезно для всѣхъ вообще военныхъ людей, особенно же для тѣхъ, кои причастны къ дѣлу управленія войсками.

33) *Король Генрихъ IV* (1589—1610). Заслуживаютъ вниманія

---

[1]) См. «*Commentaires* de Messire *Blaise de Montluc*, Mareschal de France». 4 vol. Paris, 1746. [2]) «Это книга не для ученыхъ людей, довольно съ нихъ историковъ, но для воина, для капитана (начальника отдѣльной части) и, пожалуй, намѣстникъ короля найдетъ въ ней кое-чему поучиться». См. «Commentaires», I, 4. [3]) «Въ присутствіи докторовъ войны, т. е. старыхъ капитановъ (вождей).

его письма, особенно тѣ, въ коихъ онъ описываетъ сраженія, излагаетъ отданныя имъ приказанія и т. д. [1]).

34) *Де-ла-Ну* (De la Noue), одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей гугенотовъ, погибъ при осадѣ Ламбалль въ 1591 году [2]). Свои «черновыя замѣтки» онъ писалъ въ плѣну (въ Лимбургѣ). Замѣтки эти были изданы однимъ изъ его друзей въ Базелѣ въ 1587 году подъ заглавіемъ: «Разсужденія политическія и военныя» [3]). Этотъ трудъ, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ разсужденія историческаго, политическаго, этическаго и военнаго характера. Онъ критикуетъ тогдашнее воспитаніе и образованіе молодыхъ дворянъ, совѣтуетъ устроить военныя школы или академіи (указывая при этомъ, какъ ихъ должно устроить и т. п.), предлагаетъ цѣлую програму подготовки офицеровъ, критикуетъ тогдашнее устройство французской милиціи, предлагаетъ проектъ ея реформы, предлагаетъ проектъ преобразованія кавалеріи, а въ отношеніи моральнаго элемента предъявляетъ еще болѣе строгія требованія, чѣмъ Монлюкъ. У него можетъ найти полезныя указанія, какъ начальникъ, такъ и офицеръ генеральнаго штаба [4]).

Въ числѣ нѣмецкихъ писателей переходнаго періода новыхъ вѣковъ также имѣются такіе, коихъ нельзя обойти [5]).

35) *Фронспергеръ* Леонгардъ, Ульмскій «патрицій», провіантмейстеръ [6]). Его сочиненіе «Книга о войнѣ» [7]) общеизвѣстно; имъ пользовались всѣ изслѣдователи нѣмецкой военной исторіи. Фронспергера не слѣдуетъ смѣшивать ни съ Георгомъ, ни съ Гаспаромъ Фрундсбергами [8]).

---

[1]) Въ ряду его современниковъ и сподвижниковъ, кромѣ Де-ла-Ну, обращаютъ на себя вниманіе *Агриппа д'Обинье, Сюлли и Бассомпіерръ*. «Мемуары» послѣдняго включены въ изданіе: *Petitot*. «Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis l'avénement de Henri IV, jusqu'à la paix de Paris, conclue en 1763». [2]) При одной изъ осадъ онъ былъ раненъ, послѣ чего лишился лѣвой руки, которая была замѣнена механическою; поэтому его и стали называть «*Желѣзная рука*». [3]) «Discours politiques et militaires». Basle, 1587. *Idem*, 1612 [4]) Мы не останавливаемся на прочихъ французскихъ писателяхъ этого періода, ибо это излишне увеличило бы объемъ настоящаго краткаго обзора. [5]) Подробный перечень сочиненій писателей нѣмецкихъ, италіанскихъ, испанскихъ и французскихъ этого періода см. въ сочиненіяхъ Макса *Іенса*, особенно въ его «*Handbuch* einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance». Leipzig, 1880. [6]) По *Мейнерту* онъ состоялъ въ императорской службѣ. См. «Geschichte der K. K. öester. Armee», II, 111. [7]) «*Kriegsbuch*» (съ очень пространнымъ поясненіемъ). Frankfurt a. M. 1571. Менѣе извѣстны другія его изданія: а) «*Kriegs-Ordnung* und Regiment sampt derselbigen Befehl Statt und Empter zu Rossz und Fusz». Francfurt a. M. 1564; б) «Von Kaiserlichen Kriegsrechten». Francfurt a. M. 1596. [8]) См. «*Historia* Herrn Georgen und Herrn Gasparn v. Frundsberg». Francfurt a. M. 1572.

36) Фонъ-*Швенди* Лазарь, имперскій полководецъ. Его сочиненіе «Разсужденіе (бесѣда) о войнѣ» [1]) менѣе извѣстно, чѣмъ трудъ Фронспергера, но все же заслуживаетъ вниманія, особенно въ отношеніи лучшаго уразумѣнія военнаго устройства габсбургской монархіи.

37) *Іоаннъ Нассаускій*, близкій родственникъ принца Морица Оранскаго, написалъ: «Разсужденіе о томъ, какъ подданные могутъ сами вести свою собственную оборону и дѣйствовать добровольно въ военныхъ случаяхъ» [2]). Трудъ этотъ относится къ 1595 году.

38) *Морицъ Ученый Гессенскій* написалъ «Инструкцію» [3]) и, въ видѣ поясненія, «Памятныя записки объ устройствѣ гессенскаго земскаго ополченія» [4]).

39) *Дилихъ*, авторъ весьма извѣстнаго сочиненія «Книга о военномъ дѣлѣ (о войнѣ) [5]) и нѣкоторыхъ другихъ трудовъ [6]).

40) *Валльгаузенъ* Іоганнъ Якобъ, «оберъ-вахтмейстеръ славнаго города Данцига», авторъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ коихъ болѣе извѣстны: «Пѣшее военное искусство» [7]) и «Конное военное искусство» [8]).

Нѣмецкая военная литература того времени находилась въ связи съ одной стороны съ италіанскою и особенно испанскою (вслѣдствіе династической связи между государствами), а съ другой стороны съ нидерландскою (вслѣдствіе связи сѣверо-западной Германіи съ Нидерландами и борьбы Испаніи съ тѣми же Нидерландами). Поэтому вслѣдъ за нѣмецкими писателями могутъ быть упомянуты писатели италіанскіе, испанскіе и нидерландскіе.

41) *Саворньяно*, продолжатель дѣла Маккіавелли, систематизировалъ его мысли и пытался перейти къ синтезу, что и выразилось въ его сочиненіи «Сухопутное и морское военное искусство» [9]), 1599 года.

---

[1]) «*Kriegsdiscurs*...« des Edlen... Herrn Lazarussen von Schwendi...» Francfurt a. M. 1593. [2]) «*Discurs*, wie die Unterthanen zu Kriegssachen und nothwendigen Defension ihrer selbst anzuführen und willig zu machen». О немъ говоритъ въ своемъ трудѣ *Дилихъ* (см. выноску 5). [3]) Относится къ 1600 году. [4]) «*Denkschrift* ueber die Einrichtung des hessischen Landausschusses». [5]) «*Kriegsbuch*». Cassel, 1608. [6]) «*Krieges Schule*». Frankfurt a. M. 1689. «*Kurtzer Unterricht* wie auf Unterschiedene Arten mann einen fürgegebenen Platz Fortificiren kann». Franckfurt, 1642. «*Bericht* von Festunge gebewen». Franckfurt a. M. 1640. [7]) «Kriegs. kunst zu Fusz». Oppenheim. 1615. [8]) «Kriegskunst zu Pferdt». Franckfurt a. M. 1616. Остальные его труды: а) «Kriegs-Manual». Franckfurt. 1616; б) «Ritterkunst». Franckfurt. 1616; в) «Franzosische Kriegs-Kunst». Hanaw. 1617; г) «Ausführliche Beschreibung und Rettung zu Siegen». Hanau. 1619; д) «Defensio Patriae oder Landrettung». Franckfurt. 1621; ж) «Künstliche Picquen-Handlung». 1619. [9]) См. *Savorgnanum* (aus italien. übersetzt durch *Neumayr*). «Kriegskunst zu

42) *Баста*, генералъ-коммисаръ кавалеріи въ арміи герцога Альбы, авторъ сочиненій «О генералъ-квартирмейстерѣ» и «Объ управленіи легкою кавалеріею» [1]). Въ этихъ сочиненіяхъ онъ останавливается на обязанностяхъ чиновъ, исполнявшихъ квартирмейстерскую службу и говоритъ о порядкѣ передачи приказаній, о расквартированіи войскъ и сборѣ ихъ по тревогѣ, о разрѣшеніи споровъ, о порядкѣ слѣдованія войскъ и обозовъ на походѣ, о развѣдкѣ и т. п. Эти сочиненія заслуживаютъ особеннаго вниманія офицеровъ генеральнаго штаба.

43) *Лондано* Санчо, одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ герцога Альбы, авторъ сочиненій о военной дисциплинѣ [2]).

44) *Лекуга* Кристоваль, авторъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Разсужденіе объ обязанностяхъ генералъ-квартирмейстера» [3]), относимаго къ 1592 году.

45) *Гондіусъ*, авторъ спеціальнаго руководства объ обязанностяхъ квартирмейстера [4]).

46) Въ концѣ переходнаго періода и въ 30-ти-лѣтнюю войну прославился французскій полководецъ герцогъ *Роганъ* (1579—1638). Генрихъ IV угадалъ въ немъ будущаго военнаго человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова и оказывалъ ему покровительство. Въ исторіи военнаго искусства онъ завоевалъ себѣ безсмертіе своимъ походомъ въ Вальтеллину 1635 года, представляющимъ примѣръ чрезвычайно искуснаго веденія операцій въ горной странѣ. Но еще ранѣе того (въ 1630 году) онъ написалъ сочиненіе: «Совершенный вождь или краткій очеркъ войны въ Галліи по комментаріямъ Цезаря, съ нѣкоторыми замѣчаніями» [5]). Въ I части этого труда авторъ

Land und Wasser». Franckfurt. 1618. Подлиннымъ сочиненіемъ «Arte militare terrestre e marittima» мы не пользовались.

[1]) а) «Il maestro di campo generale». Venezia. 1606. (Перевед. на нѣмецкій языкъ *де-Бри*. Франкфуртъ, 1617); б) «Il governo della cavaleria leggiera». Francoforte, 1612. Существуетъ и другое изданіе (въ Венеціи) того же года. Написано раньше 1612 года.

[2]) *Sancho de Londano*. а) «Espejo y disciplina militar». Brussellas, 1596; б) «Disciplina militar, en el que se trata del officio del sargento-majore». Brussellas, 1596.

[3]) «*Discurso* del Capitan Cristoual Lechuga en que trata del cargo del Maestro de Campo General, y da todo lo que de derecho le toca en el Exercito». Milan, 1603.

[4]) *Solemne* et *Hondius*. «La charge du mareschal des logis tant general que particulier, soit de toute une armée de cavallerie et d'infanterie en general, que d'une brigade et regiment de pied et à cheval». La Haye, 1632.

[5]) «*Le parfaict capitaine*, autrement l'abregé des guerres de Gaule des Commentaires de Cesar avec quelques remarques». Paris, 1643. Сочиненіе это сравнивали съ сочиненіемъ Маккіавелли, а затѣмъ о немъ позабыли.

даетъ краткое извлеченіе изъ сочиненія Цезаря съ болѣе пространными замѣчаніями весьма назидательнаго характера; во II части— изслѣдованіе армій древнихъ народовъ и особенно дисциплины и боевыхъ порядковъ грековъ и римлянъ; въ III—небольшой (основанный на опытѣ) трактатъ о войнѣ, съ размышленіями объ арміяхъ того времени. Роганъ отлично понялъ Цезаря, что дается не всякому. Книга его полезна для всякаго военнаго человѣка, относящагося сознательно къ своему дѣлу, а тѣмъ болѣе для офицера генеральнаго штаба.

47) Въ первой половинѣ XVII столѣтія шведскій король *Густавъ II Адольфъ* (1611—1632) выдѣляетъ изъ области исторіи военнаго искусства того времени блестящую эпоху, носящую названіе эпохи Густава-Адольфа. Естественно «Письма и мемуары» не только самаго короля, но и его министровъ и генераловъ [1]) являются драгоцѣннымъ источникомъ при изученіи дѣятельности этого великаго полководца, которая несомнѣнно заслуживаетъ тщательнаго изученія [2]). Дѣятельность его была весьма непродолжительна, а потому, не взирая на одержанные имъ успѣхи, Швеція не могла стать настолько высоко, чтобы вести за собою другія государства по пути развитія военнаго дѣла: первенство въ этомъ отношеніи переходитъ надолго къ Франціи, которая и дала большую часть писателей того времени.

Въ 30-ти-лѣтнюю войну дѣйствуютъ на военномъ поприщѣ многіе знаменитые военные люди, а въ ихъ числѣ Тюреннъ и Монтекукули; военная ихъ дѣятельность захватываетъ и часть вѣка Людовика XIV; оканчивая ее, они ведутъ операціи другъ противъ друга; они же оказываются и военными писателями.

48) *Тюреннъ* [3]). Генрихъ де-ла-Туръ-д'Овернь (1611—1675).

[1]) «*Lettres et mémoires* de Gustave Adolfe, de ses ministres et de ses généraux, sur les guerres des Suédois en Pologne et en Allemagne, depuis 1625 jusqu'en 1632». Paris, 1790.

[2]) См. *Pufendorf*. «Commentariorum de Rebus Suecicis libri XXVI ab expeditione Gustavi Adolfi Regis in Germaniam ad abdicationem usque Christinae». Francofurti, 1705. *Нѣмецкое изданіе* того же труда вышло въ свѣтъ во Франкфуртѣ же въ 1733 г. *Grimoard*. «Histoire des conquêtes de Gustave-Adolfe Roi de Suède en Allemagne...» 3 vol. Neuchatel, 1789. Сверхъ того см. «Theatrum Europaeum», о которомъ говоритъ г. *В. Борисовъ* въ статьѣ «Суворовъ передъ судомъ Наполеона» («Варшавскій военный журналъ», 1900 г., № 5, стр. 481).

[3]) Мы пишемъ «Тюреннъ», а не «Тюрень», какъ большею частью принято въ нашей военной печати, на томъ основаніи, что французы пишутъ «Turenne», а не иначе, да и произносятъ соотвѣтственно тому, какъ пишутъ.

генералъ-маршалъ [1]) Людовика XIV. Въ своихъ «Мемуарахъ» [2]) онъ описываетъ походы въ Германіи 1643—1648 гг., гражданскія войны до 1653 года и войны противъ испанцевъ до 1658 года. Трудъ этотъ отличается ясностью и простотою; авторъ излагаетъ лишь сущность дѣла [3]). Разборъ этого труда написанъ Наполеономъ I, который, сверхъ того, описалъ его походы 1644—1675 гг. и добавилъ къ этому описанію критическія замѣчанія, сравненія и выводы. Въ трудѣ Тюренна заключается много данныхъ, могущихъ содѣйствовать уразумѣнію сущности военнаго искусства [4]).

49) *Монтекукули* Раймундъ (1608—1680), императорскій генералиссимусъ, австрійскій фельдмаршалъ, президентъ гофкригсрата. Почти непрерывная боевая дѣятельность съ 1627 до 1675 года не помѣшала ему работать усердно на военно-научномъ поприщѣ и написать нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, отличающихся необыкновенною ясностью и систематичностью изложенія. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ: «Трактатъ о военномъ искусствѣ» и «Мемуары о войнахъ въ Турціи и Венгріи». Далѣе слѣдуютъ: «Комментаріи военные съ опредѣленіемъ системы военнаго искусства« и «Мемуары о войнѣ съ наставленіемъ для генерала» [5]). Идеи Монтекукули не оставались безъ выраженія въ его походахъ, а потому наилучшій критеріумъ для оцѣнки его идей можно найти въ операціяхъ Тюренна противъ того же Монтекукули [6]).

Невозможно въ краткомъ обзорѣ перечислить всѣ достойные изученія труды [9]) хотя бы однихъ только французскихъ писателей,

---

[1]) «Maréchal-général des armées».

[2]) «Mémoires de Turenne», изданіе крайне рѣдкое. Можно пользоваться слѣдующими трудами: а) ***Zanthier.*** «Feldzüge des Vicomte Türenne». Leipzieg, 1779; б) ***Beaurain.*** «Histoire des quatre dernières campagnes du maréchal de Turenne en 1672, 1673, 1674 et 1675». 2 vol. Paris, 1782 и т. д.

[3]) Это вполнѣ гармонируетъ съ его словесными наставленіями, въ коихъ онъ всегда и всюду рекомендовалъ своимъ подчиненнымъ «здравый смыслъ».

[4]) Изучая дѣятельность Тюренна, полезно изучить и дѣятельность принца *Конде.*

[5]) Сочиненія его выдержали нѣсколько изданій и переведены на разные языки. См. *Montecuccoli.* «Memorie». Colonia, 1704. *Montecuculi.* «Mémoires», avec les commentaires de Turpin de Crissé». 3 vol. Amsterdam, 1770. *Idem.* 1756 и т. д. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться изданіемъ *Гросси* «Opere di Raimondo Montecuccoli».

[6]) См. нашъ трудъ «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка», II, 153—156 и 124—128 и *Пузыревскій.* «Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго», 176—180.

[9]) Къ вѣку Людовика XIV приходится отнести сочиненіе: *Guignard.* «*L'école de Mars*, ou Memoires instructifs sur toutes les parties qui composent le corps

занимавшихся изслѣдованіемъ дѣятельности французскихъ же полководцевъ и вообще замѣчательныхъ французскихъ военныхъ людей вѣка Людовика XIV, какъ принцъ *Конде* [1]), маршалы *Люксамбургъ*, *Катина*, *Вандомъ* и т. д. [2]). Мы останавливаемся, главнымъ образомъ, на тѣхъ военныхъ людяхъ, кои являются и замѣчательными писателями.

50) *Вобанъ* (1633 — 1707), маршалъ Франціи, произвелъ цѣлый переворотъ въ инженерномъ искусствѣ и далъ перевѣсъ атакѣ надъ обороною. Изъ трудовъ его заслуживаютъ вниманія: а) «Мемуаръ—инструкція для веденія осадъ», и б) «Мои досуги» [3]).

51 и 52) *Бервикъ* и *Вильяръ*, полководцы Людовика XIV, жили въ одну и ту же эпоху, участвовали въ однихъ и тѣхъ же походахъ и даже бояхъ, описывали эти же походы и бои, но въ трудахъ ихъ, вмѣсто сходства, нельзя не усмотрѣть большое различіе.

Бервикъ (1670 — 1734), англичанинъ по рожденію, былъ воспитанъ во Франціи, которая и сдѣлалась для него настоящею родиною; *Вильяръ* (1653 — 1734) — настоящій, типичный французъ. Происхожденіе отражается на ихъ сочиненіяхъ. Бервикъ холоденъ, серьезенъ, сосредоточенъ, остороженъ, любитель обороны. «Мемуары» [4]) его соотвѣтственно методичны [5]), составлены умно, написаны серьезно и холодно. Вильяръ не отличался скромностью, былъ честолюбивъ, стремился къ славѣ и т. п. И въ своихъ «Мемуарахъ» [6])

---

militaire en France, avec leur origines et les différentes manoeuvres, auxquelles elles sont employées». Paris 1725. 2 vol. Значеніе этого сочиненія выясняетъ г. *В. Борисовъ* («Варш. воен. журн.», 1900 г., № 2, стр. 105 и 106). То ли это пособіе, которое Суворовъ называлъ «регулярство—курсъ Марсовъ?» Вопросъ интересный—поставленъ, но еще не рѣшенъ.

[1]) См. «*Mémoires* pour servir à l'histoire de Louis de Bourbon, prince de Condé». Cologne 1693 и др. Сочиненіемъ *Carlet-de-la Rozière*. «Campagne de Louis prince de Condé, en Flandre, en 1674» (Paris, 1765) мы пользоваться не могли. О немъ говоритъ г. В. Борисовъ («Варш. воен. журн.», 1900 г., № 1, стр. 4) со ссылкою на кн. Голицына. Есть и новыя сочиненія, посвященныя исторіи принцевъ Конде.

[2]) См. *Mémoires* pour servir à l'histoire du maréchal Duc de Luxembourg». La Haye 1758. «*Mémoires* et correspondances du maréchal de Catinat». 3 vol. Paris 1819 и т. д.

[3]) «*Mémoires* pour servir d'instruction sur la conduite des sièges». «*Oisivetés* de M. de Vauban, ou Ramas de plusieurs Mémoires de sa façon sur différents sujets». «Oeuvres». 2 vol. Amsterdam 1771. «Oeuvres militaires». 3 vol. Paris, 1796 (réun. par le General de la Four-Foissac).

[4]) «*Mémoires* du maréchal Berwick, écrits par lui-même». 2 vol. 2 éd. Paris, 1780. Есть и новое изданіе 1872 г. («Bibliothèque de l'armée française»).

[5]) Въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому слову Наполеонъ I. [6]) «*Mémoires* du Duc de Villars, pair de France, maréchal-général». 3 vol. La Haye 1736.

онъ выставляетъ себя съ хорошей стороны. Онъ былъ весьма дѣятеленъ, предпріимчивъ, смѣлъ, энергиченъ, велъ операціи рѣшительно и постоянно твердилъ, что чрезмѣрная осторожность губитъ все и что съ французами нужно наступать. Таковъ же онъ и въ своихъ мемуарахъ и письмахъ. Замѣчателенъ также его «Трактатъ о полевой войнѣ» [1]). Историки (большею частью) пренебрегали его трудами, но безъ достаточнаго къ тому основанія [2]).

Паралельное изученіе операцій Бервика и Вильяра и ихъ сочиненій не только вводитъ читателя въ эпоху, но и даетъ ему цѣнныя указанія и разъясненія въ отношеніи управленія войсками.

53) ***Принцъ Евгеній Савойскій*** (1663—1736) былъ воспитанъ во Франціи, но поступилъ на службу въ армію императора; здѣсь онъ прославился самъ и прославилъ эту армію; Наполеонъ I причисляетъ его къ великимъ полководцамъ. Подлинность его «Мемуаровъ» [3]) подвергается сомнѣнію, но изслѣдователь его операцій можетъ воспользоваться его письмами, помѣщенными въ капитальномъ сочиненіи австрійскаго генеральнаго штаба о его походахъ [4]); офицерамъ же генеральнаго штаба полезно изучить сверхъ того его приказы (напримѣръ, диспозицію передъ Туринскимъ сраженіемъ 1706 года) и т. п. [5]).

54) ***Маркизъ-де-Фекіеръ*** (1648—1711), генералъ-лейтенантъ, впалъ въ немилость у короля вслѣдствіе рѣзкой критики дѣйствій нѣкоторыхъ генераловъ, авторъ извѣстныхъ «Мемуаровъ» [6]), отличающихся ясностью, точностью и блестящимъ изложеніемъ. Замѣчательно также его военно-географическое и топографическое описаніе Піемонта. Изслѣдователи развитія военнаго искусства не

---

[1]) «Traité de la guerre de campagne». Хранится въ рукописи въ «Національной библіотекѣ» въ Парижѣ.

[2]) Вильяръ первый изъ маршаловъ Франціи былъ членомъ академіи.

[3]) *Eugène de Savoye.* «Mémoires écrits par lui même. Paris, 1811. *Idem*, Weimar, 1810.

[4]) «*Feldzüge* des Prinzen Eugen von Savoyen nach den Feldacten und anderen authentischen Quellen herausgegeben». Abtheilung für Kriegsgeschichte des K. K. Kriegs-Archives. Wien, 1875 etc. Сверхъ того см. «Histoire du prince François Eugène de Savoye». 5 vol. Vienne 1741 (у г. В. Борисова: *Idem*, Amsterdam, 1740) и др.

[5]) Достойна изученія и дѣятельность англійскаго полководца ***Мальборо.*** См. «Histoire de Jean Churchill, duc de Marlborough». 3 vol. Paris, 1808 (у г. В. Борисова: *Idem*, 1806).

[6]) *Feuquière.* «Mémoires de M. le marquis de Feuquière, lieut.-gén. des armées du Roy; contenant ses maximes sur la guerre, et l'application des exemples aux maximes. 4 vol. 5-e édit. Londres, 1775. 1-е изданіе вышло въ свѣтъ въ 1701 г. въ Амстердамѣ.

должны проходить мимо Фекьера, который если и былъ не вполнѣ справедливъ по отношенію къ тѣмъ, кого критиковалъ, то все же не заслужилъ той несправедливости, которую проявили по отношенію къ нему многіе позднѣйшіе писатели [1]).

55) ***Маркизъ де-Пюисегюръ*** (1655—1743), генералъ-квартирмейстеръ, позже маршалъ Франціи. Въ своемъ трудѣ «Военное искусство» [2]) онъ съ величайшею энергіею возстаетъ противъ предразсудковъ и злоупотребленій того времени, полагаетъ, что большая часть того, чему обучали войска, непримѣнимо на дѣлѣ и выясняетъ, что практика и опытность сами по себѣ еще недостаточны въ военномъ дѣлѣ, что сверхъ того необходимы теорія и предварительныя знанія и что основанія военнаго искусства остаются одни и тѣ же во всѣ времена исторіи.

56) ***Фоларъ*** (1669—1752) участвовалъ во многихъ походахъ и бояхъ, но прославился въ литературѣ и въ исторіи развитія военнаго искусства, особенно тактики, какъ первый выдающійся представитель національной французской школы, которая отдавала предпочтеніе глубокому боевому порядку и ставила на первый планъ не огонь, но ***ударъ***. Идеи эти онъ провелъ въ своемъ сочиненіи: «Новыя открытія о войнѣ» [3]). Сверхъ того заслуживаетъ вниманія обработанная имъ «Исторія Полибія» (съ комментаріями) [4]), въ которой разсмотрѣны (сравнительно) тактика грековъ и римлянъ, а затѣмъ тактика древнихъ и современная самому Фолару.

57) ***Морицъ Саксонскій*** (1696—1750), нѣмецъ по происхожденію [5]), маршалъ Франціи, который, по мнѣнію Фридриха Великаго, могъ бы быть профессоромъ всѣхъ генераловъ (полководцевъ) Европы [6]). Его сочиненіе «Мои мечтанія» [7]) достаточно извѣстно, а по-

---

[1]) Такимъ образомъ, мы вносимъ поправку и въ сдѣланную нами ранѣе оцѣнку достоинствъ и недостатковъ труда Фекьера.

[2]) *Puységur.* а) «Art de la guerre, par principes et par régles». 2 vol. Paris. 1749. б) «Extraits de l'art de la guerre. Francfort». 1760. Не слѣдуетъ смѣшивать съ «***Mémoires de Messire de Chastenet, chevalier seigneur de Puysegur, lieut. géneral sous les régnes de Louis XIII et de Louis XIV». 2 vol. Paris. 1747.*** [3]) «Nouvelles decouvertes sur la guerre, dans une dissertation sur Polybe». 2 édit. Bruxelles. 1724. [4]) «Histoire de Polybe, trad. du grec par Thuillier». Avec un commentaire. 7 vol. Amsterdam. 1774. [5]) Сынъ курфюрста саксонскаго, позже польскаго короля Августа II. Изъ нѣмецкихъ писателей того времени заслуживаетъ вниманія ***Кевенгюллеръ***, сочиненіе коего «О военномъ дѣлѣ» переведено на польскій языкъ ***С. Бродовскимъ*** (см. ниже). [6]) См. «Переписка Фридерика Великаго... съ Г. Вольтеромъ...», т. II, стр. 103 (письмо изъ Санъ-Суси отъ 15-го іюня 1749 г.). [7]) «***Mes rêveries***». Ouvrage posth. de Maurice comte de Saxe... Augmenté d'une histoire abrégèe... par M. l'abbé ***Perau*** A. Amsterdam et Leipzig. 1757. Существуютъ и другія изданія и не только на французскомъ языкѣ.

тому о немъ можно не распространяться, отмѣтивъ лишь, что за полвѣка до Наполеона I, авторъ его доказывалъ и отстаивалъ необходимость введенія общеобязательной воинской повинности, необходимость быстроты дѣйствій, важное значеніе штыка для пѣхоты, значеніе для нея же колоннъ, необходимость введенія мѣрнаго шага, безцѣльность стрѣльбы съ коня, необходимость имѣть кавалерію, атакующую на карьерѣ съ сохраненіемъ сомкнутости, и т. д., а болѣе всего важное значеніе *моральнаго* элемента. Сочиненіе это заслуживаетъ вниманія всѣхъ военныхъ людей безъ исключенія [1]).

58) *Мальебоа* (1682—1762), маршалъ Франціи. По мнѣнію Піеррона [2]) планъ кампаніи 1796 года былъ заимствованъ Бонапартомъ у Мальебоа, который участвовалъ въ войнахъ за испанское и австрійское наслѣдства и, во время послѣдней войны, стоялъ во главѣ французской арміи и велъ операціи въ Сѣверной Италіи въ 1745 и 1746 гг. [3]) Бонапартъ, передъ походомъ 1796 года, требовалъ для себя изъ «генеральнаго военнаго и географическаго депо» различныя сочиненія, въ ряду коихъ на первомъ планѣ поставилъ «Мемуары Мальебоа» [4]). Этимъ однимъ уже опредѣляется значеніе этихъ «Мемуаровъ», хотя бы даже генералъ Піерронъ былъ и не вполнѣ правъ въ своихъ предположеніяхъ и объясненіяхъ [5]).

59) *Белль-Иль*, маршалъ Франціи, написалъ «Инструкцію объ обязанностяхъ военнаго начальника» [6]), представляющую весьма полезное руководство, какъ для молодыхъ офицеровъ, такъ и для всѣхъ причастныхъ къ дѣлу управленія войсками.

59) *Король Фридрихъ II Великій* (1712—1740—1786) далъ на практикѣ первоклассные образцы военнаго искусства и выдѣлилъ изъ нея эпоху, получившую названіе «эпохи Фридриха Великаго».

---

[1]) Сверхъ вышеуказанныхъ, существуютъ еще изданія: ***Maurice de Saxe.*** «Mémoires sur l'infanterie ou traité des legions»... La Haye 1753. О Морицѣ Саксонскомъ и о предыдущихъ писателяхъ, начиная съ Фекьера, см. ***Пузыревскій***, 319—340, а также нашъ «Краткій курсъ ист. воен. иск.», т. II, стр. 156—164.

[2]) См. ***Pierron.*** «Comment s'est formé le génie militaire de Napoleon I» (Journal des sciences militaires», 1888, t. XXXII, p. 161 et suiv.). [3]) Объ этихъ походахъ см. ***Pezay.*** «Histoire des campagnes de M. le Marèchal de Maillebois en Italie, pendant les années 1745 et 1746. 3 vol. Paris 1775. [4]) «Mémoires de Maillebois», aves l'atlas. См. рапортъ генерала Калонъ, директора военнаго и гражданскаго депо военному министру 12 вантоза IV года (ссылка въ выноскѣ 1). [5]) См. отвѣтъ г. ***Кс.*** генералу Піеррону (Journal des sc. milit., 1889, XXXIV, 209—228). Піерронъ поясняетъ, что Бонапартъ изучалъ тогда же операціи и другихъ полководцевъ на этомъ же театрѣ военныхъ дѣйствій. [6]) «Instruction sur les devoirs du chef militaire», наставленіе сыну полковнику графу де-Жизоръ, убитому впослѣдствіи въ сраженіи при Крефельдѣ въ 1758 году. Белль-Иль началъ службу при Людовикѣ XIV, но прославился при Людовикѣ XV, во время войнъ за польское и австрійское наслѣдство; былъ и военнымъ министромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ себя и какъ писатель, причемъ писалъ по-французски, считая тогдашній нѣмецкій языкъ грубымъ и непріятнымъ для другихъ народовъ [1]). Само собою разумѣется, въ авторѣ сказывается первоклассный политикъ, господствующій надъ первоклассныъ стратегомъ. Тѣмъ не менѣе, военная часть его твореній удовлетворяетъ въ достаточной степени условію достовѣрности [2]). Изъ его трудовъ достойны изученія всѣми военными людьми тѣ, въ коихъ онъ описываетъ веденныя имъ войны, и въ особенности тѣ, въ коихъ онъ говоритъ о подготовкѣ къ войнѣ и бою, какъ напримѣръ «Военное завѣщаніе» [3]), различныя «инструкціи» [4]) и нѣкоторые другіе труды [5]). Въ его эпохѣ и въ его дѣятельности должно отыскивать начало подготовки Пруссіи къ тѣмъ блестящимъ успѣхамъ, которые были ею одержаны во второй половинѣ XIX столѣтія, а потому съ трудовъ этого величайшаго представителя дома Гогенцоллерновъ [6]) и должно начинать изученіе исторіи развитія прусской военной системы вообще и прусскаго генеральнаго штаба въ особенности. Это понято и нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, обрабатывающимъ и издающимъ изслѣдованія и описанія его походовъ и т. п. [7]). Эти капитальные труды заслуживаютъ тщательнаго изученія, равно какъ и изданія австрійскаго генеральнаго штаба, посвященныя войнамъ этой же эпохи [8]).

60 и 61). Въ эпоху Фридриха Великаго теорія военнаго искусства

---

[1]) Фридрихъ писалъ и по-нѣмецки, но главнымъ образомъ тогда, когда это было необходимо. [2]) Въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримѣръ, сочиненія прусскаго генеральнаго штаба о войнахъ 1866 и 1870—1871 гг. [3]) Включено въ изданіе: «Miscellaneen zur Geschichte Friedr. d. Grossen». Berlin 1878 (съ комментаріями компетентныхъ прусскихъ писателей). Въ послѣднее время переведено на русскій языкъ В. З. Май-Маевскимъ. [4]) «*Секретная* инструкція». *Инструкція* кавалеріи 1744 г. («Диспозиція, какъ дѣйствовать въ бою кавалерійскимъ офицерамъ, а именно генераламъ и эскадроннымъ командирамъ»). *Дополнительная инструкція* «генералъ-маіорамъ кавалеріи» 1748 года и т. д. («Instructions militaires»). [5]) Такія главы имѣются и въ историческихъ его трудахъ. [6]) а) «Anti-Machiavel». б) «Mémoires de la Maison de Brandebourg». в) «Histoire de mon temps». г) «Histoire de la guerre de sept ans». д) «Mémoires sur la guerre de 1763 à 1775, sur ce qui c'est passé en Europe de 1774 à 1778, et sur la guerre de 1778»... См. *Frédéric-le Grand.* «Oeuvres publiées du vivant de l'auteur, Berlin. «*Oeuvres posthumes*», Berlin 1788. «*Oeuvres historiques*». Nouvelle édition. Leipzig. Paris. 1830. «*Oeuvres de Frédéric le Grand*». Berlin. MDCCCLVI. R. Decker. Есть и другія изданія. Часть ихъ переведена на русскій языкъ. См. «*Оставшіяся творенія* Фридриха II короля Прусскаго». Спб. 1790 г. шесть томовъ. Также и часть его переписки. Вся же политическая переписка см. Politische Correspondenz Friedr. des Grossen». Berlin. 1879 etc. [7]) *Gross. Generalstab.* Gesch. d. Siebenjähr. Krieges, Berlin. 1836. *Idem.* Die Kriege Friedr. d. Grossen. 1890 etc. [8]) «Oesterreichischer Erbfolgekrieg 1740—1748». Wien 1896 etc.

дѣлаетъ большой шагъ впередъ, что наглядно выражается появленіемъ такихъ писателей, какъ итальянецъ маркизъ *Сильва* [1]) и особенно англичанинъ *Ллойдъ* (1729—1783), изъ коихъ первый признавалъ необходимымъ синтетическое объединеніе выводовъ изъ отдѣльнаго изученія элементовъ военнаго дѣла (для изслѣдованія военныхъ операцій), а второй намѣтилъ вѣхи для научной разработки стратегіи и очертилъ ея предѣлы.

Ллойдъ не ограничилъ стратегіи разборомъ одной какой-либо стороны военнаго дѣла, одного какого-либо элемента, но широкою рукою намѣтилъ все къ ней относящееся. Онъ обратилъ полное вниманіе на анализъ важнѣйшаго изъ элементовъ на войнѣ, элемента *моральнаго* и вошелъ въ разборъ политическаго начала, насколько оно соприкосновенно съ военнымъ дѣломъ. Онъ первый установилъ ясное понятіе объ операціонной линіи [2]). Хотя онъ и характеризовалъ стратегію преимущественно съ точки зрѣнія современной ему обстановки, но и не впалъ въ односторонность, въ (ложный) систематизмъ [3]). Сущность его тактическаго ученія сводится къ слѣдующему: уважайте штыкъ, смотрите на огонь, какъ на подготовку; стрѣляйте тамъ, гдѣ двигаться нельзя; ходите хорошо, не останавливайтесь на полдорогѣ и завершайте бой рѣшительнымъ ударомъ [4]). Онъ не давалъ себѣ труда тщательно обрабатывать и развивать высказываемыя имъ мысли, но набрасывалъ ихъ художественною рукою, вызывая читателя на самостоятельный трудъ, заставляя его болѣе мыслить, чѣмъ читать. Это и оттолкнуло отъ него массу, но не оттолкнуло такихъ изслѣдователей, какъ прусскій генералъ Темпельгофъ [5]), извѣстный писатель Жомини [6]) и самъ Наполеонъ I. Они изучали весьма тщательно его «Мемуары политическіе и военные» [7]); Напо-

---

[1]) Офицеръ сардинскаго генеральнаго штаба. См. *Silva*. «Pensées sur la tactique et la stratégique ou vrais principes de la science militaire». Turin 1778. [2]) Мы знаемъ, что этотъ терминъ многимъ не нравится, но пока безъ него обойтись нельзя. [3]) Поэтому сильно заблуждаются тѣ, кои причисляютъ его къ «систематикамъ», а тѣмъ болѣе къ «узкимъ теоретикамъ». Критикамъ его слѣдуетъ призадуматься надъ его обширною боевою практикою: а) въ австрійской арміи въ сраженіи при Фонтенуа, а затѣмъ въ первыхъ походахъ семилѣтней войны; б) въ прусской арміи—въ послѣднихъ походахъ той же войны; в) въ русской арміи—въ русско-турецкой войнѣ, при чемъ онъ отличился подъ Силистріею въ 1774 году. Императрица предполагала даже ввѣрить ему корпусъ въ 30,000 чел., назначаемый въ Финляндію, но предположеніе это не осуществилось вслѣдствіе заключенія мира съ Швеціею. [4]) И это было въ то время, когда во всей Западной Европѣ вопросы эти получали обратныя рѣшенія. [5]) Темпельгофъ и написалъ послѣдніе томы «Исторіи семилѣтней войны», начало которой (два тома) написано Ллойдомъ. [6]) Жомини не мало пользовался трудомъ Ллойда при разработкѣ своего «Трактата о большихъ военныхъ операціяхъ». [7]) «Mémoires militaires et politiques etc». Paris. 1801.

леонъ же сверхъ того изучалъ его «Мемуаръ о вторженіи въ Великобританію» [1]) въ то время, когда самъ задумалъ произвести высадку на территоріи своего опаснѣйшаго врага. Ллойдъ оставилъ сверхъ того и другіе труды историческаго и тактическаго характера [2]), заслуживающіе вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ военныхъ людей [3]).

Не перечисляя всѣхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ писателей эпохи Фридриха Великаго, а равно и непосредственно слѣдующей за нею эпохи «подражанія прусскимъ образцамъ», остановимся лишь на тѣхъ, труды коихъ имѣютъ болѣе или менѣе выдающееся общее значеніе.

63) *Принцъ-де-Линь* (1735—1814), австрійскій фельдмаршалъ [4]). Онъ оставилъ 32 тома своихъ сочиненій [5]), изъ коихъ для военныхъ людей особенно интересны: «Военныя фантазіи» и «Военные предразсудки». Читатель найдетъ въ нихъ какъ свѣдѣнія о техникѣ военнаго дѣла, такъ и совѣты молодымъ воинамъ и разсужденія о нравственности, чести, дисциплинѣ и т. п. Въ авторѣ сказывается воинъ, проницательный наблюдатель и аристократъ. Онъ пишетъ, какъ бы бесѣдуетъ, легко и умно, но нерѣдко безъ особенной глубины.

64) *Гиберъ* (1743—1790), другъ Вольтера и поклонникъ Фридриха Великаго, пріобрѣлъ громкую извѣстность во всей Европѣ, былъ помощникомъ двухъ военныхъ министровъ и душою реформъ, производившихся во Франціи незадолго до революціи. Лучшее изъ его военныхъ сочиненій: «Опытъ общаго изслѣдованія тактики» [6]) Онъ требовалъ производства большихъ маневровъ въ мирное время, устройства учебныхъ лагерей, постоянной организаціи арміи, устройства военнаго совѣта и т. д. Онъ горячо отстаивалъ всѣ фридрихов-

---

[1]) «Mémoire politique et militaire sur l'invasion et la défense de la Grande Bretagne. Trad. de l'anglais, par S. Imbert. Limoges 1801. [2]) а) «Introduction à l'histoire de la guerre en Allemagne». б) «Mémoire sur la défense des côtes. в) «Philosophie de la guerre» и т. д. См. *Lloyd.* «The history of the late war in Germany. *Roux-Fazillac* (trad). Histoire de la guerre d'Allemagne en 1756—1757. Paris. 1801—1803. *Lloyd-Tempelhof.* «Geschichte des 7—j. Krieges in Deutschland». Berlin. 1796 etc. [3]) У насъ въ Россіи идеи и дѣятельность Ллойда нашли себѣ прекрасную оцѣнку въ соотвѣтственныхъ трудахъ генерала *Леера.* [4]) Служилъ и въ Россіи, во вторую Турецкую войну Императрицы Екатерины II. [5]) Напечатаны не всѣ его труды (въ силу его же распоряженія). См. «Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires», изданіе 1795 года и сверхъ того: «Mémoires et mélanges historiques et littéraires». 5 vol. Paris, 1827—1829. «Lettres et pensées du maréchal, prince de Ligne», publiées par Madame de Stael-Holstein. Paris, 1809. «Fantaisies militaires», 1876. «Prejugés militaires», 1876. Объ изданіяхъ XIX вѣка см. у г. *В. Борисова*, который отмѣтилъ также значеніе изданнаго принцемъ каталога его библіотеки («Варшавск. воен. журналъ», 1900 г. № 2, стр. 111 и слѣдующія). [6]) «Essai général de tactique», 1770

скіе порядки, въ томъ числѣ и линейный боевой порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и тонкій строй боевыхъ линій этого порядка. Эти идеи проведены имъ въ «Защитѣ системы новѣйшей войны» [1]), представляющей отвѣтъ послѣдователямъ Фолара, которые отстаивали глубокій строй и глубокій боевой порядокъ [2]).

65) *Де-Мениль-Дюранъ* въ своихъ сочиненіяхъ явился противникомъ Гибера и старался выяснить вредъ, происходящій вслѣдствіе преувеличенія значенія огнестрѣльнаго оружія, тонкаго строя и т. п., вмѣсто которыхъ выдвигалъ колонны, дѣйствіе холоднымъ оружіемъ и т. д.

Если обѣ стороны увлекались и въ своихъ положеніяхъ заходили слишкомъ далеко, то все же послѣдователи Фолара были ближе къ истинѣ, что и выяснилось во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ.

Изъ писателей революціонной эпохи должны быть упомянуты: Марсо, Жуберъ и Дюмурье.

66) *Марсо* (1769—1796), талантливый французскій генералъ. На 24-мъ году отъ роду онъ уже былъ бригаднымъ генераломъ и вскорѣ былъ поставленъ во главѣ «западныхъ» армій, но затѣмъ былъ смѣщенъ и командовалъ дивизіею въ арміи Клебера. Въ 1796 г. отличился въ арміи Журдана, 19-го сентября раненъ и черезъ 2 дня умеръ. Заслуживаютъ вниманія его *рапорты* и *письма* [3]).

67) *Жуберъ* (1769—1799) «по храбрости своей былъ настоящій гренадеръ, а по знанію дѣла и военнымъ способностямъ отличный генералъ»—такъ аттестовалъ его Бонапартъ, подъ начальствомъ котораго онъ отличился въ 1796 и 1797 гг. Въ 1798 и 1799 гг. онъ командовалъ арміею и былъ разбитъ Суворовымъ при Нови, причемъ погибъ и самъ 4-го августа 1799 года. Достойна изученія его *переписка* [4]).

68) *Дюмурье* (1739—1823), также талантливый французскій генералъ. Во время войны русскихъ съ польскими конфедератами онъ командовалъ нѣкоторое время послѣдними и былъ разбитъ Суворовымъ при Ланцкронѣ. Въ 1792 году, командуя сѣверною арміею, онъ одержалъ побѣды при Вальми и Жемаппѣ и занялъ Бельгію, по

[1]) «Défense du système de guerre moderne». [2]) Извѣстны и другіе его труды. Начатая имъ «Исторія военнаго устройства Франціи» не окончена. Его изслѣдованіе о маршалѣ Катина одобрено академіею. Фридрихъ Великій совѣтовалъ своимъ офицерамъ изучать сочиненія Гибера, Вашингтонъ ставилъ его высоко и даже Наполеонъ оцѣнилъ то, что у него было хорошо. [3]) Г. *Мазъ*, собравъ ихъ изъ разныхъ архивовъ, издалъ въ 1889 г. [4]) См. *Chevrier*. «Le général Joubert. Etude historique. Paris, 1884.

въ 1793 году потерпѣлъ пораженіе при Неервинденѣ. Разладъ съ конвентомъ и его представителями вынудилъ Дюмурье бѣжать изъ арміи въ Германію, гдѣ онъ и окончилъ свою жизнь въ крайней бѣдности, живя доходами съ изданныхъ имъ сочиненій. Изъ этихъ сочиненій особенно интересны его «Мемуары» [1]), въ которыхъ заключаются весьма цѣнныя данныя относительно тѣхъ кампаній, въ коихъ автору приходилось направлять операціи при крайне затруднительныхъ условіяхъ, когда вся военная система Франціи была разстроена, а правительство не облегчало, но затрудняло и парализовало дѣятельность главнокомандующаго. Дюмурье не только умѣло велъ операціи, но и показалъ на опытѣ новые пріемы, особенно въ отношеніи искуснаго рѣшенія вопросовъ административныхъ и искуснаго же согласованія этого ихъ рѣшенія съ требованіями обстановки въ широкомъ смыслѣ. Изученіе сочиненій Дюмурье облегчаетъ уразумѣніе многаго, что еще до сихъ поръ остается запутаннымъ и не разъясненнымъ.

69) *Императоръ Наполеонъ I* (1769 — 1804 — 1815—1821), великій полководецъ, повелитель Франціи и континентальной западной Европы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первоклассным политическимъ и военнымъ мыслителемъ, и выдающимся политическимъ и военнымъ писателемъ [2]). Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе его «Мемуары» [3]), которые онъ диктовалъ генераламъ Гурго и Монтолону, а затѣмъ просматривалъ ихъ и исправлялъ, заботясь, конечно, о томъ, чтобы представить себя потомству съ самой лучшей стороны. Подобно Цезарю и Фридриху Великому, онъ самъ себя прямо не хвалитъ, но приводитъ читателя къ сознанію необходимости воздать ему хвалу. Въ мемуарахъ, посвященныхъ кампаніямъ въ Италіи и въ Египтѣ, онъ не приступаетъ прямо къ описанію событій, но предпосылаетъ таковому описанію замѣчательные военно-географическіе обзоры театровъ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, представляющій однако (по мнѣнію автора) не матеріалъ для будущихъ историковъ, но готовую исторію, которую авторъ желаетъ имъ навязать. Каковъ человѣкъ, таковъ и стиль! Нельзя лучше доказать справедливость этой поговорки, чѣмъ доказываетъ ее Напо-

---

[1]) «*Mémoires* et correspondance inédits du général Dumouriez». 2 vol. Paris, 1834. [2]) Его литературное творчество выходитъ и за эти рамки: онъ писалъ (въ юности) даже романы, не говоря уже о «Разсужденіи о самоубійствѣ» и т. п. [3]) Mémoires *sur les campagnes d'Italie d'Egypte et de Syrie*, sur *l'Ile d'Elbe* et les *Cent Jours*, sur le *13 Vendémiaire*, sur la *Campagne de 1815*. «*Mémorial*», recueil des entretiens de l'Empereur avec le Comte de Las Cases (Mémorial de Sainte-Helène. 2 Vol. Paris 1842. *Idem*, 8 vol. Paris 1823—1824).

леонъ. У него всегда и всюду «imperatoria brevitas» (императорская краткость)! Не даромъ же онъ написалъ «Очеркъ войнъ Цезаря» [1]), перваго изъ римскихъ писателей по сжатости слога. Онъ произвелъ разборъ дѣйствій и другихъ «великихъ полководцевъ» и если въ этихъ разборахъ встрѣчаются спорныя положенія и даже погрѣшности, то это объясняется недостаточностью матеріаловъ, коими пользовался авторъ. Въ его историческихъ трудахъ, конечно, въ авторѣ сказывается политикъ, но съ этимъ читатель легко примиряется въ виду замѣчательнаго искусства и умѣнья автора обрисовать вполнѣ рельефно и разъяснить то, что онъ желаетъ разъяснить [2]). Въ его письмахъ читатель находитъ цѣлую исторію и видитъ, какъ генералъ быстро превращается въ главу государства, который «все знаетъ, до всего хочетъ дойти и можетъ сдѣлать все, что угодно». Если на дѣлѣ оказалось, что онъ не могъ сдѣлать всего, чего хотѣлъ и къ чему стремился, и даже потерпѣлъ крушеніе, то все же эта характеристика даетъ понятіе о томъ, какимъ онъ представлялся современникамъ. Вполнѣ объективной его исторіи еще не имѣется, ибо обаяніе его имени съ одной стороны и ненависть къ нему съ другой (въ связи съ незнаніемъ) мѣшали ея появленію. Намъ, военнымъ людямъ, приходится изучать всю его дѣятельность вообще и военную въ особенности, не ожидая появленія подобной исторіи. Во время кампаніи 1813 г. онъ выразилъ намѣреніе написать трактатъ о военномъ дѣлѣ, въ которомъ обѣщалъ изложить основы военнаго искусства съ такою ясностью, чтобы сдѣлать ихъ понятными для всѣхъ. Этого намѣренія онъ не исполнилъ, но все же его идеи и мысли заключаются въ его трудахъ и въ его многотомной «Корреспонденціи» [3]), представляющихъ драгоцѣннѣйшій источникъ и драгоцѣннѣйшее пособіе при изученіи военнаго дѣла для всѣхъ начальниковъ и офицеровъ генеральнаго штаба, скажемъ даже для всѣхъ офицеровъ [4]).

От Западной Европы естественно перейти къ тѣмъ славянамъ,

---

[1]) «Précis des guerres de César». [2]) Можно прочитать 20 сочиненій, описывающихъ государственный переворотъ 18-го Брюмера, и только по прочтеніи разсказа самого Наполеона дѣло это становится вполнѣ яснымъ. [3]) См. «*Correspondance de Napoléon I-er*, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris. Henri Plon et J. Dumaine. 1858 etc. Въ томахъ I—XXVIII помѣщены письма Наполеона, а въ томахъ XXIX—XXXII его труды («Oeuvres de Napoléon 1-er à Sainte—Helène). Объ этомъ изданіи подробно сказано въ ст. *В. Борисова* (Варш. воен. журн., 1899 г., № 4, 267—280), который находитъ необходимымъ перевести эту переписку на русскій языкъ, чему мы вполнѣ сочувствуемъ. [4]) Труды сподвижниковъ и современниковъ Наполеона I относятся уже ко II части настоящаго труда и будутъ разсмотрѣны въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

кои рано вошли съ нею въ тѣсное общеніе или сдѣлались, или были близки къ тому, чтобы сдѣлаться ея членами. Въ ряду этихъ славянъ первое мѣсто занимаютъ чехи, а за ними слѣдуютъ поляки.

Чехи, въ лицѣ гуситовъ, сыграли великую роль въ исторіи Европы: они выработали первый систематическій военный кодексъ, выяснили значеніе на войнѣ строгой дисциплины и высокаго развитія элемента моральнаго, представили поучительный образецъ правильной организаціи народныхъ массъ для вооруженной борьбы, примѣнили къ военнымъ цѣлямъ простѣйшія средства и, благодаря этому, одержали блестящіе успѣхи надъ врагами, дали замѣчательные образцы сочетанія наступательнаго и оборонительнаго способовъ дѣйствій и, наконецъ, по меньшей мѣрѣ, наравнѣ съ швейцарцами, возродили пѣхоту, чѣмъ провели рубежъ между средними и новыми вѣками съ военной точки зрѣнія. Въ виду этого, изученіе военнаго искусства гуситовъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ изученія западно-европейскаго военнаго искусства во всемъ его объемѣ.

1) *Гаекъ* изъ *Годетина*, подкоморникъ короля Вячеслава IV (1378—1419) возстановилъ и привелъ въ систему древнее чешское военное право и составилъ «военные артикулы» [1]), превосходившіе опредѣленностью большую часть европейскихъ уставовъ тѣхъ временъ.

2) *Іоаннъ Жижка*, знаменитый вождь гуситовъ, не знавшій пораженія, далъ своимъ соотечественникамъ «Воинскій уставъ» [2]), въ которомъ начала, установленныя Гаекомъ, получили самое широкое развитіе. Онъ установилъ среди подчинившагося ему вооруженнаго народа аскетическую суровость, твердый порядокъ и несокрушимую дисциплину, придавалъ величайшее значеніе моральной сторонѣ человѣка и сообразно съ этимъ организовалъ и подготовилъ къ войнѣ и бою свои народныя войска, придавъ имъ такую силу, какая была немыслима для армій феодальнаго типа. Поэтому всѣ его дѣянія и труды заслуживаютъ самаго тщательнаго изученія [3]).

---

[1]) «Neystarssj Ceské zrjzenj wojenske sepsanè na rozkaz Krâle Wáclawa od pana Hájka z Hodêtina». Рукопись найдена Палацкимъ въ пражскомъ архивѣ и напечатана въ изданіи: «Casopis Spolecnosti wlast. Museum w Cechàch», 1828. См. *Meynert*. «Geschichte des Kriegswesens... der oesterreichischen Monarchie etc. Geschichte der K. K. oesterreichischen Armee», I, 73—80. [2]) См. тамъ же, 81 и его же «Geschichte Oesterreichs», 651. См. также *Пузыревскій*. «Ист. воен. иск. въ средніе вѣка», II, стр. 220, выноска 22. [3]) См. «Записки научнаго общества» (въ Чехіи) 1790 года, т. I. *Meynert*, I, 80.

3) *Влчекъ изъ Ченова*, знаменитый чешскій вождь второй половины XV вѣка, даетъ понятіе о военномъ искусствѣ чеховъ послѣ Жижки въ своемъ «Наставленіи для устройства пѣхоты, конницы и обоза» [1]).

Съ теченіемъ времени Чехія попадаетъ подъ власть австрійскаго (габсбургскаго) дома и теряетъ свою самобытность, что въ связи съ торжествомъ католицизма надъ гуситскимъ движеніемъ и съ вторженіемъ нѣмецкаго элемента, приводитъ къ уничтоженію своеобразнаго національнаго военнаго устройства Чехіи, и только исторія отмѣчаетъ замѣчательныя положительныя стороны этого устройства и великое значеніе гуситовъ въ исторіи развитія военнаго искусства, какъ у славянъ, такъ и во всей Европѣ вообще.

Въ первой половинѣ XVII вѣка чехи пытались выйти на путь, указанный гуситами, силою оружія, но безуспѣшно. Въ XIX вѣкѣ, не порывая связи съ Римомъ и Австріею, они возрождаются духомъ, дѣлаютъ громадные успѣхи въ отношеніи просвѣщенія и культуры вообще, занимаютъ среди славянъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи и на нашихъ глазахъ ведутъ бой противъ гордыхъ своею культурою нѣмцевъ, къ тому же не безъ успѣха. При такихъ условіяхъ чешская историческая наука развивается весьма быстро, память о Гусѣ и о гуситахъ оживаетъ, появляются посвященныя имъ серьезныя изслѣдованія [2]).

Поляки, благодаря стеченію благопріятныхъ случайностей, добились гораздо лучшихъ (въ политическомъ отношеніи) условій и результатовъ, въ сравненіи съ чехами, но не выработали соотвѣтственнаго военнаго устройства и не проявили первокласснаго творчества въ области военной литературы, а что всего хуже, послѣ эпохи расцвѣта своего могущества, пошли въ этомъ отношеніи не впередъ, но назадъ. Первоисточниковъ имѣется много; многіе изъ нихъ переведены уже на польскій языкъ; работа эта продолжается и въ настоящее время; есть первоисточники и на польскомъ языкѣ; польская общеисторическая литература весьма богата и, не взирая на присущее ей отсутствіе надлежащей объективности и безпри-

[1]) Найдено Палацкимъ въ архивѣ и помѣщено въ изданіи «Casopis spolecnosti wlastenskeho Museum w Cechach», 1828, II, 2 (тетрадь). См. *Meynert*, I, 89—100. О результатахъ дѣятельности Гаека, Жижки и Влчека см. также ниже указанные труды Томана и Куффнера. [2]) Таковы напримѣръ труды Гугона *Томана:* «Husitske valecnictvi za doby Zizkovy a Prokopovy», 1898 и г. Гануша *Куффнера:* а) Bitva u Lipan 30 Kwetna 1434»; 1899; б) «Bitva u Lipan. Dalsi prispevky», 1900; в) «Dra Hugona Tomana «Valecnictwi husitske za doby Zizkovy a Prokopovy» a bitva u Lipan, 1898 и т. д.

страстія, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду таковыхъ же литературъ европейскихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе развитія военнаго искусства у поляковъ весьма затруднительно, такъ какъ хотя польскихъ военныхъ писателей и было не мало, но все же польская военная исторія почти вовсе не обработана, т. е. изслѣдователю приходится имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ массою военно-историческаго матеріала.

Не останавливаясь на средневѣковыхъ первоисточникахъ чисто лѣтописнаго характера (Мартинъ Галлъ, Длугошъ и др.), оцѣнка коихъ можетъ быть найдена въ соотвѣтственныхъ общеисторическихъ трудахъ [1]), мы не останавливаемся и на многочисленныхъ дневникахъ, мемуарахъ и т. п. трудахъ польскихъ писателей новыхъ вѣковъ [2]).

Въ концѣ минувшаго вѣка вышли въ свѣтъ изслѣдованія бывшаго капитана генеральнаго штаба, позже полковника *К. Гурскаго* подъ заглавіемъ «Исторія польской пѣхоты» и «Исторія польской конницы» [3]). Къ сожалѣнію, авторъ хотя и упоминаетъ о трудахъ тѣхъ писателей, которые представляютъ интересъ съ принятой нами точки зрѣнія, и даже приводитъ извлеченія изъ трудовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но не производитъ надлежащаго разбора всѣхъ источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался. По его мнѣнію, изъ печатныхъ источниковъ и пособій, посвященныхъ развитію военнаго искусства въ Польшѣ, важнѣйшими должно признать труды Тарновскаго, Ласкаго, Бѣльскаго, Флоріяна Зебржидовскаго, Папроцкаго и Старовольскаго. Онъ говоритъ даже, что Ласкій, Тарновскій, Зебржидовскій и Папроцкій не находятъ себѣ равныхъ въ Западной Европѣ того времени, за исключеніемъ одного лишь Маккіавелли. На нашъ взглядъ, это не обосновано, а потому мы нѣсколько видоизмѣняемъ перечень Гурскаго.

1) *Тарновскій Янъ* (1486—1561), великій коронный гетманъ, талантливый полководецъ, замѣчательный военный человѣкъ, соединявшій обширную военную практику съ отличнымъ знаніемъ теоріи военнаго дѣла, составлялъ, какъ и другіе гетманы, «Артикулы» и написалъ «Исторію» своего времени, «Совѣтъ по военному искус-

---

1) См. сочиненія польскихъ историковъ *Шуйскаго* и *Бобржинскаго*; трудъ послѣдняго переведенъ на русскій языкъ (подъ редакціею профессора Карѣева) подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи Польши». 2) Важнѣйшіе изъ нихъ указаны въ трудахъ, упомянутыхъ въ выноскѣ 1-й, другіе же могутъ быть найдены по каталогамъ лучшихъ книжныхъ магазиновъ, напримѣръ *Гебетнера* и *Вольфа* въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, № 15. 3) *K. Górski.* а) «Historya piechoty polskiej». Kraków. 1893. б) «Historya jazdy polskiej». Wydanie drugie. W Krakowie. 1895.

ству» и «Наставленіе для веденія военныхъ дѣйствій противъ турокъ» [1]). Тарновскаго мы и ставимъ во главѣ польскихъ писателей.

2) *Бѣльскій Мартынъ* написалъ «Дѣло рыцарское» («Sprawa rycerska» 1569). Его идеалы въ образцахъ древне-греческихъ и римскихъ, что отражается и на предлагаемыхъ имъ тактическихъ формахъ. Онъ сообщаетъ цѣнныя данныя о состояніи военнаго дѣла въ Польшѣ, Руси Московской, у татаръ, валаховъ и отчасти у турокъ [2]).

3) *Замойскій Янъ* (1542—1605), канцлеръ и великій гетманъ, достойный преемникъ Тарновскаго и другъ короля Стефана Баторія, страстно любилъ науки и просвѣщеніе, основалъ въ своемъ городѣ Замосцѣ (Замостьѣ) академію, самъ руководилъ ея дѣятельностью и самъ написалъ нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ, посвященныхъ отчасти и военному искусству. Онъ написалъ также «Совѣтъ о военномъ дѣлѣ», являющійся какъ бы повтореніемъ подобнаго же труда Тарновскаго [3]).

4) *Жолкевскій* или *Жолковскій* [4]) *Станиславъ* (1547—1620), великій гетманъ, прошелъ военную школу подъ руководствомъ Замойскаго, въ 1610 году разбилъ русскую рать при Клушинѣ и осаждалъ Москву. Онъ же и написалъ исторію этой польско-русской войны до взятія Смоленска (до 1611 года) [5]). Заслуживаютъ также вниманія его письма [6]).

5) *Князь Христофоръ Радзивиллъ* (1589—1640), великій гетманъ литовскій, любитель просвѣщенія и покровитель ученыхъ, написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ; «Дѣла политическія и военныя 1621—1632 гг.» [7]).

6) *Старовольскій Шимонъ* (Симеонъ) написалъ: а) для папы

---

[1]) См. *Zegota Pauli.* «Zywoty hetmanów Królestwa Polskiego i wielkiego Księstwa Litewskiego». Lwów. Годъ на имѣющемся у насъ экземплярѣ не обозначенъ (вѣроятно 1849 или 1850). *Tarnowski.* «Consilium rationis bellicae». 1858. [2]) О другомъ Бѣльскомъ или Бильскомъ и о содержаніи его труда русскіе читатели найдутъ достаточныя свѣдѣнія въ сочиненіи *П. А. Кулиша* «Исторія возсоединенія Руси». Спб. 1874 г. У него же имѣются свѣдѣнія и о трудахъ Напроцкаго и другихъ польскихъ писателей. [3]) Zegota Pauli, стр. 51—54. О немъ говорятъ всѣ польскіе историки, касающіеся его эпохи. Сверхъ того, см. *Górski.* «Sztuka wojenna w Polsce za Zygmuntów», 4. [4]) Кулишъ полагаетъ, что онъ былъ русскій. См. *Кулишъ*, II, 131 (выноска) и др. стр. [5]) «Początek i progres wojny Moskiewskicj». Lwów. 1882. См. также русское изданіе этого труда *П. Муханова.* [6]) *Zólkiewskiego* Stanistawa listy 1584—1620. 1868. *Zólkiewskiego* pisma wyd. A. Bielowski. Wydanie 2. Lwów. 1876. Біографическія данныя см. *Zegota Pauli*, 55—57. [7]) «Sprawy wojenne i polityczne 1621—1632». Paryz 1859. Біографическія данныя см. *Zegota Pauli*, 201—203.

Урбана VIII на латинскомъ языкѣ сочиненіе «Польскій всадникъ» [1]) и б) трактатъ «о военныхъ учрежденіяхъ» [2]). Трудами его пользовались всѣ лучшіе польскіе историки.

7) *Князь Іосифъ-Александръ Яблоновскій* предпринялъ разработку описанія дѣятельности выдающихся польскихъ вождей; въ свѣтъ вышла лишь часть этого труда, подъ заглавіемъ: «Двѣнадцать польскихъ вождей» [3]).

8) *Бродовскій Самуилъ*, военный аудиторъ, началъ службу въ польской арміи въ 1735 году и много работалъ, занимаясь изслѣдованіемъ вопросовъ тактическихъ и, особенно, военно-юридическихъ. До насъ дошли слѣдующіе его труды: а) переводъ сочиненія австрійскаго фельдмаршала *Кевенгюллера* «О военномъ искусствѣ» [4]) и б) «Польскій сводъ военныхъ постановленій» [5]). Онъ же продолжалъ дѣло Яблоновскаго, распространилъ его трудъ и довелъ его до 1754 года. Рукопись его труда [6]) была найдена въ архивѣ графа Л. Ржевускаго трудолюбивымъ изслѣдователемъ *Жегота Паули*, который выправилъ трудъ Бродовскаго въ отношеніи слога и чистоты языка, дополнилъ его добавленіемъ не только отдѣльныхъ фактовъ, но и свѣдѣній о состояніи военнаго искусства, о должности гетмана и о послѣднихъ гетманахъ (послѣ 1754 года) и окончательно подготовилъ этотъ трудъ къ печати въ 1842 году подъ заглавіемъ: «Жизнеописанія гетмановъ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго по матеріаламъ Самуила Бродовскаго» [7]). Этотъ трудъ, являющійся цѣннымъ справочнымъ пособіемъ и заключающій въ себѣ и нѣкоторыя цѣнныя же данныя относительно состоянія военнаго искусства въ Польшѣ [8]), повидимому, менѣе извѣстенъ изслѣдователямъ этого искусства, чѣмъ можно было бы ожидать.

9) *Карлъ фонъ-Грисгеймъ*, нѣмецъ, служившій въ литовской кавалеріи въ чинѣ полковника, представилъ въ 1789 году королю

---

[1]) «Eques Polonus». Venetiis 1628. [2]) *Starovolsci.* «Institutorum Rei Militaris liber». Cracoviae 1639. *Idem* «Rei Militaris liber». Florentiae 1646. [3]) «Dodecas ducum Martis Poloniae». См. *Zegota Pauli* 2. [4]) *Brodowski.* «Ars militaris, tojest krótkie zebranie wszelakich operacyj wojennych, tak polu, jak i w fortecach praktykowanych»... Z niemieckiego ęzyka... przetlumaczona... Przedrukowana w Krakowie, 1750. [5]) «*Corpus* juris militaris polonicum, w którym się znajdują artykuły wojenne hetmańskie autoritate sejmu walnego r. 1609... approbowane».. (479+79 str.) Wydał r. 1753 w Elblągu... Kr. Bog. Nikolai. См. *Zegota Pauli*, 3—4. [6]) Подъ заглавіемъ: «Buława Sławna w obozie i w Senacie». Посвящена гетману Вацлаву Ржевускому (1705—1779), который и самъ извѣстенъ какъ писатель и поэтъ. См. *Zegota Pauli*, стр. 2 и 101. [7]) См. выноску 6-ю. [8]) Не находящіяся въ другихъ изданіяхъ, а только въ первоисточникахъ.

и сейму проектъ реорганизаціи вооруженныхъ силъ Польши [1]); въ которомъ подвергъ тогдашнее польское военное устройство вполнѣ умѣстной и основательной критикѣ и предложилъ усовершенствовать его, правда, имѣя въ виду прусскіе образцы, но все же безъ производства коренной ломки [2]); вообще предложенія Грисгейма заслуживали вниманія, но Польша не была въ силахъ ими воспользоваться такъ скоро, какъ это требовалось обстановкою.

Изъ писателей XIX вѣка, занимавшихся изслѣдованіемъ развитія военнаго искусства въ Польшѣ (съ Литвою и Западною Русью) мы отмѣтимъ Яроховскаго, Гурскаго и Коржона.

10) ***Яроховскій Казиміръ*** написалъ не мало историческихъ сочиненій, относящихся главнымъ образомъ къ царствованію Августа II, союзника Петра В., т. е. къ участію Польши въ сѣверной войнѣ, какъ, напримѣръ: а) «Бой при Понецѣ 9-го ноября 1704 г.; его канунъ и послѣдствія»; б) «Сраженіе подъ Калишемъ 29-го октября 1706 года»; в) «Осенній походъ Карла XII и Августа II 1704 года»; г) «Обложеніе Познани Паткулемъ, эпизодъ изъ кампаніи 1704 года» и т. д. Имѣются труды того же автора, относящіеся и къ другимъ эпохамъ, какъ, напримѣръ: а) «Великая Польша въ первую шведскую войну 1655—1657 гг.» и б) «Осада Гданска въ 1734 году» [3]). Оставляя въ сторонѣ симпатіи и антипатіи автора, нельзя не признать, что труды его заслуживаютъ вниманія и изученія.

11) ***Гурскій Константинъ*** [4]). Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ по исторіи польской пѣхоты и конницы, должно отмѣтить его

---

[1]) См. «Reflexions sur la nouvelle formation de l'armée de Pologne et principalement sur celle de la cavalerie». Par C. de G., ancien colonel et maître d'exercice de la cavallerie de Lithuanie. Varsovie, 1789. Сочиненіе это находится въ библіотекѣ главнаго штаба (по каталогу 14—5—18). При содѣйствіи главнаго же штаба издано наше извлеченіе изъ труда Грисгейма съ нашими же дополненіями и заключеніями подъ заглавіемъ: «Проектъ реорганизаціи польской арміи 1789 года Карла фонъ-Грисгейма, полковника литовской кавалеріи». Спб., 1894. [2]) Грисгеймъ хорошо изучилъ Польшу и ея армію и умѣло проектировалъ ея усовершенствованіе. Неизвѣстно только, играла ли роль политика въ его предложеніяхъ, когда онъ старательно выдвигалъ прусскіе образцы и почти ни слова не говорилъ о болѣе близкихъ полякамъ русскихъ образцахъ. [3]) *K. Jarochowski.* «Z czasów Saskich spraw wewnętrznych, polityki i wojny». Poznań, 1886. «Jesienna Kampania Karola XII i Augusta II z r. 1704...» Poznań, 1881. «Wielkopolska w czasie pierwszey wojny szwedzkiej ód roku 1655—1657». Wyd. 2-e. Poznań, 1884 и т. д. [4]) См. выше и сверхъ того *Глиноецкій.* «Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба». Спб., 1882. Списки (приложенія), на стр. 83 значится *Горскій* Константинъ, выпуска 1855 года.

статьи: а) «Сраженіе при Грюнвальдѣ 15-го іюля 1410 года» [1]; б) «Борьба за корону. Бой при Бычинѣ 24-го января 1588 года. Военно-историческое изслѣдованіе» [2], и в) «Военное искусство въ Польшѣ при короляхъ Сигизмундахъ» [3]. Въ послѣднемъ изъ этихъ трудовъ онъ даетъ краткій обзоръ польской военной литературы, въ которомъ, между прочимъ, производитъ оцѣнку сочиненій: а) Станислава *Ласкаго* «О военной готовности»; б) *Тарновскаго* «Совѣтъ по военному искусству» (см. выше); в) Флоріяна *Зебржидовскаго* «Артикулы» и г) Мартына *Бѣльскаго* (см. выше) [4]. Съ этою оцѣнкою мы не вполнѣ согласны, но, тѣмъ не менѣе, признаемъ всѣ вообще труды Гурскаго весьма цѣнными пособіями и отчасти источниками въ данномъ отношеніи.

12) *Коржонъ Ѳаддей* собственно не военный писатель. Его основной капитальный трудъ: «Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава-Августа (1764—1794)». Сочиненіе это представляетъ «историческія изслѣдованія съ точки зрѣнія экономической и административной» [5]. Онъ изслѣдовалъ экономическую жизнь и систему управленія въ Польшѣ въ избранную эпоху, правда, не безъ существенныхъ пробѣловъ [6], а что всего хуже, позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя подтасовки и т. п. дѣйствія при опредѣленіи состава населенія Рѣчи Посполитой въ ущербъ русскому и въ пользу польскаго элемента посредствомъ пропуска правильной этнографической классификаціи и искаженія классификаціи по вѣроисповѣданіямъ [7]. Тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ Коржона долженъ быть признанъ въ высшей степени цѣннымъ, такъ какъ онъ можетъ замѣнить первоисточники и въ особенности потому, что

---

[1]) «Bitwa pod Grunwaldem (dnia 15-go lipca 1410 r.)». Warszawa, 1888. Сравнить съ брошюрою *А. Будиловича*: «О значеніи въ славянской исторіи битвы подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ». Юрьевъ, 1898 г. [2]) «O Koronę. Bitwa pod Byczyną dnia 24 Stycznia 1588 roku. Studyum wojenno-historyczne». Warszawa, 1888. [3]) «Sztuka wojenna w Polsce za Zygmuntów». Warszawa, 1891. Этотъ, а равно и два предъидущихъ труда суть оттиски статей, помѣщенныхъ въ изданіи Biblioteka Warszawska». [4]) Здѣсь и Гурскій ставитъ Тарновскаго, какъ автора Consilium rationis bellicae», выше другихъ писателей. И мы противъ этого не возражаемъ, но только по отношенію къ Тарновскому и болѣе ни къ кому изъ названныхъ здѣсь же Гурскимъ писателей. [5]) *T. Korzon.* «Wewnętrzne dzieje Polski za Stanislawa Augusta (1764—1794». Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego. Kraków. Warszawa. 1897. Wyd. 2-e. 6 tomów. [6]) *Карѣевъ.* «Паденіе Польши», 371—372. [2]) См. «*Начало конца Польши*». «Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ Великой». Матеріалы, извлеченные изъ архивовъ А. К. Ильенко подъ нашею редакціею, съ нашими предисловіемъ и объяснительною запискою. Спб., 1898 г., стр. VIII—X.

заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія по военному устройству Польши и даже военно-историческія изслѣдованія, какъ, напримѣръ (особенно подробное) изслѣдованіе состоянія вооруженныхъ силъ Польши, въ связи съ ходомъ операцій, въ 3-ю польскую войну Императрицы Екатерины II 1794 года.

Замѣтимъ кстати, что цѣнныя свѣдѣнія о реорганизаціи вооруженныхъ силъ Польши въ эпоху реформъ передъ второю польскою войною Императрицы Екатерины II 1792 года заключаются въ капитальномъ трудѣ другого польскаго писателя, Валеріана *Калинка:* «4-хъ-лѣтній сеймъ» [1]). Главное достоинство этого труда, основаннаго на первоисточникахъ, опредѣляется тѣмъ, что авторъ, оставаясь горячимъ патріотомъ, видимо старается не искажать истины.

Труды дальнѣйшихъ польскихъ военныхъ писателей относятся уже къ эпохѣ Наполеона I и могутъ быть разсмотрѣны нами лишь впослѣдствіи.

Хорваты, сербы и болгары образовали было независимыя государства, достигавшія даже значительной степени могущества, но вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и безурядицъ и вообще вслѣдствіе неустойчивости и непрочности своего государственнаго и военнаго устройства, не могли устоять въ борьбѣ противъ хищныхъ сосѣдей. При этомъ хорваты и нѣкоторые другіе второстепенные славянскіе народы попали въ роковой и гибельный для нихъ водоворотъ, извѣстный въ исторіи въ видѣ системы случайно соединившихся государствъ, владѣній габсбургскаго дома. Сербы, 15-го іюня 1389 года, на Коссовомъ полѣ были разбиты турками и вскорѣ послѣ того подпали подъ ихъ владычество. Ихъ участь раздѣлили и болгары.

При такихъ условіяхъ, у этихъ юго-западныхъ и южныхъ славянскихъ народовъ о развитіи военной литературы не могло быть и рѣчи.

Въ XIX вѣкѣ и эти народы начинаютъ понемногу оживать; благодаря Россіи становятся вновь независимыми или почти независимыми отъ сильныхъ сосѣдей сербы [2]), а затѣмъ и болгары. Наука и литература возрождаются, и естественно исторія прежней средневѣковой Сербіи и средневѣковой Болгаріи привлекаютъ вниманіе изслѣдователей. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ бывшій про-

---

[1]) *Ks. Waleryan Kalinka.* «Sejm czteroletni». (Изданіе 4-е). W. Krakowie, 1895.

[2]) Черногорцы, отстоявшіе свою независимость въ самое тяжелое для южныхъ славянъ время, суть тѣ же сербы и составляютъ лишь небольшую часть сербскаго народа.

фессоръ Бѣлградской великой школы и сербскій министръ, г. Стоянъ *Новаковичъ* [1]). Не перечисляя всѣхъ его трудовъ, мы считаемъ долгомъ рекомендовать вниманію русскихъ военныхъ людей два его сочиненія: а) «Старое сербское войско», историческій эскизъ [2]), и б) «Бой на Коссовомъ полѣ 1389 года въ народныхъ пѣсняхъ» [3]).

Подробный обзоръ отечественной общей военной литературы по военному искусству завелъ бы насъ слишкомъ далеко и излишне увеличилъ бы объемъ настоящаго труда. Въ виду этихъ соображеній мы подобнаго обзора не производимъ, но рекомендуемъ изслѣдователямъ соотвѣтственныхъ вопросовъ обратиться къ трудамъ нашихъ писателей, пользующихся заслуженною извѣстностью. Изъ сочиненій писателей не военныхъ на первыхъ порахъ достаточно изучить «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ» *С. М. Соловьева* [4]), а изъ спеціальной военной литературы не могутъ быть обойдены главнымъ образомъ труды профессоровъ бывшей Императорской военной академіи, а нынѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба: гр. *Д. А. Милютина, А. П. Карцова*, кн. *Н. С. Голицына, М. И. Богдановича, Г. А. Леера, М. И. Драгомирова, Н. Н. Обручева, А. К. Пузыревскаго, П. К. Гудимъ-Левковича, Н. Н. Сухотина, Д. Ф. Масловскаго* и вышедшихъ изъ возникшей такимъ образомъ школы нынѣшнихъ представителей каѳедры исторіи военнаго искусства въ Россіи, продолжающихъ дѣло, начатое ихъ предшественниками [5]). Здѣсь мы перечислимъ такіе источники, которые не могутъ быть обойдены даже при условіи пользованія какими бы-то ни было капитальными трудами, имѣющимися въ нашей литературѣ.

1) *Полное собраніе* русскихъ лѣтописей (изданія археографической комисіи).

---

[1]) Нынѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ его величества короля сербскаго въ С.-Петербургѣ. [2]) «*Стара српска војска* историјске скице изъ дела «Народ и земла у старой српској државн» од Стојана *Новаковича*. У Београду 1893. [3]) «*Бој на Коссову годнне 1389* у народним песмама» Београд 1889. О развитіи военнаго дѣла у венгровъ см. *Meynert*, т. I, стр. 105—139 и т. д., а у турокъ въ вышеупомянутыхъ трудахъ кн. Н. С. *Голицына* и А. К. *Пузыревскаго;* судить же о развитіи военной литературы у тѣхъ и другихъ мы не беремся. [4]) Имѣется недорогое изданіе этого громаднаго труда (изданіе товарищества «Общественная Польза», Спб., Б. Подъяческая, № 39). [5]) Кн. ***Н. С. Голицынъ.*** а) Всеобщая военная исторія. б) Великіе полководцы исторіи. ***Д. А. Милютинъ.*** Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 г. и друг. ***А. П. Карцовъ.*** а) Военно-историческій очеркъ сѣверной войны. б) Военно-историческій очеркъ войны 1812 г. в) Военно-историческій очеркъ войны 1813 г. М. И. ***Богдановичъ***, Г. А. Лееръ и М. И. Дра-

2) *Слово* о полку Игоревѣ.

3) «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пехотныхъ людей» Царя Алексѣя Михайловича. Уставъ этотъ представляетъ сколокъ съ книги Вальгаузена (см. «Военный Сборникъ», 1902 г. № 1, стр. 61).

4) *Уставы* Петра Великаго [1]).

5) *Полное собраніе законовъ* Россійской имперіи (1-е, обнимающее узаконенія съ 1649 г. по 12 декабря 1825 г.), являющееся важнѣйшимъ первоисточникомъ, дополненіемъ къ коему могутъ служить архивные матеріалы [2]).

Б. Обзоръ спеціальной военной литературы, имѣющей предметомъ генеральный штабъ вообще и его службу въ особенности.

1—3) *Баста* [3]), *Лекуга* [4]), *Гондіусъ* и *Солемнъ* [5]) см. выше.

4) *Бри*, издалъ сочиненіе: «Генеральный метръ-дю-канъ» [6]).

5) *Барде-де-Виллъневъ* издалъ трудъ подъ заглавіемъ: «Тактика или искусство выстраивать баталіоны и направлять армію при движеніяхъ всякаго рода» [7]).

гомировъ. Трудовъ много; труды эти всѣмъ извѣстны, особенно послѣднихъ двухъ писателей (см. «Историч. очеркъ Никол. акад. генер. штаба», Н. П. Глиноецкаго, стр. 7, 8, 28, 29, 30 и 31 списка трудовъ (въ приложеніяхъ). Н. Н. Обручевъ. Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 г. и др. А. К. *Пузыревскій.* а) Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка. б) Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго и др. П. К. *Гудимъ-Левковичъ.* Историческое развитіе вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г. Критическій разборъ кампаніи 1708 года. Н. Н. *Сухотинъ.* Война въ исторіи русскаго міра и др. Д. Ф. *Масловскій.* а) Записки по исторіи военнаго искусства въ Росіи. б) Русская армія въ Семилѣтнюю войну и др. А. З. *Мышлаевскій.* а) Петръ Великій. Военные законы и инструкціи. б) Война въ Финляндіи въ 1712—1714 гг. и др. М. В. *Алексѣевъ.* Суворовъ и два совѣта: Петербургскій 1794 г. и Вѣнскій 1799 г. и др. Сверхъ того труды другихъ не поименованныхъ выше профессоровъ академіи, а также А. Ф. *Петрушевскаго*, Н. Ф. *Дубровина*, Н. О. *Бобровскаго* и другихъ извѣстныхъ писателей.

[1]) См. А. З. *Мышлаевскій.* «Петръ Великій. Военные законы и инструкціи». Его же статья «Уставы Петра Великаго» (Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, т. VIII, вып. I, стр. 62 и 63. [2]) Заключающіеся въ архивахъ: а) Военно-ученомъ главнаго штаба, б) общемъ того же штаба и особенно въ московскомъ его отдѣленіи, в) государственномъ и министерства иностранныхъ дѣлъ (да и это еще не все). [3]) Оцѣнка труда его «Объ управленіи легкою кавалеріею» и «О генералъ-квартирмейстерѣ» или «генеральномъ лагерномъ мастерѣ» изложена выше. [4]) и [5]) См. «Военный Сборникъ» 1902 г. № 1, стр. 62. [6]) *Bry.* «Le maistre du camp général». Francfort s. l. M. 1617 (есть и нѣмецкій текстъ его перевода сочиненія Баста). [7]) *Bardet de Villeneuve.* «La Tactique ou l'art de ranger les bataillons et de faire a une armée en campagne tous les mouvements». La Haye. 1740.

6) Король *Фридрихъ II Великій* (см. выше) [1]).

7) Императоръ *Наполеонъ I* (см. выше) [2]).

8) *Гримоаръ*, авторъ нѣсколькихъ сочиненій [3]), изъ коихъ особенно важное значеніе имѣетъ: «Трактатъ о службѣ генеральнаго штаба въ арміяхъ» 1811 года [4]). Трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ устройства генеральнаго штаба во Франціи до революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ и очеркъ организаціи генеральнаго штаба и его службы при Наполеонѣ I. Въ историческомъ очеркѣ имѣются извлеченія изъ законоположеній XVIII столѣтія, что уже само по себѣ возвышаетъ (для насъ) цѣнность этого труда. Тамъ же имѣются (въ качествѣ образцовъ) работы талантливаго офицера французскаго генеральнаго штаба, маркиза *де-Сансе:* а) оцѣнка «географическихъ» работъ въ кампанію 1761 г. на Нижнемъ Рейнѣ, и б) историческій очеркъ этой же кампаніи. Военные писатели XIX столѣтія или умаляютъ значеніе этого труда, или даже совершенно его игнорируютъ, что мы находимъ несправедливымъ.

9) *Тьебо*, генеральный адъютантъ первой республики, позже баронъ и генералъ-лейтенантъ королевскаго корпуса генеральнаго штаба. Въ первомъ изъ этихъ званій онъ издалъ: «Руководство для генеральныхъ адъютантовъ и ихъ помощниковъ въ армейскихъ дивизіонныхъ штабахъ» [5]). Руководство это, явившееся результатомъ опыта революціонныхъ войнъ до 8-го года республики, сразу доставило автору громкую извѣстность и обратило на него вниманіе высшаго начальства. Офицеры генеральнаго штаба подготовлялись на практикѣ; для нихъ это руководство представлялось драгоцѣннѣйшею находкою; этимъ и объясняется его успѣхъ, не говоря уже о дѣйствительныхъ его достоинствахъ, коп сомнѣнію не подлежатъ. Франція вскорѣ преобразовалась въ имперію, ея военная система разрослась и, насколько это было возможно, упорядочилась. Необходимо было переработать и дополнить первый трудъ. Тьебо,

---

[1]) Въ вышеупомянутыхъ его сочиненіяхъ имѣются главы, въ коихъ онъ говоритъ о квартирмейстерской службѣ и т. п. Онъ же первый изъ прусскихъ монарховъ заложилъ фундаментъ того зданія, которое было закончено впослѣдствіи генераломъ Мольтке. [2]) Въ его трудахъ, особенно въ его «Кореспонденціи», можно найти отвѣты чуть ли не на всѣ вопросы, которые могли возникать въ то время по отношенію къ генеральному штабу. [3]) См. «Военный Сборникъ» 1902 г. № 1, стр. 63 вын. 2 и сверхъ того: «Tableau historique et militaire de la vie et du règne de Frédéric le Grand, roi de Prusse». Londres 1788. [4]) *Grimoard.* «Traité sur le service de l'état-major général des armées». 2 vol. Paris 1811. [5]) *Thiébault Paul*, Adjudant-Général. «Manuel des adjudants-généraux et des adjoints employés dans les états-majors divisionnaires des armées». Paris. An 8 (de la République).

успѣвшій уже быть начальникомъ штаба маршала Жюно въ Португаліи, издаетъ: «Общее руководство для службы генеральныхъ и дивизіонныхъ штабовъ въ арміяхъ» [1]). Это изданіе дало также автору большой успѣхъ и было также распространено въ Наполеоновской арміи, какъ первое въ республиканской. Имперія преобразовалась въ королевство. Является необходимость если не въ новой переработкѣ и въ новомъ дополненіи прежнихъ трудовъ, то въ оцѣнкѣ существующей организаціи и постановки генеральнаго штаба, а равно и идей и взглядовъ по этимъ вопросамъ, господствовавшихъ въ военномъ обществѣ того времени. При такихъ условіяхъ Тьебо издаетъ свой третій трудъ: «Размышленія о королевскомъ корпусѣ генеральнаго штаба или разборъ статьи подъ этимъ же заглавіемъ» [2]). Не удивительно, что руководство Тьебо «довершало образованіе» и облегчало подготовку офицеровъ генеральнаго штаба, сохраняя свое значеніе еще въ царствованіе Людовика-Филиппа. Сочиненія Тьебо въ настоящее время принадлежатъ къ разряду библіографическихъ рѣдкостей. Тѣмъ не менѣе, можно рекомендовать каждому офицеру генеральнаго штаба постараться ихъ изучить.

10. *Лоттенъ*, французскій офицеръ, авторъ только что вышедшаго въ свѣтъ труда, подъ заглавіемъ: «Начальникъ штаба во время революціи» [3]), ставитъ себѣ цѣлью дать понятіе о французскомъ генеральномъ штабѣ во время революціи, для чего занимается изслѣдованіемъ дѣятельности генерала де-Билли, представлявшаго, по его мнѣнію, «самое замѣчательное воплощеніе начальника штаба». Автору посчастливилось въ томъ отношеніи, что онъ могъ воспользоваться перепискою и прочими бумагами генерала де-Билли, хранящимися въ семейномъ архивѣ его внука. Не взирая на свои несомнѣнныя достоинства, этотъ начальникъ штаба генераловъ Клебера, Марсо, Сенъ-Сира и Шампіонне «не всегда пользовался милостями, которыхъ удостаивались ихъ адъютанты». Тѣмъ не менѣе, онъ занялъ бы подобающее ему мѣсто въ плеядѣ Наполеоновскихъ сподвижниковъ, если бы не погибъ въ сраженіи при Ауэрштедтѣ. Воздавая должное его памяти, авторъ подчеркиваетъ

---

[1]) «Manuel général du service des états-majors généraux et divisionnaires dans les armées». 1810. [2]) *Thiébault* (baron, lieutenant-général du corps royal de l'état-major). «Réflexions sur le corps royal de l'état-major ou examen de l'écrit publié sous le même titre». Paris. 1820. [3]) *Lieutenant Lottin*. «Un chef d'état-major sous la révolution. Le Général de Billy d'aprés sa correspondance et ses papiers». Avec 1 portrait et 1 carte. Paris. Nancy. 1901.

значеніе завѣщаннаго имъ «метода работы», который и старается выяснить въ самомъ трудѣ. Если читатель не во всемъ согласится съ авторомъ, то все же признаетъ его трудъ весьма цѣннымъ, какъ по замыслу, такъ отчасти и по исполненію, въ виду включенія въ изслѣдованіе многихъ архивныхъ документовъ, впервые появляющихся въ печати [1]).

11. *Де-Филипъ*, подполковникъ французской артиллеріи [2]), авторъ «Изслѣдованія о службѣ генеральнаго штаба во время войнъ первой имперіи» [3]). Сочиненіе это, также недавно вышедшее въ свѣтъ, обратило уже на себя вниманіе изслѣдователей даннаго вопроса и не безъ основанія, ибо оно, дѣйствительно представляетъ «прекрасный и живой очеркъ, иллюстрированный весьма поучительными примѣрами изъ избранной авторомъ эпохи» [4]), коему предпосланъ краткій историческій очеркъ развитія генеральнаго штаба и его службы до Наполеона I. Этотъ трудъ заслуживаетъ полнаго вниманія и изученія со стороны офицеровъ генеральнаго штаба.

12. *Бронзартъ* (Бронсаръ)—*фонъ-Шеллендорфъ*. «Служба генеральнаго штаба» [5]). Книга эта не вполнѣ отвѣчаетъ своему заглавію и является скорѣе всего справочной книгой для офицеровъ нѣмецкаго генеральнаго штаба, главнымъ образомъ, тактическо-административнаго характера, съ добавленіемъ спеціальныхъ указаній по службѣ генеральнаго штаба и необходимыхъ военно-историческихъ примѣровъ. Трудъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая посвящена службѣ генеральнаго штаба въ мирное, а вторая— той же службѣ въ военное время. Въ первой части заключается, между прочимъ, историческій очеркъ возникновенія и развитія генеральныхъ штабовъ нѣкоторыхъ европейскихъ армій (прусской, начиная съ великаго курфюрста, и русской, начиная съ Петра Великаго, а прочихъ лишь во вторую половину XIX столѣтія) [6]). Историческій очеркъ развитія прусскаго генеральнаго штаба и придаетъ, въ данномъ случаѣ [7]), особую цѣнность этому сочиненію, которое, несомнѣнно, и во всемъ своемъ объемѣ заслуживаетъ внима-

---

[1]) Желательно, чтобы и въ нашей литературѣ появились подобные труды. [2]) Получившій дипломъ генеральнаго штаба. [3]) *Lieut-colonel de Philip* (breveté d'état-major). «Etude sur le service d'état-major pendant les guerres du premier empire». Paris. 1900. [4]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 9. «Замѣтки о службѣ генеральнаго штаба», г. *Б*, стр. 57, выноска. [5]) *Bronsart von Schellendorf*. «Der Dienst des Generalstabes». 3-e Auflage neu bearbeitet von *Meckel*, Oberst und Abtheilungschef im grossen Generalstabe. Berlin. 1893. [6]) Очеркъ исторіи русскаго генеральнаго штаба составленъ по русскимъ источникамъ. [7]) При изслѣдованіи развитія генеральнаго штаба до Наполеона I.

нія русскихъ офицеровъ, не говоря уже объ изслѣдователяхъ даннаго вопроса.

13. *Билимекъ фонъ-Вайссольмъ.* «Дополненія (или прибавленія) къ исторіи генеральнаго штаба» [1]). Трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи генеральнаго штаба во Франціи до начала XIX столѣтія, но новаго ничего не сообщаетъ.

14. *Князь Н. С. Голицынъ.* «Очеркъ исторіи генеральнаго штаба въ Западной Европѣ и въ Россіи». С.-Петербургъ. 1851. Трудъ этотъ устарѣлъ и очень не полонъ, а все же не можетъ быть обойденъ. Свѣдѣнія, касающіяся генеральнаго штаба, имѣются и въ различныхъ частяхъ многотомной «Всеобщей военной исторіи» того же автора [2]). Изъ источниковъ и пособій, коими онъ пользовался и кои не упомянуты выше, особаго вниманія заслуживаютъ: а) сочиненіе *Деккера* «Практическая наука генеральнаго штаба» [3]); б) книжка маіора *Лабомъ* «Руководство для офицера генеральнаго штаба» [4]), в) изданія французскаго генеральнаго военнаго депо [5]) и т. д.

15. *Глиноецкій Н. П.* (генералъ-маіоръ). «Исторія русскаго генеральнаго штаба». Томъ I (1698—1825 гг.). Томъ II (1826—1855 гг.). С.-Петербургъ. 1883 и 1894 гг. [6]). Этотъ трудъ, не взирая на пробѣлы и различныя погрѣшности, имѣетъ весьма важное значеніе, ибо дополняетъ работу предыдущаго писателя и пока является единственнымъ въ своемъ родѣ не только въ русской, но и во всеобщей военной литературѣ. Особенно важное значеніе имѣетъ первый томъ, при составленіи коего автору пришлось пользоваться не только общедоступными печатными, но и архивными матеріалами, что не легко и въ наше время, а лѣтъ 20—25 тому назадъ представляло чуть ли не подвигъ.

16. Изъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій считаемъ полезнымъ остановиться на интересномъ изслѣдованіи г. *А. Добровольскаго*: «Основы организаціи центральнаго военнаго управленія въ Россіи и въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ» [7]).

---

[1]) *Bilimek von Waissolm.* «Beiträge zur Geschichte des Generalstabes». Wien. 1876. [2]) Таковыя же свѣдѣнія заключаются и въ соотвѣтственныхъ трудахъ другихъ вышепоименованныхъ профессоровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. [3]) *V. Decker.* «Praktische Generalstabswissenschaft», 1830 (см. «Handbibliottek für Offiziere», 8 B.). *Idem*, 3 Auflage, Berlin. 1862. [4]) *E. Labaume* (Chef de bat. au corps royal d'état-major). «Manuel de l'officier d'état-major». Paris. 1827. [5]) «*Mémorial* du Dépôt général de la guerre» и т. д. [6]) II томъ не имѣетъ значенія по отношенію къ первой части настоящаго изслѣдованія. [7]) Въ С-Петербургѣ 1901 г.

въ которомъ авторъ, не принадлежащій къ корпусу офицеровъ генеральнаго штаба, путемъ научныхъ изслѣдованій приходитъ къ необходимости постановки и обсужденія вопроса о томъ, насколько цѣлесообразно, допустимо и осуществимо «стремленіе къ обособленію» и занятію независимаго положенія, обнаруживаемое «со стороны учрежденій, вѣдающихъ дѣлами по части генеральнаго штаба» [1]. Для насъ важно еще и то, что авторъ не только не пренебрегаетъ историческимъ анализомъ, но, напротивъ того, даетъ ему достаточное примѣненіе и развитіе. Трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія офицеровъ генеральнаго штаба.

17) Нельзя не упомянуть также о трудахъ г. *В. Борисова*, помѣщенныхъ разновременно въ «Военномъ Сборникѣ» и главнымъ образомъ въ «Варшавскомъ военномъ журналѣ» (см. выше): а) «Спеціальность генеральнаго штаба», б) «Матеріалъ для изученія полководческаго искусства», в) «Работа начальника генеральнаго штаба» и т. д. Авторъ обѣщаетъ издать еще: а) «Курсъ практическаго полководчества; б) «Полководческую дѣятельность Наполеона I, и в) «Атласъ» къ первому изъ этихъ трудовъ, который долженъ служить и для изученія «Кореспонденціи» и полководческой дѣятельности Наполеона I [2]. Судить обо всемъ этомъ можно будетъ только тогда, когда авторъ исполнитъ свое обѣщаніе; пока же можно только сказать, что авторъ самъ умаляетъ достоинства и цѣнность своихъ изслѣдованій своею горячностью, неумѣстною въ серьезныхъ трудахъ рѣзкостью и придачею своимъ сочиненіямъ излишне (и подъ часъ неумѣстно) полемическаго характера, не говоря уже о внесеніи въ полемику излишней страстности. Во всякомъ случаѣ должно признать, что авторъ обнаружилъ большую начитанность, детали разработаны имъ подъ часъ хорошо, а библіографическія указанія приводятся въ изобиліи и заслуживаютъ вниманія.

Само собою разумѣется, что изслѣдователю даннаго вопроса во всемъ его объемѣ приходится знакомиться и съ многими другими статьями, такъ или иначе касающимися генеральнаго штаба и заключающимися въ журналахъ и т. п. изданіяхъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ. Перечислять всѣ эти статьи мы не считаемъ возможнымъ [3].

---

[1]) См. *А. Добровольскій*, 409 и др. [3]) См. «Варшавскій военный журналъ» 1899 г., № 4. Статья: «Къ вопросу о русскомъ переводѣ штабной переписки Наполеона I», стр. 276 и слѣдующія. [3]) Пока мы считаемъ полезнымъ отмѣтить лишь статьи г. *Б.* подъ заглавіемъ «Замѣтки о службѣ генеральнаго штаба» (см. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 9 и послѣдующіе). Обращаемъ вниманіе читателей на перечень источниковъ. (Тамъ же, № 9, стр. 57 и 58, выноска).

А. Вспомогательные органы высшихъ начальниковъ въ древніе вѣка.

1. Греки и македоняне.

Чины, исполнявшіе обязанности нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба, встрѣчаются во всѣ періоды исторіи различныхъ народовъ, начиная съ древнихъ.

У древнихъ *грековъ* [1]) подобные чины представляли вспомогательный органъ высшихъ начальниковъ. Они вели учетъ личному составу, производили развѣдки и привлекались къ обсужденію стоявшихъ на очереди вопросовъ вмѣстѣ съ главными начальниками. Въ ряду этихъ вопросовъ особенно важное значеніе получали слѣдующіе: сборъ войскъ, часъ выступленія, пути слѣдованія колоннъ, продолжительность марша, время и продолжительность остановокъ, количество потребныхъ запасовъ и различныя повседневныя распоряженія. Въ штабѣ войскового начальника весьма видную роль игралъ *глашатай*, повторявшій команды начальника при маневрированіи и эволюціяхъ и такимъ образомъ, на первый взглядъ, не имѣвшій ничего общаго съ упомянутыми чинами; но онъ же передавалъ приказанія и все то, что было рѣшено на военномъ совѣтѣ (напримѣръ, приказы для марша и для боя, если не требовалось соблюденіе передаваемаго въ секретѣ); онъ же исполнялъ обязанности парламентера [2]).

Отсутствіе объединенія дѣйствительной верховной власти въ рукахъ одного постояннаго ея представителя, слабость власти царей въ однихъ греческихъ государствахъ (напримѣръ, въ Спартѣ), преобладаніе выборнаго начала и борьба партій въ другихъ государствахъ (напримѣръ, въ Аѳинахъ) и т. д. препятствовали проведенію въ жизнь необходимаго объединенія военной власти въ ру-

---

[1]) Мы не останавливаемся на другихъ древнихъ народахъ, кромѣ грековъ съ македонянами и римлянъ, главнымъ образомъ, въ виду недостаточности необходимыхъ (на нашъ взглядъ) данныхъ, кои могутъ быть почерпнуты изъ имѣющихся достаточно надежныхъ источниковъ. Можемъ, однако, указать русскимъ читателямъ на труды, посвященные развитію военнаго искусства у пропускаемыхъ нами древнихъ народовъ. Таковы, напримѣръ, сочиненіе г. Е. А. *Пасынкина* «Военное искусство древняго Египта», Спб. 1901 г., трудъ *кн. Максутова* «Исторія военнаго искусства. Древній Востокъ». (См. «*Военный Альманахъ*», 1901 г., стр. 1—35) и друг. [2]) Если команда не была слышна, то *трубачъ* или *знаменщикъ* передавалъ соотвѣтственные сигналы: первый на трубѣ, а второй знаменемъ. Для ординарческой службы назначался особый конвой. Сверхъ того, въ штабѣ состояли чины административной части для удовлетворенія различныхъ потребностей войскъ.

кахъ одного главнокомандующаго не только въ мирное, но и въ военное время. Отсюда происходило выдающееся значеніе *военныхъ совѣтовъ* со всѣми ихъ положительными и отрицательными сторонами. При такихъ условіяхъ собственно греки не могли дать образцоваго рѣшенія даннаго вопроса во всемъ его объемѣ, хотя нѣкоторыя его части и получили удовлетворительное рѣшеніе. Возможныя поправки въ греческую систему военнаго управленія и въ рѣшеніе вопроса о службѣ генеральнаго штаба были внесены *македонянами*, чему способствовала наличность сравнительно сильной верховной власти, вызывавшая и наличность таковой же власти военной. Но и македоняне до извѣстной степени слились съ греками и отчасти растворились въ массѣ покоренныхъ народовъ, вслѣдствіе чего ихъ политическая система начала быстро стремиться къ упадку; это отразилось и на ихъ военной системѣ вообще и на рѣшеніи даннаго вопроса въ частности.

2. Римляне.

Римская военная система возникла въ царскій періодъ, а затѣмъ получила если не вполнѣ, то въ достаточной степени законченный характеръ въ республиканскій періодъ исторіи римскаго государства, причемъ на ней отразилось замѣчательное свойство національнаго римскаго характера, заключавшееся въ природномъ умѣньи римскаго народа съ одной стороны какъ можно долѣе удерживать свои старинные правы и учрежденія, а съ другой чрезвычайно искусно сливать съ ними всѣ лучшія учрежденія другихъ народовъ.

Въ царскій періодъ *царь*, въ качествѣ главы народа (magister populi), являлся главнокомандующимъ вооруженными силами Рима; ближайшимъ его помощникомъ былъ *начальникъ конницы* (magister equitum), которому подчинялись конница и легко вооруженные воины, сражавшіеся внѣ фалангообразнаго легіона; въ легіонѣ же имѣлось сначала 4, а затѣмъ 6 *военныхъ трибуновъ* (tribuni militum), соотвѣтствовавшихъ нынѣшнимъ штабъ-офицерамъ. Замѣчательно, что эти трибуны назначались изъ плебеевъ.

Въ республиканскій періодъ высшая гражданская и военная власть находилась въ рукахъ двухъ, ежегодно избираемыхъ *консуловъ* (consules). Это было установлено, главнымъ образомъ, въ тѣхъ видахъ, дабы какой-нибудь счастливый полководецъ, командуя арміею достаточно долго, не пріобрѣлъ такого на нее вліянія, которое дало бы ему возможность произвести государственный переворотъ и захватить верховную власть.

Однако, эта ежегодная смѣна полководцевъ отражалась въ высшей степени вредно на успѣхѣ операцій въ случаѣ, если война затягивалась на продолжительное время. Поэтому сплошь и рядомъ римляне были вынуждаемы оставлять во главѣ армій бывшихъ полководцевъ съ званіемъ *проконсуловъ* (proconsules), если нельзя было провести ихъ избраніе и на слѣдующій годъ по отбытіи ими перваго годичнаго срока.

Въ 366 г. до Р. Х. была учреждена должность *претора* (praetor), который былъ товарищемъ консуловъ по занятіямъ (какъ бы третьимъ консуломъ), въ отсутствіи ихъ заступалъ ихъ мѣсто и точно также могъ быть оставляемъ во главѣ арміи по отбытіи перваго годичнаго срока, причемъ получалъ званіе *пропретора* (propraetor).

Въ случаѣ соединенія двухъ консульскихъ армій, консулы командовали по очереди; въ случаѣ же наступленія крайне затруднительныхъ обстоятельствъ, избирался на шесть мѣсяцевъ *диктаторъ* (dictator), признаваемый, подобно царю, главою народа (magister populi) и имѣвшій, подобно ему же, помощника, который также, какъ и ранѣе, назывался начальникомъ конницы. Диктаторъ пользовался неограниченною властью и объединялъ въ своихъ рукахъ начальство надъ всѣми вооруженными силами Рима.

Ближайшими помощниками консуловъ являлись *легаты* (legati), назначаемые сенатомъ въ качествѣ помощниковъ полководца; за ними слѣдовали военные *трибуны*, число которыхъ, съ теченіемъ времени, увеличилось до 10 и которые соотвѣтствовали, какъ и ранѣе, нынѣшнимъ строевымъ штабъ-офицерамъ, но исполняли также нѣкоторыя обязанности нынѣшнихъ чиновъ генеральнаго штаба и такъ-называемой «адъютантуры»: они дежурили по очереди въ легіонѣ, въ бою управляли частями легіона [1]), вели учетъ личному составу, производили наряды, объявляли распоряженія консуловъ и наблюдали за работами и движеніями, исполняемыми въ различныхъ родахъ службы.

Союзными легіонами, составлявшими обыкновенно крылья боевого порядка, командовали *префекты* (praefecti sociorum, praefecti alarum).

Впослѣдствіи, въ видахъ объединенія власти и управленія всѣми вообще легіонами, были учреждены *легіонные префекты*; трибуны же командовали когортами [2]).

---

[1]) Манипулами (въ манипулярномъ легіонѣ), соотвѣтствовавшими нынѣшнимъ ротамъ. [2]) Въ когортальномъ легіонѣ. Когорта образовалась изъ соединенія трехъ манипулъ, стоявшихъ одна позади другой въ трехъ линіяхъ легіонной пѣхоты прежняго манипулярнаго легіона, и такимъ образомъ соотвѣтствовала баталіону.

Такимъ образомъ, во главѣ арміи могъ находиться диктаторъ, или консулъ, или преторъ, или проконсулъ, или пропреторъ, причемъ, не взирая на вышеуказанныя мѣры къ удлиненію срока командованія, все же смѣна главнокомандующихъ происходила довольно часто. Правда, при римскихъ полководцахъ состояли *военные совѣты* изъ легатовъ, квесторовъ, старшихъ военныхъ трибуновъ (и префектовъ) и старшихъ центуріоновъ первыхъ манипулъ тріаріевъ («примипиловъ»); въ диктаторской же арміи выше всѣхъ ихъ стоялъ начальникъ конницы. Но эти совѣты могли оказывать содѣйствіе полководцу лишь по прямому своему назначенію, никакъ не болѣе. Это вызывало необходимость достаточнаго развитія и достаточно прочной организаціи вспомогательнаго органа высшихъ начальниковъ.

При главнокомандующемъ и при другихъ старшихъ начальникахъ состояли штабы изъ военныхъ чиновъ, кои были обязаны производить развѣдки, содѣйствовать начальникамъ при построеніи боевого порядка, при совершеніи маршей и при расположеніи на отдыхъ, командовать отрядами, выдѣляемыми для исполненія какихъ-либо особыхъ задачъ и т. д. Къ разряду подобныхъ штабныхъ чиновъ принадлежали: а) *менсоры* (mensores) и *ценсоры* (censores)[1], кои выбирали мѣста для лагерей и располагали на нихъ войска, означая эти мѣста посредствомъ вѣхъ или значковъ [2]); они же руководили производствомъ необходимыхъ построекъ; б) *антеменсоры* (antemensores) и *антеценсоры* (antecensores), кои были обязаны доставлять точныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается маршей, а именно о дорогахъ, рѣкахъ, средствахъ страны, мѣстахъ удобныхъ для остановки и расположенія на привалъ и т. п.; в) *эксплораторы* (exploratores) и *спекуляторы* (speculatores) [3]), кои были обязаны производить развѣдки о противникѣ и давать о немъ всѣ необходимыя свѣдѣнія; г) *тессераріи* (tesserarii)[4]), кои раздавали, послѣ развода въ лагерѣ, пароль и сверхъ того занимались письмоводствомъ, и д) *контуберналы* (contubernales, comites praetorii) [5]), молодые люди изъ знатныхъ родовъ, кои состояли при главнокомандующемъ

---

[1]) Этихъ «ценсоровъ» не слѣдуетъ смѣшивать съ высшими государственными сановниками *цензорами*, коимъ было поручено наблюденіе за нравами гражданъ, за военною дисциплиною, назначеніемъ податей и администраціею. [2]) Для разбивки лагеря назначались лагерные центуріоны и воины, кои шли по возможности впереди легіонныхъ колоннъ, въ направленіи ихъ движенія. При отступательномъ маршѣ они слѣдовали при передовомъ отрядѣ. [3]) Спекуляторами называли также лазутчиковъ и шпіоновъ. [4]) Отъ «tessera» (парольная дощечка). [5]) Отъ «contubernium» (сотоварищество).

для передачи приказаній и исполненія порученій; обучаясь военному дѣлу подъ личнымъ его надзоромъ, они представляли собою источникъ комплектованія (въ будущемъ) начальствующаго персонала; они же назначались, послѣ соотвѣтственной подготовки, и на вышеперечисленныя штабныя должности. Сверхъ того, для ординарческой службы имѣлись соотвѣтственные чины, назначавшіеся изъ отборной части римскаго войска (cohors praetoria), а также изъ соотвѣтственныхъ частей союзныхъ войскъ или, такъ-называемыхъ, экстраординаріевъ (cohortes extraordinariae, alae extraordinariae)[1]), кои образовали конвой при главнокомандующемъ. Наконецъ, въ каждомъ штабѣ находились лица, занимавшія различныя военно-административныя должности, а именно: а) *либраріи* (librarii), завѣдывавшіе снабженіемъ войскъ одеждою, предметами вооруженія, палатками и т. п.; б) *фрументаріи* (frumentarii), завѣдывавшіе продовольственною частью, и в) врачи, жрецы, авгуры (прорицатели) и т. д.

Естественно, съ теченіемъ времени, стали приходить къ заключенію о необходимости учрежденія должности высшаго начальника всѣхъ тѣхъ чиновъ, кои несли службу нынѣшняго генеральнаго штаба. Обязанности этого рода возлагались на *квестора* (quaestor), исполнявшаго обязанности главнаго казначея и главнаго интенданта арміи [2]), или на *претора*, главную обязанность коего составляло веденіе судопроизводства. Въ такомъ случаѣ онъ являлся вторымъ лицомъ въ арміи послѣ полководца [3]). Ему подчинялись не только чины, исполнявшіе обязанности нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба, но и чины, исполнявшіе обязанности нынѣшнихъ интендантовъ, военныхъ врачей и т. д.

Далѣе этого римляне не пошли и пойти не могли: разъ, по соображеніямъ высшей республиканской политики, не признавалось возможнымъ допустить учрежденіе должности постояннаго главнокомандующаго, то нельзя было допускать и учрежденія должности постояннаго общаго начальника тѣхъ вспомогательныхъ органовъ, при помощи коихъ полководецъ управлялъ арміею и направлялъ ее къ достиженію соотвѣтственныхъ цѣлей, ибо подобный «alter ego» главнокомандующаго могъ, какъ казалось, въ его отсутствіи, сыграть его же роль.

---

[1]) «Экстраординаріи» — отряды союзныхъ войскъ ($^1/_5$ пѣхоты и $^1/_3$ конницы), находившіеся въ непосредственномъ распоряженіи полководца. [2]) Квесторы завѣдывали государственною казною, вели счетъ доходамъ и расходамъ государства, продавали военную добычу и т. п. [3]) Въ диктаторской арміи таковымъ лицомъ являлся помощникъ диктатора, носившій названіе «магистра (начальника) конницы».

Къ концу республиканскаго періода исторіи Рима разложеніе римскаго государственнаго организма и римскаго общества было уже настолько сильно, что, безъ превращенія республики въ имперію, паденіе Рима совершилось бы гораздо ранѣе V столѣтія по Р. Х. Суровый императорскій режимъ далъ Риму возможность просуществовать еще около половины тысячелѣтія, но улучшить разстроенную въ конецъ политическую систему государства не могъ.

Императоръ Августъ упорядочилъ, на сколько было возможно, республиканскую административную систему, но вмѣстѣ съ тѣмъ, удержалъ республиканскія формы управленія вообще и военнаго управленія въ частности; формы эти просуществовали до Константина Великаго. Императоръ управлялъ вооруженными силами государства лично, при помощи довѣренныхъ военныхъ сановниковъ, которые образовали его «тайный военный совѣтъ». При членахъ этого совѣта находилось извѣстное число помощниковъ различныхъ чиновъ и званій, которые, вмѣстѣ съ своими начальниками, составляли высшее военное управленіе государства [1]). Во главѣ арміи стояли «императорскіе легаты», которые въ императорскихъ областяхъ управляли и гражданскою частью (въ званіи намѣстниковъ) и имѣли при себѣ управленія подобныя центральному [2]). Легатамъ подчинялись квесторы и различнаго рода префекты; управленіе же легіонами оставалось почти вполнѣ на прежнемъ основаніи.

Со времени императора Діоклетіана и особенно Константина Великаго система военнаго управленія римской имперіи получаетъ еще болѣе широкое развитіе и достаточную упорядоченность и законченность. Императоръ управляетъ вооруженными силами имперіи посредствомъ *магистра всѣхъ войскъ* (magister utriusque militiae) [3]), коему подчиняются магистръ пѣхоты (magister peditum) и *магистръ конницы* (magister equitum); позже число магистровъ увеличивается до восьми; они и стоятъ во главѣ крупныхъ подраздѣленій арміи [4]). Затѣмъ слѣдуютъ военные *комесы* и *дуксы* (comites et duces rei militaris) или начальники войскъ областныхъ и пограничныхъ. Во главѣ легіоновъ стоятъ «префекты», а во главѣ когортъ—«трибуны».

---

[1]) Оно соотвѣтствовало нашему военному министерству съ военнымъ совѣтомъ и со всѣми главными управленіями, т. е. имѣло характеръ и законосовѣщательный, и административно-исполнительный. [2]) Эти управленія соотвѣтствовали нашимъ окружнымъ штабамъ, а сами легаты командующимъ войсками въ округахъ (и въ нѣкоторыхъ случаяхъ генералъ-губернаторамъ). [3]) «Магистръ всѣхъ войскъ» соотвѣтствовалъ современному военному министру, который нерѣдко являлся и главнокомандующимъ. [4]) Эти магистры командовали императорскою гвардіею, войсками палатинскими, дѣйствующими, областными и т. д.

Имѣются и вспомогательные органы старшихъ начальниковъ. Таковы, прежде всего, *префекты лагерей* (praefecti castrorum), завѣдывавшіе выборомъ мѣстъ подъ лагерное расположеніе, разбивкою и укрѣпленіемъ лагерей, расположеніемъ въ нихъ войскъ, метательными орудіями, ставками, тяжестями, обозами и лечебными заведеніями; имъ же подчинялся и соотвѣтственный личный составъ. Эти префекты и являются прототипомъ позднѣйшихъ генералъ-квартирмейстеровъ.

Имѣются и младшіе чины того же рода службы, обязанные оказывать содѣйствіе войсковымъ начальникамъ въ отношеніи расположенія, движенія и дѣйствій войскъ въ лицѣ сохраняющихъ прежнее названіе *менсоровъ* и исполняющихъ одинаковыя съ нимъ обязанности *метаторовъ* (metatores), а также *громатиковъ* (gromatici) или военныхъ съемщиковъ и т. д., не говоря уже о томъ, что при всѣхъ высшихъ сановникахъ, военныхъ управленіяхъ и военачальникахъ находятся, въ большемъ или меньшемъ числѣ, подчиненные имъ чины, носящіе названіе *ассесоровъ* (assessores), *аппариторовъ* (apparitores) и *адъюторовъ* (adjutores) [1].

Эта система военнаго управленія обладала несомнѣнными достоинствами и была выше всѣхъ ей предшествовавшихъ, но и она не могла функціонировать такъ, какъ этого отъ нея ожидали ея создатели, ибо тому препятствовало унаслѣдованное отъ прежняго режима, неизлечимое разстройство всей военной, а равно и всей политической системы государства, которое неудержимо стремилось къ упадку [2].

3. Сборъ свѣдѣній о мѣстности и о противникѣ въ древніе вѣка.

Сборъ необходимыхъ свѣдѣній о мѣстности и о непріятелѣ, производился посредствомъ шпіоновъ и лазутчиковъ [3]), перебѣжчиковъ, военно-плѣнныхъ, мѣстныхъ жителей и легкихъ войскъ. Чаще всего употреблялись шпіоны и лазутчики, показанія коихъ провѣрялись и дополнялись другими способами. Такъ, напримѣръ, Александръ

---

[1]) Всѣ они имѣли особаго начальника (princeps). [2]) Эта же военная система и въ частности эта же система военнаго управленія продолжала существовать еще долго въ восточной римской имперіи, о чемъ будетъ сказано ниже. [3]) Большая часть военныхъ людей не находитъ никакого различія между шпіонами и лазутчиками. У нѣкоторыхъ писателей, однако, проглядываетъ убѣжденіе, что необходимо установить различіе между профессіональными *шпіонами*, служащими кому угодно за деньги и *лазутчиками*, служащими только одной сторонѣ, нерѣдко совершенно безкорыстно.

Великій, передъ сраженіемъ при Гавгамелѣ, произвелъ тщательный опросъ плѣнныхъ изъ передового персидскаго отряда Мазея и узналъ отъ нихъ, что Дарій съ многочисленнымъ войскомъ находился на лѣвомъ берегу Тигра, что и побудило его ускорить маршъ къ этой рѣкѣ въ принятомъ ранѣе направленіи. Ганнибалъ, во время своихъ походовъ и операцій въ Трансальпинской и Цизальпинской Галліи, а равно и въ Италіи, располагалъ свѣдѣніями, которыя были заблаговременно собраны передъ войною, но, въ виду ихъ очевидной недостаточности, организовалъ непрерывный сборъ свѣдѣній всѣми имѣющимися способами и средствами. Не удивительно, что его не задержали ни галльскія племена, ни рѣки, ни даже такой горный хребетъ, какъ Альпы. Спустившись съ Альповъ, онъ возбуждаетъ возстаніе цизальпинскихъ галловъ въ то время, какъ римскій сенатъ находится въ страхѣ и оцѣпенѣніи, не производитъ новыхъ наборовъ и не принимаетъ соотвѣтственно рѣшительныхъ мѣръ противъ грозившей опасности, чѣмъ не только держитъ народы Италіи въ недоумѣніи и колебаніи, но даже какъ бы поощряетъ ихъ къ сопротивленію и возстанію, т. е. играетъ въ руку Ганнибалу. Какъ велика опасность, въ Римѣ еще не понимаютъ; не понимаютъ и обстановки вообще. Между тѣмъ, Ганнибалъ, при помощи тѣхъ же цизальпинскихъ галловъ, отлично знаетъ все, что ему нужно знать, знаетъ положеніе дѣлъ не только на театрѣ военныхъ дѣйствій, но даже въ самомъ Римѣ и прекрасно этимъ пользуется.

Передъ сраженіемъ при р. Треббіи обѣ сторонѣ высылаютъ конные отряды [1]) для производства развѣдокъ, полководцы обѣихъ сторонъ производятъ рекогносцировки, но въ отношеніи распознаванія обстановки между ними не можетъ быть и сравненія; опрометчивый Семпроній обращаетъ ни во что благоразумныя начинанія Сципіона и, совершенно не понимая обстановки, вопреки ей даетъ сраженіе; Ганнибалъ же получаетъ отъ галльскихъ лазутчиковъ свѣдѣнія о всемъ, что происходитъ въ римскомъ лагерѣ, знаетъ отлично характеръ обоихъ консуловъ, силу и свойства римскихъ войскъ и, вообще, какъ нельзя лучше понимаетъ обстановку, на чемъ основываетъ свой планъ сраженія, который и приводитъ блистательно въ исполненіе.

Точно также и при послѣдовавшихъ затѣмъ операціяхъ Ганни-

1) Конница римская въ это время не находилась на высотѣ своего назначенія и, едва ли, заслуживала даже названія конницы; это была, скорѣе, конная пѣхота; поэтому, она и не могла состязаться съ конницею Ганнибала; ее выручала отчасти конница союзническая.

балъ превосходно организовалъ сборъ свѣдѣній о мѣстности и о непріятелѣ и, съ теченіемъ времени, научилъ этому и римлянъ [1]).

Равнымъ образомъ и дѣятельность Цезаря въ отношеніи сбора свѣдѣній и распознаванія обстановки въ высшей степени поучительна (особенно въ Галліи и Британіи). Сборъ свѣдѣній производился непрерывно: едва только оканчивалась одна операція или даже цѣлая кампанія, какъ Цезарь приступалъ къ подготовкѣ всего необходимаго къ слѣдующей. Такъ, въ 55 году до Р. Х., окончивъ свой седьмой походъ за Рейномъ противъ германцевъ, Цезарь двинулся оттуда къ берегамъ нынѣшняго Ламанша, въ землю моряновъ, для переправы изъ послѣдней въ Британію, жители которой, по словамъ Цезаря, помогали галламъ почти во всѣхъ войнахъ ихъ съ римлянами. Лѣто уже подходило къ концу, а потому Цезарь полагалъ, что если, по позднему времени года, ему и не удастся совершить эту экспедицію, то все же можно будетъ собрать необходимыя свѣдѣнія о странѣ, о ея жителяхъ, о деталяхъ мѣстныхъ условій, о гаваняхъ и доступахъ, что пока было почти вовсе неизвѣстно галламъ. Для предварительнаго сбора этихъ свѣдѣній и былъ отправленъ къ берегамъ Британіи военный трибунъ Гай Волусенъ, отличавшійся какъ храбростью, такъ и опытностью и искусствомъ въ военномъ дѣлѣ, коему было приказано, развѣдавъ обо всемъ вышеупомянутомъ, какъ можно скорѣе возвращаться къ Цезарю. Волусенъ, произведя развѣдку, возвратился на пятый день къ Цезарю, который, на первомъ же военномъ совѣтѣ [2]), сообщилъ какъ эти, такъ и другія имѣвшіяся свѣдѣнія собравшимся легатамъ и трибунамъ.

Во время осады Алезіи (въ 52 г. до Р. Х.) Верцингеториксъ успѣлъ отправить свою конницу, содержать которую не могъ, и поручилъ ей поднять галльскія племена съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе освободить его, имѣя въ виду, что продовольствія у него не болѣе, какъ на мѣсяцъ. Цезарь узналъ объ этомъ отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, уяснилъ себѣ всю трудность предпринятой имъ операціи и принялъ соотвѣтственныя мѣры въ видахъ обезпеченія ея успѣха. Если и были недочеты въ данномъ отношеніи во всей продолжительной дѣятельности Цезаря, то они были настолько немногочисленны, что ими можно пренебречь; вообще же всегда онъ прилагалъ особенныя старанія къ тому, чтобы имѣть необходимыя свѣ-

---

[1]) Замѣчательно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, двинулась впередъ и значительно усовершенствовалась римская конница. [2]) Цезарь не называетъ это собраніе военнымъ совѣтомъ; мы же сохраняемъ наименованіе, которое давалось еще въ то время въ римскихъ войскахъ подобнымъ собраніямъ.

дѣнія о мѣстности и о противникѣ. Съ этою цѣлью онъ пользовался всѣми возможными способами и средствами, главнымъ же образомъ высылалъ для производства развѣдокъ конные отряды (галльскіе и даже германскіе) [1]), устанавливалъ сношенія съ союзными галльскими племенами, или же съ приверженными къ Риму партіями среди галльскихъ же племенъ, высылалъ особо довѣренныхъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ чиновъ изъ состава своей арміи и, наконецъ, самъ производилъ усиленныя рекогносцировки, имѣя при себѣ отряды, сила коихъ опредѣлялась въ зависимости отъ обстановки.

Вопросъ объ установкѣ и поддержаніи ***связи*** между раздѣленными частями римской арміи получалъ обыкновенно у Цезаря образцовыя рѣшенія. Въ 52 году Цезарь двинулся къ Герговіи (нынѣ Клермонъ) и осадилъ ее. Въ началѣ происшедшихъ при этомъ дѣйствій Конвиктолитависъ, вождь эдуевъ, возсталъ противъ Цезаря и отправилъ Литавика съ 10,000 чел. на соединеніе съ Верцингеториксомъ. Цезарь, получивъ объ этомъ извѣщеніе отъ оставшихся вѣрными ему эдуевъ, оставилъ подъ Герговіею легата ***Фабія*** съ двумя легіонами, а самъ съ четырьмя легіонами и конницею двинулся въ земли эдуевъ. Покончивъ весьма быстро съ Литавикомъ, онъ повернулъ обратно къ Герговіи и на походѣ получилъ отъ Фабія *донесеніе*, что его два легіона были атакованы въ лагерѣ превосходными силами противника, совершенно изнемогли и понесли значительныя потери и что на слѣдующій день ожидается новая атака. Цезарь ускорилъ маршъ и прибылъ въ лагерь своевременно. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, своевременное полученіе приказаній, донесеній и извѣщеній было обезпечено искусною организаціею службы связи.

Въ боевой школѣ Цезаря выработался отборный личный составъ вспомогательныхъ органовъ управленія его арміею, который продолжительною практикою подъ руководствомъ самаго полководца отлично подготовился какъ къ сбору и обработкѣ свѣдѣній о мѣстности и о противникѣ, такъ и къ исполненію другихъ обязанностей, выпадающихъ на долю нынѣшняго генеральнаго штаба. Оставалось только объединить эти разрозненные вспомогательные органы, прочно установить ихъ организацію и принять мѣры къ тому, чтобы и въ будущемъ, даже въ мирное время, подготовка ихъ могла

[1]) При наступательномъ маршѣ впереди шелъ ***передовой отрядъ*** изъ всей или большей части конницы и легкой пѣхоты, поддерживаемыхъ «антесигнанами» или когортами безъ тяжестей; отрядъ этотъ былъ обязанъ развѣдывать о мѣстности и о противникѣ, слѣдя за нимъ неотступно посредствомъ «эксплораторовъ», или посредствомъ отдѣльныхъ турмъ конницы.

производиться вполнѣ успѣшно и въ должномъ направленіи. Этого Цезарь сдѣлать не успѣлъ. Во всякомъ случаѣ онъ далъ наилучшія рѣшенія разсматриваемыхъ нами вопросовъ не только во всей военной исторіи римлянъ, но и въ теченіе всего продолжительнаго періода древнихъ вѣковъ.

Развитіе соотвѣтственныхъ военныхъ наукъ зависѣло отъ развитія соотвѣтственныхъ же общихъ наукъ. *Географія* возвысилась на степень науки благодаря дѣятельности Анаксимандра (VII и VI в. до Р. Х.), Эратосоена (III в.), Гиппарха (II в. до Р. Х.) и Клавдія Птоломея (I и II в. по Р. Х.); Анаксимандръ положилъ начало и *картографіи;* Эратосоенъ первый предпринялъ построеніе картъ на твердыхъ началахъ; изобрѣтенный имъ для этого способъ и далъ, вѣроятно, начало такъ называемой «плоской проекціи», Клавдію же Птоломею приписываютъ изобрѣтеніе «стереографической» проекціи.

Въ примѣненіи къ дѣлу сначала, повидимому, описывали такія подробности мѣстности, которыя не входили и не могли войти въ географію (землеописаніе), а затѣмъ отъ описанія мѣстности (топографія) перешли къ изображенію той же мѣстности на планѣ или плоскости тѣмъ или инымъ способомъ, откуда и произошли картографія и топографическія карты; въ примѣненіи же къ военнымъ цѣлямъ получились *военная топографія* и картографія и *военно-топографическія карты.*

Александръ Великій, въ своихъ походахъ въ Азіи, имѣлъ при своей арміи нѣсколькихъ спеціалистовъ, во главѣ коихъ стояли Діогенетъ и Витонъ (Вэтонъ), кои измѣряли разстоянія, указывали дороги, осматривали, развѣдывали и описывали край, составляли карты того же края и описанія дорогъ и различныхъ мѣстныхъ условій, главнымъ образомъ въ видахъ совершенія маршей, расположенія на отдыхъ и для боя и облегченія бремени войны посредствомъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія военныхъ повинностей [1]).

Вегецій полагаетъ, что «полководецъ долженъ имѣть подробную карту края, въ которомъ ведетъ войну» и свидѣтельствуетъ, что «искусные полководцы доходили въ этомъ до того, что имѣли *на-*

---

[1]) Въ это же время Аристотель составилъ планы 180 городовъ, а ученикъ его Дикеархъ написалъ сочиненіе о горахъ. Затѣмъ Исидоръ Хоракскій составилъ топографическое описаніе пареянскихъ областей. Наконецъ, при императорѣ Августѣ три свѣдущихъ человѣка со многими помощниками составили, въ теченіе 30-ти лѣтъ, «описаніе свѣта», которое, впрочемъ, имѣло по преимуществу статистическій характеръ.

чертательный планъ края по частямъ, что доставляло имъ возможность не только разсуждать, съ посылаемыми ими въ отряды военными чинами, о дорогахъ, по которымъ они должны были слѣдовать, но и указывать имъ оныя, такъ сказать, нагляднымъ, очевиднымъ образомъ...»

Когда римскіе полководцы, завоевавшіе новыя страны и удостаиваемые «большого тріумфа», торжественно вступали въ Римъ, то передъ ними носили, въ числѣ трофеевъ, рельефные или выпуклые планы покоренныхъ ими городовъ и такія же карты завоеванныхъ ими странъ.

Въ связи съ успѣхами географіи и топографіи возникла и начала развиваться *статистика*, примѣнявшаяся и къ военному дѣлу, но этотъ отдѣлъ знанія, а равно и практическаго его примѣненія, получилъ наименьшее развитіе.

4. Подготовка къ войнѣ и бою. Планъ войны, кампаніи, операціи. Приведеніе плановъ въ исполненіе. Соотвѣтственная дѣятельность вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ.

Слабое развитіе системы военнаго управленія и, въ частности, вспомогательныхъ органовъ старшихъ начальниковъ ставило правительство и полководцевъ въ весьма затруднительное положеніе, особенно если смѣна лицъ, стоявшихъ во главѣ вооруженныхъ силъ государства, происходила болѣе или менѣе часто. Многіе понимали необходимость заблаговременной подготовки къ войнѣ и даже къ ней приступали, если это отъ нихъ зависѣло, но сплошь и рядомъ случалось, что ихъ преемники, вмѣсто того, чтобы продолжать, портили ихъ дѣло, а не то и вовсе его уничтожали.

При такихъ условіяхъ размѣры и успѣхъ подготовки къ войнѣ зависѣли, главнымъ образомъ, отъ степени развитія военной системы даннаго государства, отъ степени ея прочности, отъ наличности представителей власти, находившихся на высотѣ своего назначенія, и отъ той доли самостоятельности, которая была имъ предоставлена.

Изъ древнѣйшихъ примѣровъ, поучительныхъ съ этой точки зрѣнія, останавливаетъ на себѣ вниманіе дѣятельность *Кира*, царя персидскаго, въ борьбѣ его съ *Крезомъ*, царемъ лидійскимъ. Воцарившись въ 560 году до Р. Х., Киръ распространяетъ свое владычество весьма систематично, послѣдовательно и осторожно, заботится о подготовкѣ, если не наилучшихъ, то возможно лучшихъ для себя условій прежде всего въ области политики, старается одолѣть каждаго изъ своихъ противниковъ отдѣльно отъ другихъ и всту-

пасть въ рѣшительную борьбу съ Крезомъ лишь въ 550 году. Такъ какъ Крезъ заключилъ противъ него союзъ съ царями: Амазисомъ египетскимъ и Навоннадомъ вавилонскимъ и, сверхъ того, со спартанцами, то необходимо были принять наступательный планъ и обратиться противъ опаснѣйшаго врага, чтобы не дать ему соединиться съ остальными. Такъ и поступилъ Киръ и, хотя въ происшедшемъ въ эту войну сраженіи при Ѳимвреѣ Крезъ располагалъ 420,000 челов. (въ томъ числѣ 120,000 египетской пѣхоты), а Киръ только 196,000 челов., но, все же, благодаря стратегической и тактической подготовкѣ успѣха Киромъ, и искусной его дѣятельности въ самомъ сраженіи, ему удалось одержать рѣшительную побѣду, а затѣмъ овладѣть и всѣмъ царствомъ Креза.

Еще болѣе замѣчательна подготовка Македоніи и Греціи къ борьбѣ противъ Персіи. Послѣдняя была начата не Александромъ, но отцомъ его Филиппомъ (360—336), Александръ же продолжалъ ее и довелъ до той степени развитія, которую призналъ достаточною. Помощниками ихъ, какъ въ дѣлѣ управленія вооруженными силами, такъ и въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ и бою, были лучшіе военные люди высшаго сословія ихъ государства, получавшіе воспитаніе, образованіе и соотвѣтственную подготовку въ царской «агемѣ этеровъ», которая являлась разсадникомъ македонскихъ военачальниковъ и полководцевъ. Среди этихъ сподвижниковъ Филиппа и Александра было не мало талантливыхъ людей, но ни одинъ изъ нихъ не возвысился до степени постояннаго и единственнаго совѣтника, довѣреннаго лица и помощника верховнаго вождя арміи. И Филиппъ, и Александръ проявляли необыкновенную дѣятельность и не только являлись главнокомандующими, но и направляли непосредственно сами дѣятельность вспомогательныхъ органовъ управленія арміею.

Къ началу царствованія Александра (336—323) собраны были и необходимыя свѣдѣнія о Персіи и объ ея вооруженныхъ силахъ, а затѣмъ были получены новыя свѣдѣнія о группировкѣ той части войскъ Дарія III, съ которою приходилось столкнуться на первыхъ порахъ, и даже о замѣчательномъ *планѣ* грека *Мемнона*, находившагося въ персидской службѣ. Мемнонъ предлагалъ: *на сушѣ* уклоняться отъ рѣшительнаго боя съ македонянами, опустошить страну и лишить Александра средствъ продовольствованія и возможности продолжать войну, а въ то же время *на морѣ* дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, направить персидскій флотъ къ берегамъ Греціи и Македоніи, поднять возстаніе въ Греціи, отрѣзать Але-

ксандру сообщенія съ его государствомъ и этимъ принудить его къ отступленію и прекращенію войны.

Персы не уразумѣли, сколь велики были достоинства этого плана, и отвергли его; рѣшено было выдвинуть 40,000 челов. къ р. Гранику и тамъ дать Александру отпоръ.

Александръ, съ своей стороны, рѣшилъ вести войну наступательную, для чего, предупредивъ персовъ, вторгнуться въ ихъ владѣнія, завоевать, прежде всего, восточные берега Средиземнаго моря, дабы съ самаго начала парализовать дѣйствія персидскаго флота и даже уничтожить этотъ флотъ, овладѣть ихъ морскими средствами и т. п. и, такимъ образомъ, обезпечить Македонію и Грецію и свои сообщенія съ ними.

Этотъ *планъ войны*, составленный самимъ царемъ, получилъ, затѣмъ, дальнѣйшее развитіе во время войны, въ зависимости отъ хода военныхъ дѣйствій и, вообще, въ зависимости отъ измѣненій въ обстановкѣ.

Столь же поучительны и планы кампаній и отдѣльныхъ операцій, составленные Александромъ и имъ же приведенные въ исполненіе. При веденіи операцій, т. е. при исполненіи этихъ плановъ, вспомогательными органами его являлись подготовленные его отцомъ и имъ самимъ его сподвижники, о дѣятельности коихъ, впрочемъ, имѣются лишь отрывочныя и, вообще, недостаточныя свѣдѣнія.

Въ высшей степени замѣчательны также подготовка карѳагенянъ ко второй пунической войнѣ, равно какъ и планъ, унаслѣдованный Ганнибаломъ отъ Гамилькара и Газдрубала, сущность коего сводилась къ слѣдующему: прочно утвердившись въ Испаніи и опираясь на нее, перейти съ арміею черезъ р. Иберъ, Пиренеи, р. Роданъ и Альпы, послѣ чего наступать черезъ земли цизальпинскихъ галловъ, внести наступательную войну въ Италію и напасть на Римъ въ самомъ средоточіи его владычества и могущества.

Во время этой же второй пунической войны, Ганнибалъ напрягалъ всѣ усилія своего генія, чтобы осуществить этотъ планъ, который и исполнялся имъ неизмѣнно въ главныхъ основаніяхъ въ теченіе цѣлыхъ 16-ти кампаній, но въ подробностяхъ исполненія подвергался измѣненіямъ посредствомъ искуснаго примѣненія къ обстановкѣ. Естественно, сподвижники Ганнибала, прошедшіе боевую школу подъ руководствомъ Гамилькара, Газдрубала и самого Ганнибала, являлись отличными его помощниками, докладчиками и исполнителями его воли; но, съ теченіемъ времени, число ихъ уменьшалось вслѣдствіе неизбѣжной на войнѣ убыли, а новые выработ-

таться скоро не могли, тѣмъ болѣе, что и составъ арміи быстро ухудшался. Поэтому, какъ ни великъ былъ геній Ганнибала, онъ не могъ оставить послѣ себя не только образцовые, но хотя бы лишь удовлетворительные вспомогательные органы высшаго командованія; мало того, во время самой войны, дѣятельность ихъ, въ отношеніи исполненія воли главнокомандующаго, передачи его приказаній войскамъ и т. д., съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе ухудшалась.

Подготовка Цезаря къ войнамъ, а равно и планы войнъ, кампаній и операцій, составленные имъ же, были столь же образцовы, какъ и планы Александра и Ганнибала. То же можно сказать и объ осуществленіи этихъ плановъ Цезаремъ, причемъ, дѣятельность вышеуказанныхъ вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія у него не только не ухудшалась, но, скорѣе, наоборотъ, съ теченіемъ времени, совершенствовалась. Если онъ получилъ, такимъ образомъ, въ данномъ отношеніи, лучшіе результаты, чѣмъ Ганнибалъ, то это объясняется лучшими и болѣе благопріятными для него условіями обстановки, главнымъ же образомъ, достоинствами римской военной системы, которыя Ганнибалу пришлось имѣть противъ себя, а Цезарю на своей сторонѣ.

5. Заключеніе о вспомогательныхъ органахъ высшихъ начальниковъ въ древніе вѣка.

Вспомогательные органы высшаго командованія существовали въ арміяхъ всѣхъ вообще древнихъ народовъ, различаясь между собою въ зависимости отъ различія между военными системами этихъ же народовъ, а также между образами и способами веденія войны, ими выработанными, и вообще въ зависимости отъ той степени развитія, которой у нихъ достигало военное искусство, въ связи съ прочими сторонами ихъ политической жизни.

Обязанности нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба въ арміяхъ древневѣковыхъ государствъ исполнялись частью младшими войсковыми начальниками, частью же особыми военными чинами, состоявшими при высшихъ начальникахъ для исполненія спеціальныхъ назначеній и составлявшими соотвѣтственные штабы и управленія при этихъ же начальникахъ. Ни въ одномъ изъ древневѣковыхъ государствъ, цивилизація коихъ находится въ преемственной связи съ цивилизаціею новыхъ культурныхъ народовъ и государствъ, организація вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ не достигла такой степени развитія, при которой всѣ они составили бы одинъ отдѣльный корпусъ съ точно опредѣленнымъ

кругомъ дѣятельности, что объясняется несовершенствомъ военныхъ системъ названныхъ государствъ и въ частности несовершенствомъ ихъ военно-административныхъ системъ. Изъ этихъ системъ наиболѣе совершенною являлась римская система, лучше другихъ приспособленная къ веденію войны въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и притомъ къ веденію ея съ наибольшею энергіею. Этимъ и объясняется то, что войны, веденныя римлянами, приводили къ успѣхамъ и доставили римлянамъ господство надъ всѣмъ древнимъ культурно-историческимъ міромъ, не взирая на то, что талантливые полководцы имѣлись на лицо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и къ тому же еще не было должнаго объединенія власти.

Естественно, и вспомогательные органы высшаго командованія, выработавшіеся у римлянъ, должны быть поставлены выше всѣхъ остальныхъ въ древніе вѣка, но и они были весьма далеки отъ совершенства; мало того, организаціи ихъ (а отсюда и подготовкѣ) были присущи весьма серьезные недостатки, которые не могли быть устранены до самаго конца существованія римскаго государства.

При такихъ условіяхъ, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы отвѣтственность за неудачный исходъ войны въ арміяхъ древневѣковыхъ государствъ возлагалась на вспомогательные органы высшаго командованія во всей ихъ совокупности; по крайней мѣрѣ, не имѣется никакихъ данныхъ для сужденій въ подобномъ духѣ. За то отвѣтственность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, отвѣтственность отдѣльныхъ категорій названныхъ органовъ высшаго командованія и даже отвѣтственность каждаго отдѣльно взятаго чина, принадлежавшаго къ ихъ составу, была опредѣлена достаточно точно, особенно у римлянъ. Но не эта отвѣтственность являлась главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ военныхъ людей, которые исполняли соотвѣтственныя обязанности, къ тому, чтобы проявлять полное усердіе и добросовѣстность. Таковымъ стимуломъ у грековъ и особенно у римлянъ являлось чувство долга, какъ результатъ соотвѣтственнаго воспитанія общаго—гражданскаго и спеціальнаго — военнаго, рука объ руку съ которымъ шло и соотвѣтственное образованіе.

Спеціальная подготовка пріобрѣталась на практикѣ; извѣстный образовательный цензъ признавался необходимымъ, но самъ по себѣ былъ недостаточенъ для того, чтобы дать кому бы то ни было право быть назначеннымъ на одну изъ вышеуказанныхъ спеціальныхъ должностей безъ прохожденія всѣхъ степеней существовавшей въ то время іерархической лѣстницы, каковое прохожденіе было въ

высшей степени важно въ видахъ основательнаго изученія всѣми докладчиками, совѣтниками и исполнителями воли старшихъ начальниковъ всѣхъ условій быта и службы войскъ. Къ сожалѣнію, то, что не предоставлялось вовсе образованію, пріобрѣталось нерѣдко болѣе или менѣе легко благодаря болѣе или менѣе высокому рожденію, богатству и т. п. Правда, среди лицъ, продвигавшихся такимъ образомъ весьма быстро впередъ, оказывались иногда весьма даровитые люди, но ихъ было очень мало; большинство же ничѣмъ не оправдывало тѣхъ льготъ, правъ и преимуществъ, которыя выпадали на ихъ долю болѣе или менѣе не соотвѣтственно ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ. Однако, это зло находилось въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ общей административной системы государства и устранить его никакая военная организація не могла.

Б. Вспомогательные органы высшихъ начальниковъ въ средніе вѣка.

1. Западная Европа.

Въ средніе вѣка, въ государствахъ, возникшихъ на развалинахъ западной римской имперіи, и, вообще, въ романо-германской Европѣ военная система вырабатывалась постепенно изъ смѣси остатковъ римскихъ учрежденій съ варварскими наслоеніями. Опредѣленная военно-административная система начала устанавливаться ранѣе всего во франкской монархіи Меровинговъ, въ тѣсной связи съ развитіемъ общей административной ея системы; постепенно видоизмѣняясь и развиваясь, она являлась образцомъ для другихъ странъ.

Основаніемъ государственнаго устройства у германцевъ, создавшихъ новыя государства, былъ *родъ*, образовавшійся изъ соединенія родственныхъ семействъ. Сосѣдніе роды соединялись въ *общины*, изъ совокупности которыхъ произошли *марки*. Вслѣдствіе причинъ политическаго свойства сосѣднія марки соединялись въ *волости* или *волостныя общины* (Gaugemeinden), занимавшія всю территорію, населенную отдѣльною частью того или другого племени. Эти же причины политическаго и особенно военнаго характера имѣли слѣдствіемъ раздѣленіе волости на сотенные округа, въ которыхъ заключалось столько дворовъ, сколько было нужно для того, чтобы выставить 100 воиновъ. Иногда объединеніе шло еще далѣе волостей. т. е. объединялись цѣлыя племена.

Собственно, народъ составляло лишь свободное населеніе во-

лости. Каждый свободный германецъ назывался «Wer» или «Wehr» и пользовался правомъ оружія (Gewere), которое было связано и съ всеобщею воинскою повинностью. Поэтому германское племя называло себя войскомъ. Призывъ воиновъ подъ знамена для наступательной войны могъ состояться лишь въ томъ случаѣ, если война эта явилась слѣдствіемъ рѣшенія общаго народнаго собранія; при войнѣ же оборонительной, призывъ производился по распоряженію исполнительной власти, представляемой старшинами, кои избирались собраніемъ и исполняли свои обязанности пожизненно. Изъ всѣхъ свободныхъ людей составлялось народное *ополченіе* (Heer-Bann), во главѣ котораго находился *герцогъ* или полководецъ, избираемый на время войны изъ наиболѣе храбрыхъ и опытныхъ воиновъ, преимущественно изъ наиболѣе благородныхъ родовъ («аделинговъ»). Подъ начальствомъ этого полководца находились войска всей волости, собираемыя волостнымъ *княземъ*, которому подчинялись всѣ сотни съ сотенными *графами* во главѣ. Названные младшіе начальники соединяли въ своихъ рукахъ военную и судебную власть.

Благодаря воинственному духу германцевъ, у нихъ встрѣчается особое учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ *дружины* или *свиты* или *гелейта*. Каждая такая дружина служила добровольно какому-либо герою или вождю. Позже ее называли «школою», каковою она и являлась для молодыхъ воиновъ. Она часто оставалась при своемъ вождѣ и въ мирное время, получала отъ него оружіе и содержаніе и увеличивала блескъ его славы, а въ военное время была обязана воевать съ нимъ и защищать его, причемъ получала часть добычи.

Въ случаѣ важныхъ предпріятій нѣсколько такихъ гелейтовъ соединялись и, избравъ себѣ герцога, составляли новый союзъ или *ариманію* (Arimanie, Heermaney). Въ случаѣ успѣха они основывали новыя государства, а въ случаѣ неудачи расходились и ариманія исчезала. Таковы были ариманіи франковъ, бургундовъ, лонгобардовъ и другія.

При покореніи края, часть земель отбиралась на ариманію и, за выдѣленіемъ соотвѣтственной доли предводителю, дѣлилась между воинами сообразно ихъ заслугамъ, по жребію. Подобный участокъ поступалъ въ потомственное владѣніе воина и назывался *аллодомъ* (Loos-Aller—общій жребій). Отсюда и произошла система *аллодіальная*, получившая это названіе отъ аллодовъ, которые являлись вознагражденіемъ за услуги уже оказанныя и не налагали на нихъ

владѣльцевъ никакихъ обязанностей, кромѣ службы въ ополченіи по призыву верховной власти.

Власть предводителей, съ теченіемъ времени, усиливалась; въ болѣе могущественныхъ союзахъ они стали именоваться *королями*; имъ подчинялись герцоги, князья и графы, изъ среды коихъ они и избирали своихъ ближайшихъ помощниковъ и сотрудниковъ.

Осѣвъ на завоеванныхъ земляхъ, подобныя ариманіи подчиняли себѣ туземцевъ, но большею частью не отдѣлялись отъ нихъ непроницаемою стѣною и перемѣшивались съ ними, что и приводило къ возникновенію новыхъ народовъ. Подобный процессъ произошелъ и въ Галліи, гдѣ завоеватели франки не только не чуждались покоренныхъ туземцевъ и не относились къ нимъ съ пренебреженіемъ, но даже подчинились въ извѣстной степени ихъ вліянію. Поэтому и въ монархіи Меровинговъ галло-римляне играли весьма видную роль, а многія римскія учрежденія продолжали существовать безъ измѣненій или подвергались лишь самымъ не существеннымъ измѣненіямъ.

Во главѣ этой франкской монархіи стоялъ король; въ случаѣ его кончины королевство, подобно аллодіальному участку, передавалось его сыновьямъ и дѣлилось между ними. Король объявлялъ войну, заключалъ миръ, собиралъ армію, когда хотѣлъ, и велъ ее, куда находилъ необходимымъ; онъ же устанавливалъ законы съ высшими должностными лицами своего государства («avec ses grands»), которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлись высшими сановниками центральнаго учрежденія, заимствованнаго отъ римской имперіи и извѣстнаго подъ названіемъ королевскаго дворца или *палаціума* (palatium regis, aula regia, domus regia, regis comitatus, по французски «Palais»). Подъ этимъ названіемъ должно подразумѣвать совокупность должностныхъ лицъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, которыя окружали короля въ мѣстѣ его пребыванія или исполняли обязанности его агентовъ въ провинціяхъ; отсюда происходило дѣленіе палаціума на двѣ части, центральную и внѣшнюю. Палаціумъ управлялъ государствомъ и даже церковью.

Цетральная часть палаціума состояла изъ главнаго начальника, *палатнаго мера* или *маіордома* (major domus, rector palatii, maire du Palais), *палатнаго графа* (le comte du palais), *сенешалей* (sénéchaux), *референдаріевъ* (référendaires), *кубикуляріевъ* (cubiculaires), *конюшеннаго графа* (comte de l'écurie), *хранителя печати* (garde du sceau), *казначеевъ* (trésoriers) и цѣлаго ряда *оптиматовъ* (optimates). Имъ подчинялось множество писцовъ и чиновниковъ раз-

наго рода. Сверхъ того, къ этой же части палаціума принадлежали нѣсколько епископовъ, капелланъ и прочее духовенство съ придворнымъ причтомъ. Эта часть палаціума находилась всегда при королѣ, слѣдовала за нимъ при его передвиженіяхъ и составляла королевскій совѣтъ и трибуналъ. Ничто не дѣлалось безъ этихъ королевскихъ «совѣтниковъ», не исключая назначеній на должности герцоговъ и графовъ и даже избранія епископовъ.

Внѣшнюю часть палаціума составляли: а) *герцоги*, *патриціи*, *ректоры* и *графы*, т. е. всѣ лица, управлявшія провинціями и ихъ подраздѣленіями и т. п., б) лица, управлявшія королевскими имуществами (domestici), в) лица, пользовавшіяся казенными землями въ качествѣ временныхъ земельныхъ пожалованій и г) епископы, не находившіеся въ мѣстѣ пребыванія короля. Внѣшняя часть палаціума дополняла, продолжала и развивала въ деталяхъ дѣятельность центральной его части, управляла частями государства въ тѣсномъ смыслѣ и связывала короля и палаціумъ со всею массою населенія.

Воинской повинности подлежало все свободное населеніе государства, которое призывалось къ ея отбыванію по повелѣнію верховной власти провинціальными должностными лицами, главнымъ образомъ герцогами и графами, имѣвшими возможность извлекать изъ этого пользу лично для себя и превратившимися, съ теченіемъ времени, въ могущественныхъ предводителей болѣе или менѣе значительныхъ частей населенія, если не вполнѣ независимыхъ, то на дѣлѣ весьма мало зависѣвшихъ отъ короля.

При такихъ условіяхъ короли начали постепенно терять свою власть, а административная система франкскаго королевства разстраивалась.

Уже въ VI вѣкѣ существовали, а затѣмъ все болѣе и болѣе усиливались и расширялись отношенія и учрежденія, извѣстныя подъ названіями «патроната» и «бенефицій». *Патронатъ* существовалъ еще въ древней Галліи, въ видѣ отношеній сильнѣйшихъ и богатыхъ покровителей или патроновъ къ слабѣйшимъ и бѣднымъ, покровительствуемымъ ими кліентамъ. Меровинги содѣйствовали возрожденію и развитію патроната; они же широко развили систему *бенефицій* или временныхъ пожалованій, которыя существенно отличались отъ прежнихъ аллодіальныхъ надѣловъ; короли жаловали бенефиціи тѣмъ, кои отличались предъ ними особыми заслугами и этимъ путемъ увеличивали число лицъ, обязанныхъ имъ особою службою и давшихъ имъ особую клятву въ вѣрности (fidelité). По примѣру королей и многіе знатные и богатые люди раздавали

бенефиціи и пріобрѣтали вѣрныхъ дружинниковъ, а въ то же время богатѣйшіе аллодіальные владѣльцы соблазнялись возможностью полученія бенефицій и становились королевскими «лейдами» (leudes), короли же раздарили всѣ свои земли и не имѣли болѣе средствъ для удовлетворенія тѣхъ, кои желали получить новыя пожалованія; въ то же время они потеряли всѣхъ своихъ подданныхъ, сдѣлавшихся «вѣрными», т. е. слугами аристократовъ.

Такимъ образомъ *бенефиціальная* система сначала существовала наряду съ аллодіальною, а затѣмъ вытѣснила ее; патронатъ же сначала существовалъ рядомъ съ монархическими учрежденіями, а затѣмъ одержалъ надъ ними верхъ.

Дѣйствительная власть перешла отъ короля къ нѣсколькимъ сотнямъ аристократовъ, знатныхъ сановниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупныхъ собственниковъ, епископовъ, аббатовъ и свѣтскихъ людей, владѣвшихъ большими земельными участками и имѣвшихъ множество «вѣрныхъ» слугъ, готовыхъ служить имъ вездѣ и всегда, противъ кого бы то ни было. У короля остался только одинъ подданный или точнѣе «вѣрный» слуга, глава палаціума, палатный меръ, являвшійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, главою королевскихъ чиновниковъ и правящей аристократіи. Должность палатнаго мера присвоилъ себѣ родъ Пипиновъ, владѣвшій громадными землями, располагавшій наибольшимъ числомъ «вѣрныхъ» слугъ и близко связанный съ церковью, великою силою того времени. Этотъ родъ лишилъ Меровинговъ королевскаго достоинства въ свою пользу, усилилъ королевскую власть и образовалъ вторую франкскую династію, извѣстную подъ названіемъ Каролинговъ.

Величайшій представитель этой династіи, Карлъ Великій, въ качествѣ главы государства, пользовался властью гражданскою и военною, которую франкская монархія унаслѣдовала отъ римской имперіи; подобно римскимъ императорамъ онъ былъ прежде всего главою вооруженной силы государства. Особа его была священна; онъ пріобрѣлъ власть даже по отношенію къ церкви. При немъ верховная власть была очень сильна; знатные аристократы являлись его должностными лицами; совѣтъ являлся скорѣе зрителемъ, чѣмъ соучастникомъ его работы; собраніе лейдовъ являлось орудіемъ управленія, которое собиралось королемъ только для того, чтобы онъ могъ скорѣе сообщить свою волю своимъ чиновникамъ и подданнымъ.

Центральнымъ учрежденіемъ государства являлся по прежнему *палаціумъ*, члены коего, однако, были связаны болѣе тѣсно какъ между собою, такъ и съ особою короля. Они служили ему и какъ

государю, и какъ человѣку и были въ одно и то же время и его домочадцами, и его чиновниками. Это смѣшеніе службы частной съ службою государственною придавало палаціуму характеръ столь могущественнаго орудія административной централизаціи, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи. Главнымъ должностнымъ лицомъ, какъ и ранѣе, былъ *графъ;* графы именовались «товарищами государя» и управляли его именемъ, вблизи или вдали отъ него, являясь его «делегатами»; имъ подчинялись, въ городахъ и въ сельскихъ округахъ, низшіе представители государственной власти. Ежегодно графы ѣздили въ мѣсто пребыванія палаціума, т. е. короля, для полученія повелѣній центральной власти и для непосредственнаго съ нею общенія. Въ видахъ довершенія этой централизаціи, король отправлялъ въ провинціи своихъ довѣренныхъ агентовъ (missi), которые контролировали дѣятельность графовъ и епископовъ и напоминали имъ, что власть свою они получили отъ короля.

Но рядомъ съ государствомъ и церковью существовала и аристократія, изъ среды которой и вышли сами Каролинги; существовали крупное землевладѣніе, крѣпостная зависимость и т. п., бенефиціи, «рекомендація» (порученіе себя чьему либо покровительству и поступленіе къ нему въ болѣе или менѣе зависимыя отношенія), патронатъ и т. д. Даже Карлъ Великій не могъ ихъ ни уничтожить, ни даже измѣнить; онъ долженъ былъ съ ними считаться и сообразоваться; мало того, онъ ихъ окончательно закрѣпилъ.

Лица, имѣвшія вольныхъ слугъ или кліентовъ, которымъ они жаловали бенефиціи, именовались *сеніорами* (senior, старшій); слуги же, получившіе бенефиціи, назывались *юніорами* (junior, младшій) или *вассалами* (vassal); послѣдніе были обязаны являться во всеоружіи по призыву своихъ сеніоровъ, а нѣкоторые изъ нихъ, именовавшіеся вассами, должны были еще приводить съ собою извѣстную вооруженную свиту. Король былъ не только главою государства, но и главою вассаловъ, первымъ въ ряду патроновъ и сеніоровъ; мало того, сеніоръ началъ въ немъ преобладать надъ монархомъ; онъ началъ разсчитывать, въ отношеніи несенія военной службы, только на своихъ вассаловъ, которыхъ могъ наказывать отнятіемъ у нихъ бенефицій; онъ не хотѣлъ имѣть дѣла съ «арьеръвассалами» (подручниками, вассалами королевскихъ вассаловъ) и призналъ надъ ними полную власть ихъ сеніоровъ; онъ отказался отъ непосредственнаго управленія массою народа и рѣшилъ управлять ею не иначе, какъ при посредствѣ сеніоровъ. Такимъ образомъ уже при Карлѣ Великомъ всѣ сеніоры и вассалы, владѣвшіе

бенефиціями, стали въ личныя отношенія другъ къ другу, причемъ получилась цѣлая лѣстница правъ и обязанностей, т. е. бенефиціальная система стала превращаться въ систему ленную или феодальную.

Превращеніе это окончилось при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, признавшихъ въ 843 году пожизненность, а въ 877 году наслѣдственность бенефицій, т. е. санкціонировавшихъ превращеніе ихъ въ *лены* или *феоды*.

Сообразно съ этимъ армія Карла Великаго состояла изъ совокупности отрядовъ, приводимыхъ его «вѣрными» слугами или ихъ замѣстителями; войска епископовъ находились подъ начальствомъ ихъ «видамовъ»; каждый графъ призывалъ всѣхъ свободныхъ людей и приводилъ за собою своихъ «викаріевъ», сотниковъ или «центенаріевъ» и сеніоровъ своего графства; воины собирались по сотнямъ, которыя затѣмъ поступали подъ начальство графа; въ то же время каждый сеніоръ самъ собиралъ своихъ «вѣрныхъ» слугъ или арьеръ-вассаловъ, которые повиновались только ему одному.

Графы, викаріи, центенаріи, сеніоры и видамы являлись строевыми начальниками и избирали помощниковъ и исполнителей своей воли изъ среды своихъ сподвижниковъ. Какъ эти начальники, такъ и ихъ помощники получали необходимую подготовку на практикѣ.

Высшими войсковыми начальниками назначались обыкновенно высшіе сановники государства. Въ ряду этихъ сановниковъ первое мѣсто занималъ *палатный графъ*; за нимъ слѣдовали: а) *сенешаль* или начальникъ «службы стола» (magister regiae mensae, dapifer); б) *виночерпій* (magister pincernarum); в) *начальникъ* королевской *конюшни* (comes stabuli), которому подчинялись *маршалы* (marescalci); г) *казначей* (camerarius); д) чины *королевской квартиры* (cubiculum), въ ряду коихъ первыми были камераріи или *каммергеры* (cubicularii, chambellans); сюда же принадлежали *привратники* (ostiarii, huissiers), *ловчіе* (venatores, veneurs), *тѣлохранители* (satellites, gardes du corps) и *квартирмейстеръ* (mansionarius, maître des logis); обязанности послѣдняго были весьма важны и трудны, ибо онъ долженъ былъ размѣщать дворъ королевскій съ его громаднымъ личнымъ составомъ, который совершалъ передвиженія весьма часто; ж) *протонотарій* или *канцлеръ* (protonotaire, chancelier), завѣдывавшій письменною частью; ему подчинялись *нотаріи* (notarii) съ *писцами* (scribae) и архивъ (archivum palatii); з) *капелланъ* или *архикапелланъ*, завѣдывавшій придворною церковью, причтомъ, школою и т. д.

Карлъ Великій удостаивалъ своего довѣрія и ставилъ во главѣ войскъ тѣхъ изъ числа вышеперечисленныхъ сановниковъ, кои обладали необходимою для подобнаго назначенія подготовкою, не стѣсняясь принадлежностью ихъ къ какому бы то ни было разряду его слугъ. Такъ арміями его командовали: въ 782 году (въ Саксоніи) камерарій Адальгизъ, начальникъ конюшни Гейлонъ и палатный графъ Ворадъ; въ 786 году (въ Бретани) сенешаль, имя коего до насъ не дошло; въ 791 году камерарій Мегенфридъ, а въ 807 году начальнику конюшни Бурхарду было ввѣрено начальство надъ флотомъ. То же самое продолжалось и при преемникахъ Карла Великаго. Вспомогательными органами короля и его полководцевъ являлись избираемые ими лично, нерѣдко для каждаго случая особо, ихъ сподвижники, обнаружившіе способность къ выполненію соотвѣтственныхъ обязанностей.

Съ теченіемъ времени короли изъ династіи Каролинговъ лишились государственной власти, которую раздѣлили между собою ихъ вассалы, свѣтскіе и духовные сеніоры, бывшіе нѣкогда только чиновниками королей и исполнителями ихъ воли, а теперь раздробившіе монархію между собою. Всюду обнаружилось стремленіе къ раздѣльности; общественная дисциплина пала окончательно. Каролинги, считавшіеся юридически главами «вѣрныхъ» слугъ и наслѣдственными королями, въ дѣйствительности не имѣли ни одного подданнаго, ни одного вѣрнаго слуги; королевское достоинство сдѣлалось избирательнымъ и, наконецъ, перешло къ основателю третьей династіи, Гугону Капету (987 — 996), являвшемуся первымъ въ ряду первоклассныхъ королевскихъ вассаловъ и оставшемуся и послѣ того только ихъ главою. Существовало королевское (и даже императорское) достоинство, но носители его были лишены власти. Установился чисто феодальный порядокъ отношеній, при которомъ общество управлялось не въ силу политическихъ законовъ, но въ силу обычаевъ, регулировавшихъ частныя отношенія людей между собою; краеугольнымъ камнемъ этого порядка являлась вѣрность вассаловъ по отношенію къ ихъ сеніорамъ, т. е. основаніе его было въ высшей степени шатко.

При первыхъ Капетингахъ Франція дѣлилась на нѣсколько большихъ леновъ или *высшихъ бароній* (hautes baronnies), владѣтели которыхъ, *первоклассные королевскіе вассалы* или «*пэры короля*», были почти независимы отъ своего государя, который, въ свою очередь, по отношенію къ нимъ являлся какъ бы первымъ между равными. Къ числу этихъ большихъ леновъ принадлежали:

герцогство «Францiя» (владѣнiе короля), Бургундiя, Шампань, Нормандiя, Гiеннь, графство Тулузское, а затѣмъ Фландрiя, графства Анжу и Артуа и герцогство Бретань. Высшiя баронiи дѣлились на *непрямые лены* (fiefs médiats) и *сенiорiи*, коими владѣли *второклассные вассалы* (vassaux tenanciers des hauts barons); изъ нихъ, однако, нѣкоторые соперничали въ отношенiи могущества съ своими сенiорами и стремились къ тому, чтобы сдѣлаться непосредственными королевскими вассалами, а вассалы короля, въ качествѣ владѣтеля герцогства Францiи, почти сразу же попали въ это положенiе. Сенiорiи дѣлились на *баронiи* и простые *лены*, въ зависимости отъ ихъ обширности и отъ числа ленниковъ; владѣвшiе ими *подвассалы* (vavasseurs) имѣли также своихъ «вѣрныхъ» слугъ или ленниковъ. Наконецъ, на послѣдней ступени этой лѣстницы стояли кастелланы (châtelains), владѣльцы одного замка, располагавшiе 10—12 воинами, не считая соотвѣтственнаго числа лучниковъ. По отношенiю къ строевой службѣ низшiе вассалы дѣлились на *знаменныхъ рыцарей* или баннеретовъ (bannerets), имѣвшихъ своихъ вассаловъ, кои слѣдовали подъ ихъ знаменами и *простыхъ рыцарей* (bacheliers). При такихъ условiяхъ военно-iерархическая лѣстница совпадала съ лѣстницею феодальною, что отражалось на системѣ чиноначалiя въ смыслѣ большой сложности.

Основную боевую единицу составляло *копье* (полное — lance fournie), въ которомъ воинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, *рыцарь* (chevalier) имѣлъ за собою одного или нѣсколькихъ *оруженосцевъ* (écuyer), конныхъ слугъ, *лучниковъ* и *кутильеровъ*, *пажей и пѣшихъ слугъ*; копья же, подчинявшiяся одному баннерету (25—80), поставленныя рядомъ, составляли *знамя*.

Кромѣ ленныхъ войскъ, обязанныхъ службою лишь въ теченiи извѣстнаго срока и зависѣвшихъ отъ соотвѣтственныхъ феодальныхъ владѣтелей, какъ король, такъ и эти владѣтели содержали *наемныя* войска, которыя содержались въ зависимости отъ имѣвшейся въ томъ надобности и пополнялись обѣднѣвшими дворянами и вообще свободными людьми, бѣглыми крѣпостными, разнаго рода авантюристами и даже разбойниками, занимавшимися военнымъ дѣломъ, какъ ремесломъ и умѣвшими хорошо владѣть оружiемъ. Эти войска имѣли упрощенную организацiю и систему чиноначалiя; они повиновались безпрекословно тому, кто ихъ нанималъ, до тѣхъ поръ, пока имъ платили жалованье своевременно и исправно, но въ противномъ случаѣ обращались къ грабежу и бунтамъ, причемъ справиться съ ними было трудно.

Наконецъ, съ теченіемъ времени, города, пользуясь покровительствомъ королей, выступали противъ феодальной аристократіи и расширяли свои права и преимущества, опираясь на свои войска, являвшіяся немаловажнымъ составнымъ элементомъ королевскихъ армій.

Во главѣ городскихъ войскъ стояли во Франціи *меры* (major, maire), въ Германіи *бургмейстеры* (Burgmeister), *ширмфохты* (Schirmvoigt), *штадтъ-гауптманы* (Stadthauptmann) или *кригсъ-оберстеры* (Kriegs-Oberster), въ Италіи *подеста* (podesta) или *капитанъ* (capitano del popolo) и т. д. Помощниками ихъ являлись: а) *городовые знаменоносцы* (Bannerherr, Bannerträger, gonfaloniere); б) *городовые судьи* (scabini, échevins) и в) *члены городовыхъ совѣтовъ и военныхъ комисій.*

Армія короля или какого-нибудь первокласснаго вассала (иногда носившаго также королевскій титулъ) могла состоять изъ войскъ ленныхъ, наемныхъ и городскихъ, въ ряду коихъ леннымъ войскамъ принадлежало первостепенное значеніе. Король могъ разсчитывать на содѣйствіе своихъ вассаловъ лишь въ томъ случаѣ, если они желали его поддержать или если они не могли отъ этого уклониться; затѣмъ даже и въ этомъ случаѣ онъ не могъ распоряжаться и вести операціи по своему усмотрѣнію; ему приходилось сообразоваться съ стремленіями и мнѣніями своихъ могущественныхъ «бароновъ».

Такимъ образомъ, чрезмѣрное развитіе индивидуальныхъ стремленій въ господствующемъ сословіи выразилось не только въ смыслѣ политическомъ, въ раздробленіи государства на множество крупныхъ и мелкихъ владѣній, но и въ смыслѣ военномъ, въ безсиліи того же государства для борьбы съ врагами, внутренними и внѣшними. Ослабленію военнаго могущества государства способствовало еще болѣе или менѣе полное устраненіе отъ военной службы народныхъ массъ, сдѣлавшихся неспособными или малоспособными къ защитѣ отечества. Военное дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, сосредоточилось въ рукахъ высшаго, господствующаго сословія, что имѣло весьма важныя послѣдствія въ отношеніи развитія нравственныхъ понятій въ военномъ сословіи: оно облагородило военное званіе и выработало самые прочные и высокіе принципы военной чести, воинской доблести и мужества. Полное проявленіе подобныхъ результатовъ этого порядка вещей выразилось въ томъ замѣчательномъ учрежденіи, которое, по нравственнымъ началамъ, лежавшимъ въ его основаніи, и до сихъ поръ служитъ самымъ свѣтлымъ идеаломъ для всякаго истиннаго воина, т. е. въ *рыцарствѣ.*

Рыцарство и являлось моральною связью между всѣми этими князьями, герцогами, маркизами, графами, виконтами и баронами, являвшимися на зовъ «сюзерена» или государя на конѣ и закованными въ броню. Воиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова и считался только рыцарь, чѣмъ и объясняется первенствующее значеніе рыцарской кавалеріи въ составѣ арміи феодальнаго типа.

Указанному развитію индивидуализма въ высшемъ, богатомъ классѣ, сдѣлавшемъ военное званіе своею исключительною принадлежностью, соотвѣтствовала и форма боевого построенія, строй разомкнутый (en haye), соотвѣтствовало и веденіе боя, распадавшагося на множество отдѣльныхъ схватокъ, поединковъ. Не только обыкновенные баннереты, но даже старшіе начальники сражались, какъ простые рыцари.

При такихъ условіяхъ было трудно управлять даже одною тактическою единицею, знаменемъ, а управленіе цѣлою арміею было сопряжено съ неимовѣрными затрудненіями.

Король, и какъ глава государства, и какъ главнокомандующій его вооруженными силами, пользовался болѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною властью. Онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого центральнаго управленія, какъ его предшественники первыхъ двухъ династій. Большая часть должностей прежняго палаціума сохранилась, но на эти должности королю приходилось нерѣдко назначать тѣхъ же ненадежныхъ «высокихъ бароновъ». Въ XI и въ XII вѣкахъ во главѣ вооруженныхъ силъ Франціи стоялъ *великій сенешаль* (le grand sénéchal de France), которому принадлежала также и высшая судебная власть въ королевскихъ владѣніяхъ. Должность эта въ XII вѣкѣ была наслѣдственной въ домѣ графовъ Анжу, представитель котораго *Генрихъ Плантагенетъ*, въ 1154 г., вступилъ на англійскій престолъ. Такъ какъ онъ и до этого былъ самымъ могущественнымъ изъ вассаловъ французскаго короля, то послѣдній не могъ допустить, чтобы преемники Генриха состояли главными начальниками вооруженныхъ силъ Франціи. Поэтому, начиная съ 1189 года, должность великаго сенешаля не была замѣщаема, а начиная съ 1218 года, обязанности его возлагались на *коннетабля* (connétable), происшедшаго отъ прежняго начальника королевской конюшни (comes stabuli—графъ стойла). Съ этихъ поръ онъ имѣлъ особенно важное значеніе во время войны, когда подъ его начальство поступали всѣ войска, повиновавшіяся королю.

Коннетаблю подчинялись *маршалы* (maréchaux, отъ прежнихъ «marescalci», или отъ словъ «Mars» и «Schalk», хитрый, опытный

или умный, знающій человѣкъ; по инымъ отъ словъ «Mar», «Mähre» и «Schalk», главный конюшій и начальникъ конницы). Подобно коннетаблю, маршалы, въ мирное время, исполняли не только военныя, но и придворныя обязанности. Въ королевскихъ владѣніяхъ имъ подчинялись *бальи* (baillis) и *сенешали* (sénéchaux), соединявшіе въ своихъ рукахъ всѣ вѣтви мѣстнаго управленія и созывавшіе на службу дворянъ и коммунальныя милиціи. Въ военное время маршалъ являлся какъ бы ближайшимъ помощникомъ главнокомандующаго и начальникомъ штаба арміи или ея части, иногда даже съ весьма обширнымъ кругомъ дѣятельности. Онъ устанавливалъ порядокъ движенія войскъ на маршѣ, порядокъ расположенія ихъ въ лагеряхъ и построенія для боя, причемъ избиралъ и мѣста подъ лагери и для боя. На походѣ маршалъ принималъ начальство надъ авангардомъ арміи, организовалъ развѣдываніе и своевременно докладывалъ полководцу объ измѣненіяхъ въ обстановкѣ. Онъ составлялъ планъ сраженія согласно съ идеями главнокомандующаго, располагалъ и строилъ войска, стараясь, чтобы, во время боя, солнце и вѣтеръ были сзади или сбоку своей арміи,—наблюдалъ, какъ на мѣстѣ расположенія, такъ и во время боя, за сохраненіемъ порядка въ войскахъ, за правильнымъ расположеніемъ и исправною службою охраняющихъ частей и карауловъ, и, наконецъ, завѣдывалъ продовольствіемъ и, вообще, хозяйственною частью арміи. Такъ какъ въ тѣ времена не только обыкновенные воины, но даже и главные предводители войскъ могли не умѣть ни читать, ни писать, ни считать, то необходимо было имѣть свѣдущихъ во всемъ этомъ помощниковъ, каковыми обыкновенно и являлись маршалы. Этимъ же объясняется и привлеченіе къ исполненію военной части маршальскихъ и т. п. обязанностей духовныхъ лицъ, которыя обладали довольно высокимъ по тому времени образованіемъ и нерѣдко были весьма свѣдущи въ военномъ дѣлѣ. Таковъ былъ епископъ санлисскій *Гаренъ*, близкій другъ французскаго короля Филиппа II Августа (1180—1223), на основаніи доклада котораго было принято королемъ рѣшеніе дать сраженіе при Бувинѣ 27-го августа 1214 года; онъ же строилъ войска для боя и распоряжался именемъ короля во время самаго боя.

Маршалы имѣли помощниковъ, которые соотвѣтствовали чинамъ войскового генеральнаго штаба; тѣ и другіе получали считавшуюся необходимою подготовку на практикѣ.

При арміяхъ состояли разныя лица и команды, назначавшіяся для содѣйствія частнымъ начальникамъ войскъ, для работъ по исправ-

ленію дорогъ и устройству мостовъ и окоповъ, для занятія мѣстъ подъ лагери и квартиръ и, наконецъ, для производства развѣдокъ о мѣстности и о непріятелѣ. Таковы были: *лагермейстеры* и *квартирмейстеры* (Lager-und Quartiermeister) и строители окоповъ (Schanzbauern), назначенія коихъ явствуютъ изъ ихъ названій. Развѣдки производились легкими войсками (и лазутчиками). Всѣ эти лица и команды подчинялись маршалу и составляли его *штабъ* (Stab, жезлъ, посохъ; отсюда понятіе о подпорѣ, помощи, содѣйствіи; Etat-Major, Staff, Stato-Maggiore), который былъ обязанъ оказывать старшему начальнику содѣйствіе въ отношеніи исполненія лежавшихъ на немъ обязанностей.

При арміяхъ находились еще *военные коммисары* (commissaires de guerre, Kriegs-Commissarien), которые были обязаны наблюдать за исполненіемъ военныхъ законовъ и постановленій, производить инспекторскіе смотры войскамъ и этимъ путемъ удостовѣряться въ наличной ихъ численности.

Изъ другихъ западно-европейскихъ государствъ обращаетъ на себя вниманіе Англія, военная система которой, съ теченіемъ времени, превосходила французскую, такъ какъ давала англійскимъ королямъ возможность выставлять арміи, хорошо организованныя, вполнѣ подчинявшіяся волѣ полководца и, вообще, высшему управленію, способныя къ веденію какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ операцій и имѣвшія въ своемъ составѣ хорошую пѣхоту, которая играла почетную роль и сочеталась гармонически съ кавалеріею, что и давало всей арміи побѣду. Система чиноначалія и военно-іерархическая лѣстница были подобны французской; изъ среды маршаловъ выдѣлялся *графъ-маршалъ*, который опредѣлялъ число дворянъ, обязанныхъ явиться по призыву и ихъ вооруженіе, исполнялъ обязанности главнаго квартирмейстера и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи войсковые суды [1]).

Въ общемъ, феодальная западно-европейская военная система должна быть поставлена ниже таковыхъ же системъ римской имперіи и франкской монархіи первыхъ двухъ династій; заключеніе это приходится сильно усугубить при сравненіи соотвѣтственныхъ военно-административныхъ системъ. Это подтверждается и всѣми частностями упомянутыхъ системъ.

Въ феодальный періодъ исторіи западно-европейскихъ народовъ,

---

[1]) Это не первый и не послѣдній примѣръ подобнаго совмѣщенія обязанностей квартирмейстерскихъ съ обязанностями военныхъ судей.

не исключая и эпохи расцвѣта феодализма, должно отмѣтить: смѣшеніе разнородныхъ обязанностей и крайнюю слабость организаціи какъ всего военнаго управленія, такъ и тѣхъ спеціальныхъ родовъ службы, которые такъ или иначе связывали полководцевъ и, вообще, старшихъ начальниковъ съ войсками. Поэтому и квартирмейстерская часть была поставлена слабѣе, чѣмъ въ древніе вѣка, у римлянъ, и если существовала, то лишь въ видѣ безформеннаго зачатка.

Съ теченіемъ времени не могло не послѣдовать ослабленія причинъ, обусловливавшихъ возникновеніе и существованіе феодализма и его квинтъ-эссенціи, рыцарства; сверхъ того и само рыцарство, по достиженіи высшей точки своего развитія, не замедлило подвергнуться разлагающей силѣ времени, въ борьбѣ съ враждебными элементами; вслѣдствіе этого послѣдовало постепенное пониженіе уровня моральныхъ силъ въ рыцарствѣ и, вообще, въ высшемъ сословіи, что имѣло слѣдствіемъ упадокъ какъ рыцарства, такъ и феодализма.

При этихъ условіяхъ началось ***возрожденіе*** пѣхоты, важность которой была ясно показана столѣтнею войною; дѣло это было начато фламандцами и доведено до конца швейцарцами и чехами-гуситами.

Къ концу среднихъ вѣковъ во Франціи, которая въ общемъ вела за собою западную Европу, выработались новыя условія: постепенно усиливавшаяся королевская власть одержала рѣшительную побѣду надъ феодализмомъ; явилась возможность постепеннаго образованія военной системы на совершенно новыхъ началахъ, соотвѣтствовавшихъ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ, но на это требовалось много времени, а потому подобная система была выработана лишь въ новые вѣка. Теперь же поучительные въ смыслѣ положительномъ образцы организаціи народныхъ массъ для вооруженной борьбы были даны тѣми народами, которымъ принадлежитъ честь возрожденія пѣхоты. Они создали упрощенныя военныя системы и соотвѣтственно простыя системы военнаго управленія и пріобрѣли репутацію «непобѣдимыхъ воиновъ»; ихъ стали всюду призывать на службу и ни одна война въ большей части Европы не обходилась безъ ихъ участія. Ихъ военная организація и сдѣлалась образцомъ для тѣхъ народовъ, съ которыми они такъ или иначе сталкивались, что отразилось и на рѣшеніи вопроса о постановкѣ вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны и поучительны чешскіе образцы, вліяніе коихъ распространилось съ одной стороны на Германію, а

съ другой—на родственныхъ славянъ, поляковъ и даже отчасти на русскихъ, что, впрочемъ, обнаружилось уже въ новые вѣка, когда чешскіе *гейтманы* (hejtman), *ротмистры* (rotmistr), *сотники* (setnik) и младшіе строевые начальники, а равно и *войсковой писарь* прочно основались въ польскихъ, польско-литовско-русскихъ и независимыхъ отъ Польши казачьихъ войскахъ.

Изъ названныхъ должностныхъ лицъ обращаетъ на себя вниманіе войсковой писарь, который не только завѣдывалъ письменною частью, но еще имѣлъ значеніе инспектора и осматривалъ ежемѣсячно вооруженіе воиновъ, обращая особенное вниманіе на оружіе огнестрѣльное; если онъ былъ и выдающимся воиномъ, то являлся ближайшимъ помощникомъ старшаго начальника, соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли штабной службы и веденія войскъ на походѣ и въ бою, заступалъ старшаго начальника въ случаѣ его отсутствія и нерѣдко становился самъ старшимъ начальникомъ въ случаѣ его смерти.

2. Византійская имперія.

Въ восточной римской или византійской имперіи продолжала существовать военная система, унаслѣдованная ею отъ древневѣковой имперіи. Дѣйствіе ея не могло быть вполнѣ правильнымъ вслѣдствіе государственныхъ неустройствъ и нашествій на территорію государства болѣе или менѣе значительныхъ массъ и даже цѣлыхъ народовъ варваровъ. Если имперія эта просуществовала еще около тысячелѣтія, то это объясняется особо благопріятными условіями, главнымъ же образомъ переходомъ руководящей роли отъ римскаго къ *ново-греческому* элементу, обновленному притокомъ свѣжихъ, преимущественно славянскихъ силъ, причемъ, какъ бы связующимъ цементомъ послужило восточное христіанство. На примѣрѣ византійской имперіи лучше всего и выясняются положительныя стороны римской военной системы и въ частности выработанной императорскимъ Римомъ системы военнаго управленія, а равно и организаціи и постановки вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія. Особенно поучительны примѣры рѣшенія соотвѣтственныхъ военныхъ вопросовъ такими императорами, какъ *Маврикій* (582—602), *Ираклій* (610—641), *Іоаннъ Цимисхій* (969—976), *Василій II Болгаробоецъ* (976—1,025) и другіе.

Маврикій, прошедшій, до вступленія на престолъ, всѣ ступени военно-іерархической лѣстницы и обладавшій большимъ боевымъ

опытомъ, самъ направлялъ и регулировалъ дѣятельность вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія, главнымъ образомъ антецессоровъ, метаторовъ и мандаторовъ.

Антецессоры на походѣ высылались впередъ, отыскивали и указывали пути слѣдованія и, въ случаѣ отсутствія метаторовъ, выбирали мѣста для лагерей; при этомъ они должны были узнавать, гдѣ находилась вода, въ какомъ количествѣ и какого качества, и имѣлось ли достаточное количество фуража; они своевременно осматривали рѣки, которыя армія встрѣчала на своемъ пути, и должны были докладывать, о чемъ слѣдовало, главнокомандующему; при выборѣ лагерныхъ стоянокъ они должны были выбрать, а затѣмъ, указать мѣсто каждой меріи, тактической единицѣ, соотвѣтствовавшей дивизіи. Въ видахъ лучшаго исполненія этихъ задачъ они двигались впереди арміи вмѣстѣ съ развѣдчиками. Съ ними же слѣдовали и *метаторы*, которые не только выбирали, но и разбивали мѣста для лагерей, а затѣмъ устраивали лагери и строили необходимыя укрѣпленія.

Мандаторы передавали команды и приказанія начальниковъ.

Всѣ эти чины подчинялись самому полководцу (стратигу или стратегу) или его помощнику (ипостратигу или гипостратегу); послѣдній соотвѣтствовалъ римскому начальнику конницы. При подготовкѣ перечисленныхъ должностныхъ лицъ къ исполненію обязанностей ихъ спеціальной службы обращалось вниманіе на твердое знаніе ими войсковаго быта; теоретическая и практическая подготовка сочетались гармонически; требовался достаточно широкій кругозоръ. Наиболѣе способные изъ числа этихъ чиновъ выдвигались нерѣдко на посты высшихъ начальниковъ.

Не удивительно, что, при такой организаціи и подготовкѣ верха арміи и его вспомогательныхъ органовъ, византійцы имѣли отличныя свѣдѣнія о своихъ противникахъ и далеко не всегда терпѣли пораженія, но, напротивъ того, вели и удачныя войны, одерживали нерѣдко побѣды. Не удивительно также, что и военное искусство у нихъ вовсе не стояло на такой низкой степени развитія, какъ это обыкновенно принято полагать. Не удивительно поэтому, что у нихъ позаимствовали не мало тѣ народы, кои съ ними близко сталкивались и умѣли ихъ оцѣнить, какъ напримѣръ, сарацины и османскіе турки.

3. Народы востока.

У тѣхъ народовъ востока, которые такъ или иначе сталкивались съ европейцами въ средніе вѣка, выработались, чисто естественнымъ

путемъ, военныя системы, основанныя на общеобязательной воинской повинности. Вслѣдствіе особыхъ условій, благопріятствовавшихъ развитію коневодства въ коренныхъ мѣстахъ ихъ жительства, народы эти, выступая на военно-историческое поприще, выставляли войска, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ массъ отличной легкой конницы, способной къ выполненію различныхъ назначеній. Въ войскахъ этихъ господствовала надлежащая дисциплина; полководцы и вообще начальники могли ими управлять въ надлежащемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, эти народы представляли военно-политическіе союзы, организація коихъ была какъ бы приспособлена къ веденію наступательныхъ войнъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Этимъ и объясняются успѣхи, одержанные въ борьбѣ противъ европейцевъ венграми, аравитянами и вообще сарацинами, османскими турками и монголами.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ военная система монголовъ, для которыхъ лучшею школою послужило сосѣдство Китая, еще въ древніе вѣка достигшаго значительной степени совершенства въ отношеніи развитія военнаго искусства, но, съ теченіемъ времени, остановившагося въ этомъ, равно какъ и во всякомъ другомъ развитіи, которое уступило мѣсто застою.

Монголы выступили на историческое поприще въ XII вѣкѣ, когда во главѣ ихъ сталъ знаменитый *Темудзинъ* или *Чингисъ-ханъ*, который, благодаря силѣ своего генія, искусной политикѣ и необыкновеннымъ трудамъ, создалъ обширное государство, имѣвшее въ свое время міровое значеніе не только въ Азіи, но отчасти и въ Европѣ. Онъ заимствовалъ многое у китайцевъ, но это заимствованіе касалось не мертвой формы, а духа, оживотворявшаго тѣ или другія стороны военнаго дѣла; главный же источникъ силы монголовъ Чингисъ-хана заключался въ томъ, что онъ отлично воспользовался всѣми физическими условіями Монголіи и свойствами своего народа, цѣнными въ военномъ отношеніи, и далъ ихъ развитію такое направленіе, которое привело къ самымъ положительнымъ результатамъ. Онъ далъ монголамъ цѣлый сводъ законовъ и постановленій, коими регулировалъ всѣ стороны ихъ жизни и быта, ихъ отношеній къ верховной власти и въ частности военной службы.

Каждое племя, имѣвшее во главѣ эмира или темника, кочевало на отведенномъ ему пространствѣ земли и дѣлилось на тысячи, сотни и десятки юртъ или кибитокъ, съ десятниками, сотниками и тысячниками во главѣ. Смотря по надобности, при наборѣ войскъ, каждый десятокъ юртъ выставлялъ по одному или болѣе человѣкъ,

которые соединялись также въ десятки, сотни и тысячи и подчинялись соотвѣтственнымъ команднымъ начальникамъ. Воины получали боевую подготовку, начиная съ юношескаго возраста, снаряжались и содержались на счетъ своихъ десятковъ. Въ войскахъ господствовалъ строгій порядокъ. Чингисъ-ханъ достигалъ этого посредствомъ принятія достаточно строгихъ мѣръ, а главнымъ образомъ, благодаря своему замѣчательному умѣнью оцѣнивать и выбирать людей. По его собственнымъ словамъ, это умѣнье и было главною причиною его возвышенія. Онъ совѣтовалъ своимъ наслѣдникамъ обратить главное вниманіе на оцѣнку людей, выбираемыхъ въ начальники и на разныя должности, ручаясь при этомъ, что имперія его будетъ существовать тысячелѣтія, если только его потомки будутъ умѣть выбирать себѣ достойныхъ и способныхъ сотрудниковъ для управленія. Самъ онъ «храбрымъ и умнымъ ввѣрялъ войска, дѣятельнымъ и распорядительнымъ — храненіе обозовъ, неповоротливымъ—смотрѣніе за скотомъ».

Главныя части управленія были ввѣрены сыновьямъ Чингисъ-хана, изъ коихъ Тулую была поручена часть военная. Во главѣ крупныхъ частей арміи и отрядовъ стояли особые начальники. При главнокомандующемъ и вообще при старшихъ начальникахъ находились *штабы*, въ составъ коихъ входили: а) *юртъ-джи*, которые располагали лѣтнія и зимнія кочевки, назначали мѣста лагерей при движеніи войскъ, назначали мѣста для юртъ хана, главныхъ чиновъ арміи и т. д., а во время походовъ въ степяхъ и безводныхъ пространствахъ опредѣляли, какое количество воды и продовольствія должно имѣть съ собою на маршѣ; б) *тева-джи*, или верблюдовожатые; в) *буляргу-джи* (или *буланъ-газы*), начальникъ военной полиціи; г) *бекаулъ*, интендантъ и казначей; д) *таргу-джи* (или *джаркучи*), хранитель печати и судья; ж) *есаулы*, которые указывали мѣста всѣмъ чинамъ арміи во время церемоній, охоты, на смотрахъ и при выступленіи изъ лагеря; нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что старшій есаулъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и генералъ-интендантомъ арміи. По всему вѣроятію, имѣлись должностныя лица, завѣдывавшія и разными другими отраслями управленія или исполнявшія разныя другія спеціальныя обязанности.

Юртъ-джи имѣли главнаго начальника, соотвѣтствовавшаго европейскому генералъ-квартирмейстеру, который подчинялся самому хану или полководцу. Приказанія хана передавались состоявшими при немъ чиновниками непосредственно «темникамъ» или десятитысячникамъ и начальникамъ племенъ, которые уже отъ себя приказывали, что слѣдовало, своимъ подчиненнымъ.

Сборъ свѣдѣній о вѣроятныхъ противникахъ до войны и подготовка къ войнѣ направлялись самимъ Чингисъ-ханомъ, который самъ же направлялъ и велъ операціи. При этомъ избранные имъ войсковые начальники и вспомогательные органы высшаго командованія отлично исполняли свои обязанности. Столь замѣчательные подборъ и подготовка тѣхъ и другихъ и соотвѣтственное общее руководство со стороны самого Чингисъ-хана играли весьма видную и даже первостепенную роль въ ряду тѣхъ причинъ, кои доставили Чингисъ-хану цѣлый рядъ блестящихъ успѣховъ.

Это же заключеніе можетъ быть распространено и на рѣшеніе этихъ же вопросовъ его потомкомъ *Тамерланомъ*, при которомъ военное искусство монголо-татаръ достигло высшей степени своего развитія. Его вооруженныя силы превышали 800,000 человѣкъ; всѣ войны содержались на счетъ казны; не довольствуясь своимъ могуществомъ, онъ покорилъ Индію, а послѣ того, въ 1402 году, раздавилъ турецкаго султана Баязета въ сраженіи при Ангорѣ; въ этомъ сраженіи его армія состояла изъ 300,000—350,000 человѣкъ; въ тылу у него имѣлись хорошо устроенныя и надежно обезпеченныя комуникаціонная линія и база съ достаточнымъ количествомъ различныхъ предметовъ довольствія при условіи эксплуатированія средствъ страны.

Эти поразительные результаты могли быть достигнуты лишь благодаря тѣмъ же даннымъ, которыя уже упомянуты выше, при выясненіи причинъ успѣховъ Чингисъ-хана, начиная съ генія самого монарха-полководца и кончая отличною подготовкою его вспомогательныхъ органовъ управленія и командованія.

Не удивительно, что монголо-татары одерживали успѣхи и въ Азіи, и въ Европѣ, планъ покоренія которой былъ составленъ самимъ Чингисъ-ханомъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ Чжебе и Субутаемъ (въ 1224 году). Не удивительно, что Русь, ослабленная удѣльною системою, раздорами и междоусобіями, сдѣлалась ихъ легкою добычею. Не удивительно, что она освободилась отъ монгольскаго ига, когда золотая орда не могла уже противопоставить ей такую военную систему, какою располагали Чингисъ-ханъ, его ближайшіе преемники и Тамерланъ. Удивительнымъ можетъ быть признано скорѣе то, что причины успѣховъ монголо-татаръ ускользали отъ пониманія какъ современниковъ, такъ и позднѣйшихъ изслѣдователей, которые, ради ихъ варварства, игнорировали сильныя стороны ихъ военной системы. Поэтому же игнорировалось и рѣшеніе ими вопросовъ объ организаціи, подготовкѣ и постановкѣ

вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія, заслуживающее, однако, серьезнаго вниманія.

4. Русь въ удѣльно-вѣчевой періодъ своей исторіи. Военная и военно-административныя системы древне-русскаго княжества въ связи съ общею административною его системою. Вспомогательный органъ высшаго военнаго управленія.

Русь, въ удѣльно-вѣчевой періодъ своей исторіи, расчленилась на княжества. Въ каждомъ княжествѣ князь управлялъ самъ, соединяя въ себѣ всѣ виды власти и неся на себѣ всю отвѣтственность за управленіе. По мѣрѣ необходимости онъ собиралъ народное «вѣче» для рѣшенія государственныхъ вопросовъ, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ, но это вѣче не было постояннымъ учрежденіемъ.

Необходимую помощь въ дѣлахъ управленія князь находилъ въ «княжеской думѣ», имѣвшей совѣщательный характеръ, которая составлялась изъ лучшихъ людей, старшихъ въ княжеской дружинѣ, бояръ. Для ближайшаго наблюденія за управленіемъ, для отправленія суда и для сбора податей князь выѣзжалъ періодически изъ своего стольнаго города и отправлялся въ объѣздъ по своей волости «на полюдье»; для постояннаго же и непосредственнаго осуществленія соотвѣтственной доли власти, онъ оставлялъ въ различныхъ мѣстахъ волости своихъ помощниковъ, причемъ подобная организація управленія, кругъ и порядокъ дѣятельности его органовъ, а равно и степень предоставленной имъ власти зависѣли исключительно отъ усмотрѣнія князя, который принималъ въ соображеніе лишь условія времени и мѣста. Онъ сажалъ по городамъ и областямъ своихъ мужей [1]), намѣстниковъ, посадниковъ, волостелей, которые его замѣняли и рѣшали дѣла данною имъ властью. Сверхъ того, для завѣдыванія имуществомъ и доходами, лично княжескими и государственными, для отправленія правосудія и т. д., существовалъ еще цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, имѣвшихъ, какъ государственное значеніе, такъ и значеніе личныхъ слугъ князя [2]). При этомъ князь вѣдалъ обыкновенно государственныя дѣла въ формѣ своего частнаго хозяйства, а потому и личные его слуги, завѣды-

---

[1]) «Мужъ, мужи»—значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ. Слово «мужъ» употреблялось для означенія отдѣльнаго дружинника. Кромѣ того оно имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означая дружинниковъ 2-го разряда. [2]) Тіуны, ключники, дворскіе и т. д.

вавшіе его имуществомъ и его доходами, являлись одновременно и органами государственнаго управленія.

При такихъ условіяхъ дворцовое управленіе князя переплеталось съ управленіемъ самымъ княжествомъ, а потому и органы княжескаго управленія въ этотъ періодъ не могли получить значенія государственныхъ сановниковъ и чиновниковъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Наибольшее развитіе получили органы хозяйственнаго управленія и суда, достигшіе даже нѣкотораго обособленія; военное же управленіе развивалось весьма слабо и медленно.

Вооруженныя силы древне-русскаго княжества состояли изъ дружинъ княжеской и боярскихъ, народнаго или земскаго войска и иноземныхъ наемниковъ. Княжеская дружина образовалась изъ людей близкихъ къ князю, которые сопровождали его на войну, составляли его совѣтъ во время мира, заступали его въ качествѣ посадниковъ, намѣстниковъ и т. д. Они составляли общество, члены котораго были связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ. Доступъ въ нее былъ открытъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно же туземцамъ [1]), но самымъ фактомъ принятія въ это общество новый дружинникъ причислялся къ разряду лучшихъ людей во всемъ народѣ. Князь не жалѣлъ ничего для дружины, но и дружинники считали для себя позоромъ оставить поле битвы, потерявъ князя.

При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ князя и дружины, естественно, что она являлась отборною частью княжеской рати, на вѣрность, храбрость и доблести которой князь могъ смѣло положиться въ походѣ и въ бою. Естественно также, что эта же дружина являлась школою и разсадникомъ сотрудниковъ и помощниковъ князя по управленію какъ княжествомъ, такъ и его вооруженными силами. Боярскія дружины организовались по образцу княжескихъ и обладали въ большей или меньшей степени тѣми же достоинствами.

Дружины имѣли въ своемъ составѣ, кромѣ бояръ, большее или меньшее число младшихъ воиновъ или «отроковъ»; тѣ и другіе не были связаны съ землею. Подобныя дружины вполнѣ соотвѣтствовали характеру князей разсматриваемаго періода нашей исторіи, которые нерѣдко покидали одинъ княжескій столъ для другого (главнымъ образомъ старшаго), въ предѣлахъ общей родовой отчины, русской земли.

---

[1]) Первоначально дружины состояли преимущественно изъ варяговъ, но, съ теченіемъ времени, онѣ стали пополняться, главнымъ образомъ, чисто русскими людьми.

Народныя или *земскія* войска, или такъ называемые «вои» составлялись изъ жителей городовъ и селъ, набиравшихся по случаю похода. Князь объявлялъ о походѣ въ стольномъ городѣ народу, собравшемуся на вѣче; здѣсь же и рѣшали выступить въ походъ. Позже право призыва населенія къ оружію принадлежало князю всецѣло и исключительно. Войска эти набирались княжескими намѣстниками, волостелями и другими органами гражданскаго управленія, которое еще не отдѣлялось рѣзкою гранью отъ военнаго. Изъ каждаго семейства выходилъ отецъ со всѣми сыновьями, кромѣ младшаго взрослаго, который оставался дома для охраненія семейства. Сельчане выступали въ походъ подъ начальствомъ своихъ *старостъ*, а горожане сводились въ десятки и сотни, во главѣ коихъ находились *десятскіе* и *сотскіе*; высшимъ начальникомъ являлся, повидимому, старшій изъ сотскихъ, получившій, съ теченіемъ времени, названіе *тысяцкаго*. Младшіе начальники частью выбирались воинами, частью назначались свыше; тысяцкій же, являвшійся воеводою всѣхъ земскихъ войскъ, назначался княземъ изъ состава дружины. По окончаніи похода вои распускались по домамъ.

Наемныя войска составлялись изъ варяговъ, печенѣговъ, торковъ и т. д., являлись съ готовою уже военною организаціею и отпускались по минованіи надобности; впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ принимались на службу на болѣе продолжительное время для охраны границъ, причемъ сохраняли упомянутую организацію.

Для управленія этими вооруженными силами княжества не существовало особыхъ органовъ чисто военнаго характера; обязанности же таковыхъ исполнялись различными органами общаго управленія княжествомъ, переплетавшагося съ дворцовымъ управленіемъ князя. Это не вызывало особенныхъ неудобствъ и затрудненій, такъ какъ каждый житель княжеской «волости» былъ воиномъ, былъ всегда готовъ къ защитѣ своего очага и имущества противъ враговъ, имѣлъ у себя подъ рукою необходимое вооруженіе и снаряженіе, выходилъ въ походъ съ своимъ запасомъ продовольствія, а когда этотъ запасъ истощался, то долженъ былъ промышлять самъ, дабы себя продовольствовать и содержать въ теченіе всего похода. Лишь въ особыхъ случаяхъ вои довольствовались запасами, которые поставлялись мѣстнымъ населеніемъ подъ наблюденіемъ назначенныхъ для этого свыше должностныхъ лицъ. Эти же должностныя лица наблюдали за сборомъ необходимыхъ подводъ, дѣлали распоряженія объ отводѣ войскамъ квартиръ, объ отысканіи проводниковъ и т. п.

Такимъ образомъ, военно-административная система отдѣльно взятаго древне-русскаго княжества еще только начинала вырабатываться; связь княжествъ между собою и съ верховною властью великаго князя была еще слаба, а потому далѣе отдѣльно взятаго удѣльнаго княжества пока идти не приходится.

При такихъ условіяхъ вспомогательный органъ высшаго военнаго управленія могъ существовать лишь въ видѣ безформеннаго зачатка. Вспомогательные органы войсковыхъ начальниковъ существовали во всѣхъ трехъ разрядахъ вооруженныхъ силъ, но не имѣли постояннаго характера. Первое мѣсто въ ряду ихъ принадлежало вспомогательнымъ органамъ самого князя, какъ верховнаго вождя всѣхъ упомянутыхъ вооруженныхъ силъ. Они избирались имъ лично изъ состава дружины. Кромѣ спеціальныхъ своихъ обязанностей, они исполняли и другія обязанности, болѣе или менѣе разнообразныя, въ зависимости отъ своихъ способностей и отъ того довѣрія, которое оказывалъ имъ князь. Съ теченіемъ времени, они назначались начальниками соотвѣтственныхъ частей рати и переходили изъ разряда младшихъ въ число старшихъ дружинниковъ, наиболѣе близкихъ къ особѣ князя и, такимъ образомъ, принадлежность ихъ къ вспомогательнымъ органамъ высшаго военнаго управленія прекращалась.

5. Измѣненія въ общей административной системѣ всей Руси въ концѣ удѣльно-вѣчеваго періода ея исторіи.

Единство русской земли поддерживалось сначала единствомъ княжескаго рода, общимъ владѣніемъ этою землею. Хотя каждый князь былъ независимъ въ отношеніи управленія своею волостью, въ смыслѣ государственномъ, но всѣ вообще князья являлись лишь временными правителями различныхъ областей; они смѣнялись если не по волѣ старшаго великаго князя, то, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе «рядовъ съ нимъ», общихъ родовыхъ счетовъ и «рядовъ»; судьба каждой волости находилась въ зависимости отъ событій, происходившихъ на главной исторической аренѣ, около старшаго стола княжескаго, т. е. въ Кіевѣ. Но, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя области выдѣляются въ особыя княжества вслѣдствіе причинъ физическихъ и историческихъ. Особенно важное значеніе имѣло обособленіе сѣверо-восточной, Волжской половины Руси, въ которой утвердилась одна изъ вѣтвей княжескаго рода (поколѣніе Юрія, младшаго сына Владиміра Мономаха). Здѣсь сосредоточивается сила матеріальная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сила нравственная. Въ

XII вѣкѣ Русь юго-западная подчиняется вліянію Руси сѣверо-восточной; хотя это вліяніе и имѣетъ временный характеръ, но центръ тяжести, во всякомъ случаѣ, перемѣщается на сѣверо-востокъ. Здѣсь, вдали отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, обладающая наибольшею жизнеспособностью и энергіею, сравнительно юная сѣверная Русь вырабатываетъ для себя крѣпкія основы быта. Возникшее, такимъ образомъ, различіе двухъ главныхъ частей древней Руси и проистекавшее отсюда стремленіе къ обособленности обусловливаютъ нарушеніе общаго родового владѣнія и постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя.

При такихъ условіяхъ среди князей развивается стремленіе упрочить свой удѣлъ за собою и за своимъ нисходящимъ потомствомъ; дружинники же, переходившіе прежде, вмѣстѣ съ княземъ, изъ одного удѣла въ другой, начинаютъ пріобрѣтать осѣдлость; оставаясь воинами, они становятся и землевладѣльцами и пріобрѣтаютъ особые интересы, а равно и связь съ мѣстнымъ населеніемъ. Князь имѣетъ дѣло не съ дружиною въ прежнемъ ея видѣ, но съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ *бояръ* и другихъ отдѣльныхъ *слугъ*.

6. Военная и военно-административная системы: а) русскихъ княжествъ великихъ и удѣльныхъ въ періодъ владычества монголо-татаръ и б) Руси сѣверо-восточной въ великокняжескій періодъ ея исторіи. Вспомогательные органы высшаго военнаго управленія.

Монголо-татарское владычество не только не препятствовало, но даже способствовало скорѣйшему развитію и осуществленію начавшейся въ концѣ предыдущаго періода эволюціи общей административной системы если не всей совокупности русскихъ княжествъ, то по крайней мѣрѣ княжествъ сѣверо-восточныхъ. Въ періодъ монголо-татарскаго владычества, со второю половиною котораго совпалъ великокняжескій московскій періодъ, вооруженныя силы Руси сѣверо-восточной состояли изъ войскъ великокняжескихъ, войскъ удѣльныхъ князей и войскъ городовъ Новгорода и Пскова. Войска великихъ и удѣльныхъ князей имѣли тотъ же характеръ, что и въ предъидущій періодъ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что бывшая дружина сильно разрослась, особенно великокняжеская и изъ нея сталъ выдѣляться княжескій или великокняжескій *дворъ*, который составляли «лучшіе люди», или «большіе люди» (или еще иначе «нарочитые», или «старѣйшіе», или «великіе» люди); затѣмъ слѣдовали «меньшіе» или «молодшіе» люди; тѣ и другіе на-

зывались *боярами*, *большими* и *меньшими*, позже *путными*. Бояре въ низшихъ своихъ слояхъ незамѣтно сливались съ слѣдующими разрядами «княжихъ слугъ» или княжескихъ вольныхъ слугъ, каковыми должно признать «*дѣтей боярскихъ*» и «*дворныхъ людей*»; позже «*дворянъ*». Всѣ они сохраняли до тѣхъ поръ, пока существовали удѣлы, право «отъѣзда», т. е. перехода отъ одного князя на службу къ другому. Всѣ они образовали высшее военное служилое сословіе, главную обязанность котораго составляла военная служба въ военное время, по призыву верховной власти.

Дворъ великокняжескій представлялъ лучшую часть войска, къ которому сверхъ того принадлежали, по прежнему, и городовые полки. Дворы и войска удѣльныхъ князей представляли подобіе великокняжескихъ, постепенно сокращались и, наконецъ, съ утвержденіемъ единодержавія, слились съ великокняжескими. Войска городовъ не имѣли въ своемъ составѣ такой части, которая могла бы сравняться съ дворомъ великокняжескимъ, и вообще не имѣли достаточно прочной организаціи. Къ концу разсматриваемаго періода элементы, изъ коихъ состояли эти войска, вошли въ общую систему войскъ великокняжескихъ.

Съ теченіемъ времени могущество и власть великаго князя московскаго усиливаются; великокняжеская дума становится покорнымъ орудіемъ его воли; управленіе и судъ принадлежатъ исключительно ему одному; великій князь управляетъ черезъ своихъ воеводъ, намѣстниковъ, тіуновъ, дьяковъ и т. д., передавая имъ различные отдѣлы и части управленія. По мѣрѣ роста государства число этихъ должностныхъ лицъ увеличивается, но характеръ управленія, въ сравненіи съ предъидущимъ періодомъ, нисколько не измѣняется, т. е. управленіе великокняжескимъ дворомъ и имуществомъ переплетается съ управленіемъ государствомъ, предѣлы власти и кругъ дѣятельности должностныхъ лицъ не имѣютъ разъ на всегда опредѣленнаго характера и находятся въ зависимости отъ усмотрѣнія великаго князя, смѣшеніе властей и вѣдомствъ не прекращается, военное управленіе все еще не отдѣляется рѣзкою гранью отъ гражданскаго.

Постоянной вооруженной силы еще нѣтъ; народныя массы постепенно устраняются отъ военной службы, которую несутъ по призыву великаго князя главнымъ образомъ землевладѣльцы, бояре, дѣти боярскіе, дворяне и прочіе служилые люди, обязанные служить на своемъ собственномъ иждивеніи. Войско собирается лишь въ случаѣ войны; вооруженіе его, снаряженіе, боевая подготовка,

продовольствованіе и вообще снабженіе всѣмъ необходимымъ особенныхъ заботъ со стороны государства не требуютъ.

При такихъ условіяхъ военное управленіе имѣетъ почти такой же характеръ, какъ и въ предъидущій періодъ, но такъ какъ въ рукахъ великаго князя московскаго сосредоточилось управленіе вооруженными силами всей Руси сѣверо-восточной, то центръ тяжести этого управленія, естественно, находится въ великокняжескомъ дворѣ, который, въ то же время, служитъ школою для будущихъ должностныхъ лицъ и войсковыхъ начальниковъ.

Воеводы, стоящіе во главѣ ратей и полковъ, и вообще старшіе войсковые начальники назначаются изъ состава перваго разряда великокняжескаго двора, изъ среды «большихъ бояръ» или «*бояръ введенныхъ*», т. е. бояръ, введенныхъ во дворецъ для постоянной помощи государю въ дѣлахъ управленія, позже именовавшихся просто «боярами». За ними слѣдуютъ «бояре меньшіе», или «*бояре путные*», или «*путники*», исполняющіе обязанности, какъ придворныя и вообще (по нынѣшней терминологіи) «гражданскія», такъ и спеціально военныя. Подобно тому, какъ сначала во главѣ рати или полка стоитъ «большій бояринъ», имѣющій своимъ ближайшимъ помощникомъ «меньшаго боярина», такъ позже ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ «боярина введеннаго» является «бояринъ путный», который вѣдаетъ все относящееся къ передвиженіямъ рати или полка, а равно и самого государя съ его «ближними людьми», если онъ находится при войскѣ. Съ теченіемъ времени «бояре путные» смѣняются «*окольничими*», которые несутъ службу въ походахъ государевыхъ и «ѣздятъ передъ государемъ по станамъ». Если во главѣ рати или полка стоитъ «бояринъ», то его ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ является «окольничій».

Такимъ образомъ «путные бояре», а затѣмъ «окольничіе» являются на Руси прототипомъ съ одной стороны государевой свиты, а съ другой старшихъ офицеровъ генеральнаго штаба; въ то же время, подобно всѣмъ должностнымъ лицамъ того времени, они исполняютъ и придворныя и разныя другія обязанности и порученія, возлагаемыя на нихъ государями. Путные бояре вмѣстѣ съ боярами введенными, окольничіе вмѣстѣ съ боярами составляютъ княжескую или государеву думу, но занимаютъ въ ней второстепенное мѣсто. Великій князь или князь пользуется ими, какъ совѣтниками, а въ походѣ и какъ докладчиками; они составляютъ вспомогательный органъ князя и воеводъ (бояръ введенныхъ, позже бояръ) въ дѣлѣ управленія ратью при расположеніи на мѣстѣ, на

походѣ и въ бою; повидимому, и въ отношеніи сбора свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности и вообще въ отношеніи оріентированія и распознаванія обстановки имъ принадлежитъ главная роль, но вездѣ, гдѣ требуется извѣстный образовательный цензъ и въ особенности способность къ веденію переписки и вообще къ завѣдыванію письменною частью, они уступаютъ мѣсто свѣдущимъ по этой части людямъ, *писцамъ*, которые, съ теченіемъ времени получаютъ наименованіе *дьяковъ*. Послѣдніе первоначально являлись должностными лицами дворцоваго управленія, завѣдывавшими не только письменною его частью, но и личнымъ имуществомъ и доходами князя и даже мелкими государственными дѣлами.

Объединеніе всего высшаго военнаго управленія, равно какъ и завѣдываніе всѣми вспомогательными органами высшаго командованія было дѣломъ самого князя или великаго князя, который иногда, во время похода, ставилъ въ положеніе своего главнаго помощника и совѣтника лицо, заслужившее его полное довѣріе.

7. Вторая половина XIV вѣка. Сборъ свѣдѣній о противникѣ до и во время войны. Распознаваніе обстановки. Планъ кампаніи и операціи. Исполненіе плановъ. Дѣятельность вспомогательныхъ органовъ высшихъ войсковыхъ начальниковъ.

Сборъ свѣдѣній о вѣроятныхъ противникахъ производился еще въ мирное время, для чего пользовались *послами*, кои отправлялись для переговоровъ открыто, *тайными развѣдчиками*, *служилыми людьми*, переѣзжавшими отъ одного князя къ другому, *купцами*, посѣщавшими чужія земли и т. п. Иногда эта организація сбора свѣдѣній въ мирное время связывалась настолько тѣсно съ организаціею того же сбора въ военное время, что не было возможности провести между ними рѣзкую границу, какъ, напримѣръ, до и во время похода великаго князя Димитрія Іоанновича къ верховьямъ Дона въ 1380 году.

Въ военное время свѣдѣнія собирались всѣми возможными способами; развѣдки производились непрерывно; развѣдывали и одиночные развѣдчики, и мелкіе разъѣзды (именовавшіеся иногда «подъѣздами»), и крупные конные отряды; послѣдніе высылались въ особо важныхъ случаяхъ, состояли, повидимому, изъ нѣсколькихъ сотенъ и большаго числа всадниковъ и нерѣдко обладали вполнѣ законченною организаціею. Таковы были, напримѣръ, высланные великимъ княземъ Димитріемъ въ придонскую степь, съ цѣлью «добыть языка» и провѣрить свѣдѣнія, полученныя отъ посла къ Мамаю Заха-

рія *Тютчева*, «крѣпкія сторожи» Родіона *Ржевскаго* и Климента *Поленина*, изъ коихъ каждый имѣлъ двухъ помощниковъ; эти помощники могли помогать начальнику «сторожи» въ исполненіи имъ обязанностей его службы, не отдѣляясь отъ него, могли исполнять различныя отдѣльныя назначенія и особыя порученія и, наконецъ, могли замѣщать начальника въ случаѣ его отсутствія или выбытія изъ строя. Таковъ же былъ и развѣдывательный отрядъ Семена *Мелика*, высланный тѣмъ же великимъ княземъ, тотчасъ послѣ переправы черезъ Оку, «подъ самую татарскую сторо̀жу» съ приказаніемъ «добыть языка»; при Меликѣ находилось пять «лучшихъ» московскихъ дворянъ, являвшихся лучшими же воинами и развѣдчиками; большее, чѣмъ въ предъидущихъ случаяхъ, число чиновъ, способныхъ исполнять особо важныя порученія, объясняется близостью противника и вообще усложненіемъ обстановки. Каковы могли быть и были въ нѣкоторыхъ случаяхъ результаты организованнаго на такихъ началахъ сбора свѣдѣній о противникѣ и вообще распознаванія обстановки и какъ эти результаты отражались или могли отражаться на соображеніяхъ представителей высшаго командованія, на ихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ, можно судить на основаніи опыта той же кампаніи 1380 года.

Захарій Тютчевъ изъ Рязанской земли донесъ великому князю, что татары наступаютъ къ московскимъ предѣламъ, что они заключили союзы съ Ягайлою, великимъ княземъ литовскимъ, и съ Олегомъ рязанскимъ и что соединеніе союзниковъ назначено на 1-е сентября, на берегахъ р. Оки, откуда они предполагаютъ продолжать общее наступленіе всѣми силами къ Москвѣ.

Получивъ это донесеніе, великій князь, послѣ совѣта съ главными своими сподвижниками, окончательно принялъ наступательный планъ дѣйствій (который, повидимому, былъ уже намѣченъ ранѣе), имѣя цѣлью предупредить соединеніе союзниковъ, для чего рѣшилъ двинуться сколь возможно быстрѣе противъ опаснѣйшаго врага, Мамая, находившагося южнѣе предѣловъ Рязанской области, и разбить его ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ соединиться съ Ягайлою и Олегомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь назначилъ общимъ сборнымъ пунктомъ (вмѣсто Москвы) Коломну и принялъ мѣры для дальнѣйшихъ развѣдокъ о непріятелѣ (высылка «сторо̀жи» Ржевскаго и т. д.). Ржевскій донесъ нижеслѣдующее: «татары несомнѣнно наступаютъ на Русь со всею ордою; Ягайло и Олегъ дѣйствительно съ ними въ союзѣ. Мамай видимо не спѣшитъ, выжидаетъ соединенія съ союзниками, а съ другой стороны имѣетъ въ

виду окончаніе уборки хлѣба, разсчитывая воспользоваться готовыми запасами». Получивъ это донесеніе, великій князь повелѣлъ ускорить сосредоточеніе рати и назначилъ 15-е августа срокомъ для общаго сбора дружинъ.

Когда рать находилась близъ впаденія р. Лопасни въ р. Оку, были получены отъ развѣдывательныхъ отрядовъ новыя свѣдѣнія, до насъ не дошедшія, но, повидимому, имѣвшія весьма важное значеніе, такъ какъ великій князь, получивъ ихъ, рѣшилъ ускорить маршъ и приказалъ начать тотчасъ же переправу черезъ Оку.

Около 7-го сентября, когда всѣ силы Руси сосредоточились сѣвернѣе впаденія Непрядвы въ Донъ, были получены весьма важныя свѣдѣнія. Меликъ (изъ-за Дона) прислалъ дворянъ Петра Горскаго и Карпа Александровича съ захваченнымъ въ плѣнъ татариномъ изъ свиты самого Мамая, который показалъ, что Мамай съ большими силами (200,000—300,000 чел.) находится за Дономъ, приблизительно въ трехъ небольшихъ переходахъ, но двигается впередъ медленно, ожидая присоединенія литовцевъ и рязанцевъ; о близости русской рати Мамай не знаетъ и полагается на увѣреніе Олега рязанскаго, что Димитрій не отважится выйти ему навстрѣчу; Олегъ находится «гдѣ-то на востокѣ, къ сторонѣ Рязани»; прибытіе литовцевъ изъ Одоева ожидается дня черезъ три; къ этому же времени, по всему вѣроятію, Мамай и перейдетъ черезъ Донъ. Развѣдки, произведенныя въ направленіи къ Одоеву, подтвердили показаніе плѣннаго татарина относительно движенія Ягайлы.

При такихъ обстоятельствахъ великій князь собралъ военный совѣтъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились: князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи и другіе, болѣе смѣлые военачальники требовали перехода черезъ Донъ и рѣшенія операціи посредствомъ наступательнаго боя; въ тоже время болѣе осторожные члены совѣта предпочитали, оставивъ Донъ и Непрядву впереди фронта, ожидать татаръ на переправахъ. Великій князь не только принялъ смѣлое рѣшеніе перейти черезъ Донъ и атаковать Мамая, но и вдохнулъ эту же рѣшимость въ сердца своихъ сподвижниковъ.

Переходъ черезъ Донъ (съ устройствомъ мостовъ), планъ сраженія, построеніе боевого порядка (съ частнымъ и общимъ резервами) и искусное веденіе боя русскими дало имъ побѣду въ происшедшемъ послѣ этого сраженіи на Куликовомъ полѣ 8-го сентября и хотя самъ великій князь «рубился какъ простой ратникъ» въ рядахъ передового полка, но онъ отправился туда только послѣ того, какъ всѣ сдѣланныя имъ распоряженія были исполнены, боевой по-

рядокъ построенъ и успѣхъ сраженія обезпеченъ совокупностью всѣхъ принятыхъ мѣръ, въ особенности же оставленіемъ во главѣ всѣхъ полковъ вполнѣ достойныхъ и искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ начальниковъ (съ соотвѣтственно подготовленными помощниками). Первостепенное значеніе принадлежало въ этомъ случаѣ «засадному полку» изъ отборныхъ войскъ, стоявшему за лѣвымъ флангомъ боевого порядка (на пути къ мостамъ) подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго и воеводы Димитрія Боброка, волынскаго боярина, перешедшаго на службу къ великому князю, сподвижника его въ походахъ противъ Литвы, Твери, Рязани и Орды, прославившагося уже нѣсколькими побѣдами надъ врагами Москвы. Боброкъ являлся ближайшимъ совѣтникомъ Владиміра Андреевича; бывъ облеченъ соотвѣтственнымъ полномочіемъ отъ великаго князя, онъ сдержалъ несвоевременные порывы Владиміра Андреевича и другихъ пылкихъ воиновъ, которые требовали движенія засаднаго полка на поддержку боевой части, тѣснимой татарами, и выбралъ минуту для атаки противника во флангъ и тылъ, а когда эта атака дала побѣду, то онъ же организовалъ преслѣдованіе непріятеля на протяженіи 40 верстъ.

Такимъ образомъ въ этомъ походѣ должно отмѣтить замѣчательную организацію сбора свѣдѣній, отличные результаты развѣдокъ, превосходные планы какъ всей кампаніи и въ частности Куликовской операціи, такъ и рѣшительнаго сраженія и, наконецъ, соотвѣтственное приведеніе всѣхъ этихъ плановъ въ исполненіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Димитрій Іоанновичъ обладалъ первостепеннымъ военнымъ талантомъ; онъ явился главнымъ дѣятелемъ въ отношеніи подготовки и главнымъ виновникомъ этого торжества Руси надъ татарами, но онъ не достигъ бы такихъ результатовъ, если бы его предшественники, собиратели Руси сѣверовосточной не произвели той подготовительной работы, которую онъ довелъ до необходимой степени развитія, и если бы у него не имѣлось соотвѣтственныхъ сотрудниковъ и совѣтниковъ. Таковые оказались на лицо благодаря этой же подготовительной работѣ и прочимъ необходимымъ условіямъ, а великій князь съумѣлъ ихъ оцѣнить, поставить на соотвѣтственныя мѣста, во-время выслушивать ихъ совѣты и во-время повелѣвать.

Воевода Боброкъ являлся какъ бы главнымъ совѣтникомъ великаго князя, а въ самомъ бою какъ бы его замѣстителемъ. Дѣятельность его въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ дѣятельности нынѣшняго начальника штаба арміи и представляетъ образецъ высоко поучи-

тельный въ смыслѣ положительномъ. Въ общемъ элементы, образовавшіе на Руси вспомогательные органы высшаго командованія и вообще высшаго военнаго управленія, достигли достаточной степени развитія уже во второй половинѣ XIV столѣтія; дальнѣйшее же ихъ развитіе и усовершенствованіе находилось въ зависимости отъ хода развитія всей военной системы московскаго государства.

8. Измѣненія въ общей административной и въ военной системахъ московскаго государства въ концѣ среднихъ вѣковъ. Необходимость измѣненій въ военно-административной его системѣ.

Къ концу великокняжескаго періода удѣлы исчезли; прекратилось самостоятельное существованіе Новгорода и Пскова съ ихъ вѣчевыми порядками; объединеніе Руси сѣверо-восточной было закончено; вмѣсто прежней разрозненной Руси появилось могущественное государство, извѣстное подъ названіемъ великаго княжества московскаго, во главѣ котораго стоялъ природный русскій государь, великій князь, являвшійся настоящимъ самодержцемъ и именовавшійся уже «государемъ всея Руси». Хотя онъ еще не принималъ царскаго титула, но являлся уже царемъ на дѣлѣ. При такихъ условіяхъ московское государство могло уже, да и должно было обладать соотвѣтственно надежною вооруженною силою, которая подчинялась бы исключительно волѣ государя и являлась бы на защиту интересовъ его государства по первому его призыву.

Прежніе «вольные слуги» княжескіе, поступавшіе на службу къ князю на основаніи договора и пользовавшіеся правомъ «отъѣзда», съ теченіемъ времени лишаются этого и другихъ сопряженныхъ съ нимъ правъ, прикрѣпляются къ государевой службѣ и превращаются въ государственное служилое сословіе, обязанное воинскою повинностью. Владѣя вотчинами и помѣстьями и вновь получая таковыя отъ государя, эти служилые люди, бояре, дворяне и дѣти боярскіе въ мирное время исполняютъ различныя обязанности по назначенію государя, а въ военное время должны являться по его призыву для участія въ походѣ, приводя съ собою опредѣленное число вооруженныхъ воиновъ.

Однако, мелкопомѣстные землевладѣльцы не въ состояніи вооружиться и содержать себя на войнѣ; имъ приходится выдавать отъ казны, для несенія государевой службы, опредѣленное жалованье. Необходимо не только вести особые списки всѣмъ вообще служилымъ людямъ, но и отмѣчать въ нихъ, кому именно и въ какомъ размѣрѣ должно быть оказано государствомъ пособіе для того, что-

бы онъ могъ выйти на службу и служить столько времени, сколько потребуется. Необходимо обезпечить правильное снабженіе этихъ служилыхъ людей подлежащими предметами довольствія, не говоря уже объ обезпеченіи своевременности сбора всѣхъ вообще служилыхъ людей. Необходимо и въ мирное время имѣть хотя бы немногочисленную вооруженную силу, которая обезпечивала бы внутренній порядокъ въ государствѣ, не говоря уже о необходимости упорядоченія той недавно возникшей части вооруженной силы, устраивать которую въ военное время было бы поздно, т. е. артиллеріи.

Все это вызываетъ возникновеніе такихъ органовъ управленія, которые до сихъ поръ не существовали, и требуетъ упорядоченія и развитія всей вообще военной системы государства; то и другое начинаетъ осуществляться и переходить въ жизнь въ непосредственно слѣдующій и тѣсно связанный съ великокняжескимъ московскій же *царскій* періодъ исторіи нашего отечества.

9. Военныя системы литовско-русскаго государства и Польши до и послѣ ихъ соединенія. Значеніе сосѣдства Польши для Россіи и вліяніе Польши на развитіе военной системы московскаго государства.

Такъ или иначе, къ концу среднихъ вѣковъ восточно-русское или московское государство пріобрѣло возможность всесторонняго самостоятельнаго развитія; но, на пути къ какому бы-то ни было развитію, оно встрѣтило сильнѣйшія препятствія, затрудненія и преграды со стороны и въ лицѣ своихъ западныхъ сосѣдей и враговъ, Польши, ливонскаго ордена и Швеціи.

Изъ нихъ наиболѣе опаснымъ врагомъ являлась «Польша», случайно соединившаяся съ *западно-русскимъ* или *литовско-русскимъ* государствомъ въ 1386 г. и все болѣе и болѣе закрѣплявшая это соединеніе, т. е. превращавшаяся въ *польско-литовско-русское* государство, въ которомъ русскіе составляли все же не менѣе половины всего населенія, а чисто-русскія земли составляли значительно большую часть территоріи государства, чѣмъ земли польскія и литовскія, вмѣстѣ взятыя, но, не взирая на это, польско-католическій элементъ занялъ господствующее положеніе въ ущербъ элементу русско-православному.

Это польско-литовско-русское государство являлось, въ концѣ среднихъ вѣковъ, могущественнѣйшею державою въ восточной Европѣ, но это могущество было весьма условно. Польша не только не создала у себя условій благопріятныхъ для прогрессивнаго развитія своего государственнаго и военнаго устройства, но, напротивъ

того, съ теченіемъ времени, развила у себя крайній безпорядокъ, перешедшій въ анархію въ отношеніи государственномъ, и таковой же застой, перешедшій въ непоправимое разстройство въ отношеніи военномъ. Эту слабость государственнаго и военнаго устройства Польша теперь начала прививать и Литвѣ съ западною Русью, вытравляя изъ нихъ чуть ли не всѣ устои государственнаго порядка и общественной дисциплины, а равно и почти всѣ особенности ихъ національнаго военнаго устройства.

Военная система великаго княжества литовско-русскаго, въ первое время послѣ начала его соединенія съ Польшей, была сходна съ таковою же системою московскаго государства и отличалась отъ нея лишь весьма немногимъ, да и то главнымъ образомъ по той причинѣ, что въ Литвѣ утвердилась своего рода феодальная система, причемъ удѣльные князья были какъ бы вассалами великаго князя, но въ то же время власть великаго князя по отношенію къ нимъ была несравненно сильнѣе, чѣмъ власть любого западно-европейскаго сюзерена по отношенію къ его вассаламъ. Такъ какъ русскія земли составляли $^{9}/_{10}$ — $^{11}/_{12}$ всей территоріи государства, и такъ какъ на сторонѣ русскихъ находилось и культурное преобладаніе, то литовцы подчинялись вліянію русскихъ. Теперь польское вліяніе вытѣснило русское, что не замедлило отразиться и на военномъ устройствѣ.

Сама Польша начала подчиняться вліянію западной Европы, т. е. главнымъ образомъ Германіи и Рима, начиная съ конца X вѣка. Хотя она и не успѣла обратиться въ государство чисто феодальнаго типа, но все же позаимствовала отъ запада многія феодальныя понятія, отношенія и формы. Установилось въ ней и рыцарство, но на началахъ, нѣсколько отличавшихся отъ западно-европейскихъ. При этомъ важное значеніе имѣло единородство, вытекавшее изъ древнеславянской общины и братства. Средоточіемъ каждаго единороднаго братства служили одинаковый родовой гербъ и одинаковое родовое прозвище. Подобное братство составляло многочисленную военную дружину своего главнаго представителя. Въ XIV вѣкѣ бывали примѣры междоусобій между такими братствами и верховная власть была уже настолько слаба, что прекратить ихъ не могла. Вторженіе феодальныхъ понятій, закрѣпощеніе народа и столкновенія съ народами, имѣвшими сильную конницу, привели къ преобладанію ея и въ Польшѣ.

Конница эта выставлялась высшимъ, благороднымъ классомъ, шляхтою. Она вела бой подобно феодальной кавалеріи западной

Европы. Своею отвагою и стремительностью атакъ она рѣшала нерѣдко участь сраженій и пріобрѣла громкую славу; но эти блестящіе успѣхи приносили мало пользы, такъ какъ конница эта долго на службѣ не оставалась, а короли не имѣли средствъ для того, чтобы содержать въ достаточномъ числѣ наемныя войска. Къ концу XIV вѣка военное устройство Польши приняло почти такой же односторонній характеръ, какой до того времени господствовалъ въ западной Европѣ, и при этомъ, отжившемъ свое время, военномъ устройствѣ, съ нѣкоторыми лишь небольшими измѣненіями, Польша оставалась въ то время, когда западная Европа двинулась впередъ. Отсюда отсталость Польши въ военномъ отношеніи. Эта отсталость распространяется и на соединенныя съ нею Литву и западную Русь.

При такихъ условіяхъ въ Польшѣ вспомогательные органы высшаго командованія и военнаго управленія не могли возникать и развиваться вполнѣ самостоятельно и представляли подобіе таковыхъ же органовъ, существовавшихъ въ западной Европѣ, главнымъ образомъ у нѣмцевъ. Чешское вліяніе было весьма непродолжительно и сравнительно слабо. Вспомогательные органы высшаго командованія и военнаго управленія русскаго типа, существовавшіе въ литовско-русскомъ государствѣ, по мѣрѣ подчиненія его польскому вліянію, исчезали или совершенно преобразовывались на польскій ладъ.

Не ограничиваясь подобнымъ искаженіемъ естественнаго развитія одной половины Руси, литовско-русскаго государства, Польша преграждала общеніе съ западною Европою другой ея половинѣ, т. е. московскому государству. Правда, то же самое дѣлали и другіе его западные сосѣди, но Польшѣ въ этомъ отношеніи принадлежала львиная доля, ибо она была могущественнѣе другихъ, занимала большее пространство и находилась на прямыхъ путяхъ, ведшихъ отъ насъ въ западную Европу. То, что могло дойти до насъ черезъ Польшу, доходило медленно и къ тому же еще нерѣдко въ искаженномъ видѣ, ибо Польшѣ было крайне трудно усвоить себѣ лучшіе плоды прогресса западной Европы. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе—отсталость въ военномъ отношеніи не только Польши, но и Руси Московской, которой понадобилось еще много времени и усилій для того, чтобы устранить условія, задерживавшія ея развитіе и препятствовавшія достаточному усовершенствованію ея военной системы, ранѣе чего не могли усовершенствоваться и вспомогательные органы высшаго командованія и военнаго управленія.

10. Сборъ свѣдѣній о мѣстности и о противникѣ въ средніе вѣка.

Свѣдѣнія о мѣстности и о непріятелѣ, въ средніе вѣка, пріобрѣтались въ западной Европѣ тѣми же способами и средствами, какъ и въ древніе вѣка. Пипинъ Геристальскій, Карлъ Мартель, Карлъ Великій, Фридрихъ I Барбаросса, Эдуардъ III англійскій, Черный Принцъ и другіе лучшіе полководцы этого періода обращали особенное вниманіе на пріобрѣтеніе подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстности и о непріятелѣ, чѣмъ въ значительной степени и объясняются ихъ успѣхи въ борьбѣ противъ сильнѣйшихъ числомъ враговъ. Еще болѣе поучительна соотвѣтственная дѣятельность такихъ полководцевъ міра греко-славянскаго и особенно міра восточнаго, какъ императоры Маврикій, Ираклій и Іоаннъ Цимисхій, великій князь Димитрій Іоанновичъ, Жижка, Чингисъ-ханъ и Тамерланъ.

Соотвѣтственныя науки, географія, топографія и картографія и ихъ военные отдѣлы, подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, пришли въ западной Европѣ въ упадокъ; но онѣ сохранялись въ Византійской имперіи, а начиная съ VIII вѣка, разрабатывались арабскими учеными въ періодъ процвѣтанія государства арабскихъ калифовъ.

11. Подготовка къ войнѣ и бою. Планы войнъ, кампаній и операцій. Исполненіе плановъ. Соотвѣтственная дѣятельность вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ.

Въ отношеніи подготовки къ бою и къ войнѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, плановъ войнъ, кампаній и операцій и ихъ исполненія, первое мѣсто принадлежитъ Чингисъ-хану (войны его съ хорезмскимъ султаномъ 1220—1224 гг. и съ Китаемъ 1211—1227 гг.) и Тамерлану (походы его противъ Тохтамыша 1391 г., въ Индію 1398—1399 гг. и противъ турецкаго султана Баязета 1402 г.). Во время ихъ же походовъ и обнаружились правильная постановка, замѣчательная подготовка и отличная служба вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и управленія (напримѣръ, въ 1391 г., когда самъ Тамерланъ распредѣлилъ своихъ «юртъ-джи» въ качествѣ колонновожатыхъ по колоннамъ, на которыя была раздѣлена армія).

Нельзя не признать также образцовою въ тѣхъ же отношеніяхъ дѣятельность великаго князя Димитрія Іоанновича (до и во время кампаніи 1380 г.), Жижки и вышеупомянутыхъ византійскихъ и западно-европейскихъ полководцевъ. Необходимо, однако, имѣть при этомъ въ виду, что положеніе западно-европейскихъ полковод-

цевъ было труднѣе другихъ, такъ какъ сложность состава населенія западно-европейскихъ государствъ и взаимныхъ отношеній между различными его частями, сложность и неустойчивость государственныхъ системъ западно-европейскихъ монархій, господство индивидуализма и частныхъ отношеній, крайнее ослабленіе авторитета центральной власти и исчезновеніе понятія объ общемъ благѣ и необходимыхъ для его достиженія жертвахъ, — все это создавало такой какъ бы заколдованный кругъ, полный выходъ изъ котораго былъ невозможенъ даже для геніальныхъ людей. Послѣдніе улучшали эти условія лично для себя, но уже при ближайшихъ ихъ преемникахъ или продолжателяхъ начатаго ими дѣла, дѣло это разстраивалось. Въ западной Европѣ понадобилась работа длиннаго ряда поколѣній, чтобы создать условія болѣе или менѣе близкія къ тѣмъ, кои у народовъ востока создавались однимъ геніальнымъ человѣкомъ или самое большое 2 — 3 поколѣніями историческихъ дѣятелей. За то послѣ смерти геніальныхъ полководцевъ востока дѣло ихъ, отлично ими налаженное, весьма быстро разстраивалось, тогда какъ на западѣ соотвѣтственное дѣло, въ общемъ, медленно, но пожалуй, вѣрнѣе подвигалось впередъ. Въ этомъ отношеніи міръ греко-славянскій занималъ среднее мѣсто между мірами восточнымъ и западнымъ, но и тутъ не обошлось безъ исключенія; византійцы въ отношеніи организаціи и т. п. опередили другихъ, но за то въ концѣ этого же періода дожили до окончательнаго паденія.

Въ виду этого паралели, которыя могли бы быть проведены въ указанныхъ отношеніяхъ между упомянутыми представителями различныхъ культурно-историческихъ типовъ, переживавшихъ различные періоды своей исторической жизни, имѣли бы лишь весьма условное значеніе, а потому и въ проведеніи ихъ едва ли встрѣчается надобность.

12. Заключеніе о вспомогательныхъ органахъ высшихъ войсковыхъ начальниковъ въ средніе вѣка.

Организація, подготовка и постановка вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ въ средніе вѣка находились въ зависимости отъ достоинствъ и недостатковъ военныхъ системъ средневѣковыхъ государствъ, въ связи съ достоинствами и недостатками ихъ же государственныхъ (и въ частности административныхъ) системъ. Послѣднія системы вылились въ три главныхъ типа: восточный, средній (или греко-славянскій) и западный (или романо-гер-

манскій); типы эти распались на большее или меньшее число разновидностей.

Западный типъ выработался подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ образцовъ, унаслѣдованныхъ отъ древне-вѣкового императорскаго Рима, причемъ основной видъ западнаго типа выросъ на западно-римской почвѣ, изъ сочетанія римскихъ учрежденій съ варварскими, а его разновидности хотя и развивались большею частью на варварской почвѣ, но подчинялись сильному вліянію западно-римской цивилизаціи, западнаго христіанства и старшаго своего собрата. Средній, *греко-славянскій типъ* былъ самобытенъ лишь въ самомъ началѣ своей исторіи, а затѣмъ расчленился на виды: южный, нѣсколько центральныхъ, юго-западный, западный (или сѣверо-западный) и сѣверный (точнѣе сѣверо-восточный). Южный или византійскій видъ являлся какъ бы продолженіемъ древняго римскаго типа, обновившагося, однако, на греческой почвѣ притокомъ свѣжихъ, преимущественно славянскихъ силъ. Его вліянію подчинились въ большей или меньшей степени ближайшіе чисто-славянскіе виды; въ то же время немало у него позаимствовали и тѣ виды враждебнаго восточнаго типа, съ коими ему приходилось сталкиваться. Юго-западный (чешскій), ближайшіе центральные и западный (польскій) виды оторвались отъ средняго и подчинились вліянію западнаго, романо-германскаго типа, но изъ нихъ чешскій вскорѣ занялъ выдающееся мѣсто въ составѣ западнаго міра и далъ образецъ самостоятельнаго развитія. Наконецъ, сѣверный (русскій) видъ сначала развивался самостоятельно, не подчиняясь, или очень мало подчиняясь вліянію сосѣднихъ видовъ средняго и восточнаго типовъ, но это развитіе шло медленнѣе, чѣмъ это требовалось обстоятельствами; нѣсколько сильнѣе было вліяніе на него монголо-татарскаго вида восточнаго типа, но и оно проникало менѣе глубоко, чѣмъ обыкновенно принято полагать. При этомъ выяснилось замѣчательное свойство русскаго вида усваивать себѣ тѣ именно черты, присущія чужимъ военнымъ системамъ, кои являлись естественнымъ дополненіемъ и развитіемъ его собственныхъ военныхъ учрежденій, и органически сочетать первыя съ послѣдними.

Виды восточнаго типа проявили чуть ли наибольшую самостоятельность; изъ нихъ наиболѣе древній, китайскій, повліялъ въ самомъ началѣ на монголо-татарскій, который достигъ наиболѣе замѣчательныхъ результатовъ, а затѣмъ, въ свою очередь, оказалъ вліяніе на нѣкоторые другіе виды своего и смежнаго, средняго типа. Мадьярскій видъ восточнаго типа помѣстился чуть ли не внутри греко-сла-

вянскаго міра, оказалъ вліяніе на германскій видъ западнаго типа, подчинился самъ вліянію послѣдняго и задержалъ (и даже вовсе прекратилъ) развитіе ближайшихъ частей міра греко-славянскаго. Арабскій видъ достигъ весьма быстро большой степени развитія, позаимствовалъ не мало у византійскаго и у тѣхъ видовъ западнаго типа, съ коими сталкивался, и весьма быстро началъ клониться къ упадку. На смѣну ему и монголо-татарскому виду выступилъ османско-турецкій, захватившій, къ концу средннхъ вѣковъ, наслѣдіе византійскаго вида средняго типа и также отъ него не мало позаимствовавшій.

Въ общемъ, въ средніе, какъ и въ древніе вѣка, встрѣчаются одновременно существующіе разные типы военныхъ системъ и ихъ виды, развивающіеся частью самостоятельно, частью подъ вліяніемъ другихъ, но вся совокупность ихъ гораздо больше и сложнѣе древневѣковой; взаимодѣйствіе типовъ и видовъ весьма сложно; отысканіе преемственности гораздо труднѣе, чѣмъ въ древніе вѣка. Поэтому и установка одного типичнаго рѣшенія вопросовъ объ организаціи, подготовкѣ и постановкѣ вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія едва ли возможна.

Обязанности нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба въ арміяхъ средневѣковыхъ государствъ исполнялись, главнымъ образомъ, особыми чинами, состоявшими при высшихъ начальникахъ, но въ большей части западно-европейскихъ государствъ, а равно и у ихъ сосѣдей, подчинившихся вліянію запада, эти чины не были исключительно военными; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняли и придворныя, и разныя другія гражданскія (точнѣе не военныя) обязанности; то же самое можно замѣтить и въ тѣхъ видахъ средняго типа, кои не подчинялись вліянію запада и развивались самостоятельно. Рядомъ съ этимъ, какъ и въ древніе вѣка, нѣкоторыя обязанности вспомогательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ исполнялись младшими войсковыми начальниками. Съ теченіемъ времени упомянутые чины начали обособляться и пріобрѣтать исключительно военный характеръ, но, говоря вообще, это совершалось медленно. Наилучшія рѣшенія поставленныхъ вопросовъ были даны: въ мірѣ восточномъ монголо-татарами, а въ мірѣ среднемъ византійцами и независимо отъ нихъ чехами; ниже всѣхъ въ этомъ отношеніи (въ средніе вѣка) оказался романо-германскій западъ съ тѣми частями міра греко-славянскаго, кои подчинились всецѣло его вліянію.

У монголо-татаръ всѣ чины, исполнявшіе обязанности вспомо-

гательныхъ органовъ высшихъ начальниковъ, получали необходимую подготовку, главнымъ образомъ, на практикѣ и составили одинъ отдѣльный, но не замкнутый корпусъ, съ точно опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, имѣвшій одного общаго начальника, который подчинялся верховному вождю арміи или полководцу, облеченному полнымъ его довѣріемъ и полномочіемъ. Кругъ дѣятельности чиновъ этого корпуса обнималъ: расположеніе на отдыхъ (и на жительство), походы, расположеніе для боя, охраненіе и сборъ свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности и вообще распознаваніе обстановки. Эти же чины передавали войсковымъ начальникамъ приказанія верховнаго вождя (и старшаго начальника вообще), развивая его идеи въ деталяхъ. Вообще на нихъ лежала техническая часть веденія операцій; при этомъ замѣчательна связь между ними и чинами другихъ спеціальныхъ родовъ службы: располагая необходимыми свѣдѣніями и данными, касавшимися движенія, расположенія на мѣстѣ и дѣйствій войскъ въ бою, они, согласно съ волею верховнаго вождя (или вообще старшаго начальника), опредѣляли, что должно быть исполнено другими отдѣлами военнаго управленія или спеціальными родами службы въ видахъ успѣшнаго веденія операцій.

Византійское рѣшеніе даннаго вопроса представляло продолженіе или повтореніе того его же рѣшенія, которое было дано императорскимъ Римомъ въ концѣ древнихъ вѣковъ; подобно ему оно имѣло весьма существенныя достоинства, но эти достоинства не могли обнаружиться вслѣдствіе того, что вся военная система государства разстраивалась по мѣрѣ того, какъ и само государство неудержимо стремилось къ упадку.

Чешское рѣшеніе того же вопроса имѣло тѣ же достоинства, которыми обладали римское, византійское и монголо-татарское его рѣшенія, но оно промелькнуло, какъ метеоръ, и хотя отразилось на рѣшеніяхъ того же вопроса сосѣдями, но это вліяніе было въ общемъ слабо.

У остальныхъ средневѣковыхъ народовъ можно отмѣтить въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительныя рѣшенія нѣкоторыхъ частей, но не всего даннаго вопроса во всемъ его объемѣ. Вспомогательные органы высшаго командованія и вообще высшаго военнаго управленія у большей части этихъ народовъ находились въ состояніи безформеннаго зачатка или, точнѣе, даже нѣсколькихъ разрозненныхъ безформенныхъ зачатковъ, не имѣвшихъ между собою никакой связи. Среди подобныхъ рѣшеній восточно-русское (московское)

являлось лучшимъ, но оно не могло быстро совершенствоваться и развиваться въ виду общихъ неблагопріятныхъ условій развитія всей военной системы московскаго государства.

В. Вспомогательные органы высшихъ начальниковъ въ новые вѣка въ Западной Европѣ.

1. Вспомогательные органы высшаго командованія въ Германіи, въ переходный періодъ новыхъ вѣковъ и въ 30-ти-лѣтнюю войну (отъ конца XV до середины XVII вѣка). Квартирмейстеры и вахтмейстеры.

Въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ, въ западной Европѣ произошли весьма существенныя измѣненія въ политическомъ устройствѣ государствъ; измѣненія эти сводились главнымъ образомъ къ подавленію феодализма и къ большему или меньшему усиленію центральной власти, которая съ этихъ поръ получила возможность приступить къ упорядоченію военной системы государства, что не могло не отражаться и на его военно-административной системѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на организаціи и постановкѣ вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и высшаго военнаго управленія вообще.

Экономическая бѣдность западно-европейскихъ государствъ препятствовала учрежденію постоянныхъ армій, въ прямомъ смыслѣ этого слова, ибо для укомплектованія послѣднихъ нужно было бы обратиться къ рекрутскимъ наборамъ, т. е. отрывать рабочія руки отъ плуга и, вообще, отъ такой дѣятельности, которая служила если не единственнымъ, то главнымъ и, притомъ, болѣе или менѣе скуднымъ источникомъ средствъ существованія. Къ тому же верховная власть не сразу достаточно окрѣпла и относилась еще съ недовѣріемъ къ народнымъ массамъ. Поэтому, хотя, въ то время и существовали уже постоянныя войска («ордонансовыя роты» Карла VII французскаго и Карла Смѣлаго бургундскаго, кирисеры императора Максимиліана I и т. п.), но они были весьма малочисленны и могутъ быть признаны лишь слабымъ и отдаленнымъ прототипомъ постоянныхъ армій въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

При такихъ условіяхъ, въ теченіе всего періода, продолжавшагося отъ конца XV столѣтія до 30-ти-лѣтней войны и извѣстнаго подъ названіемъ переходнаго періода новыхъ вѣковъ, господствовала система «*наемныхъ войскъ*», комплектовавшихся посредствомъ вербовки, собиравшихся, въ случаѣ надобности, и распускавшихся, по минованіи таковой.

Таковы были «*ландскнехты*», учрежденные императоромъ Максимиліаномъ I, около 1488 года, типичные представители возрождавшейся пѣхоты того времени, и «*рейтеры*» или «*рейтары*», представители соотвѣтственнаго типа тогдашней кавалеріи, все еще близко подходившаго къ французскому типу «ордонансовыхъ ротъ».

Въ нѣмецкихъ наемныхъ войскахъ шире, чѣмъ въ другихъ, развивалась система чиноначалія. О развитіи ея въ XVI вѣкѣ, наилучшее понятіе даютъ Фронспергеръ (въ своемъ сочиненіи «Kriegs-Ordnung» 1564 года), Швенди и др. писатели того времени (см. обзоръ литературы). Низшія должности замѣщались частью по выбору нижнихъ чиновъ, частью же, по назначенію старшихъ начальниковъ; офицеры же и старшіе начальники назначались верховною властью (императоромъ или соотвѣтственнымъ имперскимъ княземъ) или полководцемъ, облеченнымъ полнымъ довѣріемъ государя и соотвѣтственными полномочіями, т. е. исправлявшимъ должность какъ бы его намѣстника и носившимъ названіе *верховнаго полевого вождя* (Oberster-Feldhauptmann, General-Oberst-Hauptmann, General-Oberst, отъ котораго позже произошелъ сохранившійся до сихъ поръ въ германской арміи «генералъ-полковникъ»). Ему подчинялись: а) *помощникъ* его (Feldoberst-Leutenandt, General-Oberst-Leutenandt, отъ котораго позже произошелъ «генералъ - лейтенантъ»); б) военные совѣтники, составлявшіе *военный совѣтъ* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшій военный судъ (Kriegsräthe); в) прочіе чины штаба полководца, а именно: *инспектора* (Musterherrn), *коммисары* (Commissarien), *казначей* (Pfenningmeyster), *главный полевой профосъ* (Oberster-Feldtprofosz), *главный полевой провіантмейстеръ* (Oberster-Feldtprofandtmeyster), *герольдъ* (Heroldt) и генеральный *писарь* (верховнаго полевого вождя, Schreiber, Oberste - General-Schreiber); г) полевой маршалъ или *фельдмаршалкъ* (Feldtmarschalck, отъ котораго позже произошелъ «фельдмаршалъ», Feldmarschall); д) начальникъ артилеріи или *фельдцейхмейстеръ* (Feldtzeugmeyster) и е) *полковники* (Oberst), командиры всѣхъ полковъ, входившихъ въ составъ арміи.

«Фельдмаршалкъ» (подобно римскому magister equitum) былъ начальникомъ всей кавалеріи. Ему подчинялись: а) его *помощникъ* (Feldtmarschalck - Leutenandt, отъ котораго позже произошелъ фельдмаршалъ-лейтенантъ, до сихъ поръ сохранившійся въ австро-венгерской арміи); б) капитаны или *ротмистры* (Hauptleute oder Rittmeyster) съ ихъ помощниками или поручиками (Leutenandt); в) *квартирмейстеръ кавалеріи* (Quartiermeyster der Reysigen);

г) *вахтмейстеръ кавалеріи* (Wachtmeyster der Reysigen) и д) *профосъ кавалеріи* (и рыцарства, Profosz der Reysigen und Ritterschaft).

Артилерія, соединенная съ инженерною частью, не имѣла своего квартирмейстера; изъ подчиненныхъ же фельдцейхмейстера важнѣйшее значеніе имѣли: а) помощникъ (Leutenandt) фельдцейхмейстера; б) *шанцмейстеръ* (Schantzmeyster), в) *начальникъ обоза* (Geschirrmeyster) и г) піонерный *капитанъ* (Schantzbawren Hauptmann).

Штабъ *полковника* (Oberst) или командира пѣхотнаго полка составляли: а) его *помощникъ* или намѣстникъ (Leutenandt, отъ котораго позже произошелъ Oberst-Lieutenant, подполковникъ); б) пѣхотные *капитаны* (Fuszknecht Hauptleuth(e); в) *полковой судья* (Schuldtheysz), судный *писецъ* (Gerichtsschreiber), судебный *приставъ* (Gerichts-Weybel) и *члены суда* (Gerichtsleuth(e), у ландскнехтовъ «присяжные» (Geschworene); г) *вахтмейстеръ* (Wachtmeyster); д) *квартирмейстеръ* (Quatiermeyster), е) *профосъ* (Profosz); ж) *начальникъ... женщинъ* (...weybel); з) *тюремщикъ* (Stockmeyster), *поимщики* (Steckenknecht(e) и *палачи* (Nachrichter); послѣдніе подчинялись профосу.

Въ каждомъ пѣхотномъ «маломъ знамени» или ротѣ имѣлись: а) капитанъ и его *помощникъ*, или намѣстникъ (Leutenandt, отъ котораго позже, произошелъ «поручикъ», Lieutenant); б) *прапорщикъ* (Fänderich), в) *фельдфебель* (Feldtweybel); г) *вожатый* (Fürer) и *фурьеръ* (Furierer), которыхъ не должно смѣшивать другъ съ другомъ; д) два *унтеръ-офицера* (Gemein Weybel); е) *капелланъ* (Capplon, Capellan); ж) *писецъ* (Schreiber); з) *фельдшеръ* (Feldschärer); и) *флейтистъ* (Pfeiffer) и *барабанщикъ* (Trommerschlager); і) *капралъ* (Rottmeyster), *тѣлохранители* (Trabanten) и *отборные солдаты* (Ambesaten, отъ французскихъ «anspessades»).

Въ каждомъ эскадронѣ конницы имѣлись: а) капитанъ или *ротмистръ* (Hauptmann oder Rittmeyster); б) его *помощникъ* (Leutenandt); в) *прапорщикъ* (Fänderich); г) *фурьеръ* (Furierer); д) *капелланъ* (Capplon) и е) *трубачъ* (Trommeter); меньшее число чиновъ въ эскадронѣ, чѣмъ въ ротѣ, объясняется тѣмъ, что эскадронъ не соотвѣтствовалъ ротѣ, но обыкновенно состоялъ изъ двухъ ротъ, т. е. представлялъ въ кавалеріи тактическую единицу, каковаго значенія въ пѣхотѣ рота получить не могла. Съ теченіемъ времени появились конные полки, во главѣ коихъ стояли полковники, имѣвшіе при себѣ такіе же штабы, какъ и въ пѣхотѣ.

Такимъ образомъ, всѣ начальники, главнокомандующій, фельд-

маршалкъ, начальникъ артилеріи, командиры полковъ, эскадроновъ и ротъ имѣли своихъ помощниковъ, или намѣстниковъ, или «лейтенантовъ», которые передавали ихъ волю войскамъ, замѣщали начальниковъ и, вообще, являлись ближайшими и самыми дѣятельными ихъ сотрудниками. Однако, не всѣ они могутъ быть поставлены наравнѣ съ нынѣшними начальниками штабовъ; наименьшія права съ соотвѣтственными обязанностями (говоря относительно) были присвоены *помощнику полководца* (называемому иногда «генералъ-подполковникомъ»), который исполнялъ порученія главнокомандующаго, въ случаѣ раздѣленія войскъ или лагеря на части, принималъ начальство надъ одною изъ нихъ, наблюдалъ на походѣ за порядкомъ и за мѣрами охраненія и, вообще, исполнялъ все, чего не могъ исполнить самъ полководецъ и что послѣдній ему поручалъ исполнить. Другіе высшіе чины штаба главнокомандующаго, представлявшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высшее управленіе арміею, пользовались, большею частью, правомъ самостоятельнаго доклада самому полководцу и являлись также какъ бы его помощниками. Въ ряду всѣхъ ихъ первое мѣсто занималъ начальникъ кавалеріи, *фельдмаршалкъ* («Dann er ist nach dem General-Obersten... der vorderst und fürnemest im Kriegsrath...»). На этотъ важный постъ избирался и назначался военный человѣкъ «благороднаго происхожденія, опытный, способный, искусный и краснорѣчивый, скромный, учтивый и умѣренный». Онъ принималъ участіе во всѣхъ важныхъ и секретныхъ совѣщаніяхъ, устраивалъ походный порядокъ, слѣдовалъ въ головѣ колонны, при такъ называемой «ренфане» (Rennfane, Rennfahne), части ближайшей къ непріятелю, и слѣдилъ за соблюденіемъ порядка на маршѣ, а въ случаѣ столкновенія съ противникомъ, устраивалъ боевой порядокъ. Онъ же при помощи квартирмейстеровъ, вахтмейстеровъ и другихъ, назначенныхъ для сего чиновъ, выбиралъ мѣсто для лагеря и указывалъ, какъ его разбивать. Ему принадлежала въ кавалеріи судебная власть; онъ разрѣшалъ ссоры и недоразумѣнія по поводу карауловъ, квартиръ, добыванія фуража, походныхъ движеній и т. п., между своими подчиненными самъ, а ссоры и недоразумѣнія по тѣмъ же вопросамъ между кавалеристами и пѣхотинцами при участіи соотвѣтственныхъ полковниковъ и капитановъ. Онъ же дѣлалъ распоряженія о приводѣ къ присягѣ перебѣжчиковъ и т. п., объ обезпеченіи безопасности маркитантовъ, объ употребленіи вѣрныхъ вѣсовъ, мѣръ и т. п., устанавливалъ цѣны на продукты и т. д. Его *помощникъ* вѣдалъ менѣе важныя дѣла, замѣщалъ его и во всемъ ему помогалъ.

Весьма важное значеніе имѣлъ также генеральный *писарь*, вѣдавшій письменную часть штаба арміи (съ канцеляріею полководца включительно); черезъ него исходила переписка главнокомандующаго съ государями, властями и т. д.; онъ же прочитывалъ и докладывалъ полководцу поступавшія бумаги, исполнялъ, что слѣдовало, по его резолюціямъ, тщательно записывалъ то, что говорилось на военномъ совѣтѣ и въ высшемъ военномъ судѣ и т. д.

Такимъ образомъ, обязанности нынѣшняго начальника штаба арміи распредѣлялись въ разсматриваемый періодъ между помощникомъ полководца, фельдмаршалкомъ и генеральнымъ писаремъ, но первое мѣсто между ними занималъ фельдмаршалкъ, происшедшій преемственно отъ средневѣковаго маршала, но совершенно избавившійся отъ его придворныхъ обязанностей и принявшій за то на себя обязанности какъ римскаго «магистра конницы», такъ отчасти и чешскаго «полевого гейтмана». Въ виду столь выдающагося своего положенія, знатности или, по меньшей мѣрѣ, благородства своего происхожденія, выдающейся боевой опытности и другихъ т. п. данныхъ (наличность коихъ представляла необходимое условіе для назначенія на его постъ), фельдмаршалъ, съ теченіемъ времени, не только оттѣснилъ на второй планъ помощника полководца и генеральнаго писаря, но и возвысился на столько, что сдѣлался равнымъ генералъ-полковнику, получая, наравнѣ съ нимъ, повелѣнія отъ самаго государя. Отчасти это находилось въ связи съ тѣмъ, что при значительной массѣ войскъ считали необходимымъ назначать особаго «генералъ-полковника кавалеріи» (General-Reyter-Oberst).

Въ ряду чиновъ, слѣдующихъ за фельдмаршалкомъ, особенно важное значеніе принадлежало *квартирмейстеру кавалеріи*, который нерѣдко являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и *главнымъ квартирмейстеромъ* арміи (Oberste-Quartiermeyster); онъ собственно осматривалъ лагерное мѣсто и разбивалъ лагерь, раздѣлялъ его между различными родами войскъ, рѣшалъ споры по квартирнымъ вопросамъ и т. п.

Подобно тому, какъ фельдмаршалъ подчинялся не только полководцу, но и самому государю (какъ «*генералисимусу*»), такъ и главный квартирмейстеръ подчинялся не только фельдмаршалку, но и генералъ-полковнику. Впрочемъ, иногда имѣлось два главныхъ квартирмейстера, изъ коихъ одинъ подчинялся самому полководцу (и назывался даже генералъ-квартирмейстеромъ, General-Quartiermeyster), а другой подчинялся фельдмаршалу и исполнялъ тѣ же обязанности, что и первый, но только по отношенію къ ка-

валеріи. Съ теченіемъ времени отношенія между обоими главными квартирмейстерами упорядочились и получили достаточно опредѣленный характеръ, причемъ генералъ квартирмейстеръ арміи заняль безусловно первенствующее положеніе по отношенію ко всѣмъ прочимъ квартирмейстерамъ безъ исключенія.

Въ таковыхъ же условіяхъ находились и состоявшіе при арміяхъ того времени *вахтмейстеры*, вѣдавшіе службу охраненія, внѣшнюю и внутреннюю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охраненіе внутренняго порядка и безопасности, насколько это касалось службы карауловъ, т. е. безъ вмѣшательства въ сферу дѣятельности профосовъ (стоявшихъ во главѣ военной полиціи). Точно также «*вахтмейстеръ кавалеріи*» былъ нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ и «*главнымъ вахтмейстеромъ*» арміи, причемъ принималъ отъ фельдмаршалка или отъ полководца и отдавалъ войскамъ лозунгъ, а на походѣ командовалъ аріергардомъ.

Необходимо упомянуть еще о *герольдѣ* (Herold), соотвѣтствовавшемъ древневѣковому глашатаю, который провозглашалъ распоряженія по лагерю и установленныя мѣры для службы и поведенія войскъ внѣ лагеря.

На *полковыхъ квартирмейстеровъ* возлагались слѣдующія обязанности: осмотръ и исправленіе дорогъ, по которымъ шелъ полкъ, выборъ мѣста подъ лагерь, назначеніе на немъ мѣстъ для всѣхъ частей и, наконецъ, расписаніе всѣхъ чиновъ полка по квартирамъ; обязанности же *полковыхъ вахтмейстеровъ* были подобны обязанностямъ вахтмейстеровъ кавалеріи и главныхъ вахтмейстеровъ, коимъ они и подчинялись въ отношеніи своей спеціальности.

Помощниками полковыхъ квартирмейстеровъ были эскадронные и ротные *фурьеры* (Furierer, Furier); при расположеніи на квартирахъ квартирмейстеръ разбивалъ данный населенный пунктъ на участки между эскадронами и ротами и указывалъ ихъ слѣдовавшимъ за нимъ фурьерамъ, которые выбирали и отмѣчали особыми знаками квартиры всѣмъ начальникамъ, должностнымъ лицамъ и ратникамъ «двойного оклада» (дворянамъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣляли указанный имъ участокъ между частями роты или эскадрона; для указанія квартиръ войскамъ къ фурьерамъ выбѣгали впередъ капралы; при расположеніи лагеремъ и въ остальныхъ случаяхъ фурьеры исполняли приказанія своихъ квартирмейстеровъ.

Фюреръ или вожатый указывалъ путь и, въ отсутствіи старшихъ себя, велъ роту или ея часть въ различныхъ случаяхъ, въ томъ числѣ и при слѣдованіи къ мѣсту расположенія на отдыхъ; передъ выступленіемъ онъ являлся въ штабъ части за проводниками.

Въ полку заслуживаетъ вниманія еще полковой *писецъ*, который долженъ былъ умѣть не только читать, писать и считать, но, по возможности, обладать еще и нѣкоторымъ высшимъ образованіемъ. Часто онъ являлся близкимъ, довѣреннымъ лицомъ полковника и не только облекалъ въ письменную форму его идеи, но даже помогалъ ему въ обдумываніи соображеній и оцѣнкѣ обстановки и въ принятіи рѣшеній.

Въ артиллеріи *шанцмейстеръ*, съ своими помощниками и лицами, командируемыми изъ штаба арміи, производилъ изслѣдованіе положенія и устройства крѣпостей, возможности ихъ обстрѣливанія, пригодности данной мѣстности для устройства траншей и укрѣпленій, наблюдалъ за устройствомъ и исправленіемъ сообщеній и т. п. *Начальникъ обоза* осматривалъ дорогу, слѣдовалъ впереди и указывалъ путь; повозками же завѣдывалъ *обозный* (Wagenmeister), который, въ случаѣ опасности, строилъ вагенбургъ. Наконецъ, *строитель-понтонеръ* (Bau und Brückenmeister) производилъ необходимыя постройки, устраивалъ мосты и т. п.

Таково было рѣшеніе разсматриваемаго вопроса главнымъ образомъ въ южно-германскихъ наемныхъ войскахъ; въ сѣверо-германскихъ же войскахъ (отчасти подъ вліяніемъ нидерландцевъ) высшее военное и полковое управленія имѣли тотъ же характеръ, но система чиноначалія не была такъ сложна. Изъ частностей сѣверогерманской системы военнаго управленія особенно важнымъ представляется то, что въ полку, послѣ полковника и подполковника, третьимъ лицомъ являлся *полковой вахтмейстеръ*, а четвертымъ полковой *квартирмейстеръ*. Вахтмейстеръ строилъ полкъ для похода и для боя и направлялъ службу охраненія и развѣдыванія, а квартирмейстеръ былъ его помощникомъ и вѣдалъ расположеніе войскъ на квартирахъ и вообще на отдыхъ; оба же они передавали приказанія полковника и подчинялись, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, подполковнику.

Точно также въ нѣкоторыхъ арміяхъ и главный вахтмейстеръ стоялъ выше главнаго квартирмейстера; вообще же какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Германіи квартирмейстеры и вахтмейстеры всѣхъ ранговъ заступали, въ случаѣ надобности, другъ друга.

Въ общемъ система военнаго управленія въ Германіи въ переходный періодъ новыхъ вѣковъ отличалась большою сложностью чиноначалія и таковою же неполнотою и отсутствіемъ законченности. Это являлось слѣдствіемъ главнымъ образомъ того, что основнымъ типомъ управленія вообще являлось *управленіе полкомъ* (отдѣль-

ною частью), по образцу коего складывалось и высшее управленіе войсками, приспособленное къ потребностямъ и условіямъ военнаго времени; въ мирное время высшее военное управленіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова не существовало вовсе; имѣлись, правда, должностныя лица, на коихъ возлагались извѣстныя обязанности въ отношеніи управленія войсками, но они же исполняли и другія, не военныя обязанности; короче, средневѣковые порядки еще существовали и давали себя чувствовать вездѣ и во всемъ. До устройства органовъ высшаго военнаго управленія, которые объединили бы всѣ его отрасли и приступили бы къ установленію во всей военной системѣ необходимаго порядка, еще не додумались.

Въ тридцатилѣтнюю войну вліяніе шведскихъ военныхъ учрежденій отразилось на нѣмецкой военной системѣ вообще и на военномъ управленіи и чиноначаліи въ частности лишь въ смыслѣ извѣстнаго ихъ упорядоченія и упрощенія.

При такихъ условіяхъ вспомогательные органы высшаго командованія сдѣлали лишь небольшой шагъ впередъ, въ сравненіи съ своими средневѣковыми предшественниками; тѣмъ не менѣе, прежніе безформенные зачатки приняли уже довольно опредѣленныя формы, позволяющія произвести характеристику круга и характера ихъ дѣятельности. Въ ряду этихъ органовъ начали выдѣляться *квартирмейстеры* и *вахтмейстеры*, вѣдавшіе технику службы нынѣшняго генеральнаго штаба по отношенію къ расположенію войскъ на мѣстѣ, къ построенію ихъ для похода и для боя, къ охраненію и развѣдыванію. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе эволюціи стратегическаго и тактическаго искусства, сводившейся къ тому, что расположеніе на мѣстѣ начало преобладать надъ движеніемъ, подъ вліяніемъ преувеличенія значенія огнестрѣльнаго оружія и внесенія въ тактику узко фортификаціонныхъ идей и понятій, *квартирмейстеры* повсемѣстно заняли выдающееся положеніе и оттѣснили вахтмейстеровъ на второй планъ.

Весьма важную роль играли *штабные писцы* въ качествѣ докладчиковъ при высшихъ начальникахъ и исполнителей ихъ воли, облекавшихъ ихъ приказанія въ форму удобную для передачи войскамъ. Оперативная часть находилась въ рукахъ самого главнокомандующаго и его ближайшихъ помощниковъ, изъ коихъ одни сплошь и рядомъ являлись и строевыми начальниками, а другіе принадлежали къ тому или другому изъ предъидущихъ разрядовъ. Въ общемъ, служба вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія въ нѣмецкихъ арміяхъ того времени распалась на нѣсколько

вѣтвей, имѣвшихъ весьма мало или даже не имѣвшихъ ничего общаго между собою; объ объединеніи ихъ не могло быть и рѣчи.

2. Вспомогательные органы высшаго командованія во Франціи въ новые вѣка до Людовика XIV.

Во Франціи до Франциска I (1515—1547) существенныхъ измѣненій, въ сравненіи съ предъидущимъ періодомъ, не произошло. Система военнаго чиноначалія вырабатывалась на такихъ же основаніяхъ, какъ и въ Германіи, но не была такъ сложна. «Маршалы Франціи», съ потерею своего значенія коннетаблемъ, а въ особенности съ упраздненіемъ этого званія (въ 1627 году) выдвинулись на первую ступень военно-іерархической лѣстницы; число же ихъ увеличилось при Генрихѣ II (1547—1559) до четырехъ, затѣмъ до пяти, а при Людовикѣ XIII (1610—1643) до 7—10. Они обыкновенно и назначались главнокомандующими арміями.

Во Франціи, какъ и въ Германіи, существовали еще *генералъ-полковники* пѣхоты—1, кавалеріи—1 и драгунъ—1 (colonels-généraux de l'infanterie, de la cavalerie et des dragons), кои были ниже маршаловъ; изъ нихъ первый пользовался большими правами и преимуществами.

При Францискѣ I было учреждено званіе «*лагернаго маршала*» (maréchal de camp); сначала оно было только почетнымъ и число лагерныхъ маршаловъ было ограничено (иногда бывалъ только одинъ), но при Людовикѣ XIII оно стало увеличиваться. Генрихъ IV (1589—1610) наименовалъ маршала Франціи *Бирона 1-го*, въ знакъ особеннаго къ нему уваженія и признательности за оказанныя имъ заслуги, «*генералъ-маршаломъ лагерей и армій*» (maréchal-général des camps et armeés), послѣ чего онъ былъ старшимъ въ числѣ всѣхъ маршаловъ.

Этотъ же Биронъ даетъ въ своихъ запискахъ замѣчательное опредѣленіе обязанностей лагернаго маршала: «Лагерный маршалъ есть *голосъ* и *вьючная лошадь арміи*. Ему должны быть извѣстны всѣ малѣйшія подробности, все должно дѣлаться съ его вѣдома, а большею частью и по его приказанію. Необходимо, чтобы онъ всему велъ какъ бы опись (журналъ), для облегченія главнокомандующаго и старшихъ начальниковъ арміи; начальникъ артиллеріи обязанъ посылать къ нему одного изъ своихъ комисаровъ за приказаніями; генералъ-комисаръ по продовольствію, или его подчиненные должны являться во всякое время къ нему на домъ, чтобы освѣдом-

ляться о его распоряженіяхъ. Необходимо, чтобы онъ имѣлъ подъ рукою проводниковъ, или, по крайней мѣрѣ, начальника ихъ, или исправляющаго эту должность, дабы, во всякое время, имѣть свѣдѣнія о дорогахъ, объ удобствахъ или затруднительности движенія по нимъ. Шпіоны должны непремѣнно быть ему представляемы, потому что черезъ нихъ онъ узнаетъ о непріятелѣ; но должно замѣтить, что лучшими считаются двойные шпіоны, лишь бы только они были вѣрнѣе намъ, нежели непріятелю. Лагерный маршалъ долженъ также спрашивать главнокомандующаго, въ какомъ порядкѣ пойдутъ войска, именно: какія войска, полки и роты въ авангардѣ, какія въ серединѣ или главныхъ силахъ, и какія въ аріергардѣ; наконецъ, онъ долженъ дѣлать для всѣхъ войскъ росписанія, дабы не произошло замѣшательства. Въ прежнее время маршалы Франціи исправляли службу лагерныхъ маршаловъ; въ присутствіи короля, они были обыкновенно начальниками авангардовъ; поэтому и лагернымъ маршаламъ присвоено то же званіе, что и маршаламъ Франціи...»

Этотъ же Биронъ полагаетъ, что при арміи долженъ быть только одинъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ *старшій* лагерный маршалъ; въ противномъ случаѣ, между нѣсколькими не только не будетъ согласія, но произойдутъ зависть, вражда и раздоры.

Французскій маршалъ, поставленный на мѣсто, которое указываетъ Биронъ, стоялъ выше нѣмецкаго фельдмаршалка и генералъквартирмейстера (или генералъ-вахтмейстера), такъ какъ соединялъ въ одномъ своемъ лицѣ обязанности того и другого; онъ гораздо ближе ихъ обоихъ подходилъ къ нынѣшнему начальнику штаба арміи и нерѣдко получалъ даже наименованіе *генеральнаго лагернаго маршала* (maréchal de camp général); онъ состоялъ ближайшимъ сотрудникомъ полководца, передавалъ его приказанія войсковымъ начальникамъ и т. д.; но и онъ не являлся главнымъ и общимъ начальникомъ всѣхъ чиновъ, которые несли службу нынѣшняго генеральнаго штаба. Въ это время званіе маршала начало уже пріобрѣтать значеніе не только должности, но и чина: въ должности начальника штаба арміи могъ быть носитель высшаго чина, маршалъ Франціи, если, напримѣръ, главнокомандующимъ былъ самъ король или принцъ крови, или же лагерный маршалъ, если во главѣ арміи стоялъ маршалъ Франціи и т. п.; въ такихъ случаяхъ званіе маршала опредѣляло и чинъ его, и должность, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ маршаловъ оно опредѣляло только чинъ; со времени Генриха IV лагерный маршалъ занялъ опредѣленное мѣсто въ

военно-іерархической лѣстницѣ, а при Людовикѣ XIII между нимъ и маршаломъ Франціи былъ поставленъ *генералъ-лейтенантъ* (lieutenant-général), первоначально являвшійся, какъ и въ Германіи, ближайшимъ помощникомъ главнокомандующаго, а затѣмъ превратившійся въ соотвѣтственный высшій чинъ.

При Карлѣ IX (1560—1574) появляется «*маіоръ пѣхоты*» (major de l'infanterie française), обязанности котораго по отношенію къ пѣхотѣ были тѣ же, что обязанности маршала по отношенію къ конницѣ и вообще къ арміи; послѣ Карла IX званіе это не встрѣчается.

Лагерные маршалы имѣли помощниковъ, кои имъ помогали, заступали ихъ мѣсто и исполняли ихъ порученія. Развѣдки, веденіе войскъ на маршѣ, построеніе ихъ для боя, согласно съ приказаніями старшаго начальника и наблюденіе за порядкомъ въ арміи во время боя возлагались на «*боевыхъ сержантовъ*» (sergents de bataille), а распредѣленіе войскъ по квартирамъ—на «*лагерныхъ мастеровъ*» (mestre de camp), которые въ то же время командовали сводными частями войскъ (собственно пѣхоты) и т. п.

Въ 1567 году Карлъ IX учредилъ 50 офиціальныхъ званій военныхъ комисаровъ (commissaires des guerres), которые существовали и ранѣе и были обязаны блюсти за исполненіемъ воинскихъ уставовъ и удостовѣряться въ наличномъ числѣ войскъ, производя инспекторскіе смотры. Генрихъ IV добавилъ еще 24 званія областныхъ военныхъ комисаровъ. Въ 1624 году, при Людовикѣ XIII, военные комисары были названы «ординарными совѣтниками-комисарами и водителями военныхъ людей его величества» (conseillers-commissaires-ordinaires et conducteurs des gens de guerre de Sa Majesté).

При Людовикѣ XIII явились *армейскіе полевые адъютанты* (aides-de-camp d'armées), *армейскіе генеральные комисары* (commissaires généraux d'armées), *генеральные боевые сержанты* (sergens généraux de bataille), *армейскіе квартиръ-маршалы* (maréchaux des-logis d'armées) и *боевые маршалы* (maréchaux de bataille). Обязанности квартиръ-маршаловъ сводились къ размѣщенію войскъ, боевые маршалы устраивали армію для боя, всѣ же они вообще являлись довѣренными лицами начальниковъ, передавали ихъ приказанія войскамъ и, по временамъ, командовали частями войскъ. Однако, существованіе ихъ не опредѣлялось систематизированными законоположеніями и потому находилось въ зависимости отъ усмотрѣнія начальниковъ и того довѣрія, которое они имъ ока-

зывали. Наконецъ имѣлось необходимое число письмоводителей или секретарей (secrétaires) и т. п.

Въ общемъ во французской арміи въ разсматриваемый періодъ должно отмѣтить тѣ же недостатки въ рѣшеніи даннаго вопроса, которые были указаны выше по отношенію къ Германіи, но въ гораздо болѣе слабой степени; естественной, въ достаточной степени упорядоченной и законченной организаціи еще нѣтъ, но необходимость ея уже сознается и даже появляется (хотя и въ зачаточномъ видѣ) постоянная организація верха арміи; полевое и мѣстное военныя управленія уже существуютъ, хотя, правда, также въ зачаточномъ видѣ; обнаруживается сильное стремленіе къ устраненію смѣшенія разнородныхъ обязанностей, которое хотя еще не приводитъ къ полнымъ результатамъ, но все же, въ сравненіи съ прежнимъ рѣшеніемъ того же вопроса, представляетъ значительный шагъ впередъ.

3. Высшее военное управленіе въ Швеціи. Вспомогательные органы высшаго командованія въ шведской арміи.

Въ первой трети XVII вѣка обратила на себя всеобщее вниманіе шведская военная система, давшая возможность знаменитому королю Густаву-Адольфу († 1632 г.) совершить великія дѣла съ своею немногочисленною арміею, главная часть которой представляла войско народное, правильно содержимое и обучаемое и имѣвшее рѣшительное превосходство надъ противниками. Военное управленіе въ Швеціи въ это время имѣло извѣстное сходство съ военнымъ управленіемъ нѣмецкимъ и французскимъ, но стояло выше ихъ вслѣдствіе своей относительной простоты, цѣльности и законченности. Во главѣ военнаго управленія въ Швеціи была поставлена учрежденная Густавомъ-Адольфомъ *военная коллегія*. Она состояла изъ предсѣдателя—государственнаго *маршала*, двухъ государственныхъ *совѣтниковъ*, четырехъ военныхъ *ассесоровъ* и нѣсколькихъ *секретарей* и вѣдала всѣ вообще дѣла по части управленія вооруженными силами государства. Въ новые вѣка это былъ первый примѣръ правильнаго устройства высшаго военнаго управленія съ колегіальнымъ порядкомъ дѣлопроизводства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ достаточныхъ правъ и полномочій предсѣдателю этой колегіи, являвшемуся какъ бы военнымъ министромъ. Мѣстное, строевое и полевое военныя управленія также были соотвѣтственно выше, чѣмъ таковыя же управленія въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Вспомогательные органы выс-

шаго командованія приближались къ сѣверо-германскому типу, но не они подчинялись его вліянію, а обратно, онъ подчинился ихъ вліянію.

4. «Генеральные штабы» во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV, въ связи съ измѣненіями въ военной системѣ вообще и въ системѣ военнаго управленія въ особенности.

При Людовикѣ XIV (1643—1661—1715 гг.) благопріятная политическая обстановка и сравнительно сильное внутреннее развитіе Франціи дали возможность этому королю составить и отчасти привести въ исполненіе планъ, сводившійся къ присоединенію къ Франціи различныхъ сосѣднихъ земель и къ захвату гегемоніи въ Европѣ. Это вызвало образованіе нѣсколькихъ враждебныхъ Людовику XIV коалицій и цѣлый рядъ войнъ между обѣими сторонами, причемъ Франція была, въ свою очередь, доведена до необходимости помышлять не о наступленіи, а о самообoронѣ. То и другое повело къ быстрому и небывалому до тѣхъ поръ росту, французской арміи, численность которой въ 1691 году превысила 400,000 чел., а затѣмъ хотя и уменьшилась, но, все же, въ войну за испанское наслѣдство доходила до 350,000 человѣкъ. Это увеличеніе численности французской арміи вынудило къ тому же и другія государства и выяснило несостоятельность прежней системы «наемныхъ войскъ», набиравшихся по мѣрѣ надобности и распускавшихся по минованіи таковой. Правительства стали переходить къ системѣ *постоянныхъ армій*, комплектовавшихся частью посредствомъ вербовки, частью же посредствомъ рекрутскихъ наборовъ и получившихъ, такимъ образомъ, отчасти національный характеръ.

Эта реформа въ системѣ комплектованія вооруженной силы не могла не отразиться на содержаніи и продовольствованіи войскъ и привела къ учрежденію магазиновъ, на которыхъ съ этихъ поръ и основывалось все довольствіе войскъ.

Въ то же время новая форма вооруженной силы отразилась и на *системѣ военнаго управленія*. Завѣдываніе арміею (все болѣе и болѣе увеличивавшеюся), снабженіе войскъ всѣмъ необходимымъ устройство большого числа крѣпостей, обезпечивавшихъ внѣшнюю безопасность государства, контроль и отчетность по всѣмъ отраслямъ военнаго хозяйства сдѣлались до того сложными, что потре-

бовалась система прочныхъ учрежденій съ объединяющимъ органомъ во главѣ, дабы правительство, при ихъ помощи, могло управлять столь сложнымъ организмомъ, какимъ явилась армія.

Подобный объединяющій и направляющій органъ верховной власти явился во Франціи въ видѣ *военнаго министерства* съ *военнымъ министромъ* во главѣ. Въ монархіи австрійскихъ Габсбурговъ подобную же роль игралъ извѣстный *гофкригсратъ* или высшій придворно-военный совѣтъ. Въ виду первостепенной важности объединенія власти въ рукахъ одного лица приходится поставить французское рѣшеніе этого вопроса выше австрійскаго. Это и побудило большую часть европейскихъ государствъ отдать предпочтеніе первому передъ вторымъ, но, съ точки зрѣнія потребностей своего времени (при извѣстныхъ условіяхъ), оба они были удовлетворительны и являлись лишь различными выраженіями одной и той же системы.

Эта система дала постояннымъ арміямъ прочную организацію, опредѣлила кругъ власти начальниковъ и отношеній къ нимъ подчиненныхъ, ввела строгую дисциплину, точно опредѣлила снабженіе войскъ всякаго рода довольствіемъ, опредѣлила службу войскъ въ мирное и военное время особыми уставами и вообще принесла большую пользу; но въ то же время чрезмѣрная *централизація* военнаго управленія имѣла гибельное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, ибо высшая военная власть (представляемая однимъ лицомъ или цѣлымъ колегіальнымъ учрежденіемъ) стѣсняла кругъ власти главнокомандующихъ, вмѣшивалась въ ихъ дѣйствія и изъ столицы руководила операціями. Главнокомандующій получалъ инструкціи, въ которыхъ указывалась не только цѣль, но и самыя мѣры для ея достиженія и т. п. Мало того, нерѣдко власть главнокомандующаго раздѣлялась между двумя и большимъ числомъ лицъ.

При такой организаціи верха армій парализовались таланты лицъ, могущихъ вести арміи къ побѣдамъ, и открывался болѣе или менѣе широкій просторъ для дѣятельности такихъ полководцевъ, которые могли вести войска только къ пораженіямъ.

Подобное положеніе дѣлъ хорошо характеризуется ниже приводимыми словами *Ру-Фазильяка*, по мнѣнію котораго эта система имѣла слѣдствіемъ: «большія арміи, многочисленные штабы, сильные парки, большіе обозы, большіе магазины, большіе склады фуража, большіе госпитали, однимъ словомъ — большія затрудненія, большія злоупотребленія, маленькія способности и большія пораженія».

При такихъ условіяхъ должно было сильно возрасти значеніе вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и вообще высшаго военнаго управленія.

До первой Нидерландской войны 1672—1679 гг. органы эти оставались почти въ томъ же видѣ и положеніи, что и при Людовикѣ XIII; увеличилось только число чиновъ въ прежнихъ званіяхъ и учреждены были новые чины и званія, причемъ получилась опредѣленная военно-іерархическая лѣстница: а) генеральскихъ чиновъ было три: 1-й—*маршалъ*, 2-й—*генералъ-лейтенантъ*, командовавшій «дивизіею» изъ нѣсколькихъ бригадъ (временное соединеніе), и 3-й—*лагерный маршалъ* (соотвѣтствовавшій нынѣшнему генералъ-маіору); б) былъ учрежденъ новый чинъ *бригадира* (brigadier des armées du roi), средній между чинами лагернаго маршала и полковника; бригадиръ командовалъ бригадою изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты или восьми эскадроновъ конницы; в) *полковникъ* (colonel) пѣхоты пересталъ (съ 1661 года) называться «mestre-de-camp», каковое названіе сохранилъ только полковникъ конницы; ниже полковника перемѣнъ не произошло.

Обязанности прежнихъ лагерныхъ маршаловъ перешли ко вновь учрежденнымъ «*генералъ-квартиръ-маршаламъ*» (maréchaux-généraux des logis), которые соотвѣтствовали нѣмецкимъ генералъ-квартирмейстерамъ, избирались изъ числа отличнѣйшихъ лагерныхъ маршаловъ и назначались по одному въ штабъ каждой арміи, кавалеріи и драгунъ. Обязанности генералъ-квартиръ-маршала арміи (marechal-général des logis de l'armée) состояли въ завѣдываніи всѣмъ, что относилось къ расположенію, движеніямъ, дѣйствіямъ и внутренней службѣ войскъ, а равно и къ снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ; обязанности же остальныхъ двухъ генералъ-квартиръ-маршаловъ были тѣ же, но только по отношенію къ кавалеріи и драгунамъ (которые въ то время къ ней не причислялись). Таковыя же обязанности по отношенію къ пѣхотѣ были возложены на *маіоръ-генерала пѣхоты* (major général de l'infanterie) или просто *маіоръ-генерала* (major-général), который наблюдалъ за обученіемъ пѣхоты, направлялъ ея службу, передавалъ приказанія главнокомандующаго «маіорамъ» пѣхотныхъ бригадъ, устраивалъ пѣхоту для боя и, сверхъ того, завѣдывалъ полицейско-судною частью въ арміи; по этой причинѣ, ему подчинялся *генералъ-полиціймейстеръ арміи* (prévot de la maréchaussée), соотвѣтствовавшій нѣмецкому «генералъ-гевальтигеру».

Генералъ-квартиръ-маршалъ арміи, маіоръ-генералъ пѣхоты и

генералъ-квартиръ-маршалы кавалеріи и драгунъ имѣли помощниковъ (aides-maréchaux-généraux des logis de l'armée ou adjoints d'état-major, aides-majors-généraux, aides-maréchaux des logis de la cavalerie et des dragons), въ чинахъ отъ капитана до полковника, которые въ военное время несли службу генеральнаго штаба. Тѣ и другіе составляли такъ называемые «*генеральные штабы*» (états-majors-généraux) армій Людовика XIV.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда самъ король принималъ начальство надъ арміею, состоявшій при немъ маіоръ-генералъ именовался *маіоръ-генераломъ арміи* (major-général de l'armée); онъ являлся совѣтникомъ и докладчикомъ, давалъ (кому слѣдовало) указанія для боя, для походныхъ движеній, для расквартированія и довольствія и наблюдалъ за исполненіемъ соотвѣтственныхъ распоряженій. Но военный министръ маркизъ де-Лувуа, стремившійся къ полной централизаціи и объединенію власти въ своихъ рукахъ, полагалъ, что подобный маіоръ-генералъ арміи можетъ быть его соперникомъ и воспрепятствовать достиженію указанной цѣли, а потому добился того, чтобы за этимъ маіоръ-генераломъ было оставлено лишь почетное званіе безъ дѣйствительной власти и вліянія на дѣла.

«Генеральные штабы» Людовика XIV, организованные, въ силу реформы 1678 года, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, были составлены изъ отборныхъ офицеровъ (не обращая вниманія на различія въ происхожденіи) и явились разсадникомъ и школою для генераловъ; но они имѣли характеръ временныхъ учрежденій, т. е. организовывались передъ каждою войною и расформировывались по окончаніи ея. Это вызывало большія неудобства въ смыслѣ ихъ формированія при приведеніи арміи на военное положеніе, въ смыслѣ недостаточнаго знакомства штабныхъ чиновъ съ своимъ дѣломъ, въ смыслѣ недостаточнаго знакомства начальниковъ съ подчиненными и т. д.

Въ то же время эти «генеральные штабы» разбились по родамъ войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась и связь въ управленіи ими, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало характеризующему этотъ вѣкъ отсутствію связи и въ дѣйствіяхъ различныхъ родовъ войскъ на поляхъ сраженій. Стремленіе къ объединенію существовало и по временамъ обнаруживалось даже весьма рельефно, но давало пока лишь весьма скромные результаты, да иначе и быть не могло, такъ какъ это вызывалось общими условіями того времени.

Въ общемъ хотя и былъ сдѣланъ не малый шагъ впередъ въ

отношеніи устраненія недостатковъ, унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ временъ, но все же приходится отмѣтить: а) сложность системы военнаго управленія вообще, которая отражалась и на организаціи «генеральныхъ штабовъ» французской арміи въ смыслѣ отсутствія надлежащей ея законченности и упорядоченности, а также, б) недостаточно ясное и недостаточно правильное пониманіе сущности дѣла, препятствовавшее устраненію вышеуказаннаго недостатка и постановкѣ генеральнаго штаба вообще на надлежащее мѣсто въ арміи (ради пользы той же арміи).

5. Генеральный штабъ во Франціи при Людовикахъ XV и XVI. Французскій генеральный штабъ наканунѣ революціи.

Какъ при Людовикѣ XIV, такъ и при Людовикахъ XV и XVI, издавались уставы о службѣ войскъ въ полѣ, въ которыхъ заключались и статьи, опредѣлявшія обязанности генералъ-квартиръ-маршаловъ (изъ коихъ драгунскій былъ упраздненъ въ 1778 году), ихъ помощниковъ и прочихъ штабныхъ чиновъ. Передъ началомъ каждой войны генералъ-квартиръ-маршалъ арміи избиралъ способнаго и дѣятельнаго *генералъ-квартиръ-маршалъ-лейтенанта*, въ чинѣ полковника, для завѣдыванія порядкомъ походныхъ движеній арміи нѣсколькими колоннами, а равно и *квартиръ-маршалъ-лейтенантовъ* изъ строевыхъ офицеровъ, которые прикомандировывались къ генеральному штабу въ числѣ, соразмѣрномъ силѣ арміи и числу колоннъ, въ какомъ она должна была слѣдовать (такъ какъ въ это время походные и боевые порядки были утверждаемы на цѣлый походъ въ началѣ кампаніи). Генералъ-квартиръ-маршалъ арміи распредѣлялъ между этими офицерами, смотря по способностямъ каждаго, различныя обязанности службы генеральнаго штаба.

Сверхъ того, въ вѣдѣніи генералъ-квартиръ-маршала арміи состояли:

а) *Вожатые* (guides): обыкновенные или *временные*, изъ мѣстныхъ жителей края, и *постоянные* (военные, soldats-guides), пѣшіе и конные; число послѣднихъ соразмѣрялось съ силою арміи, свойствами края и вообще съ обстановкою; главныя ихъ обязанности состояли въ сопровожденіи и охраненіи офицеровъ генеральнаго штаба на рекогносцировкахъ и съемкахъ и въ вожденіи затѣмъ колоннъ и отрядовъ по осмотрѣннымъ ими путямъ; во главѣ ихъ стоялъ *капитанъ надъ вожатыми* (capitaine des guides), кото-

рый былъ обязанъ имѣть при себѣ, кромѣ военныхъ, еще и проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей для назначенія ихъ въ распоряженіе генераловъ, а также къ колоннамъ, отрядамъ и обозамъ.

б) *Фурьеры* или *маркеры* (fourriers, marqueurs) изъ нижнихъ чиновъ; они отводили въ населенныхъ пунктахъ квартиры генералитету и штабамъ и подчинялись особому офицеру генеральнаго штаба.

в) *Штабныя команды* (troupes d'état-major), организованныя во время семилѣтней войны при генеральныхъ штабахъ французскихъ армій въ виду того, что наряжавшіяся до того отъ войскъ команды (и рабочіе) были несвѣдущи въ дѣлѣ сопровожденія офицеровъ генеральнаго штаба и въ исполненіи работъ и неохотно шли въ подобныя командировки, не говоря уже о томъ, что этотъ нарядъ вызывалъ большой расходъ людей и былъ сопряженъ съ потерею времени. На стотысячную армію положено было имѣть 2,800 человѣкъ штабной пѣхоты (4 баталіона) и 200 всадниковъ (два эскадрона), включая въ это число и вожатыхъ воинскаго званія; эти 3,000 чел. дѣлились на восемь бригадъ (по 348 пѣхотинцевъ и 25 всадниковъ въ каждой), которыя были снабжены носимымъ и возимымъ шанцевымъ инструментомъ, матеріалами для устройства мостовъ и т. д. Службу штабныхъ войскъ направлялъ тотъ офицеръ генеральнаго штаба, который вѣдалъ походныя движенія колоннъ и отрядовъ арміи. Войска эти принесли большую пользу въ походахъ 1761 и 1762 годовъ, но, по окончаніи семилѣтней войны, были расформированы. Впрочемъ, впослѣдствіи предполагалось организовывать ихъ вновь передъ началомъ каждаго похода.

г) *Инженеръ-географы* (ingénieurs-géographes des camps et armées); они соотвѣтствовали нынѣшнимъ военнымъ топографамъ и съ 1726 года составляли особый военный корпусъ «инженеръ-географовъ лагерей и армій»; въ 1744 году, по соединеніи «депо картъ и плановъ» съ фортификаціоннымъ депо, они были подчинены военному министру; съ 1761 года они состояли при военномъ депо, въ 1769 году получили военное устройство, въ 1776 году распредѣлены по дирекціямъ инженернаго вѣдомства, а въ 1777 году снова составили особый корпусъ «военныхъ инженеръ-географовъ» (ingénieurs-géographes militaires); обязанности ихъ въ мирное время заключались въ съемкѣ различныхъ областей Франціи, особенно пограничныхъ, въ съемкѣ морскихъ береговъ и въ демаркаціи границъ; въ военное же время они состояли при штабахъ армій, производили съемки и составляли карты и планы лагерей, позицій, по-

лей сраженій, движеній и дѣйствій войскъ, расположенія на квартирахъ и занятыхъ своими войсками земель.

При Людовикѣ XV извѣстныя штабныя должности были постоянны, но продавались и не были сопряжены съ службою при войскахъ. Охотниковъ купить ту или другую должность находилось много, но они не были подготовлены къ исполненію своихъ обязанностей, особенно въ военное время. Для исполненія этихъ обязанностей приходилось передъ самою войною подыскивать офицеровъ, сколько нибудь соотвѣтствовавшихъ своему назначенію.

Не удивительно, что, при такихъ условіяхъ, операціи французовъ во время первыхъ походовъ семилѣтней войны были поучительны чаще въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ; съ теченіемъ времени однако «генеральные штабы» французскихъ армій, пройдя продолжительную боевую школу, достигли значительной степени совершенства.

Въ 1762 г. поставленъ былъ на очередь вопросъ о новомъ устройствѣ французской арміи. Въ это время военному министру, герцогу Шуазелю, былъ представленъ замѣчательный проектъ объединенія различныхъ званій и должностей генеральнаго штаба, подъ властью и руководствомъ одного *главнаго начальника* этого *штаба* (chef de l'état-major général), въ видахъ устраненія неудобствъ, кои являлись слѣдствіемъ раздробленія власти въ этомъ вѣдомствѣ. Но вскорѣ послѣ того, въ виду окончанія войны, въ связи съ разстройствомъ финансовъ государства, явилось стремленіе къ уменьшенію расходовъ на содержаніе арміи. Герцогъ Шуазель передалъ этотъ проектъ на разсмотрѣніе особой комисіи, въ которой преобладали рутинеры и люди, не постигавшіе сущности дѣла. Комисія эта признала, что приведеніе упомянутаго проекта возложило бы на предполагаемаго начальника генеральнаго штаба столь великое бремя, что оно превзошло бы силы одного человѣка, каковы бы ни были его способности. Поэтому, не только этотъ проектъ остался безъ послѣдствій, но еще было признано возможнымъ повторить прежнюю ошибку и упразднить генеральный штабъ въ мирное время. Однако, обходиться безъ него было невозможно и уже въ 1768 году, во время экспедиціи въ Корсику, началось его возстановленіе, на первыхъ порахъ въ весьма слабомъ составѣ, въ видѣ лишь нѣсколькихъ офицеровъ этого рода службы. Въ 1778 г., въ виду войны съ Англіею, пришлось возстановить прежній генеральный штабъ, или, вѣрнѣе три прежнихъ «генеральныхъ штаба» (одинъ для всей арміи, одинъ

для пѣхоты и одинъ для кавалеріи), что, однако, было сопряжено съ немалыми затрудненіями.

Въ 1783 году военный министръ маршалъ *Сегюръ* организовалъ генеральный штабъ изъ помощниковъ генералъ-квартиръ-маршаловъ (полковниковъ и подполковниковъ), изъ коихъ каждый, въ свою очередь, имѣлъ помощника (капитана); всего же изъ 19-ти полковниковъ, 24-хъ подполковниковъ или маіоровъ и 25-ти капитановъ, избранныхъ изъ числа лучшихъ офицеровъ всей арміи. Они усердно изучали топографію, исторію, географію и примѣненіе точныхъ наукъ къ военному дѣлу и упражнялись въ составленіи различныхъ записокъ и въ производствѣ развѣдокъ. При этомъ генеральный штабъ долженъ былъ имѣть два состава: одинъ, кадровый, для мирнаго и другой, полный, для военнаго времени.

Послѣднія постановленія, касавшіяся генеральнаго штаба и получившія законную силу наканунѣ революціи, заключались въ «уставѣ полевой службы пѣхоты» 1788 г. (Règlement provisoire sur le service de l'Infanterie en campagne, du 12 août 1788). На основаніи этого устава, а равно и предыдущихъ законоположеній и уставовъ (по скольку они не были отмѣнены), устройство французскаго генеральнаго штаба въ это время представлялось въ нижеслѣдующемъ видѣ.

Во главѣ генеральнаго штаба арміи былъ поставленъ *генералъ-квартиръ-маршалъ арміи* (maréchal-général-des-logis d'une armée). Послѣ главнокомандующаго, отъ него требовались наибольшія познанія, способности и дѣятельность: кромѣ большого ума и соотвѣтственной способности къ труду, онъ долженъ былъ обладать глубокимъ знаніемъ теоріи военнаго дѣла, театра военныхъ дѣйствій и кампаній, происходившихъ на этомъ театрѣ, для того, чтобы обсуждать съ главнокомандующимъ тѣ планы дѣйствій, коимъ онъ пожелаетъ слѣдовать и предлагать ему наилучшіе способы къ приведенію этихъ плановъ въ исполненіе. Онъ долженъ былъ замѣнять полководцу, если не глаза, то, по крайней мѣрѣ, руки и, принимая на себя детали управленія арміею, давать возможность главнокомандующему посвящать себя всецѣло дѣлу веденія операцій; для того же, чтобы онъ могъ исполнять свое трудное назначеніе, онъ долженъ былъ находиться всегда при полководцѣ, получать приказанія только отъ него и знать все, что касается движеній войскъ. Такимъ образомъ, онъ являлся и долженъ былъ являться вторымъ лицомъ въ арміи послѣ главнокомандующаго.

Его приказанія и вообще всѣ его распоряженія должны отли-

чаться ясностью, простотою и точностью. Желательно, чтобы въ началѣ кампаніи онъ далъ необходимыя указанія своимъ подчиненнымъ относительно ихъ службы и чтобы затѣмъ онъ требовалъ точнаго ихъ выполненія.

Зная страну, служащую театромъ военныхъ дѣйствій, онъ долженъ оцѣнивать выгоды и невыгоды, представляемыя данною мѣстностью при производимыхъ арміею движеніяхъ, и устранять, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія препятствія и затрудненія. Онъ долженъ имѣть вѣрныя и подробныя карты театра военныхъ дѣйствій и планы лагерей и позицій.

Получая необходимыя свѣдѣнія о составѣ войскъ, о числѣ людей, лошадей и т. д., отъ всѣхъ войсковыхъ частей и учрежденій, онъ заботится о снабженіи арміи провіантомъ, продовольственными припасами, фуражемъ и т. п., принимая въ соображеніе съ одной стороны потребности войскъ, а съ другой—запасы и средства, отпускаемые правительствомъ и могущіе быть извлеченными изъ страны; обо всемъ этомъ онъ докладываетъ или представляетъ отчеты главнокомандующему. Въ соотвѣтственныхъ случаяхъ онъ вступаетъ въ соглашеніе съ интендантомъ, а о своихъ распоряженіяхъ сообщаетъ, сверхъ того, завѣдывающимъ продовольственными припасами и фуражемъ, маіоръ-генералу пѣхоты и генералъ-квартиръмаршалу кавалеріи. Вообще, онъ заботится обо всемъ, что должно быть сдѣлано главнокомандующимъ по вопросамъ, касающимся расположенія войскъ на отдыхъ, охраненія ихъ, совершенія ими маршей, расположенія и дѣйствій ихъ въ бою и т. п.

Онъ вырабатываетъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, *основной расчетъ* (ordre de bataille) арміи для расположенія ея въ лагерѣ и въ бою и сообщаетъ его всѣмъ генераламъ. Онъ же редактируетъ дневной приказъ по арміи, представляетъ проектъ этого приказа главнокомандующему и затѣмъ читаетъ утвержденный приказъ въ присутствіи генераловъ дежурныхъ по арміи, или состоящихъ въ нарядѣ, кои должны распорядиться о приведеніи этого приказа въ исполненіе.

Онъ дѣлаетъ необходимыя распоряженія относительно охраненія войскъ и относительно производства всякаго рода развѣдокъ и рекогносцировокъ, а въ особо важныхъ случаяхъ лично производитъ рекогносцировки, или же сопровождаетъ главнокомандующаго, если послѣдній принимаетъ производство таковыхъ на себя. Въ случаѣ раздѣленія арміи на части, онъ сообщаетъ необходимыя свѣдѣнія подлежащимъ начальникамъ штабовъ.

Вообще, генералъ-квартиръ-маршалъ арміи, долженъ видѣть все лично и, въ то же время, лично дѣлать то, что не можетъ быть сдѣлано другими, подчиненными ему, чинами; это «единственный способъ, примѣняя который, можно не быть подавленнымъ мелочами и хорошо исполнять свои обязанности».

Генералъ-квартиръ-маршалъ арміи имѣлъ своихъ *спеціальныхъ помощниковъ* (aides-maréchaux-généraux-des-logis); онъ самъ распредѣлялъ между ними назначенія и возлагалъ на нихъ исполненіе тѣхъ или другихъ обязанностей, сообразно съ ихъ способностями и подготовкою. Въ началѣ всякой кампаніи, онъ поручалъ одному изъ этихъ помощниковъ подготовку къ маршамъ (устройство дорогъ, мостовъ и т. п.), назначая въ его распоряженіе нѣсколькихъ изъ его товарищей, или же офицеровъ, прикомандированныхъ къ генеральному штабу (officiers attachés à l'état-major), а также необходимое число ротъ пѣхоты для производства работъ, отдѣленіе парка съ инструментомъ и т. д.

По тревогѣ, помощники генералъ-квартиръ-маршала должны были отправляться изъ главной квартиры къ головамъ колоннъ, которыя они должны были вести, и представить маршруты начальникамъ этихъ колоннъ; вообще же, всегда въ штабѣ арміи должно было быть подготовлено все необходимое для совершенія марша въ наиболѣе вѣроятномъ направленіи и даже, при остановкахъ на нѣсколько дней, для совершенія маршей во всѣхъ вѣроятныхъ направленіяхъ.

При несеніи службы генеральнаго штаба, главнымъ образомъ, при вожденіи колоннъ, пользовались пѣшими и конными *гидами* (солдатами-вожатыми), не считая вожатыхъ изъ мѣстныхъ жителей. Начальникъ гидовъ или *капитанъ надъ вожатыми* находился при генералъ-квартиръ-маршалѣ арміи. Гидами назначались лишь люди смышленные, надежные и храбрые; число же ихъ опредѣлялось въ зависимости отъ силы арміи, отъ характера страны и вообще отъ обстановки. Гиды должны были сопровождать офицеровъ генеральнаго штаба и «географовъ» (топографовъ), назначенныхъ для производства рекогносцировокъ и съемокъ данной мѣстности, а затѣмъ для веденія колоннъ и отрядовъ при производствѣ ими маршей. Для передачи приказаній пользовались *ординарцами* (ordonnances) и *жандармами* [1]).

Маіоръ-генералъ пѣхоты (major-général de l'infanterie) назы-

[1]) Слѣдуетъ отличать «жандармовъ», видъ тяжелой кавалеріи, отъ такъ же названныхъ позже частей, назначенныхъ для несенія военно-полицейской службы.

вался также *маіоръ-генераломъ арміи* (major-général de l'armée) вслѣдствіе того, что онъ исполнялъ обязанности *дежурнаго генерала* [1]) всей пѣхоты и вмѣстѣ съ тѣмъ всей арміи; сверхъ того, онъ направлялъ военныя дѣйствія всей пѣхоты, исполняя обязанности начальника ея штаба.

Онъ находился ежедневно при отдачѣ приказаній главнокомандующимъ и сопровождалъ его въ бою и, вообще, всякій разъ, какъ только послѣдній садился на коня. Онъ назначалъ частямъ пѣхоты мѣста, на которыхъ онѣ должны были располагаться и дѣлалъ распоряженія объ устройствѣ сообщеній въ лагерѣ и т. п., о различныхъ нарядахъ, а также о принятіи мѣръ охраненія внѣшняго и внутренняго, въ видахъ обезпеченія войскъ противъ непріятеля и для поддержанія должнаго внутренняго порядка. Онъ вѣдалъ назначеніе частей войскъ на фуражировки, для устройства засадъ и вообще для участія въ дѣйствіяхъ малой войны. При веденіи осадной войны онъ направлялъ службу войскъ въ траншеяхъ, имѣя помощникомъ *траншей-маіора* (major de tranchée).

Онъ же завѣдывалъ всѣми дѣлами въ арміи по части комендантской, инспекторской и хозяйственной, исполняя требованія генералъ-квартиръ-маршала арміи и интенданта. Черезъ него велась переписка съ военнымъ министромъ. Ему же подчинялась военно-полицейская часть (prévôté, troupe de maréchaussée, позже gendarmerie) съ полиціймейстеромъ арміи (prévôt) во главѣ.

Въ дивизіяхъ (все еще имѣвшихъ характеръ временныхъ соединеній), бригадахъ и полкахъ соотвѣтственныя обязанности исполнялись *маіорами* (или мажорами): *дивизіонными* (major de division), *бригадными* (major de brigade) и *полковыми* (major du régiment), являвшимися какъ бы начальниками штабовъ соотвѣтственныхъ частей. Каждый изъ этихъ маіоровъ находился въ двойственномъ подчиненіи и подчинялся: съ одной стороны соотвѣтственному строевому начальнику, а съ другой — маіору высшей инстанціи (полковой—бригадному, бригадный—дивизіонному, дивизіонный—маіоръ-генералу).

Всѣ дежурные и вообще всѣ состоявшіе въ служебномъ нарядѣ подчинялись *дежурному* по арміи *генералъ-лейтенанту*, наряжаемому по очереди (по распоряженію маіоръ-генерала) и исполнявшему

---

[1]) Обязанности «дежурнаго генерала» не слѣдуетъ смѣшивать съ обязанностями генерала, наряжаемаго «дежурнымъ по арміи», не взирая на то, что подобное смѣшеніе происходило нерѣдко на дѣлѣ.

тѣ же обязанности, которыя устанавливаются и въ наше время для дежурнаго по войскамъ въ лагерномъ сборѣ.

Генералъ-квартиръ-маршалъ кавалеріи (maréchal-général-des logis de la cavalerie) исполнялъ по отношенію къ кавалеріи тѣ же обязанности, которыя возлагались на маіоръ-генерала по отношенію къ пѣхотѣ. Ему точно также подчинялись маіоры кавалерійскихъ дивизій, бригадъ и полковъ. Допускалось, сверхъ того, назначеніе особаго *маіоръ-генерала драгунъ* (major-général des dragons), который исполнялъ соотвѣтственныя обязанности по отношенію къ драгунамъ.

Подобно генералъ-квартиръ-маршалу арміи, маіоръ-генералъ пѣхоты, генералъ-квартиръ-маршалъ кавалеріи и маіоръ-генералъ драгунъ имѣли своихъ спеціальныхъ помощниковъ (aides-majors-généraux, aides-majors, aides-maréchaux-généraux-des logis de la cavalerie, aides-maréchaux-des logis), распредѣляли между ними назначенія и возлагали на нихъ тѣ или другія обязанности, сообразно съ ихъ способностями и подготовкою.

Къ составу генеральнаго штаба арміи причислялись: *начальники артилеріи* и *инженеровъ* (commandants de l'artillerie et du génie), которые подчинялись главнокомандующему и получали приказанія непосредственно отъ него, или черезъ генералъ-квартиръ-маршала арміи, или черезъ маіоръ-генерала (арміи), или черезъ *интенданта* арміи. Послѣдній, въ свою очередь, стоялъ во главѣ хозяйственной части арміи и исполнялъ соотвѣтственныя требованія и приказанія главнокомандующаго, сносился отъ своего имени съ гражданскими властями театра военныхъ дѣйствій и управлялъ завоеванными землями. Въ остальномъ, измѣненій въ ранѣе установившихся порядкахъ и правилахъ не произошло.

Такимъ образомъ былъ возстановленъ генеральный штабъ, получившій довольно стройную организацію, хотя и не безъ недостатковъ (сложность, недостаточная законченность); даже идея объединенія если не власти, то руководства и направленія она получила достаточное выраженіе, такъ какъ генералъ-квартиръ-маршалу арміи было присвоено выдающееся, весьма вліятельное положеніе, благодаря коему онъ находился на пути къ тому, чтобы сдѣлаться единственнымъ и дѣйствительнымъ главнымъ руководителемъ всего генеральнаго штаба арміи.

Однако, возсоздать быстро генеральный штабъ было трудно. Многіе чины, вновь назначенные въ составъ этого штаба, были не подготовлены къ исполненію своихъ обязанностей и должны были

подготовляться къ нимъ уже во время своей спеціальной службы, слѣдуя примѣру старшихъ товарищей, прошедшихъ школу маршала Сегюра и другихъ выдающихся французскихъ военныхъ дѣятелей того времени. Работа эта не оставалась безъ положительныхъ результатовъ, но для дальнѣйшаго развитія французскаго генеральнаго штаба въ этомъ направленіи нужны были достаточное время и прочія благопріятныя условія. Ни времени, ни указанныхъ условій не оказалось, вслѣдствіе того, что Францію постигла катастрофа, разрушившая всю ея государственную систему и извѣстная подъ названіемъ «революціи», что не могло не отразиться на военной ея системѣ и въ частности на организаціи, постановкѣ, подготовкѣ и службѣ французскаго генеральнаго штаба.

6. Разстройство французскаго генеральнаго штаба въ революціонную эпоху.

Изъ вышеизложеннаго видно, что при королевскомъ режимѣ сущность службы генеральнаго штаба во Франціи была понята довольно вѣрно; была выработана хотя и не идеальная, но все же удовлетворительная организація этого рода службы, вполнѣ приспособленная къ организаціи самой арміи. Что же препятствовало устройству генеральнаго штаба, вполнѣ удовлетворяющаго своему назначенію?

Препятствовали этому: а) разстройство всей военной системы Франціи, въ связи съ разстройствомъ государственной системы; б) недальновидность различныхъ французскихъ министровъ, стремившихся достичь уменьшенія расходовъ на содержаніе арміи, въ видахъ возстановленія равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ, не сообразно съ важностью различныхъ статей расходовъ, но на счетъ тѣхъ, которыя легче поддавались сокращенію; в) нерѣшительность и даже робость высшихъ военныхъ сферъ, которыя не умѣли или не могли состязаться съ успѣхомъ съ таковыми же сферами гражданскими, все болѣе и болѣе вмѣшивавшимися въ военныя дѣла, и г) въ послѣднее время частая смѣна министровъ и вообще стоявшихъ у дѣла представителей высшей администраціи, причемъ не только не было единства направленія, но, наоборотъ, таковое часто мѣнялось, а вслѣдствіе этихъ перемѣнъ ничего прочнаго выработаться не могло.

Ни «совѣтъ военнаго управленія» (или «военно-административный совѣтъ»), замѣнившій, въ 1787 году, прежній «комитетъ

инспекторовъ», ни даже такой талантливый военный министръ, какъ (назначенный въ іюлѣ 1789 года) маршалъ *де-Брольи*, старавшійся произвести необходимыя улучшенія, не могли поправить дѣло. Именно въ это время армія перестала быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ высшихъ властей, а самъ де-Брольи долженъ былъ вскорѣ удалиться за-границу; большая часть офицеровъ покинула армію, въ которой была уничтожена дисциплина и которая, такимъ образомъ, пришла въ совершенное разстройство, т. е. правильно организованная вооруженная сила во Франціи прекратила свое существованіе. Между тѣмъ революція увлекла Францію на путь, приведшій ее, начиная съ 1797 года, къ войнѣ съ сильною коалиціею враговъ.

Послѣ маршала де-Брольи военными дѣлами Франціи управляли *Де-ла-Туръ-Дю-Пенъ* и *Дю-Портайль*, дѣятельность коихъ тормозилась «военнымъ комитетомъ національнаго *учредительнаго собранія*» (которое было собрано королемъ въ началѣ 1789 года, въ видѣ представительства государственныхъ сословій, въ іюнѣ того же года приняло названіе «національнаго», а въ октябрѣ назвалось еще «учредительнымъ», присвоивъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право выработать и узаконить государственное устройство). Какъ эти министры, такъ и ихъ ближайшіе преемники не могли возстановить въ арміи ни порядка, ни взаимнаго довѣрія, ни дисциплины. Подобное положеніе дѣлъ скоро улучшиться не могло, такъ какъ первые республиканцы, за рѣдкими исключеніями, были болѣе способны къ разрушенію, чѣмъ къ созданію чего-либо прочнаго.

Военный комитетъ учредительнаго собранія находился подъ вліяніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, или малосвѣдущихъ, или даже вовсе несвѣдущихъ, но, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно честолюбивыхъ. Они чувствовали, что ни лѣта, ни познанія не давали имъ права на запятіе высшихъ должностей по генеральному штабу, генералъ-квартиръ-маршаловъ арміи и кавалеріи и маіоръ-генерала пѣхоты; къ тому же, трехъ должностей для нихъ было мало. Въ виду этого, они провели въ учредительномъ собраніи *законъ 5-го октября 1790 года*, въ силу коего «генеральные штабы» арміи, пѣхоты и кавалеріи были упразднены и замѣнены тридцатью «*генеральными*» или «*дивизіонными адъютантами*» (adjudants-généraux ou de division), изъ коихъ 17 положено въ чинѣ полковника и 13 въ чинѣ подполковника. Затѣмъ, 1-го іюня 1791 г., была объявлена выработанная еще при прежнемъ режимѣ (и подвергшаяся несущественнымъ измѣненіямъ) «*инструкція для службы*

генеральныхъ штабовъ«, на основаніи которой: а) всѣ дивизіонные адъютанты имѣли одинаковыя обязанности, но въ каждой дивизіи, или въ нѣсколькихъ дивизіяхъ, соединенныхъ подъ начальствомъ одного генерала, старшій въ чинѣ и по службѣ являлся начальникомъ прочихъ; б) дивизіонные адъютанты исполняли обязанности прежнихъ начальниковъ трехъ «генеральныхъ штабовъ» и завѣдывали *рекогносцировками*, *топографическими работами*, имѣвшими цѣлью пополненіе картъ границъ государства, мемуарами, касавшимися общаго *плана дѣйствій* при наступательной и оборонительной войнѣ, разнаго рода работами, касавшимися *демаркаціи* границъ, *осмотромъ* постовъ и квартиръ, *направленіемъ движеній* войскъ въ предѣлахъ раіоновъ своихъ дивизій и *вожденіемъ* колоннъ, *развитіемъ въ деталяхъ и передачею* войскамъ приказаній генераловъ и, наконецъ, если начальникъ дивизіи лично ею командовалъ, передачею его приказаній войскамъ и сообщеніемъ имъ необходимыхъ указаній, сообразныхъ съ мѣстными условіями и вообще съ обстановкою; в) въ помощь дивизіоннымъ адъютантамъ и по ихъ представленіямъ, начальники дивизій назначали изъ строя офицеровъ, считавшихся *прикомандированными* только на время войны и безъ всякаго впослѣдствіи права на званіе дивизіонныхъ адъютантовъ; «во внутреннихъ» дивизіяхъ могъ быть прикомандированъ только одинъ, а въ пограничныхъ дивизіяхъ три офицера; г) дивизіонные адъютанты находились въ сношеніяхъ съ военными комисарами-ордонаторами (commissaires ordonnateurs), вѣдавшими довольствіе войскъ, передавали имъ приказанія начальниковъ дивизій и получали отъ нихъ свѣдѣнія о продовольственныхъ и другихъ запасахъ, о лагерныхъ потребностяхъ, объ устройствѣ и мѣстѣ расположенія магазиновъ и транспортовъ и т. п.; д) при дивизіонныхъ адъютантахъ находились канцеляріи, составъ коихъ былъ весьма не великъ; е) дивизіонные адъютанты перемѣщались приказами военнаго министра; ж) при производствѣ рекогносцировки дивизіонный адъютантъ командовалъ отрядомъ, для сего назначеннымъ, если онъ былъ старше въ чинѣ начальника этого отряда, а въ противномъ случаѣ докладывалъ ему о томъ пути, который ему необходимо пройти; з) дивизіонные адъютанты входили въ общую очередь служебнаго наряда наравнѣ со всѣми штабъ-офицерами того же чина; и) дивизіоннымъ адъютантамъ былъ присвоенъ особый мундиръ.

При первомъ назначеніи 30-ти дивизіонныхъ адъютантовъ, въ числѣ ихъ было еще нѣсколько человѣкъ, знакомыхъ со службою генеральнаго штаба и способныхъ къ ней; но они вскорѣ получили

другія назначенія, либо удалились изъ Франціи, послѣ чего оставалось не болѣе 3—4 дивизіонныхъ адъютантовъ, знакомыхъ съ названною службою; всѣ же остальные были люди крайне невѣжественные и совершенно неспособные. Между тѣмъ война съ императоромъ была неизбѣжна; являлась настоятельная необходимость въ безотлагательномъ дополненіи и исправленіи устава полевой службы пѣхоты 1788 года, согласованномъ съ вышеупомянутыми организаціонными и другими измѣненіями. Это и было сдѣлано посредствомъ новаго изданія этого устава, состоявшагося 5-го апрѣля 1792 года, а затѣмъ, вскорѣ послѣ того, въ началѣ войны былъ возстановленъ существовавшій уже при королевскомъ режимѣ главный начальникъ офицеровъ генеральнаго штаба, который, впрочемъ, былъ названъ (болѣе удачно) не генералъ-квартиръ-маршаломъ, но *начальникомъ штаба* (chef de l'état-major général) и который долженъ былъ состоять въ каждой арміи; въ помощь ему назначалось четыре генеральныхъ адъютанта, а во всякую дѣйствующую дивизію, въ каждый авангардъ и въ каждый «резервный корпусъ»—одинъ генеральный адъютантъ для исполненія обязанностей начальника штаба дивизіи, авангарда или «корпуса»; каждый генеральный адъютантъ могъ имѣть при себѣ извѣстное число прикомандированныхъ офицеровъ.

Эта реформа могла бы исправить ошибку, допущенную въ 1790 году и вообще принести большую пользу, если бы это не шло въ разрѣзъ со всею революціонною административною системою. Различныя, часто смѣнявшіяся, республиканскія правительства все болѣе и болѣе разстраивали внутреннія дѣла и отношенія въ самой Франціи, эксплоатировали и расходовали ея силы и средства крайне безпорядочно и неблагоразумно и руководили дѣломъ народной обороны болѣе или менѣе неумѣло. Революціонные заправилы были одержимы крайнимъ самомнѣніемъ, брались за все и во все вносили безпорядокъ. Особенно рельефно это давало себя чувствовать въ отношеніи военныхъ дѣлъ вообще и генеральнаго штаба въ частности.

Въ назначеніяхъ дивизіонныхъ адъютантовъ и ихъ помощниковъ были допущены непомѣрныя и постыдныя злоупотребленія. Тѣхъ и другихъ назначали въ неопредѣленномъ, огромномъ числѣ и притомъ безъ всякаго разбора, по проискамъ, покровительству, подкупамъ и т. п., нерѣдко изъ простыхъ солдатъ или изъ числа лицъ, которыя (по выраженію *Де-Филипа*) «сдѣлались чуждыми всему почетному». Такъ, генералъ *Дюмурье* упрекалъ военнаго ми-

нистра *Паша* въ томъ, что онъ назначилъ во ввѣренную ему армію генеральнымъ адъютантомъ танцовщика изъ театра, а по свидѣтельству *Гримоара* на такія же должности назначались даже женщины.

Все это довело французскій генеральный штабъ въ разгаръ революціи до крайней степени разстройства, не взирая на то, что во французской арміи имѣлось не мало талантливыхъ генераловъ, подъ руководствомъ которыхъ могли выработаться въ необходимомъ числѣ прекрасные офицеры генеральнаго штаба, не взирая на то, что въ ней имѣлись еще оставшіеся отъ королевскаго генеральнаго штаба такіе отличные офицеры этого рода службы, какъ *Бертье* и *Матье-Дюма*, не взирая на то, что въ этой арміи вырабатывались на боевой практикѣ такіе достойные ихъ соперники, какъ *Де-Билли*. Для того, чтобы они могли занять подобающія имъ мѣста, для того, чтобы весь тогдашній французскій генеральный штабъ удовлетворялъ своему назначенію и былъ его достоинъ, необходимо было, прежде всего, измѣнить тѣ условія, кои были очерчены выше и кои были сопряжены съ революціоннымъ режимомъ, особенно въ эпоху правленія «конвента» и господства такъ называемаго «комитета общественнаго спасенія» (comité du salut public), захватившаго фактически въ свои руки верховную власть.

Французская республика, начертавшая на своемъ знамени слова «*свобода, равенство, братство*», проводила въ жизнь съ удивительною прямолинейностью и безпощадностью—вмѣсто свободы самый неумолимый деспотизмъ и терроризмъ, а вмѣсто братства—отношеніе къ гражданамъ (составлявшимъ «державный народъ»), какъ бы къ какому-то живому инвентарю; равенство было сохранено въ томъ смыслѣ, что фактически всѣ были одинаково безправны передъ лицомъ даже не конвента, но какой-то горсти крайнихъ изувѣровъ и фанатиковъ, составлявшихъ пресловутый «комитетъ общественнаго спасенія». Во Франціи водворилось правленіе ужаса, «*терроръ*». Въ то же время экономическое ея разстройство достигло крайнихъ предѣловъ.

Даже Франція, не взирая на свое сравнительно сильное внутреннее развитіе, не могла долго выдержать то напряженіе силъ и средствъ, которое отъ нея потребовалъ этотъ драконовскій режимъ. При такихъ условіяхъ была неизбѣжна реакція. Лѣтомъ 1794 года были казнены главные вожди якобинцевъ, а въ октябрѣ 1795 года конвентъ уступилъ мѣсто «*директоріи*» (изъ пяти директоровъ) съ совѣтами «*пятисотъ*» и «*старѣйшинъ*». Однако, и это послѣднее

республиканское правительство не замедлило доказать свою несостоятельность. Между тѣмъ среди революціоннаго хаоса и безпрестанныхъ войнъ выдвинулся генералъ *Бонапартъ*, который, въ короткое время, затмилъ всѣхъ другихъ генераловъ блескомъ своихъ побѣдъ, поразилъ современниковъ и особенно знатоковъ дѣла искусствомъ веденія операцій, показалъ, какъ должно вести войну не требуя почти ничего (и даже ничего) отъ правительства, которое и не могло дать почти ничего, мало того, научилъ этому искусству другихъ, снабжалъ при этомъ деньгами другую армію и само правительство и быстро пріучилъ французовъ къ тому, что онъ долженъ быть ихъ повелителемъ и что онъ одинъ можетъ вывести Францію изъ того ужаснаго положенія, въ которое поставила ее революція.

Неудивительно, что этотъ же генералъ Бонапартъ безъ особеннаго труда покончилъ съ революціоннымъ режимомъ и сталъ во главѣ Франціи, сначала въ качествѣ «перваго консула», а затѣмъ въ качествѣ вѣнценосца-императора, подъ именемъ Наполеона I.

Онъ упорядочилъ всю французскую военную систему и далъ ей небывалое развитіе, въ связи съ соотвѣтственнымъ развитіемъ и всей государственной системы Франціи. Естественно, это отразилось и на французскомъ генеральномъ штабѣ, значеніе котораго должно было быть понятно ему лучше, чѣмъ кому бы то ни было изъ его современниковъ, не говоря уже о предъидущихъ поколѣніяхъ.

7. Генеральные штабы въ остальныхъ западно-европейскихъ арміяхъ отъ середины XVII до конца XVIII вѣка.

Генеральные штабы въ прочихъ западно-европейскихъ арміяхъ, во вторую половину XVII и въ XVIII столѣтіи, постепенно развивались и совершенствовались, слѣдуя въ главныхъ основаніяхъ французскимъ образцамъ. При этомъ установилось *понятіе о генеральномъ штабѣ*, какъ о совокупности всѣхъ чиновъ и лицъ, составлявшихъ высшее ея управленіе, со всѣми его отраслями; поэтому его называли и «*главнымъ штабомъ арміи*».

Генеральный или главный штабъ арміи обыкновенно составляли: А) генералитетъ, Б) лица, состоявшія при генералитетѣ, и В) лица, стоявшія во главѣ различныхъ отдѣловъ управленія арміею.

Къ *генералитету* принадлежали: а) *фельдмаршалъ*, званіе котораго обратилось окончательно въ высшій генеральскій чинъ, съ коимъ соединялось понятіе о главномъ начальствѣ надъ арміею; б) вновь учрежденный въ нѣкоторыхъ арміяхъ второй генеральскій чинъ *полнаго генерала отъ инфантеріи* или *отъ кавалеріи*, иначе

генералъ-аншефа (général-en-chef); в) *генералъ-лейтенанты*, бывшіе намѣстники главнокомандующихъ; теперь ихъ званіе обратилось въ третій генеральскій чинъ, и г) четвертый генеральскій чинъ *генералъ-маіора* (послѣ котораго слѣдовалъ чинъ бригадира, средній между генералъ-маіорскимъ и полковничьимъ).

Къ разряду *состоявшихъ при генералитетѣ* относились: а) *генералъ-адъютанты*, т. е. лица генеральскихъ чиновъ, въ званіи адъютантовъ при фельдмаршалахъ и вообще при высшихъ чинахъ арміи; б) *флигель-адъютанты*, или лица преимущественно штабъ-офицерскихъ чиновъ, въ званіи адъютантовъ при тѣхъ же чинахъ, что и генералъ-адъютанты, и в) *генеральскіе адъютанты* въ оберъ-офицерскихъ чинахъ при генералахъ вообще.

Къ числу *начальниковъ управленій арміи* принадлежали: а) *генералъ-квартирмейстеръ арміи*, завѣдывавшій квартирмейстерскимъ управленіемъ или квартирмейстерскою частью; б) *дежурный генералъ арміи* (Dujour-General, Major-General отъ французскаго: général du jour, général de service, major-général); в) *генералъ-фельдцейхмейстеръ*, или начальникъ артиллеріи арміи; г) *генералъ-инженеръ*, или начальникъ инженеровъ арміи; д) *генералъ-кригсъ-коммиссаръ*, или начальникъ коммиссаріатскаго управленія арміи; е) *генералъ-провіантмейстеръ*, или начальникъ провіантскаго управленія; ж) *генералъ-вагенмейстеръ*, или начальникъ вагенмейстерскаго управленія (обозовъ); з) *генералъ-гевальтигеръ*, или генералъ-полицiймейстеръ арміи; и) *генералъ-аудиторъ*, или *генералъ-фискалъ арміи*, завѣдывавшій военно-судною частью; і) *генералъ-штабъ-докторъ*, или главный врачъ арміи; к) *генералъ-почтъ-директоръ*, завѣдывавшій военно-почтовымъ управленіемъ и т. д.

Въ ряду этихъ начальниковъ отдѣловъ управленія арміею первенствующее значеніе принадлежало *генералъ-квартирмейстеру арміи*, который заступилъ мѣсто прежняго фельдмаршала. Обыкновенно онъ былъ избираемъ изъ отличныхъ, по способностямъ и военнымъ познаніямъ, генералъ-маіоровъ (въ рѣдкихъ и особенныхъ случаяхъ изъ генералъ-лейтенантовъ). Обязанности и кругъ дѣйствій его были опредѣлены и распространены, а значеніе въ арміи увеличено. Въ кругъ его обязанностей входили помощь и содѣйствіе главнокомандующему въ отношеніи различныхъ частей военнаго управленія, преимущественно же по части расположенія, движеній и дѣйствій войскъ; при этомъ онъ являлся докладчикомъ (и на сколько это требовалось, совѣтникомъ); передавая волю полководца войскамъ и развивая его идеи въ деталяхъ, онъ долженъ

былъ отличаться отъ всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей знаніемъ не только своей, но и всѣхъ остальныхъ частей управленія арміею (по отношенію къ первой — полнымъ, а по отношенію къ остальнымъ—достаточнымъ), не говоря уже о бытѣ и службѣ войскъ, каковыя долженъ былъ знать въ совершенствѣ; сверхъ того, онъ долженъ былъ обладать способностью все объединять и обобщать, для того, чтобы не утруждать полководца излишними деталями и представлять на его усмотрѣніе только существенно важное, оставляя все второстепенное на долю свою и своихъ подчиненныхъ.

Въ его вѣдѣніи находилась также *военно-топографическая часть*, къ которой въ то время относились: производство военныхъ съемокъ, рекогносцировокъ и военныхъ обозрѣній, составленіе военныхъ картъ, плановъ, дислокацій, маршрутовъ и т. д.

Управленіе генералъ-квартирмейстера арміи носило названіе *«генералъ-квартирмейстеръ-штаба»*. Его составляли: *генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ*, намѣстникъ и ближайшій помощникъ генералъ-квартирмейстера, обыкновенно въ чинѣ полковника; б) *квартирмейстеры* при дивизіяхъ и *оберъ-квартирмейстеры* при отдѣльныхъ «корпусахъ» и отрядахъ, въ чинѣ подполковника, или маіора, а иногда и капитана, имѣвшіе въ своей сферѣ дѣйствій тѣ же обязанности, что и генералъ-квартирмейстеръ въ цѣлой арміи; в) *квартирмейстеръ-лейтенанты*, намѣстники и помощники квартирмейстеровъ, капитаны или поручики, имѣвшіеся лишь въ нѣкоторыхъ арміяхъ, и г) *генералъ-штабъ-квартирмейстеръ*, т. е. квартирмейстеръ «генералъ-штаба» или главной квартиры арміи, въ чинѣ капитана, завѣдывавшій расквартированіемъ чиновъ главной квартиры арміи.

Перечисленные чины не составляли особаго, спеціальнаго корпуса офицеровъ, въ видѣ генеральнаго штаба въ нынѣшнемъ смыслѣ. Ихъ брали обыкновенно изъ пѣхоты и кавалеріи для несенія службы генералъ-квартирмейстеръ-штаба, и то первоначально только на время войны, какъ во Франціи, подобно тому, какъ брали строевыхъ офицеровъ для исправленія должностей генеральскихъ адъютантовъ. Позже, часть генералъ-квартирмейстеръ-штаба начали оставлять и въ мирное время, увеличивая число ихъ передъ войною вдвое, втрое и т. д., въ зависимости отъ надобности. Такимъ образомъ, генералъ-квартирмейстеръ-штабъ имѣлъ два состава: *уменьшенный* — по мирному и *увеличенный* — по военному положенію. Но внезапное усиленіе состава генералъ-квартирмейстеръ-штаба передъ войною было сопряжено съ серьезными неудобствами. Уси-

ливать его лицами, уже знакомыми съ этою службою, въ необходимомъ числѣ, было очень трудно. Въ виду этого на время войны прикомандировывали къ генералъ-квартирмейстеръ-штабу строевыхъ офицеровъ (пѣхоты и кавалеріи), которые носили французское названіе прикомандированныхъ или причисленныхъ (adjoints, à la suite) къ означенному штабу; они продолжали числиться въ своихъ полкахъ, куда и возвращались по окончаніи войны. Такъ какъ имъ приходилось, въ одно и то же время, исполнять службу генералъ-квартирмейстеръ-штаба и учиться этой службѣ, то пользы они приносили мало.

Сверхъ того, въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера арміи состояли: а) *вожатые*, обыкновенные и военные (Guiden, Boten, Wegweiser, Colonnen-Führer), имѣвшіе особаго начальника, называвшагося «капитаномъ вожатыхъ»; б) спеціальныя *конвойныя* и *рабочія команды*, какъ напримѣръ, «дежурные эскадроны» (Dienstschwadronen), составлявшіе конвой главной квартиры и чиновъ генеральнаго штаба, понтонеры, піонеры (для исправленія и устройства вновь мостовъ и дорогъ) и т. п., и в) *строевые квартирмейстеры* (полковые, артиллерійскіе и т. д.) и *вагенмейстеры*, получавшіе приказанія относительно размѣщенія частей войскъ въ лагеряхъ и на квартирахъ и вожденія ихъ по дорогамъ если не отъ самаго генералъ-квартирмейстера, то отъ чиновъ его штаба. Отъ этой общей формы были и не могли не быть отступленія. Въ нѣкоторыхъ арміяхъ генералъ-квартирмейстерскій штабъ былъ отдѣленъ отъ генеральнаго штаба. Среднее мѣсто между обоими штабами занималъ «верховный» или «*главный военный коммиссаръ*» (Oberster-Kriegs-Commissarius), лицо высшаго чина и званія, состоявшее при главнокомандующемъ арміею, получившее полномочія отъ правительства и имѣвшее общій надзоръ за военными дѣйствіями; его не должно смѣшивать съ *оберъ-кригсъ-коммиссарами* интендантскаго вѣдомства, имѣвшимися въ нѣкоторыхъ арміяхъ.

Такимъ образомъ, рѣшеніе даннаго вопроса въ разсматриваемый періодъ сдѣлало не малый шагъ впередъ, въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ. Тѣмъ не менѣе, ему были присущи весьма важные недостатки: а) составъ генералъ-квартирмейстерскаго штаба былъ недостаточенъ для службы при войскахъ въ полѣ (въ военное время); б) устройство штабовъ было не прочно, не опредѣленно и не совершенно, и в) кругъ дѣйствій вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и вообще военнаго управленія хотя и былъ расширенъ, противъ прежняго, но все же былъ еще довольно огра-

ничень, амежду различными ихъ отдѣлами, между генералъ-квартирмейстерскимъ штабомъ и соприкосновенными съ нимъ частями, было еще мало связи и еще менѣе единства.

Изъ отдѣльныхъ рѣшеній даннаго вопроса, кромѣ французскаго, заслуживаютъ еще вниманія и изученія прусское и австрійское, особенно первое.

8. Прусскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ до начала XVIII столѣтія.

Прочныя основанія военному устройству прусско-бранденбургскаго государства были положены при «великомъ курфюрстѣ» Фридрихѣ-Вильгельмѣ (1640—1688), о которомъ его правнукъ, Фридрихъ Великій говоритъ въ своихъ «Мемуарахъ», между прочимъ, слѣдующее: «...Фридрихъ-Вильгельмъ обладалъ всѣми качествами, присущими великимъ людямъ... Онъ былъ возстановителемъ и защитникомъ могущества Бранденбургіи... Располагая небольшими средствами, онъ сдѣлалъ великія дѣла, былъ самъ своимъ первымъ министромъ и главнокомандующимъ и сдѣлалъ цвѣтущимъ свое государство, которое принялъ погребеннымъ подъ его собственными развалинами...» [1]).

Естественно, при немъ была устроена въ бранденбургской арміи и квартирмейстерская часть по обще-нѣмецкому образцу, видоизмѣненному однако нѣсколько подъ вліяніемъ шведской военной системы, превосходство которой обнаружилось весьма рельефно въ Тридцатилѣтнюю войну, особенно для союзниковъ Швеціи и боевыхъ сотоварищей шведскихъ войскъ, какими являлись сѣверо-германскіе протестанты вообще и въ частности великій курфюрстъ съ своими вновь организованными вооруженными силами [2]).

Какъ шведское вліяніе, такъ въ особенности бѣдность страны побуждали къ бережливости и требовали развитія энергіи, трудолюбія, дѣловитости и т. п. качествъ. Отсюда на первыхъ же порахъ стремленіе обойтись возможно меньшимъ числомъ офицеровъ. Въ 1657 году весь «генеральный штабъ» бранденбургской арміи, къ которому тогда причислялись всѣ генералы и высшія должностныя лица, состоялъ изъ 16-ти человѣкъ, изъ коихъ лишь пять несли службу генеральнаго штаба (понимая ее гораздо шире, чѣмъ пони-

---

[1]) Объ этомъ курфюрстѣ подробнѣе изложено въ нашемъ трудѣ: «Гдѣ должно искать начало подготовки Пруссіи къ ея успѣхамъ въ 1866 и 1870—1871 гг.», стр. 18—20. [2]) Бранденбургія, къ тому же, составляла базу шведовъ (послѣ побережья), на которой они распоряжались, какъ у себя дома.

мали тогда): а) *генералъ-комисаръ* (Generalkommissarius) въ чинѣ генералъ-лейтенанта, совмѣщавшій должности начальника штаба и генералъ-интенданта; б) *генералъ-вахтмейстеръ* (Generalwachtmeister) въ чинѣ генералъ-маіора, являвшійся помощникомъ генералъ-комисара (какъ начальника штаба) въ дѣлѣ расположенія войскъ на отдыхѣ, веденія ихъ на походѣ и построенія для боя; в) два *генералъ-квартирмейстера* (Generalquartiermeister), на которыхъ была возложена и военно-инженерная часть, и г) *штабъ-фурьеръ* (Stabsfourier), расквартировывавшій войска. Въ случаѣ похода организовался *генералъ-кригсъ-комисаріатъ* (General-Kriegskommissariat), исполнявшій обязанности нынѣшняго штаба арміи съ соотвѣтственными его отдѣлами. Съ 1670 года помощниками генералъ-квартирмейстера являлись: 1 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, 2 инженера и одинъ капитанъ надъ вожатыми (Capitaine des guides). Введеніе въ штатъ капитана надъ вожатыми съ французскимъ наименованіемъ доказываетъ наличность французскаго вліянія, которое отрицаетъ такъ безусловно Бронсаръ фонъ-Шелендорфъ; къ тому же, не трудно найти и другія доказательства, говорящія противъ его доводовъ. Генералъ-квартирмейстеръ и его помощники несли службу и въ мирное время по оборонѣ государства. Такимъ образомъ квартирмейстерская часть была соединена съ частью военно-инженерною, что вполнѣ гармонировало съ духомъ тактики того времени, основанной на преувеличеніи значенія огня и на преобладаніи стремленія къ пассивности и различныхъ узкихъ фортификаціонныхъ понятій. При преемникахъ великаго курфюрста выработалась окончательно лѣстница должностей въ бранденбургской квартирмейстерской части, получившей наименованіе *генералъ-квартирмейстерскаго штаба* (Generalquartiermeister-Stab): генералъ-квартирмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, оберъ-квартирмейстеръ, генералъ-штабсъ-квартирмейстеръ и штабсъ-квартирмейстеръ; должности эти соединялись съ соотвѣтственными имъ чинами.

Фридрихъ II Великій (1740—1786) основалъ свою систему управленія войсками на томъ, чтобы имѣть поменьше генераловъ и побольше солдатъ. Онъ самъ не только былъ начальникомъ своего штаба, но и сплошь и рядомъ исполнялъ обязанности и младшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ изготовлялъ лично всѣ предначертанія относительно веденія войны, а также чуть ли не всѣ приказы и наставленія подчиненнымъ начальникамъ. Помощниками его были адъютанты, инженеры и фельдъегеря, коихъ было не-

много. При такихъ условіяхъ, собственно генералъ-квартирмейстерскій штабъ почти не существовалъ: въ 1741 году въ немъ состояло четыре, въ 1750 году три и въ 1756 году шесть офицеровъ, а во время Семилѣтней войны число ихъ понижалось до двухъ.

Съ теченіемъ времени Фридрихъ на опытѣ уяснилъ себѣ, сколь важно имѣть квартирмейстеровъ вполнѣ подготовленныхъ къ своему дѣлу. По этому вопросу онъ самъ говоритъ слѣдующее:

«Армія сдѣлала не мало походовъ, но главная квартира часто ощущала недостатокъ въ хорошихъ квартирмейстерахъ; король хотѣлъ организовать этотъ корпусъ и выбралъ 12 офицеровъ, которые уже обладали нѣкоторыми познаніями по инженерному искусству, дабы лично руководить ихъ подготовкою; ихъ обучали съемкѣ, разбивкѣ лагерей, укрѣпленію деревень и высотъ, устройству рвовъ съ палисадами, веденію колоннъ на маршѣ; особенно же они должны были измѣрять лично глубину всѣхъ болотъ и ручьевъ, чтобы вслѣдствіе нерадѣнія не сдѣлать ошибки и не примкнуть армію къ рѣкѣ, которую можно перейти въ бродъ, или къ болоту, черезъ которое пѣхота можетъ пройти, не омочивъ себѣ и ногъ. Подобныя ошибки влекутъ за собою серьезныя послѣдствія, ибо французы не потерпѣли бы пораженія при Мальплаке, а австрійцы при Лейтенѣ, если бы не сдѣлали такихъ же ошибокъ» (въ сочиненіи Бронсаръ фонъ-Шеллендорфа сокращено и переведено не вполнѣ точно; слѣдуетъ справиться въ изданіи сочиненій самого короля, или въ «Journal des sciences militaires», 1879, IX).

Уже лѣтомъ 1757 года король издалъ «инструкцію квартирмейстерамъ», заключавшую въ себѣ главныя основанія начертанія крѣпостей и устройства, атаки и обороны укрѣпленныхъ лагерей. Онъ придавалъ большое значеніе знаніямъ этого рода, возведеннымъ имъ въ науку подъ названіемъ *кастрометріи*. Въ 1758 году онъ лично продиктовалъ наставленіе, касающееся тѣхъ же вопросовъ, своимъ полевымъ инженерамъ, которыми пользовался для производства съемокъ, для развѣдки непріятельскаго лагеря или боевого расположенія и для проложенія колонныхъ путей.

Во время той же Семилѣтней войны капитаны надъ вожатыми были поставлены во главѣ фельдъегерей-колонновожатыхъ (Feld-Kolonnen - Jäger), которые, въ случаѣ неимѣнія картъ, должны были водить колонны. Сверхъ того были учреждены *бригадные маіоры* (Brigademajors, тѣ же французскіе «majors de brigade»), которые принимали пароль, направляли въ лагеряхъ службу охраненія и т. п. Но эти и имъ подобныя мѣры принимались подъ дав-

леніемъ обстановки и военнаго времени и были недостаточны, тѣмъ болѣе, что Семилѣтняя война сильно понизила доброкачественность прусскаго корпуса офицеровъ вслѣдствіе большихъ потерь въ бояхъ и необходимости принятія значительнаго числа чужестранцевъ, не обладавшихъ ни «старо-прусскимъ офицерскимъ духомъ [1]), ни военнымъ образованіемъ» [2]).

27-го апрѣля 1764 года король писалъ генералу Фуке: «Все то, что касается солдата, останется въ томъ же видѣ, какъ и до войны; мое же вниманіе обращено главнымъ образомъ на то, что касается офицера. Чтобы развить въ офицерахъ вниманіе къ службѣ и образовать ихъ умъ, я прикажу обучать ихъ военному искусству и при этомъ вести ихъ такъ, чтобы они разсуждали [3]) обо всемъ, что дѣлаютъ. Вы видите..., что этотъ методъ примѣнимъ не во всѣхъ случаяхъ... Тѣмъ не менѣе, мы будемъ стараться образовать людей и офицеровъ, которые не только будутъ имѣть генеральскіе патенты, но и будутъ обладать необходимыми для генераловъ способностями и качествами. Такимъ образомъ Фридрихъ Великій отлично понималъ, что вопросъ объ устройствѣ генеральнаго штаба, находящагося на высотѣ своего назначенія, не можетъ получить удовлетворительнаго рѣшенія безъ предварительнаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ соотвѣтственнаго *корпуса офицеровъ* и безъ паралельнаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ соотвѣтственнаго же *начальствующаго персонала.* Мало того, онъ отлично понималъ необходимость надлежащей связи между политикою и стратегіею [4]), а для достиженія этого считалъ необходимымъ внѣдрить одни и тѣ же идеи въ пониманіе офицеровъ и дипломатовъ. Не удивительно, что въ теченіе послѣдовавшаго столѣтія прусскіе дипломаты и военные люди привыкли помогать, а не мѣшать другъ другу, какъ это случалось нерѣдко съ дипломатами и военными людьми другихъ государствъ.

Стремленіе къ подъему уровня образованія въ корпусѣ офицеровъ вообще и въ особенности въ той его части, которая предназначалась для занятія высшихъ должностей, привела къ образованію такъ названной «новой академіи» (Neue Akademie), которая

[1]) Бронсаръ правъ, полагая, что основателемъ національнаго прусскаго корпуса офицеровъ, для которыхъ честь должна была быть дороже всего, былъ король Фридрихъ-Вильгельмъ I. [2]) Оказывается, что въ Пруссіи при Фридрихѣ-Великомъ понимали то, что въ наше время слѣдовало бы понимать всѣмъ и повсюду и до чего мы еще не дошли. [3]) Не того ли же требовалъ и Петръ Великій. «...ему (офицеру) надлежитъ разсужденіе имѣть... ибо все воинское дѣло въ томъ состоитъ...» [4]) Эта связь не привилась еще и въ наше время.

была открыта въ мартѣ 1765 года подъ названіемъ «Дворянской академіи» (Académie des nobles) и должна была давать наиболѣе способнымъ молодымъ дворянамъ образованіе, необходимое для службы въ званіяхъ офицеровъ и дипломатовъ. Директоромъ ея былъ назначенъ генералъ-маіоръ фонъ-Будденброкъ, бывшій раньше директоромъ кадетскаго корпуса. Приглашены были лучшіе воспитатели и професора. Король самъ начерталъ инструкцію, заключавшую въ себѣ руководящія указанія относительно воспитанія, обученія, внутренней службы и порядка [1]). Новое учебное заведеніе выполняло свое дѣло сообразно съ видами короля, который самъ это подтвердилъ, говоря: «Академія процвѣтала и доставила полезныхъ людей, которые были выпущены въ армію».

Не ограничиваясь этимъ, Фридрихъ пожелалъ распространить среди офицеровъ своей арміи основы искусства веденія войны и боя, благодаря искусному примѣненію которыхъ онъ одерживалъ побѣды. Съ этою цѣлью онъ организовалъ въ Берлинѣ кружокъ образованныхъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія. Этотъ кружокъ былъ снабженъ всѣми необходимыми пособіями для изученія военнаго дѣла; здѣсь обсуждались разныя предположенія улучшеній, вводимыхъ въ арміи; здѣсь же и рѣшались обсуждаемые вопросы. Король поощрялъ работы, назначалъ большія преміи за лучшія изъ нихъ и этимъ поощрялъ къ изученію военнаго дѣла.

Устройство академіи и военно-ученаго кружка въ связи съ другими мѣрами дало возможность подготовлять хорошихъ офицеровъ генералъ-квартирмейстерскаго штаба, а съ теченіемъ времени и высшихъ начальниковъ, соотвѣтствующихъ своему назначенію.

Въ 1767 году прусскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ состоялъ изъ одного генералъ-квартирмейстера, одного квартирмейстера и 15-ти квартирмейстеръ-лейтенантовъ; послѣдніе привлекались по временамъ къ отбыванію службы въ ближайшемъ полку, чтобы не отставать отъ строя. Затѣмъ, до самаго конца своего царствованія, Фридрихъ Великій не производилъ ломки въ своей военной системѣ, вслѣдствіе чего и въ положеніи генералъ-квартирмейстерскаго штаба не произошло измѣненій. Перемѣны начались при его преемникѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ II (1786—1797); понятія о генеральномъ штабѣ и о генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ сдѣлались равнозначущими [2]), что объясняется отчасти ухудшеніемъ

[1]) Изъ 140 питомцевъ академіи до 1786 года выпущено въ офицеры 104
[2]) Генералъ-квартирмейстерскій штабъ составилъ съ этихъ поръ отдѣльный «корпусъ» и получилъ особый мундиръ.

состава перваго и замѣтнымъ улучшеніемъ состава второго, отчасти же отсутствіемъ у тогдашняго прусскаго правительства той опредѣленной и твердой програмы, которую нельзя не признать у Фридриха Великаго. Академія получила наименованіе *военной академіи*, но это приближеніе ея къ своей главной спеціальности и къ главному назначенію едва-ли отразилось на ея питомцахъ въ смыслѣ лучшей подготовки къ исполненію обязанностей на войнѣ; скорѣе даже наоборотъ, ибо общія условія того времени были неблагопріятны: послѣ смерти Фридриха Великаго, Пруссія, вмѣстѣ со всею западною Европою, пошла назадъ, извративъ въ конецъ то, что было хорошо у Фридриха и доведя до крайняго развитія то, что онъ лишь терпѣлъ, какъ неизбѣжное зло. Всѣмъ жертвовали въ пользу блеска и такимъ образомъ узко строевая часть убила боевую; во всемъ и повсюду господствовала невообразимая рутина. Старшіе начальники принадлежали, большею частью, къ Фридриховской школѣ, но не могли уразумѣть, что въ военномъ дѣлѣ ничто не можетъ остановиться въ своемъ развитіи и что, съ теченіемъ времени, неизбѣжно должно переходить къ новымъ и болѣе совершеннымъ пріемамъ, отвѣчающимъ требованіямъ новой обстановки. При такомъ отношеніи къ дѣлу верха арміи въ ней оставались лишь однѣ мертвыя формы временъ Фридриха Великаго безъ оживотворявшаго ихъ Фридриховскаго духа.

Эта порча не проникла еще прусскую армію насквозь; она легко могла стряхнуть съ себя эту мертвечину, но для этого нуженъ былъ сильный толчокъ, а пока онъ не послѣдовалъ, армія подготовлялась не къ побѣдамъ, но къ пораженію.

Такое состояніе арміи отражалось, конечно, и на ея генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ, и на созданной Фридрихомъ, но лишенной его руководства, академіи. Академія эта не получила характера высшаго учебнаго заведенія, которое хотѣлъ ей дать ея основатель, и не давала своимъ питомцамъ той спеціальной подготовки, которая признавалась необходимою по мнѣнію передовыхъ военныхъ людей того времени [1]).

Въ 1801 году былъ назначенъ преподавателемъ и наставникомъ въ эту академію ганноверскій офицеръ *Шарнгорстъ* [2]). Онъ создалъ военный кружокъ по образцу Фридриховскаго, устроилъ въ

---

[1]) Напримѣръ, Шарнгорста. [2]) Шарнгорстъ, Жираръ-Давидъ (1755—1813), сынъ крестьянина; въ прусскую службу поступилъ подполковникомъ; послѣ Тильзитскаго мира (въ чинѣ генерала) назначенъ предсѣдателемъ комисіи по реорганизаціи арміи.

Берлинѣ курсы для желающихъ обучаться въ нихъ офицеровъ берлинскаго гарнизона. Здѣсь онъ знакомилъ офицеровъ съ основаніями новѣйшей тактики и этимъ обратилъ на себя вниманіе короля, который началъ его возвышать. Курсы эти въ 1804 году были преобразованы въ «Академію для молодыхъ офицеровъ» (Academie für junge Offiziere) съ тѣмъ же Шарнгорстомъ во главѣ. Самъ Шарнгорстъ преподавалъ въ этой академіи стратегію, тактику, дѣйствія полевой артилеріи и «обязанности генеральнаго штаба». Король Фридрихъ-Вильгельмъ III повелѣлъ, чтобы тѣ молодые офицеры, которые изучали начальныя основанія военныхъ и математическихъ наукъ и хотѣли продолжать изученіе высшихъ и прикладныхъ отдѣловъ этихъ же наукъ, по выдержаніи соотвѣтственнаго испытанія, обучались въ этой академіи логикѣ, чистой и прикладной математикѣ, артилеріи, фортификаціи, осадной войнѣ, тактикѣ, стратегіи и военной географіи и чтобы они изучали исторію наиболѣе поучительныхъ войнъ. Сверхъ того намѣчались слѣдующія практическія упражненія: а) упражненіе артилерійское съ боевою стрѣльбою и «маневрированіемъ»; б) устройство укрѣпленія; в) разработка сочиненія «военнаго» содержанія, и г) упражненія въ съемкѣ.

Курсъ продолжался съ 1-го сентября по 21-е марта; къ участію въ немъ допускались всѣ офицеры «Берлинской инспекціи» и 20 офицеровъ иногороднихъ гарнизоновъ; первые, по заявленію ими желанія, могли обучаться и другимъ наукамъ. Во всемъ этомъ не трудно узнать главныя черты устройства нынѣшней Берлинской военной академіи.

Методъ Шарнгорста отличался отъ общепринятаго тогда въ Пруссіи метода. Вмѣсто сухого изложенія безконечнаго числа мелочныхъ правилъ, онъ старался придать лекціямъ занимательность, поясняя теорію примѣрами. Онъ разсматривалъ подробно какую-нибудь кампанію и выводы основывалъ на фактахъ. Офицеры составляли, подъ его руководствомъ, описанія сраженій преимущественно одной кампаніи, а затѣмъ эти записки сливались въ одно цѣлое, причемъ получалось полное описаніе похода съ критическимъ его разборомъ. Такимъ образомъ, у Шарнгорста тактика основывалась на военной исторіи и никогда отъ нея не отдѣлялась.

Вліяніе этой новой академіи не успѣло сказаться, какъ началась кампанія 1806 года, приведшая прусскую армію къ катастрофѣ. Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ Пруссіи и въ то время имѣлись люди, болѣе или менѣе вѣрно понимавшіе недостатки военной системы своего отечества. Созданіе

академіи для молодыхъ офицеровъ и постановка во главѣ ея Шарнгорста сами по себѣ уже это доказываютъ [1]), но Шарнгорстъ еще не успѣлъ пріобрѣсти первенствующаго положенія въ генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ, который одинъ только, при выше очерченныхъ условіяхъ, могъ помочь арміи выйти изъ столь незавиднаго положенія.

Штабъ этотъ былъ въ то время сосредоточенъ въ Потсдамѣ. Начальникомъ его былъ престарѣлый генералъ-лейтенантъ *фонъ-Гейзау*, обремененный къ тому же другими своими обязанностями въ Берлинѣ, по должностямъ начальника инженернаго корпуса, директора инженернаго департамента военнаго министерства, инспектора всѣхъ крѣпостей и попечителя медико-хирургическаго училища. Поэтому служба чиновъ генералъ-квартирмейстерскаго штаба направлялась, безъ общаго руководства, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантами, фонъ-Фулемъ [2]) и фонъ-Массенбахомъ [3]). Изъ нихъ Фуль совершенно не обладалъ способностью къ полезной практической дѣятельности; онъ пріобрѣлъ большую извѣстность вслѣдствіе той отрицательной роли, которую сыгралъ въ Россіи въ началѣ кампаніи 1812 года [4]); Массенбахъ же хотя и окончилъ печально свою военную карьеру въ 1806 году, но въ дѣятельности его должно отмѣтить не только отрицательную, но и положительную сторону.

Въ это время офицеры генералъ-квартирмейстерскаго штаба лѣтомъ находились въ поѣздкахъ, производя съемки и рекогносцировки, а зимою собирались для обработки и объединенія результатовъ лѣтнихъ работъ, а также въ тѣхъ видахъ, чтобы младшіе офицеры учились у старшихъ.

Однако, дѣло это не было надлежащимъ образомъ организовано и упорядочено, вслѣдствіе чего офицеры не получали достаточнаго и всесторонняго образованія и подготовки, а собираемыя данныя не получали надлежащей обработки. Массенбахъ не могъ этого не

---

[1]) Были, конечно, и другіе кромѣ Шарнгорста, но они были еще молоды и вліятельныхъ ролей не играли. [2]) Баронъ фонъ-Фуль (въ Россіи названный Пфулемъ), Карлъ Людовикъ-Августъ (1757—1826); воспитывался въ Штутгардтѣ; въ прусской службѣ съ 1777 года; въ генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ съ 1781 г.; въ русской службѣ послѣ 1806 года. [3]) Фонъ-Массенбахъ, Христіанъ Воспитывался въ Штутгардтѣ. По выдержаніи экзамена и испытаніи принятъ въ прусскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ въ 1783 г.; въ 1806 г. у Пренцлау взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ княземъ Гогенлое; умеръ въ 1827 г. (годъ спустя по освобожденіи изъ заключенія въ крѣпости). [4]) Нѣкоторые писатели выступаютъ въ его защиту, но мы къ нимъ не присоединяемся.

замѣтить и рѣшилъ выработать точно редактированное положеніе о службѣ генеральнаго штаба, въ основу котораго должно было быть положено *требованіе чрезвычайной и напряженной дѣятельности отъ каждаго отдѣльнаго офицера*.

Выработанное Массенбахомъ положеніе было далеко не безупречно и грѣшило односторонностью. Онъ находилъ необходимымъ собирать различные планы кампаній, которые не только должны быть изготовлены, какъ упражненія, но еще (какъ думалъ Массенбахъ), должны были сохранить навсегда важное значеніе, на столько, что «въ будущемъ они должны были выручать менѣе даровитыхъ людей въ случаѣ, если бы они оказались въ затруднительномъ положеніи». Сверхъ того, Массенбахъ хотѣлъ составить такъ называемыя «основныя записки», которыя, опуская все, что не имѣло постояннаго характера, приводили бы къ совершенно опредѣленнымъ и неоспоримымъ истинамъ; эти же истины должны были составить для прусскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба драгоцѣнное наслѣдіе и предохранять этотъ штабъ всегда и повсюду отъ существенныхъ ошибокъ.

Осуществленіе этихъ идей и стремленій Массенбаха если и могло принести пользу на практикѣ, то лишь въ незначительной степени, не взирая на то, что онъ всегда имѣлъ въ виду нечто иное, какъ практическую пользу, но все, что явилось результатомъ его организаторской дѣятельности, обладало немаловажными достоинствами и жизненностью [1]). Въ январѣ 1802 года Массенбахъ представилъ королю свою *первую записку*, въ которой онъ исходилъ изъ того положенія, что всѣ работы генеральнаго штаба мирнаго времени страдали до сего времени безпланностью и что съ этихъ поръ должно поставить это дѣло на прочныя основанія.

Въ первой главѣ онъ говорилъ «о порядкѣ и правилахъ выработки плана войны въ цѣломъ», причемъ приводилъ различныя политическія комбинаціи, въ которыхъ могла очутиться Пруссія *и которыя могли* привести къ войнамъ [2]).

Во второй главѣ онъ доказывалъ необходимость составленія военныхъ описаній совершаемыхъ офицерами поѣздокъ и предлагалъ раздѣлить всю страну на три театра военныхъ дѣйствій и сообразно съ этимъ раздѣлить генеральный штабъ на три «бригады»,

---

[1]) Наиболѣе существенныя черты Массенбаховской организаціи сохранились въ прусскомъ генеральномъ штабѣ до послѣдняго времени. [2]) Замѣчательно, что Массенбахъ, поклонникъ Наполеона I, вовсе не разсматривалъ случая войны между Пруссіею и Франціею.

а также давалъ указанія относительно производства съемокъ на всемъ пространствѣ государственной територіи. Далѣе Массенбахъ находилъ излишнимъ отправлять офицеровъ генеральнаго штаба на службу въ провинцію [1]), но зато предлагалъ около половины этихъ офицеровъ, по истеченіи извѣстнаго времени, возвращать въ строй, дабы въ арміи находилось извѣстное число высокообразованныхъ офицеровъ и дабы такимъ образомъ армія могла явиться школою и разсадникомъ генераловъ. Одно это предложеніе говоритъ въ пользу Массенбаха.

Изложивъ затѣмъ правила «содержанія въ тайнѣ служебныхъ бумагъ», обезпеченія «знанія всѣхъ измѣненій въ арміи и участія въ маневрахъ», Массенбахъ наконецъ высказывалъ желаніе, чтобы генералъ-квартирмейстеру было дозволено докладывать непосредственно самому королю планы кампаній, такъ какъ генералъ-адъютантъ, на котораго были возложены всѣ вообще доклады, былъ на столько обремененъ множествомъ другихъ обязанностей, что не имѣлъ времени основательно изучать подобныя предложенія и вообще всѣ работы генеральнаго штаба, а потому и не могъ въ своихъ докладахъ выяснять все, что требовалось сущностью дѣла, и исчерпать тотъ или другой вопросъ.

Первую записку Массенбаха разсматривали герцогъ Брауншвейгскій, князь Гогенлоэ, фельдмаршалъ фонъ-Мёлендорфъ, генералъ-квартирмейстеръ фонъ-Гейзау и генералъ-адъютантъ-докладчикъ фонъ-Цастровъ. Послѣдній не былъ доволенъ предложеніемъ дать генералъ-квартирмейстеру право докладывать прямо самому королю.

19-го ноября 1802 года Массенбахъ представилъ королю *вторую записку*, нѣсколько переработанную и болѣе систематизированную. Обѣ его записки разсматривались, по повелѣнію короля, наиболѣе высокопоставленными и наиболѣе компетентными въ подобныхъ вопросахъ генералами, которые въ общемъ высказались по этому поводу одобрительно. Изъ сдѣланныхъ ими замѣчаній наибольшаго вниманія заслуживали замѣчанія генераловъ *фонъ-Темпельгофа* [2]) и *фонъ-Рюхеля* [3]), которые отнеслись совершенно

---

[1]) Бронсаръ считаетъ его въ этомъ случаѣ правымъ, такъ какъ, при тогдашней организаціи арміи, въ провинціи не было такихъ управленій, въ которыхъ офицеры генеральнаго штаба могли бы служить съ пользою для дѣла. [2]) *Темпельгофъ* Георгъ-Фридрихъ (1737—1807), генералъ-лейтенантъ, воспитатель сыновей Фридриха-Вильгельма II, высокообразованный человѣкъ, военный писатель. Главное его сочиненіе посвящено Семилѣтней войнѣ. [3]) *Рюхель* поль-

одинаково къ идеѣ заблаговременной обработки плановъ кампаній и признавали таковую полезною лишь въ смыслѣ *упражненія*. Темпельгофъ, сверхъ того, признавалъ нецѣлесообразнымъ и даже вреднымъ препровожденіе извлеченій изъ проектируемыхъ записокъ для руководства къ генераламъ командующимъ войсками; по его мнѣнію «ни одинъ генералъ не потерпитъ этого» и тѣмъ рѣшительнѣе отвергнетъ подобное наставленіе, чѣмъ болѣе «будетъ сознавать свои собственныя силы». Рюхель, съ своей стороны, прибавлялъ, что, въ дѣйствительности, политическихъ комбинацій можетъ быть больше, чѣмъ указано въ примѣрахъ.

Въ мартѣ 1803 года король, относившійся къ Массенбаху благосклонно, передалъ его вторую записку со всѣми отзывами генералъ-квартирмейстеру и приказалъ выработать проектъ новой организаціи генеральнаго штаба. Массенбахъ же и довелъ это дѣло до конца; вскорѣ онъ представилъ еще двѣ записки по тому же вопросу, а 25-го ноября 1803 года уже было объявлено утвержденное королемъ «наставленіе для службы генералъ-квартирмейстерскаго штаба». Штабъ этотъ долженъ былъ состоять изъ одного генералъ-квартирмейстера съ тремя помощниками, 6 квартирмейстеровъ съ 6-ю помощниками, 6 причисленныхъ офицеровъ, 6 офицеровъ-географовъ (топографовъ) и 6 егерей-колоновожатыхъ (не считая 3-хъ чиновниковъ и 2-хъ гравировальщиковъ) [1]). Для пріема въ генеральный штабъ младшіе офицеры должны были выдержать установленное испытаніе по геометріи, тригонометріи, фортификаціи, тактикѣ, военному искусству и военной исторіи, причемъ програма этого испытанія не совпадала съ програмою курса академіи; сверхъ того, требовались хорошее поведеніе, благонадежность и отличное знаніе строевой службы.

Генеральный штабъ раздѣлялся на три равносильныя «бригады», на которыя возлагались изученіе и обработка данныхъ, касающихся восточной, южной и западной частей государства и соотвѣтственно прилегающихъ къ нимъ земель; всѣ же вообще работы генеральнаго штаба раздѣлялись на *основныя* (grundlegende) и *текущія* (laufende).

Въ первыхъ разрабатывались основанія выработки плановъ кампаній, причемъ признавалось достовѣрнымъ и представлялось «на

зовался особымъ расположеніемъ Фридриха-Вильгельма, былъ имъ принятъ въ генералъ-квартирмейстерскій штабъ; въ 1806 г. командовалъ правымъ крыломъ прусской арміи; 14-го октября поспѣшилъ на помощь къ князю Гогенлоэ и былъ разбитъ послѣ него подъ Іеною.

[1]) Позже, вмѣсто 6-ти причисленныхъ, 6-ти географовъ и 6-ти егерей-колоновожатыхъ было положено имѣть 18 причисленныхъ офицеровъ.

Высочайшее одобреніе» лишь то, что было постановлено или принято комитетомъ (engere Ausschuss) изъ генералъ-квартирмейстера и трехъ его помощниковъ.

Къ работамъ второго рода относились: изученіе всѣхъ условій войны и соотвѣтственныхъ сочиненій, и основательная разработка всего, что могло быть сдѣлано въ мирное время въ виду всѣхъ вѣроятныхъ военныхъ обстановокъ, въ коихъ могло очутиться государство при различныхъ предположеніяхъ.

Сверхъ того требовалось, чтобы офицеры генералъ-квартирмейстерскаго штаба изучали и знали не только въ крупныхъ чертахъ, но и въ отношеніи мелкихъ особенностей, всѣ сколько-нибудь замѣчательныя позиціи на всей территоріи государства, коими могли бы воспользоваться какъ пруссаки, такъ и непріятель. Съ этою цѣлью производились поѣздки, коими пользовались для сбора свѣдѣній о мѣстности; гражданскія же власти, съ своей стороны, доставляли свѣдѣнія обо всѣхъ перемѣнахъ. 11-го февраля 1804 года король утвердилъ составленныя Массенбахомъ дополнительныя объясненія къ вышеупомянутому наставленію для службы генералъ-квартирмейстерскаго штаба, въ силу коихъ отъ этого штаба требовалось 12 «основныхъ работъ»; въ числѣ же этихъ работъ нельзя не отмѣтить записку (№ 7) о томъ какъ «крѣпости должны быть включены въ основной расчетъ армій»... Массенбахъ хотѣлъ устроить во всей странѣ нѣсколько большихъ центральныхъ крѣпостей и усѣять ее малыми крѣпостями.

Такъ или иначе, Массенбахъ, старавшійся всегда господствовать надъ окружающими, добился своей цѣли, торжества своихъ идей. Нельзя не признать, что именно онъ далъ прусскому генералъ-квартирмейстерскому штабу новую организацію, въ силу коей этотъ штабъ и являлся, въ свое время, прототипомъ прославившагося впослѣдствіи берлинскаго «большого генеральнаго штаба»; Массенбахъ, а не кто-либо другой сосредоточилъ офицеровъ этого штаба въ Берлинѣ, гдѣ они очень много работали, не только разрабатывая планы военный дѣйствій для всѣхъ наиболѣе вѣроятныхъ комбинацій, но и занимаясь еще изученіемъ военной исторіи (главнымъ образомъ походовъ Фридриха Великаго) и особенно теоріи военнаго искусства, которую они однако ложно понимали. Они были очень начитаны; настольными же ихъ книгами были сочиненія *Вентурини*, посвященныя «математической системѣ» чистой и прикладной тактики и т. п. 1) «Mathematisches System der reinen

Taktik»; 2) «Mathematisches System der angewandten Taktik»; 3) Lehrbuch der angewandten Taktik oder eigentlichen Kriegswissenschaft» (посвященное королю Фридриху-Вильгельму III).

Эту крайне сложную «систему» старались примѣнить къ столь же сложному прусскому уставу и это считалось примѣненіемъ теоріи къ практикѣ. Такая ученость выродилась въ крайне вредный для дѣла и крайне односторонній педантизмъ, старавшійся подчинить все безъ исключенія безусловнымъ правиламъ.

Составлялись цѣлые курсы атаки и обороны мѣстныхъ предметовъ, причемъ, напримѣръ, для расположенія баталіона съ цѣлью обороны деревни, старались дать правила на всевозможные случаи. Въ это время и выработалась поговорка: «баталіонъ защищаетъ гору, а гора баталіонъ». Занимались позиціями, операціонными и комуникаціонными линіями и въ то же время забывали о потребностяхъ армій, какъ будто войска суть машины или даже просто шашки, которыя можно передвигать на извѣстной мѣстности совершенно произвольно.

Такимъ образомъ, этотъ генеральный штабъ вмѣсто того, чтобы проводить здравыя идеи и протрезвлять ослѣпленную войсковую среду, самъ являлся наилучшимъ показателемъ принятого ею ложнаго направленія и даже велъ ее по этому пути. Да и могло ли быть иначе, если начальникъ этого штаба (какъ генералъ Гейзау, такъ и его преемникъ генералъ-лейтенантъ графъ *Гнейзенау*), заваленный дѣлами, не имѣлъ времени имъ заниматься, а старшій его помощникъ Фуль явился послѣдователемъ извѣстнаго односторонняго систематика *Бюлова* [1]), который, въ своемъ сочиненіи: «Geist des neu(e)ren Kriegssystems» («Духъ новѣйшей системы веденія войны) [2]), изслѣдовалъ вліяніе военно-административнаго элемента, на тактическую сторону стратегическихъ операцій, при условіи господства отжившей свой вѣкъ магазинной системы довольствія и не останавливаясь на этомъ, всѣ свои выводы возвелъ въ безусловно лучшую систему для дѣйствій во всѣхъ случаяхъ. Фуль заимствовалъ у Бюлова именно то, чего заимствовать не слѣдовало (напримѣръ, что оборонительную войну должно вести всегда двумя арміями, дѣйствующими въ эксцентрическихъ направленіяхъ) и не допускалъ никакихъ отступленій отъ правилъ, такъ или иначе имъ выработан-

---

[1]) Д. П. Бюловъ, младшій братъ Фр. В. *Бюлова*, командира корпуса прусской арміи, писатель; жизнь его чрезвычайно богата приключеніями; погибъ безъ вѣсти. [2]) Сверхъ того, онъ издалъ и другіе труды, изъ коихъ многіе имѣли характеръ памфлетовъ.

ныхъ. Эти правила онъ основывалъ на тщательно имъ изученныхъ, но неправильно имъ же понимаемыхъ походахъ Фридриха Великаго; а такъ какъ эти правила согласовались по духу съ господствовавшимъ направленіемъ, то послѣднее освящалось именемъ великаго короля и поддерживалось авторитетомъ людей, считавшихся великими учеными [1]).

Массенбахъ по старшинству слѣдовалъ послѣ Фуля. Онъ не сталкивался съ нимъ по той причинѣ, что оба они избрали себѣ различныя сферы дѣйствій; тогда какъ Фуль вращался преимущественно въ сферѣ творческой части стратегіи [2]), Массенбахъ посвящалъ себя прикладной ея части и организаторской дѣятельности [3]). Понималъ ли онъ, или не понималъ, каковы были слабыя стороны прусской военной системы и въ частности верха арміи и генеральнаго штаба, предоставляемъ рѣшать другимъ изслѣдователямъ; не подлежитъ сомнѣнію, что и онъ принесъ не малый вредъ, но все же дѣятельность его была въ извѣстномъ отношеніи полезна. Правда, онъ не шелъ противъ господствующаго направленія и даже въ одномъ изъ своихъ сочиненій изложилъ теорію «важности обладанія источниками рѣкъ», но при той организаціи, которую онъ далъ генеральному штабу, и при тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ ему поставилъ, съ теченіемъ времени, прусскій генеральный штабъ долженъ былъ выйти на правильный путь, для чего нужно было только время.

Шарнгорстъ, при новой организаціи, былъ назначенъ третьимъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантомъ. Онъ являлся представителемъ новаго направленія, во многихъ отношеніяхъ прямо противоположнаго господствовавшему, но вліяніе его и создаваемой имъ школы не могло еще быть сильнымъ; мало того, если бы не покровительство короля, едва ли бы ему удалось удержать за собою пріобрѣтенное положеніе и вліяніе. Тѣмъ не менѣе, какъ въ академіи, такъ и въ генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ, оно было благотворно: офицеры ввѣренной ему бригады превосходили другихъ, какъ въ отношеніи широкаго кругозора и развитія вообще, такъ и

---

[1]) Фуль также издалъ сочиненіе: «*Essai d'un système pour servir de guide dans l'étude des opérations militaires*». Цѣнность его ничтожна. [2]) Это творчество не выдерживало самой снисходительной критики. [3]) Онъ обратилъ на себя вниманіе прежде всего сочиненіями о военномъ искусствѣ, а также трудами математическаго содержанія, но, затѣмъ, занявъ вліятельное положеніе, сосредоточилъ свое вниманіе на своей служебной дѣятельности.

въ отношеніи способности и подготовки къ практической дѣятельности на службѣ: въ его бригадѣ былъ *Мюфлингъ* [1]); многимъ ему былъ обязанъ *Кнезебекъ* [2]); любимымъ его ученикомъ былъ *Клаузевицъ* [3]).

Въ общемъ прусскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, являлся вѣрнымъ показателемъ состоянія прусской арміи и вообще всей военной системы Пруссіи того времени, отражая въ себѣ ея достоинства и недостатки. Система эта во многихъ отношеніяхъ обветшала, но недостатки ея могли быть легко устранены, ибо фридриховскій фундаментъ былъ цѣлъ и не тронутъ. Оздоровленіе этой военной системы въ направленіи, намѣченномъ Фридрихомъ Великимъ, было вполнѣ возможно. Пруссія, по всему вѣроятію, сама и совершила бы необходимыя преобразованія и усовершенствованія; былъ на лицо и кадръ новыхъ дѣятелей, которые должны были раньше или позже смѣнить прежнихъ... Но историческіе грѣхи не проходятъ даромъ, если упущено время. Пруссіею оно было упущено, а потому она и подверглась погрому 1806 года, сразу выяснившему пруссакамъ то, чего они такъ долго и такъ упорно, частью не хотѣли, частью же не могли уразумѣть. Только послѣ этого они приступили къ обновленію и усовершенствованію всей своей военной системы, что не могло не отразиться и на прусскомъ генеральномъ штабѣ.

9. Австрійскій и остальные западно-европейскіе генералъ-квартирмейстерскіе штабы до начала XIX столѣтія.

Габсбургская монархія представляла систему государствъ, владѣній габсбургскаго дома, соединенныхъ лишь династическою уніею.

Въ арміи этой монархіи первые слѣды организаціи квартирмейстерской части, въ связи съ организаціею инженерной части, можно отмѣтить при Рудольфѣ II (1576 — 1612). Представителемъ ея является *главный квартирмейстеръ* (Obrister - Quartiermeister, Oberst-quartiermeister), находящійся въ такихъ же отношеніяхъ къ главнокомандующему, какъ и въ имперской арміи. Въ это время

---

[1]) Впослѣдствіи начальникъ прусскаго генеральнаго штаба. [2]) При Ауэрштедтѣ спасъ короля отъ плѣна; позже былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и вмѣстѣ съ Шарнгорстомъ принималъ участіе въ реорганизаціи арміи; въ 1831 году командовалъ войсками на русской границѣ. [3]) Первоклассный военный писатель, авторъ сочиненія «О войнѣ», директоръ академіи.

трудно еще провести рѣзкую грань между арміею имперскою священной римской имперіи и войсками императоровъ изъ Габсбургскаго дома, а потому, не останавливаясь на этомъ періодѣ, можно лишь указать на то, что сказано выше о рѣшеніи какъ разсматриваемаго, такъ и другихъ военныхъ вопросовъ въ арміи обще-имперской. Можно, впрочемъ, отмѣтить, что въ императорской арміи имѣлись уже въ то время высокообразованные военные люди, пріобрѣвшіе заслуженную извѣстность, какъ, напримѣръ, Швенди и Баста.

При такихъ обстоятельствахъ не трудно уразумѣть, что военная система Габсбургской монархіи являлась образцомъ для остальныхъ членовъ имперіи, хотя, впрочемъ, вліяніе ея вскорѣ столкнулось и начало уступать вліянію военныхъ системъ шведской и французской.

Австрійскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ ведетъ свое начало со временъ принца Евгенія Савойскаго, собственно съ 1705 г., когда онъ получилъ прочную организацію съ особымъ начальникомъ во главѣ (первымъ его начальникомъ былъ генералъ-маіоръ *Ф.-А. фонъ-Ридъ*).

Въ эпоху Фридриха Великаго австрійская военная система подверглась вліянію прусской, что отразилось и на австрійскомъ генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ, реорганизаторомъ котораго явился *Фр. фонъ-Ласси* (съ 1757 г. генералъ-квартирмейстеръ, съ 1765 г. генералъ-инспекторъ арміи; съ 1766 г. президентъ гофкригсрата). Личный составъ этого штаба былъ немногочисленный: генералъ-квартирмейстеръ, нѣсколько штабъ-офицеровъ и капитановъ. Главными обязанностями ихъ были: расположеніе войскъ въ лагеряхъ, по квартирамъ и для боя, подробности походныхъ движеній и военныхъ дѣйствій и т. п., преимущественно же разнаго рода военно-географическія работы.

Къ вѣдомству генералъ-квартирмейстерскаго штаба принадлежали; а) *военно-вожатые* (Wege-Parthei), кои избирались изъ строевыхъ, способныхъ и надежныхъ унтеръ-офицеровъ и, сверхъ обыкновенной ординарческой службы, имѣли назначеніемъ развѣдывать боковыя дороги, чтобы водить по нимъ войска, въ случаѣ недостатка въ офицерахъ генералъ-квартирмейстерскаго штаба; начальникъ ихъ (Ober-Wegemeister), соотвѣтствовавшій французскому «капитану надъ вожатыми», долженъ былъ имѣть при себѣ хорошо знавшихъ мѣстность проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей даннаго края и снабжать ими во всякое время генераловъ, войска,

обозы и т. д.; б) штабный *конвой* (Stabswacht), образуемый изъ пѣшихъ и конныхъ командъ, кои находились при главной квартирѣ арміи, составляли ея конвой, а равно и конвой офицеровъ генералъ-квартирмейстерскаго штаба, и несли военно-полицейскую службу; в) *понтонеры*, кои отдѣлялись въ военное время отъ артилеріи, и *піонеры*, исправлявшіе и прокладывавшіе вновь дороги для слѣдованія войскъ.

Организація эта обладала достаточною законченностью и вообще имѣла существенныя достоинства, въ сравненіи съ рѣшеніемъ того же вопроса въ нѣкоторыхъ другихъ арміяхъ, но формы эти не могли быть оживотворены надлежащимъ духомъ, ибо тому препятствовало направленіе всей австрійской военной системы, насквозь проникнутой рутинностью и сухимъ безжизненнымъ педантизмомъ. Конечно, встрѣчались и въ Австріи талантливые и знающіе отлично свое дѣло офицеры генералъ-квартирмейстерскаго штаба, но въ общемъ штабъ этотъ отличался узко теоретическимъ направленіемъ, недостаточною практичностью вообще и недостаточнымъ знакомствомъ съ нуждами и бытомъ войскъ въ особенности, что и обнаруживалось сплошь и рядомъ въ тѣхъ кампаніяхъ, кои приходилось вести австрійцамъ, какъ до, такъ и послѣ реформъ Ласси, особенно же въ кампанію 1796 года въ сѣверной Италіи, когда ихъ геніальный противникъ, Бонапартъ, дѣйствовалъ, по ихъ мнѣнію, «*не по правиламъ*», чѣмъ они сами и объясняли его побѣды и свои пораженія.

Въ кампанію 1799 года въ сѣверной Италіи многіе грѣхи австрійскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба выкупались доблестью войскъ и геніемъ дѣйствовавшаго также «*не по правиламъ*» Суворова. При Суворовѣ въ главномъ штабѣ арміи находились австрійскіе генералъ-квартирмейстеры: маркизъ *Шателеръ* и *Цахъ*. Суворовъ былъ ими доволенъ, особенно первымъ, а о второмъ говорилъ: «*добръ, тихъ, ученъ, но истинный проектный унтеръ-кунфтеръ*». Изъ остальныхъ находившихся въ арміи Суворова офицеровъ австрійскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба нельзя не упомянуть о подполковникѣ (позже полковникѣ) *Вейротеръ*, который являлся типичнымъ представителемъ этого штаба, но въ эту кампанію не успѣлъ еще это доказать.

Въ швейцарскомъ походѣ того же года русская армія имѣла еще болѣе основаній жаловаться на австрійскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ, чѣмъ въ итальянскомъ, но, быть можетъ, штабъ этотъ исполнялъ то, что было предписано изъ Вѣны.

Во всякомъ случаѣ, кампанія 1799 года представляетъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что австрійскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ далеко не находился на высотѣ своего назначенія: общія диспозиціи по всей австро-русской арміи составлялись генералъ-квартирмейстеромъ на нѣмецкомъ языкѣ и переводились на русскій, большею частью весьма неясно, иногда даже не совсѣмъ вѣрно. Несмотря на это, недоразумѣнія въ русскихъ войскахъ встрѣчались не такъ часто, какъ въ австрійскихъ.

Еще болѣе рельефно обнаружилась несостоятельность австрійскаго генеральнаго штаба во время кампаніи 1805 года въ Аустерлицкую операцію, не говоря уже объ операціи Ульмской. Штабъ этотъ игралъ главную роль въ главной квартирѣ союзной арміи изъ 82,000 человѣкъ, сосредоточившейся у Ольмюца. Управленіе этою арміею было тѣмъ затруднительнѣе, что она еще не дѣлилась на корпуса и т. п., а смотря по надобности, распредѣлялась на колонны, или же для нея устанавливался особый основной разсчетъ (ordre de bataille), въ силу коего она состояла изъ *авангарда*, 1-й и 2-й *линій* и *резерва*. Австрійскій генеральный штабъ имѣлъ уже практику въ управленіи подобными массами и даже щегольлъ тѣмъ, чтобы систематически распредѣлять войска по разнымъ подраздѣленіямъ арміи. При этомъ офицеры австрійскаго генеральнаго штаба считали главнымъ достоинствомъ военныхъ соображеній ихъ *сложность;* смѣшивать и разводить войска подобно тому, какъ хорошій игрокъ тасуетъ карты и затѣмъ выводитъ изъ нихъ игру, считалось верхомъ военной мудрости.

Русскіе квартирмейстерскіе офицеры считали себя въ этомъ дѣлѣ профанами. Это говоритъ скорѣе въ ихъ пользу, чѣмъ наоборотъ. Жаль только, что они этого не понимали и преклонялись передъ искусствомъ австрійцевъ въ дѣлѣ распредѣленія войскъ. Не удивительно поэтому, что хотя при этой арміи находились три генерала русской квартирмейстерской части (начальникъ этой части *Сухтеленъ*, состоявшій въ должности генералъ-квартирмейстера *Герардъ* и *Штейнгель*) но, тѣмъ не менѣе, предпочтеніе было отдано австрійскому генералу *Вейротеру*, извѣстному уже русскимъ по кампаніи 1799 года, когда онъ состоялъ при Суворовѣ. Это обстоятельство усиливало его авторитетъ и возвысило его въ глазахъ Императора Александра I, прибывшаго къ арміи вскорѣ послѣ дѣла подъ Кремсомъ. Вейротеръ и былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ русско-австрійскихъ войскъ, соединенныхъ подъ начальствомъ Кутузова. Нѣкоторые изслѣдователи (напри-

мѣръ, *Н. П. Глиноецкій*, т. I, стр. 189) объясняютъ это отчасти надеждами на знаніе Вейротеромъ мѣстности и на его способности, отчасти же («быть можетъ») желаніемъ ввести австрійца въ составъ главной квартиры Кутузова, при которомъ первенствующую должность дежурнаго генерала занялъ князь *Волконскій*. Первую роль игралъ, однако, не князь Волконскій, а Вейротеръ.

Вскорѣ наступило разочарованіе: вслѣдствіе сложности распоряженій, замедлялась отдача приказаній и еще болѣе затруднялось ихъ исполненіе. При движеніи отъ Ольмюца къ Аустерлицу, рѣзко обнаружилась вся непрактичность распоряженій Вейротера: переходы были не велики, но (по свидѣтельству Ермолова) распредѣлены «такимъ непонятнымъ образомъ», что рѣдко войска оканчивали ихъ скорѣе 10-ти или 12-ти часовъ; всѣ колонны непремѣнно пересѣкали одна другую, и къ тому же еще нѣсколько разъ, что вызывало напрасную трату времени.

Штабъ арміи не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, и уже по этому самому впалъ въ ошибку. Вейротеръ хвалился тѣмъ, что маневрировалъ, въ минувшемъ году, между Брюнномъ и Аустерлицемъ и знаетъ подробно мѣстность, гдѣ было предположено дать сраженіе, а между тѣмъ составилъ диспозицію, которая, по выраженію Ермолова, «болѣе похожа была на топографическое описаніе Брюнскаго округа, нежели на начертаніе порядка, пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою». Къ тому же эта диспозиція была составлена на нѣмецкомъ языкѣ и передана «дежурному генералу» князю *Волконскому* очень поздно; цѣлую ночь маіоръ *Толь*, начальникъ его канцеляріи, занимался переводомъ ея на русскій языкъ, и только къ 6-ти часамъ утра она была доставлена въ войска, а между тѣмъ движеніе должно было начаться въ 7 часовъ. Диспозиція была написана на нѣсколькихъ листахъ, наполнена трудными названіями озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышенностей; все въ ней было такъ запутано, что ни запомнить, ни понять не было никакой возможности; списывать же ее въ войскахъ не позволялось, потому что надобно было успѣть прочитать ее многимъ начальникамъ, а между тѣмъ диспозиція имѣлась лишь въ маломъ числѣ экземпляровъ.

Послѣдствія этихъ распоряженій всѣмъ хорошо извѣстны; армія, превосходившая противника числомъ и одушевленная прекраснымъ духомъ, потерпѣла жестокое пораженіе, а побѣдитель получилъ право сказать въ своемъ бюлетенѣ нижеслѣдующее: «...10-го (фримера XIV года или 1-го декабря 1805 года по новому стилю), Импе-

раторъ, съ высоты своего бивака, увидѣлъ, съ неописанною радостью, начало фланговаго движенія русской арміи, въ разстояніи двойного орудійнаго выстрѣла отъ его передовыхъ постовъ, съ цѣлью обойти его правый флангъ. Онъ увидѣлъ тогда, до какой степени предвзятость (и самонадѣянность?) и невѣжество въ отношеніи военнаго искусства помрачили верхи этой храброй арміи; онъ сказалъ нѣсколько разъ: «Завтра передъ вечеромъ эта армія будетъ мною разгромлена!» (точнѣе: «будетъ въ моихъ рукахъ...») Русскіе «верхи этой храброй арміи» погрѣшили въ этомъ случаѣ лишь тѣмъ, что добровольно не только пошли въ науку къ австрійцамъ, но и совершенно имъ подчинились; австрійцы же не вѣдали, что творили. Погромъ 1805 года побудилъ, наконецъ, австрійцевъ приступить къ усовершенствованію своей военной системы, что должно было, казалось бы, отразиться и на ихъ генеральномъ штабѣ.

Въ арміяхъ остальныхъ нѣмецкихъ владѣтелей генеральные штабы возникали и развивались по образцамъ обще германскому и австрійскому, отчасти по нидерландскому [1]) и шведскому [2]), а затѣмъ по французскому и прусскому; въ Испаніи [3]), Португаліи и Италіи—преимущественно по французскому образцу, а въ остальныхъ западно-европейскихъ арміяхъ преимущественно по шведскому и нѣмецкимъ образцамъ, т. е. эти генералъ-квартирмейстерскіе и генеральные штабы не имѣли самобытнаго характера. Таковъ былъ и генералъ-квартирмейстерскій штабъ англійской арміи, по образцами ему служили соотвѣтственныя учрежденія нидерландскія, а затѣмъ французскія (Людовика XIV). Въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторыя частныя усовершенствованія были внесены въ этотъ штабъ герцогомъ Мальборо. Офицеры брались изъ полковъ пѣхоты и кавалеріи, а послѣ войны возвращались въ свои полки. Число офицеровъ этого штаба было не велико, а устройство и состояніе его отличались отсталостью и рѣшительнымъ преобладаніемъ недостатковъ надъ достоинствами.

---

[1]) Въ Нидерландахъ видную роль играли принцы Оранскаго и родственныхъ ему домовъ, прославившіеся и въ литературѣ. Сверхъ того были и другіе писатели, изслѣдовавшіе и службу генеральнаго штаба, напримѣръ, Давидъ де Солемнъ, генералъ-квартирмейстеръ 3-й части арміи Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ. См. обзоръ военной литературы. [2]) Отличительная черта: возможно меньшее число чиновъ при максимальной ихъ работѣ. [3]) Въ испанской арміи сначала было много общаго съ арміею имперскою; позже усилилось французское вліяніе.

Г. Вспомогательные органы высшаго военнаго управленія и командованія въ новые вѣка въ Восточной Европѣ.

1. Военныя системы польско-литовско-русскаго и московскаго государствъ. Ихъ сходство и различіе, въ связи съ особенностями политическаго устройства этихъ же государствъ.

Въ Восточной Европѣ, въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ, обращаютъ на себя наибольшее вниманіе военныя системы государствъ польско-литовско-русскаго (или Польши) и восточно-русскаго (или московскаго). Не взирая на то, что первое изъ нихъ подчинилось вліянію запада, а второе, главнымъ образомъ, вліянію монголо-татаръ, обѣ эти системы не были лишены извѣстнаго сходства между собою, что объясняется племеннымъ сродствомъ, нѣкоторыми одинаковыми бытовыми условіями, частыми взаимными сношеніями и столкновеніями и, наконецъ, соединеніемъ половины Руси съ Литвою и Польшею. Однако, вліяніе болѣе культурнаго запада на Польшу было гораздо болѣе интенсивно и проникало гораздо глубже, чѣмъ вліяніе варваровъ монголо-татаръ на Русь. Въ связи съ прочими различными условіями развитія обоихъ названныхъ государствъ, эти вліянія соотвѣтственно отражались на ихъ военныхъ системахъ, коимъ естественно были присущи существенныя различія.

Если поэтому военная система польско-литовско-русскаго государства сохраняла и въ новые вѣка, хотя бы и не вполнѣ, но за то до XVIII столѣтія включительно, средневѣковый характеръ; то таковой же характеръ не могла не сохранять и военная система московскаго государства, положеніе котораго было гораздо болѣе неблагопріятно, ибо новшества разнаго рода и вообще какія бы то ни было усовершенствованія могли проникать къ намъ не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, преодолѣвъ двѣ, а не то и три, своего рода, «китайскихъ стѣны»: внѣшнюю (сосѣди и особенно Польша), пограничную (офиціальную) и внутреннюю (моральное и умственное состояніе общества).

Сходство заключалось и въ томъ, что первое мѣсто въ составѣ вооруженныхъ силъ обоихъ государствъ принадлежало дворянской конницѣ, и въ рѣшеніи различныхъ второстепенныхъ вопросовъ; но затѣмъ обнаруживаются различія и, съ теченіемъ времени, эти различія все болѣе и болѣе расширяются, разрастаются и умножаются.

Наиболѣе существенное различіе вытекало изъ самаго хода развитія обоихъ государствъ и изъ различія въ ихъ политическомъ устройствѣ. Изъ польскаго государства постепенно «исчезъ элементъ власти», вполнѣ справедливо замѣчаетъ русскій профессоръ *Н. Карѣевъ*, а польскій профессоръ *М. Бобржинскій* столь же справедливо и вѣрно поясняетъ это замѣчаніе: «...Вездѣ... въ другихъ мѣстахъ существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже поправляло его. У однихъ только насъ (т. е. поляковъ) недоставало этого оздоравливающаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе»... Сами поляки признавали и признаютъ тогдашнюю Польшу «демократическою республикою», но, въ дѣйствительности, въ ней утвердился образъ правленія не то аристократическій, не то олигархическо-анархическій. Верховная власть въ польской «Рѣчи Посполитой» принадлежала избираемому пожизненно королю, сенату (изъ высшихъ сановниковъ) и сейму (изъ представителей дворянства отдѣльныхъ воеводствъ и земель). Сеймъ имѣлъ значеніе не то общегосударственнаго представительнаго собранія, не то международнаго конгресса, и былъ безсиленъ по отношенію къ областнымъ сеймикамъ подобно тому, какъ въ средніе вѣка сюзеренъ былъ безсиленъ по отношенію къ своему вассалу. Мало того, Польша съ ея исключительно шляхетскимъ землевладѣніемъ, съ безграничною свободою шляхты, съ рабствомъ крестьянъ и съ городами, едва влачившими свое жалкое существованіе, — эта Польша напоминала самыя худшія времена феодализма. Въ основѣ ея устройства коренились безпорядокъ и анархія, достигшіе съ теченіемъ времени такой степени развитія, далѣе которой идти было невозможно.

Политическое устройство московскаго государства имѣло прямо противоположный характеръ: Герберштейнъ, императорскій посолъ къ великому князю Василію III, сразу же былъ пораженъ силою верховной власти московскаго государя, который, по его опредѣленію, превосходилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ; по его же свидѣтельству, русскіе люди торжественно провозглашали, что государь есть исполнитель воли Божіей, а о дѣлѣ неизвѣстномъ говорили: «знаетъ то Богъ, да великій князь».

Естественно, въ московскомъ государствѣ должно было ранѣе выработаться высшее военное управленіе, организованное на началахъ централизаціи и болѣе или менѣе находящееся на высотѣ

своего назначенія, тогда какъ въ Польшѣ подобное управленіе возникнуть вовсе не могло, причемъ открывался большой просторъ для дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, магнатовъ-военачальниковъ и т. п. и на всемъ военномъ устройствѣ лежалъ отпечатокъ сильнѣйшаго развитія индивидуализма—прямое слѣдствіе вліяніе запада.

2. Военная система польско-литовско-русскаго государства въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ. Военное управленіе. Вспомогательные органы высшихъ войсковыхъ начальниковъ.

Въ Польшѣ, въ концѣ среднихъ вѣковъ, для обороны страны, созывалось королями поголовное ополченіе (pospolite ruszenie), къ коему привлекались всѣ полноправные военно-обязанные или подлежавшіе такъ называемому военному праву (jus militare) свободные землевладѣльцы, шляхтичи, являвшіеся на службу въ тяжеломъ вооруженіи, на соотвѣтственныхъ коняхъ и въ сопровожденіи вооруженной свиты; прочіе военно-обязанные, бѣднѣйшіе землевладѣльцы комплектовали легкую конницу. Тѣ и другіе образовали хоругви (эскадроны) по воеводствамъ; хоругви эти находились подъ начальствомъ соотвѣтственныхъ каштеляновъ, подчинявшихся воеводамъ. Сверхъ того, знатнѣйшіе и богатѣйшіе магнаты, воеводы, каштеляны и епископы, выставляли свои собственныя хоругви; такія же хоругви выставлялись и «родичами единаго герба» (Stryjcowie herbour). Королевскіе города выставляли извѣстное число пѣшихъ лучниковъ и военныхъ повозокъ. Наконецъ, короли содержали въ небольшомъ числѣ наемныя войска.

Воинственный духъ и любовь къ военному дѣлу въ массѣ польской шляхты достигли высшей точки своего развитія въ началѣ XV вѣка, ко времени сраженія при Танненбергѣ - Грюнвальдѣ 1410 года. Съ этихъ поръ шляхта начала уклоняться отъ военной службы, вынуждая королей замѣнять ее наемными войсками, которыя съ теченіемъ времени пріобрѣли отчасти характеръ войскъ постоянныхъ

Главною частью вооруженныхъ силъ Польши и послѣ этого оставалась конница трехъ видовъ: а) *тяжело вооруженная*, комплектовавшаяся богатыми дворянами и носившая полное предохранительное вооруженіе, къ которой принадлежали *копьеносцы* (kopijnicy), *гусары* (ussarze, husarze, съ 1500 года) и *конные аркебузеры* (arkabuzerowie, eligery, harcerze); б) *средняя*, комплектовавшаяся литовскими татарами и вообще воинами не польской національности, носившая болѣе легкое предохранительное вооруженіе и развивав-

шая сильное метательное (позже огнестрѣльное) дѣйствіе, къ которой причислялись *пятигорцы* или *черемисы* и польскіе *казаки* (Petyhorcy, Czeremissy, konni Kozacy polscy), а съ 1676 года *панцырники*, и в) *легкая*, комплектовавшаяся бѣднѣйшими воинами, не носившая вовсе предохранительнаго вооруженія и имѣвшая соотвѣтственное метательное оружіе (лукъ, позже огнестрѣльное оружіе); послѣдняя была особенно распространена въ составѣ собственныхъ войскъ польскихъ магнатовъ.

Пѣхота являлась лишь вспомогательнымъ родомъ войскъ. Въ XV и въ первой половинѣ XVI столѣтія, она была немногочисленна и состояла изъ наемныхъ ротъ, не сводившихся въ болѣе крупныя единицы. Постоянная пѣхота появилась лишь при Сигизмундѣ II Августѣ, прежде всего въ Литвѣ въ 1551 году; въ Польшѣ же, въ 1562 году, этотъ же король назначилъ четвертую часть доходовъ съ своихъ «столовыхъ имѣній и старостѣ» на содержаніе такъ названнаго «*кварцянаго войска*» (wojsko kwarciane); при немъ же нѣсколько увеличена численность его гвардіи. При Стефанѣ Баторіи, въ 1578 году, была учреждена «*выбранецкая*» или «выборная» пѣхота, для чего королевскія имѣнія были обязаны выставлять по одному пѣхотинцу (охотнику) съ каждыхъ 20 лановъ. Однако, эта пѣхота не могла быть многочисленна; такъ, напримѣръ, въ 1596 году выборныхъ было 2,306 человѣкъ.

Во время войны Баторія съ Іоанномъ Грознымъ, въ составъ польской арміи входила еще наемная пѣхота венгерская и нѣмецкая; та и другая состояла изъ полковъ, имѣвшихъ организацію германскаго типа, частью южнаго, частью сѣвернаго (см. выше). Сверхъ того, Баторій пытался организовать шляхетскую пѣхоту того же типа, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ составъ вооруженныхъ силъ Польши входила, конечно, и артиллерія, развивавшаяся всецѣло подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ.

Управленіе вооруженными силами польскихъ королевства и княжествъ въ средніе вѣка имѣло много общаго съ управленіемъ вооруженными силами русскихъ княжествъ. Обыкновенно сами короли и князья были главнокомандующими; въ противномъ же случаѣ они поручали главное начальство наиболѣе способнымъ изъ числа воеводъ или другихъ высшихъ сановниковъ, коимъ они оказывали соотвѣтственное довѣріе. Вспомогательные органы главнокомандующихъ и вообще старшихъ войсковыхъ начальниковъ комплектовались такими же точно способами, какъ и на Руси, но пре-

имущество отдавалось тѣмъ, кои оказали наибольшія заслуги на рыцарскомъ поприщѣ.

Во время войны Польши и литовско-русскаго государства съ тевтонскимъ орденомъ въ 1410 году, король Владиславъ Ягайло, признавая, въ отношеніи военнаго искусства, превосходство своего двоюроднаго брата Витовта, великаго князя литовско-русскаго, поставилъ во главѣ соединенной польско-литовско-русской арміи *военный совѣтъ* изъ семи высшихъ сановниковъ (1 каштеляна, 3 воеводъ, 1 подканцлера, 1 маршала и 1 подкоморія) подъ главенствомъ Витовта. Этотъ совѣтъ былъ обязанъ: а) совѣщаться по всѣмъ вопросамъ, касавшимся веденія операцій, а именно: «куда вести войска, гдѣ располагаться на отдыхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы имѣть въ достаточномъ количествѣ воду, продовольствіе и дрова, гдѣ избирать позицію для встрѣчи противника и вообще какъ поступать въ различныхъ случаяхъ, при веденіи войны»; б) принимать рѣшенія по этимъ вопросамъ, которыя хотя и докладывались королю, но обыкновенно имъ не измѣнялись и в) сохранять всѣ эти совѣщанія и рѣшенія въ надлежащей тайнѣ. Въ распоряженіи совѣта находилось два колонновожатыхъ, Траянъ изъ Красностава и Іоаннъ Гринвальдъ, прусскіе уроженцы, отлично знавшіе пути и вообще всѣ мѣстныя условія.

Въ сраженіи при Танненбергѣ-Грюнвальдѣ собственно польскія войска находились подъ начальствомъ «мечника» краковскаго, Зындрама Машковскаго, а вся соединенная армія подчинялась тому же великому князю Витовту, благодаря способностямъ и авторитету котораго получалось достаточное объединеніе власти и проявлялось въ достаточной степени управленіе.

Великое княжество литовско-русское, коему приходилось вести частыя войны съ Московскимъ государствомъ, признало необходимымъ установить должность пожизненнаго главнокомандующаго или «*великаго гетмана*» (отъ чешскаго «гейтмана» и нѣмецкаго «гауптманна»), каковымъ былъ назначенъ впервые Петръ Ивановичъ *Бѣлый* († 1498). Вскорѣ послѣ того и въ Польшѣ было признано цѣлесообразнымъ учредить таковую же должность. Первымъ великимъ гетманомъ королевства Польскаго былъ Николай *Каменецкій* († 1515), но извѣстное опредѣленіе обязанностей гетмана законодательнымъ порядкомъ послѣдовало лишь при третьемъ великомъ гетманѣ, Янѣ *Тарновскомъ* († 1561).

Великій гетманъ (dux exercituum generalis, supremus exercitus dux) стоялъ во главѣ вооруженныхъ силъ «своего народа»: *ко-*

ронный (hetman wielki koronny) въ Польшѣ и *литовскій* (hetman wielki litewski) въ литовско-русскомъ государствѣ. Эти гетманы должны были «заботиться о войскахъ» въ мирное время и принимать надъ ними начальство въ военное время. Они издавали «универсалы», призывая военно-обязанныхъ къ участію въ походѣ; послѣ сбора войскамъ производился смотръ и перепись, для чего въ распоряженіи гетмана находился «*полевой писарь*» (pisarz polny), который, сверхъ того, завѣдывалъ письменною частью войсковой канцеляріи; затѣмъ гетманъ велъ войска противъ врага и строилъ ихъ, какъ для похода, такъ и для боя. Только въ случаѣ присутствія короля и желанія его стать лично во главѣ арміи, гетманъ уступалъ ему главное начальство, оставаясь его ближайшимъ помощникомъ; онъ пользовался неограниченною властью въ отношеніи воинской дисциплины, производилъ въ чины до ротмистра и капитана, рѣшалъ своею властью военно-хозяйственные вопросы, направлялъ дѣло боевой подготовки войскъ и велъ военныя дѣйствія по своему разумѣнію, принимая всякія мѣры, требуемыя обстановкою, ради «спасенія Рѣчи Посполитой и войска», о чемъ, въ свое время, представлялъ отчетъ сейму.

Помощникомъ каждаго изъ великихъ гетмановъ (начиная съ XVI вѣка) являлся «*польный гетманъ*» (hetman polny, campiductor, dux campester, полевой вождь), первоначально командовавшій войсками на границѣ; въ случаѣ болѣзни или отсутствія великаго гетмана, онъ исполнялъ его обязанности.

Сверхъ того имѣлись: а) *придворные гетманы* (hetman nadworny, capitaneus exercituum), стоявшіе во главѣ придворной королевской «стражи» или наемныхъ войскъ и б) *региментари* (regimentarz), сначала командовавшіе войсками на границѣ, а затѣмъ превратившіеся въ польныхъ гетмановъ; позже регментарями назывались замѣстители гетмановъ.

Обыкновенно на должности гетмановъ назначались представители знатнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ магнатскихъ родовъ; сплошь и рядомъ гетманъ былъ въ то же время и государственнымъ канцлеромъ, или великимъ маршаломъ, или занималъ какую-либо иную государственную должность. Вслѣдствіе этого, значеніе и могущество иныхъ гетмановъ были на столько велики, что они были опасны для самихъ королей.

Военно-іерархическая лѣстница устанавливалась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, образцовъ, но, въ силу самаго характера польской военной системы, она не могла

пріобрѣсти необходимой законченности. Главнокомандующему приходилось имѣть дѣло не только съ значительнымъ числомъ командировъ отдѣльныхъ частей, но и съ нѣкоторымъ числомъ магнатовъ, выставлявшихъ свои собственныя войска и нерѣдко находившихся при этихъ войскахъ (въ составѣ арміи); хотя его власть и была велика, но приходилось считаться съ самолюбіемъ и честолюбіемъ подобныхъ лицъ, что вредно отражалось, какъ на дѣйствительномъ объединеніи власти, такъ и на связи между различными частями арміи и единствѣ дѣйствій ихъ въ бою.

Великому гетману непосредственно подчинялись: а) «*обозный*» (соотвѣтствовавшій нѣмецкому «лагермейстеру», а равно и «квартирмейстеру»), который наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ приказаній и распоряженій гетмана въ лагерѣ, и б) «*стражникъ*» (то же, что нѣмецкій «вахтмейстеръ»; повидимому онъ вѣдалъ и часть «профоса»), наблюдавшій за охраненіемъ войскъ и поддержаніемъ порядка.

Въ наемныхъ полкахъ, особенно нѣмецкихъ, имѣлись квартирмейстеры и вахтмейстеры, служба которыхъ ничѣмъ не отличалась отъ службы таковыхъ же чиновъ въ войскахъ германскихъ владѣтелей.

При гетманахъ и вообще при старшихъ начальникахъ находилось большее или меньшее число молодыхъ офицеровъ или даже «товарищей» (соотвѣтствовавшихъ жандармамъ французскихъ ордонансовыхъ ротъ), преимущественно изъ знатныхъ родовъ, которые передавали приказанія своихъ начальниковъ войскамъ и въ этой школѣ сами подготовлялись къ командованію войсками.

При крайне слабой верховной власти, при отсутствіи «оздоравливающаго фактора» въ лицѣ правительства, достойнаго этого названія, которое «въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе» (по опредѣленію М. Бобржинскаго), — власть гетмановъ, не взирая на свои отрицательныя стороны, имѣла благодѣтельное значеніе, такъ какъ давала возможность талантливымъ ея носителямъ выручать государство въ самые тяжелые историческіе моменты. Правда, далеко не всѣ носители этой власти были талантливы, но за то тѣмъ рельефнѣе выдѣляется дѣятельность такихъ ея носителей, какъ Тарновскій, Замойскій, Жолкевскій и др. (въ Польшѣ), князь Константинъ Острожскій, князь Николай Радзивиллъ, Янъ-Карлъ Ходкевичъ и др. (въ Литвѣ).

Служба при такихъ полководцахъ, подъ ихъ непосредственнымъ

руководствомъ, являлась отличною боевою школою, изъ которой и выходили ближайшіе помощники и докладчики гетмановъ и вообще лица, на коихъ лежали обязанности вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія. Таковые, какъ и въ Западной Европѣ, были разбиты на нѣсколько вѣтвей, не имѣвшихъ между собою надлежащей связи; объединенія и общаго направленія ихъ дѣятельности быть не могло, а потому и результаты этой дѣятельности не только не превосходили результатовъ дѣятельности таковыхъ же органовъ высшаго командованія въ Западной Европѣ, но скорѣе даже имъ уступали.

3. Военная система западно-русскихъ казаковъ въ концѣ среднихъ и въ переходный періодъ новыхъ вѣковъ. Военное управленіе. Вспомогательные органы высшаго управленія и командованія.

Хотя западно-русскіе *казаки* обыкновенно причисляются къ составу вооруженныхъ силъ Польши, но это справедливо лишь по отношенію: а) къ малороссійскимъ, и б) къ такъ называемымъ «польскимъ казакамъ», части коихъ комплектовались русскими людьми, но состояли на службѣ польскаго правительства или польскихъ магнатовъ. Казаки выставляли всѣ три рода войскъ: конницу, пѣхоту и артилерію.

Запорожское войско хотя и находилось въ зависимости отъ Польши, но зависимость эта имѣла условный характеръ, а потому войско это жило отдѣльною, самостоятельною жизнью и имѣло отдѣльное, оригинальное устройство.

Въ 1471 году Казиміръ IV преобразовалъ кіевское княжество въ воеводство по польскому образцу. Украинцы, недовольные этой реформой, начали спасаться бѣгствомъ отъ ненавистныхъ имъ порядковъ и искали свободы въ приднѣпровскихъ степяхъ. Здѣсь имъ пришлось быть всегда наготовѣ къ борьбѣ противъ хищныхъ сосѣдей, татаръ. Это и вызвало образованіе первой *«казацкой»* общины, назвавшейся Запорожскою; отъ нея и произошло Запорожское войско, находившееся въ тѣсной связи съ войскомъ Малороссійскимъ. Съ теченіемъ времени, оно разрослось и сдѣлалось страшнымъ не только для татаръ, но и для турокъ и самыхъ поляковъ. Во времена Сигизмунда I, оно охватило своими поселеніями значительную часть нынѣшняго Новороссійскаго края и даже часть земель собственно украинскихъ. При этомъ же королѣ, войско это раздѣлилось на казаковъ *городовыхъ* и *низовыхъ* (или собственно запорожскихъ).

Запорожское войско было органически связано съ Украйною. Всѣ люди, коимъ было тѣсно въ шляхетской Украйнѣ, бѣжали на Запорожье и находили тамъ радушный пріемъ. Поэтому войско пополнялось преимущественно пришельцами изъ Малороссіи, но сверхъ того въ немъ были и поляки, и великоруссы, и нѣмцы, и молдаване, и валахи, и татары, и турки, и даже армяне, и евреи. Всѣ они должны были признать догматы православной церкви, и дать обѣтъ воевать за вѣру Христову, выполнять извѣстныя религіозныя обязанности и подчиняться правиламъ Запорожской общины (отсутствіе женщинъ въ самой Сѣчи, простота жизни, совершенное братство, безкорыстіе и строгое повиновеніе власти).

Войско это состояло изъ «*старшинъ*» и «*товариства*». Старшины избирались товариствомъ на опредѣленное время и имъ же контролировались. Верховная власть находилась въ рукахъ войсковой *рады* (народнаго собранія). Управленіе сосредоточивалось въ Запорожской Сѣчи, гдѣ жило товариство, не имѣвшее женъ и дѣлившееся на 38 *куреней*.

Главнымъ военнымъ и гражданскимъ начальникомъ войска былъ выборный *кошевой атаманъ*, который имѣлъ право утверждать выборъ прочихъ старшинъ, утверждалъ раздѣлъ между куренями угодій, рѣшалъ вопросы о пріемѣ и увольненіи казаковъ, собиралъ раду и представлялъ на ея судъ особенно важныя свои распоряженія; сношенія съ сосѣдними государствами производились имъ отъ имени всего войска.

Ближайшими помощниками кошевого атамана являлись: а) *войсковой судья*, который разбиралъ дѣла гражданскія и уголовныя, былъ главнымъ казначеемъ войска и, въ отсутствіи кошевого, командовалъ войскомъ; б) *войсковой писарь*, который вѣдалъ письменную часть войска и имѣлъ въ своемъ распоряженіи *канцелярію*, со всѣми составлявшими ее писарями и подписарями, и в) *войсковой есаулъ*, который исполнялъ болѣе важныя порученія и имѣлъ полицейскій надзоръ въ войскѣ. Помощниками есаула были «войсковые служители»: а) *довбышъ* (литаврщикъ), который сзывалъ казаковъ на раду и исполнялъ менѣе важныя порученія войска, и б) *подъасулій*. Къ числу войсковыхъ служителей принадлежали еще: в) *войсковой пушкарь*, начальникъ артиллеріи; г) *войсковой толмачъ* или переводчикъ, производившій также развѣдки за границею територіи войска; д) *войсковой кантаржей*, собиравшій войсковой доходъ съ торговыхъ людей, и ж) *шафари*, наблюдавшіе за перевозами на Днѣпрѣ и Бугѣ.

Во главѣ куреней стояли выборные *куренные атаманы*; строевыми же начальниками являлись *«походные полковники»*, стоявшіе во главѣ частей войскъ, которыя отбывали дѣйствительную службу по особо установленной очереди. Сверхъ того имѣлись *«полковники до паланки»*, стоявшіе во главѣ «паланокъ», или округовъ, на которыя дѣлились Запорожскія земли. При тѣхъ и другихъ полковникахъ состояли есаулы и писаря.

Такимъ образомъ у запорожскихъ казаковъ выработалась довольно стройная и законченная система военнаго управленія. Правда, она имѣла нѣкоторые существенные недостатки, общіе съ таковою же польскою системою, но это объясняется тѣмъ, что и все устройство Запорожскаго войска слагалось подъ извѣстнымъ вліяніемъ польскихъ образцовъ. Власть польскаго короля признавалась запорожцами большею частью только по имени; фактически же у нихъ кошевой атаманъ заступалъ и короля, и польскаго гетмана; поэтому онъ былъ избираемъ, но не на всю жизнь, а на то время, въ теченіе коего онъ пользовался довѣріемъ войска; въ этомъ отношеніи запорожцы были, пожалуй, болѣе послѣдовательны, чѣмъ поляки, ибо довели до крайняго предѣла примѣненіе принципа народнаго суверенитета. Конечно, при такихъ условіяхъ, прочной и устойчивой верховной власти не было и быть не могло. Запорожцы отчасти сами сознавали вредъ, отсюда происходившій, а потому облекали своего кошевого атамана, особенно въ военное время, такою властью, какою не пользовались въ Польшѣ, ни король, ни гетманъ. Благодаря этому, во время веденія войны и вообще въ походахъ, получалось достаточное объединеніе власти въ рукахъ кошевого атамана, который располагалъ достаточнымъ числомъ помощниковъ, прошедшихъ отличную боевую школу и вполнѣ подготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей; таковы же были и младшіе начальники съ ихъ помощниками.

Такая же система военнаго управленія и соотвѣтственное военное устройство вырабатывались и въ приднѣпровской части подвластной Польшѣ Малороссіи, но они не могли получить полнаго развитія и законченности, какъ вслѣдствіе давленія со стороны польскихъ властей и шляхетства, такъ и вслѣдствіе различія въ общественномъ устройствѣ.

Малороссійскіе или днѣпровскіе казаки въ мирное время охраняли границы и производили крѣпостныя работы, а въ военное время служили на своемъ иждивеніи и со славою участвовали во всѣхъ войнахъ, веденныхъ поляками. Начиная съ XVI вѣка, во

главѣ ихъ стоялъ *гетманъ русскій*, или малороссійскій, пользовавшійся правами королевскаго намѣстника. При Стефанѣ Баторіи малороссійскіе казаки отдѣлились отъ запорожскихъ и получили отдѣльную организацію и такое же управленіе, какое было у запорожцевъ; они составляли 10 полковъ по числу территоріальныхъ округовъ; 6,000 выборныхъ или «реестровыхъ» несли службу пограничной, а остальные службу внутренней стражи.

Безпрестанныя вторженія татаръ въ Польшу, въ отмщеніе за набѣги казаковъ на турецкія и татарскія земли, были важнѣйшею причиною строгихъ мѣръ Сигизмунда III по отношенію къ казакамъ и даже тяжкаго ихъ угнетенія поляками. Гетманское достоинство въ Малороссіи было уничтожено, причемъ какъ малороссійскіе, такъ даже и запорожскіе казаки были подчинены власти великаго короннаго гетмана, а гнетъ все болѣе и болѣе усиливался. Тогда ожесточенные казаки стали возставать противъ польскаго правительства и, начиная съ 1592 г., начали сами выбирать себѣ гетмановъ; отстаивая свою вѣру и свою самобытность, они повели упорную борьбу противъ поляковъ. Въ этой борьбѣ казаки явились какъ бы кадромъ для малороссійскаго народа, возставшаго противъ польско-католическаго владычества, причемъ выяснилась непригодность для цѣлаго народа той общественной и военной организаціи, которая была пригодна для сравнительно немногочисленныхъ казаковъ, особенно для запорожцевъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ въ военномъ устройствѣ западно-русскихъ казаковъ, такъ и въ ихъ боевой подготовкѣ, въ развитіи у нихъ тактическаго и стратегическаго искусства, можно замѣтить наиболѣе явственный отпечатокъ вліянія чеховъ. Многія формы и названія, установившіяся раньше у чеховъ, перешли и къ полякамъ, и къ западно-русскимъ казакамъ, но именно послѣдніе, а не первые являлись носителями того духа, который оживотворялъ эти формы. Поэтому и организація военнаго управленія, и постановка, подготовка и дѣятельность вспомогательныхъ органовъ высшаго управленія и командованія, достигли у казаковъ болѣе полнаго развитія, чѣмъ въ польско-литовско-русскомъ государствѣ, которое считало ихъ составною частью своихъ вооруженныхъ силъ. Хотя и у казаковъ эти вспомогательные органы были разбиты на нѣсколько вѣтвей, но эти вѣтви получали общее направленіе отъ гетмана и кошевого атамана по принадлежности, который только номинально признавалъ надъ собою власть короля и не имѣлъ соперниковъ въ лицѣ равныхъ себѣ гетмановъ или не признававшихъ гетманской

власти магнатовъ; въ то же время жизнь при условіи постоянной опасности со стороны враговъ поддерживала на высокомъ уровнѣ боевую подготовку не только простыхъ воиновъ, но и начальниковъ и ихъ вспомогательныхъ органовъ. При такихъ условіяхъ военное искусство вообще достигло у казаковъ весьма высокой степени развитія, а въ отношеніи сбора свѣдѣній и вообще распознаванія обстановки, едва ли кто-либо изъ ихъ европейскихъ сосѣдей могъ съ ними соперничать.

4. Военная система московскаго государства въ концѣ XV и въXVI вѣкѣ. Военное управленіе. Вспомогательные органы высшаго командованія и управленія.

Ратныя силы московскаго государства состояли главнымъ образомъ изъ выставляемыхъ всѣми сословіями ополченій, которыя собирались на время войны и распускались по окончаніи таковой, Главною составною частью рати московскаго государства, въ разсматриваемый періодъ, была *конница*, которую составляли: а) дворяне; б) дѣти боярскія; в) новокрещены, мурзы и князья татарскіе; г) городовые казаки изъ вольныхъ людей, селившихся въ пограничныхъ городахъ; д) восточно-русскіе казаки, имѣвшіе отдѣльное устройство, подобное устройству западно-русскихъ казаковъ, Донскіе, Яикскіе и Терекскіе, и ж) даточные люди отъ волостей и городовъ. Первые два разряда подлежали осмотру «по разборнымъ спискамъ, каковъ кто на Государеву службу пріѣдетъ, коненъ, и люденъ, и оруженъ», а вторые два разряда также въ большей или меньшей мѣрѣ притягивались, если не приравнивались къ первымъ двумъ, т. е. главная часть конницы имѣла *помѣстный* характеръ.

Пѣхоту составляли: а) стрѣльцы; б) пѣшіе городовые казаки и в) пѣшіе даточные люди (не считая «вольныхъ охочихъ людей»). Имѣлась и *артилерія*, именовавшаяся «нарядомъ»; служили при ней пушкари, затинщики, плотники, кузнецы и гранатчики. Личный составъ наряда усиливался, въ необходимомъ числѣ, *посошными людьми* (посоха), набиравшимися съ гор. Новгорода и Пскова. Остальные конные и пѣшіе включались въ составъ соотвѣтственныхъ полковъ.

Нарядъ возникъ въ концѣ XIV вѣка; пѣхота существовала и въ средніе вѣка, но по качествамъ своимъ была неудовлетворительна. Если въ Польшѣ на пѣхоту обратилъ вниманіе Стефанъ Баторій, то и въ Россіи былъ озабоченъ этимъ же вопросомъ его противникъ

Іоаннъ Грозный, при которомъ и появились стрѣльцы и которому принадлежатъ первыя попытки образовать наемныя войска изъ иноземцевъ. Если принять во вниманіе, что въ XVI вѣкѣ и въ Западной Европѣ пѣхота хотя и «возродилась», но была еще далеко не совершенна, то станетъ понятнымъ, что въ общемъ отсталость Россіи въ военномъ отношеніи была еще не столь велика, какъ это обыкновенно принято полагать.

Справедливость этого заключенія сдѣлается еще болѣе очевидною, если принять во вниманіе, что уже въ это время въ Россіи установилась естественно возникшая система управленія государственными, а въ томъ числѣ и военными дѣлами, какой еще не было на Западѣ, не говоря уже о Польшѣ.

Государственная власть ввѣряла опредѣленному и организованному на извѣстныхъ началахъ учрежденію, именуемому *приказомъ*, точно указанный ею родъ дѣлъ и лицъ, которыми этотъ приказъ вѣдалъ постоянно и самостоятельно, разрѣшая собственною властью всѣ подвѣдомственныя ему дѣла, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя по самому ихъ существу и свойству должны были идти на непосредственное разрѣшеніе Царя и его вспомогательнаго органа, боярской думы. При этомъ опредѣленный разрядъ государственныхъ дѣлъ «приказывался», т. е. поручался вѣдѣнію нѣсколькихъ лицъ на началахъ сотрудничества и раздѣленія труда.

Такимъ образомъ появились постоянныя присутственныя мѣста съ опредѣленными чертами внутренняго устройства; съ теченіемъ времени, дѣятельность ихъ начала подчиняться извѣстнымъ правиламъ; наконецъ, учрежденія эти раздѣлились на высшія или центральныя и мѣстныя.

Служебную силу приказовъ составили два элемента: а) старое родовое высшее дворянство или боярство, и б) *дьяки* (бывшіе писцы), письменные люди того времени.

Высшая часть стараго *дворянства* стояла во главѣ большей части приказовъ и занимала въ нихъ самыя видныя мѣста. Обыкновенно въ томъ или другомъ приказѣ находилось нѣсколько представителей этой аристократіи, служебное положеніе которыхъ опредѣлялось чуть-ли не исключительно началами родового старшинства. Старшій бояринъ рѣшалъ дѣла «со товарищи»; если онъ находился на высотѣ своего положенія, какъ глава приказа, то товарищи подчинялись его взглядамъ, т. е. единоличное начало господствовало надъ коллегіальнымъ; въ обратномъ же случаѣ, единоличное начало уступало мѣсто началу коллегіальному, причемъ за

старшимъ бояриномъ сохранялось видимое главенство; фактически же оно переходило къ болѣе способнымъ его товарищамъ или даже къ дьякамъ.

Дьяки первоначально были должностными лицами дворцоваго управленія, вѣдавшими какъ личное имущество и доходы князя, такъ и письменную часть управленія; на нихъ возлагалось и завѣдываніе мелкими государственными дѣлами. Съ теченіемъ времени, они образовали государственное служилое сословіе, заполнили собою всѣ государственныя учрежденія, сдѣлались непремѣнными и весьма дѣятельными членами приказовъ и явились весьма вліятельными сотрудниками бояръ и окольничихъ, вмѣстѣ съ которыми рѣшали и направляли государственныя дѣла. Сила ихъ заключалась въ знаніи дѣла, законовъ (и уставовъ) и всѣхъ тонкостей механизма государственнаго управленія. Въ то же время имъ (въ качествѣ людей худородныхъ) были чужды счеты родовой чести и мѣстническаго старшинства; правительство съ ними не стѣснялось; назначая ихъ на соотвѣтственныя должности, оно могло руководствоваться въ своемъ выборѣ лишь ихъ личными качествами, способностями и знаніями. Поэтому же правительство оказывало имъ нерѣдко большое довѣріе.

Приказы, вѣдавшіе вооруженныя силы московскаго государства, можно раздѣлить: а) на *приказы съ чисто военнымъ характеромъ дѣятельности* и б) *приказы смѣшаннаго* (военно-гражданскаго) *характера*. Въ ряду этихъ приказовъ первое мѣсто занималъ «разрядный приказъ» или «*Разрядъ*», который соединялъ въ своихъ рукахъ, въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ, функціи нынѣшнихъ: главнаго штаба и отчасти различныхъ другихъ главныхъ управленій военнаго министерства и даже отчасти самаго этого министерства (включая его канцелярію), государственной канцеляріи и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Роль государственной канцеляріи и канцеляріи военнаго министерства онъ игралъ по отношенію къ «боярской думѣ», которая соотвѣтствовала нынѣшнимъ государственному и военному совѣтамъ и т. д.; во всемъ же остальномъ онъ соотвѣтствовалъ упомянутымъ министерствамъ и ихъ главнымъ управленіямъ. Такимъ образомъ разрядъ являлся почти единственнымъ центральнымъ учрежденіемъ, объединявшимъ управленіе вооруженными силами государства, въ которомъ сосредоточивались сложные вопросы мѣстничества и всѣ дѣла, распредѣленныя теперь по разнымъ глав-

нымъ управленіямъ соотвѣтственнаго министерства, за нѣкоторыми лишь исключеніями.

Разрядъ объявлялъ царскіе указы и повелѣнія, касавшіеся назначеній на должности, наградъ за службу, распредѣленія окладовъ, назначенія ратныхъ людей на службу и т. п. Онъ же велъ въ мирное время учетъ ратнымъ людямъ на случай сбора войскъ. Основаніемъ для веденія этого учета служило подраздѣленіе войскъ на «*разряды*», установленное Іоанномъ III. Эти разряды представляли какъ бы военные округа, въ которыхъ воеводы, ратники и вообще войска были распредѣлены по полкамъ и мѣстамъ ихъ постояннаго жительства или помѣстій, на основаніи особыхъ «*разрядныхъ книгъ*». Отсюда и произошло названіе самаго Разряда, въ которомъ велись эти книги. Для составленія и веденія этихъ книгъ, намѣстники, а затѣмъ городовые воеводы доставляли Разряду подробные списки, въ которыхъ обозначалось, сколько было приписано къ каждому городу дворянъ и дѣтей боярскихъ и какія за ними состояли помѣстья. По этимъ спискамъ разрядъ опредѣлялъ указами, по мѣрѣ надобности, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны были явиться на сборное мѣсто къ извѣстному сроку.

Стрѣльцы и пушкари вѣдались соотвѣтственными учрежденіями, стрѣлецкимъ и пушкарскимъ приказами; бронный приказъ завѣдывалъ изготовленіемъ тяжелаго вооруженія и холоднаго оружія и т. д. Съ теченіемъ времени число приказовъ увеличивалось, а кругъ дѣятельности ихъ расширялся.

До преобразованій царя Іоанна IV, органами областнаго управленія являлись *намѣстники*, изъ коихъ каждый управлялъ городомъ и ближайшими «подчиненными сельскими областями». Со времени этихъ преобразованій каждый уѣздъ распался на нѣсколько отдѣльныхъ земскихъ міровъ, во главѣ коихъ стояли выборные земскіе старосты съ выборными присяжными помощниками. Эти земскіе міры имѣли непосредственное отношеніе къ тому центральному приказу, къ которому были приписаны. Въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть, уже во второй половинѣ XVI вѣка, явились *воеводы*, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе по всѣмъ дѣламъ, какъ судебнымъ и финансовымъ, такъ и военнымъ; они и являлись главными начальниками ратныхъ людей (помѣщиковъ и вотчинниковъ) своихъ уѣздовъ. Въ общемъ мѣстные органы управленія имѣли значеніе органовъ исполнительныхъ по отношенію къ центральнымъ управленіямъ, приказамъ.

О предстоящей войнѣ объявлялся царскій указъ чинамъ двора государева, московскимъ дворянамъ и вообще всѣмъ служилымъ людямъ въ Москвѣ, а затѣмъ въ прочихъ городахъ. Послѣ того, слѣдующими указами опредѣлялись: мѣста сбора войскъ и запасовъ, число ратниковъ, долженствующихъ явиться на службу, и сроки для ихъ явки. Всѣ служилые люди собирались въ свои *десятни*, т. е. въ ополченія тѣхъ городовъ, къ коимъ были приписаны. Послѣ сбора войскъ на указанныхъ мѣстахъ, имъ производились смотры и повѣрка по спискамъ; по сосредоточеніи же всей рати, таковая дѣлилась на полки: а) *большой*; б) *правой руки*; в) *лѣвой руки* г) *передовой* (авангардъ) и д) *сторожевой*, обращавшійся въ аріергардъ или въ резервъ. Кромѣ того формировался еще изъ легкой конницы *ертоулъ* или *ертоульный полкъ*, назначавшійся для развѣдыванія о путяхъ и о противникѣ и для обезпеченія рати отъ нечаянныхъ нападеній. Въ составъ рати входила еще «царская дружина», представлявшая отборную часть войска.

Каждый изъ названныхъ полковъ состоялъ изъ контингентовъ нѣсколькихъ десятенъ и дѣлился на приказы или приборы, кои, въ свою очередь, дѣлились на сотни, являвшіяся основными административными единицами; въ то же время, въ составѣ полковъ имѣлись и отдѣльныя сотни (стрѣлецкія и др.), не входившія въ составъ приказовъ. Сотни, повидимому, дѣлились на десятки.

Для начальствованія полками назначались *полковые воеводы*, причемъ «*воевода большого полку*» былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнокомандующимъ. Къ каждому воеводѣ назначался, по крайней мѣрѣ, одинъ *товарищъ* (обыкновенно изъ болѣе способныхъ, но младшихъ военачальниковъ, дабы хотя отчасти устранить недостатки мѣстничества). Къ числу полковыхъ воеводъ относились, кромѣ начальниковъ пяти главныхъ частей рати: а) *ертоульный*; б) воевода *у наряда*, и в) *гуляевый* или *гуляинъ*, начальникъ гуляй-города, особаго подвижнаго закрытія изъ досчатыхъ щитовъ на колесахъ или полозьяхъ (заимствованнаго отъ чеховъ при посредствѣ западно-русскихъ казаковъ и поляковъ), коему придавался видъ длинной ограды или отдѣльныхъ опорныхъ пунктовъ. При воеводахъ состояли дьяки, вѣдавшіе государеву казну, раздачу жалованья и т. п. и помогавшіе воеводамъ отдавать приказанія.

За воеводами слѣдовали: а) *голова у обоза* или *обозный;* б) *голова у наряда;* в) *стрѣлецкій голова*, командовавшій «приказомъ» (или приборомъ) изъ 500 стрѣльцовъ; г) *десятенный голова*, завѣ-

дывавшій десятнею боярскихъ дѣтей, и д) *казачій голова*, командовавшій казаками одного города.

Низшими начальниками являлись: а) *сотники;* б) *пятидесятники*, и в) *десятники;* первые командовали сотнями, а остальные— соотвѣтственными ихъ частями.

Такимъ образомъ въ московскомъ государствѣ, въ разсматриваемый періодъ, вырабатывалась и довольно простая, естественно складывавшаяся система чиноначалія, въ связи съ раздѣленіемъ рати на крупныя и мелкія единицы, но такъ какъ сама рать имѣла сначала вполнѣ, а затѣмъ по преимуществу характеръ совокупности ополченій, то и эта система не могла получить полнаго развитія и соотвѣтственной законченности, хотя она, во всякомъ случаѣ, должна быть поставлена выше таковой же системы сосѣдней Польши. Измѣненія и усовершенствованія были возможны лишь при условіи учрежденія достаточно многочисленныхъ постоянныхъ войскъ, но это было невозможно вслѣдствіе крайняго несоотвѣтствія численности населенія и огромнаго пространства государственной территоріи, наличности крайне ограниченнаго числа рабочихъ рукъ, крайне слабаго развитія страны въ экономическомъ отношеніи вообще, стремленія значительной части населенія ускользнуть отъ дѣйствія какихъ бы то ни было правительственныхъ мѣропріятій, могущихъ ограничить его самодѣятельность и, наконецъ, слабаго еще развитія всей административной системы государства.

При такихъ условіяхъ внутреннихъ, осложняемыхъ вышеуказанными условіями внѣшними, военная система московскаго государства если и сдѣлала, въ разсматриваемый періодъ, шагъ впередъ, то главнымъ образомъ лишь въ отношеніи выработки высшаго управленія вооруженными силами въ мирное время; въ отношеніи управленія ими въ военное время успѣхъ былъ гораздо меньше. Въ общемъ, эта система удовлетворяла потребностямъ времени въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ предшествующій періодъ (особенно въ эпоху Димитрія Донского); съ теченіемъ же времени она могла имъ удовлетворять все менѣе и менѣе.

Въ частности вспомогательные органы высшаго управленія и командованія не представляли никакихъ новыхъ чертъ, за исключеніемъ дьяковъ, двинувшихъ впередъ собственно только канцелярскую и вообще бюрократическую дѣятельность этихъ органовъ, пожалуй, даже въ ущербъ остальнымъ отраслямъ ихъ дѣятельности, особенно въ отношеніи подготовки къ бою и къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, неудовлетворительность этихъ органовъ

управленія и командованія являлась наилучшимъ показателемъ неудовлетворительности всей военной системы государства.

5. Кампанія 1552 года. Походъ царя Іоанна Грознаго къ Казани, ея осада и взятіе. Дѣятельность главнокомандующаго, высшихъ войсковыхъ начальниковъ и ихъ вспомогательныхъ органовъ.

Въ 1547 и 1550 гг. царь Іоаннъ Грозный совершилъ неудачные походы противъ Казани, съ цѣлью окончательнаго ея покоренія; однако, послѣ второго похода остался весьма важный слѣдъ: отступая къ Москвѣ, царь выбралъ мѣсто у устья р. Свіяги для новой крѣпости Свіяжска, которая должна была стѣснить казанцевъ и облегчить успѣхъ новаго похода. Крѣпость эта была заложена и вооружена въ маѣ 1551 года; въ ней засѣлъ сидѣвшій ранѣе на Казанскомъ престолѣ Шигъ-Алей съ русскимъ гарнизономъ и казанскими выходцами. Основаніе этой крѣпости имѣло слѣдствіемъ отпаденіе чувашей, мордвы и черемисъ отъ Казани и подчиненіе царю всей нагорной стороны Волги. Сверхъ того, находясь въ 25-ти верстахъ отъ Казани, Свіяжскъ послужилъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ операцій русскихъ противъ казанцевъ. Наконецъ, въ этой крѣпости московское правительство могло сосредоточить необходимые запасы и средства для веденія рѣшительной и послѣдней борьбы съ Казанью. Казанцы хотѣли было покориться царю, но затѣмъ не приняли назначеннаго имъ намѣстника, свіяжскаго воеводы князя Микулинскаго, посадили на престолъ своего, царства Астраханскаго, царевича Едигера и рѣшили обороняться до послѣдней крайности.

Въ 1552 году царь Іоаннъ предпринялъ третій походъ противъ Казани, для чего было назначено до 150,000 челов., составившихъ полки: а) *большой* — князя *И. Ѳ. Мстиславскаго* и товарища его князя *М. И. Воротынскаго*; б) *передовой*—князей *И. Турунтая-Пронскаго* и *Д. Хилкова*; в) *правой руки*—князей *П. Щенятева* и *А. Курбскаго;* г) *лѣвой руки*—князя *Д. Микулинскаго* и *Д. Плещеева*; д) *сторожевой*—князя *В. Серебрянаго* и *С. Шереметева* и ж) *царскій* или отборная *царская дружина* подъ начальствомъ князя *В. Воротынскаго* и *И. Шереметева.* Сверхъ того, царь притянулъ Шигъ-Алея съ его татарами.

16-го іюня, послѣ молебствія въ Успенскомъ соборѣ, царь выступилъ изъ Москвы съ своею дружиною и на первомъ же переходѣ получилъ донесеніе изъ Путивля, что значительный отрядъ крым-

скихъ татаръ перешелъ черезъ Сѣверный Донецъ и приближается къ нашей Украйнѣ. Не теряя времени, царь двинулся къ Коломнѣ и, прибывъ туда 19-го іюня, сосредоточилъ свою рать на линіи Коломна-Кашира (50 верстъ), обезпечивая за собою обладаніе важнѣйшими переправами черезъ Оку (на пути татаръ къ Москвѣ) и имѣя возможность, въ случаѣ надобности, подоспѣть на выручку къ Рязани, Михайлову или Тулѣ; на случай фронтальнаго наступленія татаръ была выбрана соотвѣтственная позиція, на которой предполагалось дать рѣшительный бой. 21-го получено донесеніе о томъ, что небольшой татарскій отрядъ появился около Тулы. Царь тотчасъ же направилъ къ этому городу полки правой руки, передовой и часть большого, подъ начальствомъ князя М. И. Воротынскаго, и предполагалъ самъ двинуться вслѣдъ за ними на слѣдующій день.

Утромъ 22-го іюня, было получено донесеніе изъ Тулы, что подъ этимъ городомъ было не болѣе 7,000 крымцевъ, которые, пограбивъ окрестныя деревни, куда то скрылись. Въ виду этого, царь остался на позиціи за р. Окою, но приказалъ воеводамъ, направленнымъ къ Тулѣ, идти туда возможно скорѣе и посредствомъ дальнихъ развѣдокъ выяснить силы и мѣсто нахожденія крымской арміи, о чемъ донести. 23-го числа тульскій намѣстникъ князь *Темкинъ* донесъ, что самъ крымскій ханъ *Девлетъ-Гирей*, съ сильнымъ войскомъ, большимъ нарядомъ и турецкими янычарами, подступилъ къ Тулѣ.

Царь тотчасъ же приказалъ князю И. Ѳ. Мстиславскому съ остальною частью большого полка и съ полкомъ лѣвой руки двинуться черезъ Каширу къ Тулѣ, а вслѣдъ за ними двинулся и самъ съ своею дружиною. Вечеромъ того же дня, подходя къ Каширѣ, царь получилъ новое донесеніе отъ князя Темкина, что ханъ пытался овладѣть Тулою, но былъ отбитъ и быстро отступилъ. Войска были остановлены у Каширы. Между тѣмъ, Щепятевъ и Курбскій преслѣдовали и дважды разбили отступавшихъ крымцевъ подъ Тулою и на р. Шиворонѣ, послѣ чего непріятеля преслѣдовали только одни станичники.

1-го іюля вся рать была сосредоточена у Коломны, гдѣ былъ собранъ военный совѣтъ изъ бояръ и воеводъ, и выработанъ планъ предстоявшаго похода. Было рѣшено идти до Алатыря двумя колоннами: а) *царь*, съ своею дружиною и полками лѣвой руки и сторожевымъ—на Владиміръ и Муромъ и б) князья *Мстиславскій* и *Воротынскій*, съ полками большимъ, передовымъ и правой руки—на Рязань и Мещеру. Отъ Алатыря предполагалось двигаться далѣе къ Свіяжску сосредоточенными силами.

Это рѣшеніе объясняется тѣмъ, что до Алатыря русской рати приходилось двигаться паралельно фронту вѣроятнаго нападенія Заволжскихъ и Ногайскихъ татаръ, а потому было необходимо прикрыть съ этой стороны движеніе нашихъ войскъ, направляемыхъ сухимъ путемъ на Владиміръ и Муромъ и водою по рр. Окѣ и Волгѣ. Для этого и была назначена правая колонна князей Мстиславскаго и Воротынскаго, обезпечивавшая весь маршъ-маневръ къ сторонѣ праваго фланга. За Алатыремъ можно было ожидать появленія непріятеля съ сѣвера, востока и юга, а потому наилучшимъ обезпеченіемъ марша являлась сосредоточенность войскъ во время движенія.

Маршъ былъ начатъ 3-го іюля. Съ 13-го по 20-е іюля царь находился въ Муромѣ, гдѣ произвелъ смотры полкамъ и наряду, приказалъ расписать дѣтей боярскихъ на сотни и выбрать для каждой изъ нихъ голову изъ знатнѣйшихъ и искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ воиновъ, отправилъ Шагъ-Алея со стрѣльцами И. Булгакова на судахъ (по Окѣ и Волгѣ) въ Свіяжскъ, приказалъ произвести переправу черезъ Оку и выслалъ (15-го іюля), по пути слѣдованія войскъ, *ертоулъ* князей ***Ю. Шемякина*** и ***Ѳ. Троекурова***, а за нимъ «посошныхъ людей» для наводки мостовъ и исправленія дорогъ. 4-го августа обѣ колонны соединились на р. Сурѣ, близъ Борончеева городища. Во время этого марша лѣвая колонна (за исключеніемъ ертоула и сторожевого полка, собиравшихся у Мурома) прошла около 600—650 верстъ, съ среднею скоростью около 25—27 верстъ въ сутки, а правая около 550 — 600 верстъ, съ среднею скоростью около 20 — 25 верстъ въ сутки. Маршъ этотъ былъ исполненъ довольно быстро, тѣмъ болѣе что войска должны были сами прокладывать дороги и устраивать переправы черезъ рѣки. Довольствіе войскъ при этомъ не встрѣтило затрудненій, главнымъ образомъ, благодаря обилію лосей и дичи въ лѣсахъ и рыбы въ рѣкахъ, что и имѣлось въ виду при составленіи плана похода.

5-го августа рать продолжала маршъ, имѣя ертоулъ впереди передового полка, за передовымъ полкомъ—царскую дружину, затѣмъ большой полкъ и, наконецъ, сторожевой полкъ; полки же правой и лѣвой руки слѣдовали каждый съ своей стороны относительно царской дружины. 13-го августа всѣ эти войска подошли къ Свіяжску, гдѣ къ этому же времени успѣли уже сосредоточиться части войскъ, нарядъ и запасы, слѣдовавшіе на судахъ по Окѣ и Волгѣ.

20-го августа 150,000 русскихъ, при 150 орудіяхъ (не считая полковыхъ), сосредоточились у устья р. Казанки, на обоихъ ея берегахъ. Въ самой Казани находилось 33,000 воиновъ, не считая

вооружившихся жителей; сверхъ того, внѣ города, въ Арской засѣкѣ, расположился съ большимъ коннымъ отрядомъ (до 30,000 челов.) князь *Япанча*, съ цѣлью вооружить все окрестное населеніе и, путемъ безпрестанныхъ нападеній на тылъ русской рати, препятствовать веденію осады города.

23-го августа русская рать обложила Казань (на протяженіи семи верстъ, съ царскою дружиною и частью боярскихъ дѣтей въ общемъ резервѣ), а вслѣдъ затѣмъ началась осада. Противъ Япанчи былъ направленъ князь *А. Б. Горбатый-Шуйскій* съ 30,000 конницы и 15,000 пѣхоты. Япанча былъ разбитъ на голову, послѣ чего гарнизонъ могъ расчитывать только на свои собственныя силы. Позиціи обложенія были выбраны и укрѣплены весьма искусно; по приказанію царя, находившійся при войскѣ нѣмецкій инженеръ (размыслъ) велъ подкопъ подъ крѣпостную стѣну, для образованія въ ней просторной бреши на случай штурма, что и было своевременно исполнено; благодаря энергіи князя *Серебрянаго* и Алексѣя *Адашева*, минныя работы велись безостановочно и 5-го сентября взорвана часть стѣны, причемъ осажденные лишились воды.

Къ 1-му октября были закончены два главныхъ подкопа и вообще всѣ осадныя работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ была окончена и подготовка къ штурму, который былъ произведенъ 2-го октября. Для штурма былъ отданъ царемъ *приказъ*, въ силу коего на штурмъ направлялось семь колоннъ; за каждою изъ этихъ колоннъ слѣдовалъ особый частный резервъ изъ остальной части соотвѣтственнаго полка, а за двумя важнѣйшими колоннами (князя Воротынскаго и Ѳ. Петрова) общій резервъ—царская дружина (20,000 челов.). Войска должны были быть готовы къ двумъ часамъ утра и, по взрывѣ подкоповъ, двинуться на приступъ.

Искусство распорядителей и доблесть исполнителей доставили русскому оружію блестящій и полный успѣхъ. Казань была взята, а непріятель уничтоженъ. Цѣлое татарское царство обратилось въ русскую область.

Изученіе обстановки, подготовка къ походу, планъ дѣйствій, искусное обезпеченіе марша къ сторонѣ фланга, исполненіе того же марша съ замѣчательною быстротою, при умѣломъ рѣшеніи военно-хозяйственныхъ и вообще военно-административныхъ вопросовъ, искусное обложеніе непріятельской столицы, искусное веденіе осады при условіи опасности со стороны находившагося въ тылу сильнаго непріятельскаго летучаго отряда, парализованіе дѣятельности этого отряда, тщательная подготовка къ штурму и, нако-

нецъ, искусное производство штурма, при замѣчательной доблести войскъ,—все это такіе положительные образцы военнаго искусства, какіе далеко не часто встрѣчаются въ исторіи. Царь Іоаннъ, не взирая на свою молодость, умѣлъ найти опытныхъ и искусныхъ помощниковъ и совѣтниковъ, въ ряду коихъ первое мѣсто занималъ Адашевъ, умѣлъ во время выслушивать ихъ совѣты и во время повелѣвать, благодаря чему получалось необходимое единство дѣйствій. Старшіе начальники, воеводы имѣли также помощниковъ въ лицѣ своихъ товарищей, которые, въ зависимости отъ надобности, были ихъ совѣтниками, или докладчиками, или замѣстителями и во всякомъ случаѣ ихъ довѣренными лицами, т. е. какъ бы начальниками ихъ штабовъ. Относительно дѣятельности вспомогательныхъ органовъ этихъ высшихъ начальниковъ вообще не имѣется детальныхъ свѣдѣній, но судя по тому, что ходъ событій не указываетъ на какія-либо ихъ погрѣшности, можно допустить, что они находились на высотѣ своего назначенія; въ частности же связь между различными частями рати, сборъ свѣдѣній о противникѣ и передача воли главнокомандующаго войскамъ представляютъ образцы высоко поучительные въ смыслѣ положительномъ, доказывающіе, что та боевая, практическая школа, которая давала блестящіе результаты при Димитріи Донскомъ, еще существовала и могла давать такіе же результаты, конечно, при условіи умѣлаго пользованія способностями тѣхъ, кои воспитывались и подготовлялись въ этой школѣ.

6. Войны царя Іоанна Грознаго съ Ливонскимъ орденомъ, Швеціею и Польшею. Причины неудачъ. Значеніе дѣятельности царя Іоанна IV. Паралель между Россіею и Польшею.

Въ 1556 году было присоединено къ Россіи и Астраханское царство. Адашевъ и другіе совѣтники царя совѣтовали ему воспользоваться содѣйствіемъ донскихъ и днѣпровскихъ казаковъ, ногаевъ и черкесовъ и покончить съ Крымскимъ ханомъ, но Іоаннъ на это не согласился, по всему вѣроятію, по той причинѣ, что войну съ Крымомъ онъ считалъ преждевременною, такъ какъ ранѣе того слѣдовало: а) возвратить отъ польско-литовскаго государства принадлежавшія ему русскія земли (вотчины предковъ царя), и б) утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, дабы открыть Россіи удобное сообщеніе съ Западною Европою и облегчить своему государству усвоеніе результатовъ западно-европейской цивилизаціи, поскольку это являлось необходимымъ. Изъ этихъ двухъ задачъ царь

поставилъ на первый планъ вторую, вслѣдствіе чего ему и пришлось вести войну съ Швеціею и ливонскимъ орденомъ въ 1554—1563 гг. Въ этой войнѣ русскія войска одержали не мало успѣховъ, но искусства въ области политики и стратегіи было проявлено мало. Ливонскій орденъ палъ, послѣ чего прибалтійскій край, въ которомъ онъ господствовалъ, распался на части; только одна, восточная его часть была занята русскими войсками, а въ остальныхъ утвердились или готовились утвердиться шведы, датчане и поляки.

Въ 1563—1582 гг. царю приходится вести войну съ Швеціей и съ Польшей. Шведскій король высылаетъ противъ царя талантливаго полководца, Делагарди. Между тѣмъ, въ 1576 году, на польскій престолъ вступаетъ также искусный полководецъ Стефанъ Баторій, который, усовершенствовавъ въ короткое время, насколько это было возможно, военную систему своего новаго государства, одерживаетъ рядъ успѣховъ въ борьбѣ съ Іоанномъ и переноситъ войну въ предѣлы Россіи. Наличность хорошей, закаленной въ бояхъ венгерской и нѣмецкой наемной пѣхоты и хорошей артиллеріи, умѣлое сочетаніе ихъ дѣйствій съ дѣйствіями польской и литовско-русской шляхетской и иной конницы, его собственное искусство и погрѣшности противника—даютъ Баторію этотъ успѣхъ, но нисколько не доказываютъ существеннаго превосходства польской военной системы надъ русскою. Не прошло и 20 лѣтъ со времени казанскаго похода, когда послѣдняя блистательно выдержала серьезное боевое испытаніе. Въ теченіе этого промежутка времени она, конечно, разстроилась въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ московскомъ государствѣ, а между тѣмъ армія Баторія являлась гораздо болѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ вооруженныя силы казанскаго царства. Тѣмъ не менѣе, разница между ними не была настолько велика, чтобы ею только одною можно было объяснить разницу въ результатахъ обѣихъ кампаній. Въ гораздо большей степени она объясняется: а) превосходствомъ Баторія, а равно и шведскаго генерала Делагарди, какъ полководцевъ, надъ ихъ противниками, московскими воеводами, съ царемъ Іоанномъ во главѣ; б) необходимостью раздѣленія силъ московскаго государства для одновременной борьбы съ двумя серьезными противниками, что, впрочемъ, явилось слѣдствіемъ пропуска довольно продолжительнаго промежутка времени, въ теченіе коего царь могъ подавить одного изъ этихъ противниковъ, а именно польскаго короля, дабы затѣмъ уже обратиться, въ случаѣ надобности, противъ Швеціи и, наконецъ, в) невѣрною оцѣнкою относительнаго значенія силы и могу-

щества, какъ Польши и Швеціи, такъ и ливонскаго ордена, а равно и относительнаго значенія различныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, главнымъ образомъ литовско-русскаго и ливонскаго, что привело къ несоотвѣтственному выбору предметовъ дѣйствій, къ разброскѣ силъ и къ отсутствію необходимыхъ единства, послѣдовательности и цѣлесообразности веденныхъ операцій.

Конечно, овладѣніе Эстляндіею и Лифляндіею имѣло весьма важное значеніе; тѣмъ не менѣе, пытаясь въ нихъ утвердиться, надлежало быть готовымъ къ столкновенію, по крайней мѣрѣ, съ двумя серьезными противниками, которые сначала даже враждовали другъ съ другомъ, но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ успѣховъ царя, неизбѣжно должны были соединиться противъ него, послѣ чего все пріобрѣтенное могло быть весьма легко потеряно.

При такихъ условіяхъ на очередь слѣдовало, пожалуй, поставить, прежде всего, подавленіе польско-литовскаго государства и возвращеніе отъ него если не всѣхъ, то возможно большей части русскихъ земель, въ особенности же той ихъ части, которая, вмѣстѣ съ собственно литовскими областями, составляла такъ называемое «великое княжество литовское», ибо если бы послѣднее находилось во власти царя, то послѣ этого, и вся Ливонія могла бы быть скорѣе покорена и прочнѣе утверждена за Россіею, т. е. главнымъ, а еще лучше единственнымъ театромъ военныхъ дѣйствій долженъ былъ быть не ливонскій, но литовско-русскій.

Однако, если бы среди бояръ московскихъ и нашлись такіе, которые признавали бы необходимымъ приступить прежде всего къ подавленію Польши, то это не могло оказать вліянія на царя, который, съ теченіемъ времени, сдѣлался недовѣрчивымъ, подозрительнымъ и раздражительнымъ и сталъ тяготиться совѣтами своихъ приближенныхъ, не исключая и самыхъ даровитыхъ.

Чуть ли не лучшее объясненіе причинъ этой перемѣны даетъ самъ царь въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Курбскому: «Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вашего начальника, Алексѣя Адашева, отъ гноища и сравняли его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы... Потомъ, для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра... онъ началъ хорошо, и я ему для духовнаго совѣта повиновался; но потомъ онъ восхитился властію и началъ совокупляться въ дружбу подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевымъ, и начали совѣтываться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными; мало-по-малу начали они всѣхъ васъ, бояръ, въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть... Едино-

мышленника своего, князя Димитрія Курлятева, ввели къ намъ въ синклитію... втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла; не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя они отвергали, а ихъ и дурные совѣты были хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ. Во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли... все было ими опредѣлено, а я былъ какъ младенецъ...»

Окружавшіе царя потомки удѣльныхъ князей и потомки дружинниковъ его предковъ были недовольны тѣмъ, что московскіе государи перестали соблюдать древній обычай ничего не дѣлать безъ совѣта съ дружиною. Эти вельможи, отъ которыхъ царь «видѣлъ измѣны», стремились къ тому, чтобы принимать участіе въ управленіи государствомъ; примѣръ польскихъ пановъ былъ у нихъ на глазахъ, а каковы были бы послѣдствія подобнаго положенія дѣлъ, этого они не были въ состояніи понять. Еще во время своей юности царь убѣдился въ томъ, что бояре, въ рукахъ коихъ оказывается власть, заботятся не о благѣ государства, но о своихъ собственныхъ интересахъ. Теперь онъ пришелъ къ заключенію, что и людямъ, всѣмъ ему обязаннымъ и «взятымъ отъ гноища», онъ также довѣрять не можетъ, что и они способны, вмѣстѣ съ представителями стараго боярства, измѣнить, въ случаѣ его смерти, младенцу его сыну и служить его родственнику, удѣльному князю Владиміру Андреевичу, дабы ослабить верховную власть царя и ограничить ее въ свою пользу, т. е. уничтожить великое дѣло его предковъ, московскихъ государей, которое онъ намѣревался довести до конца, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что этого требуетъ благо Богомъ врученнаго ему государства и народа.

Такимъ образомъ элементы, изъ коихъ могли комплектоваться и вырабатываться соотвѣтственные требованіямъ обстановки вспомогательные органы высшаго управленія государствомъ, оказывались ненадежными, мало того, даже въ большей или меньшей мѣрѣ шедшими наперекоръ начинаніямъ верховной власти, а такъ какъ военное управленіе не было еще отдѣлено отъ гражданскаго, то подобное положеніе дѣлъ отражалось и на всей военно-административной системѣ государства, а слѣдовательно, и на составѣ, постановкѣ и подготовкѣ, какъ начальствующаго персонала, такъ и вспомогательныхъ органовъ высшихъ войсковыхъ начальниковъ. Составъ ихъ ухудшался; условія, при коихъ могла проявляться ихъ дѣятельность, становились все болѣе и болѣе неблагопріятными;

поэтому понижался и уровень ихъ подготовки, ухудшались и результаты ихъ дѣятельности.

Въ общемъ, внутренняя слабость государства, переживавшаго острый, далеко не кратковременный кризисъ, проистекавшая отсюда трудность напряженія силъ въ требуемые моменты, въ требуемыхъ обстановкою направленіяхъ, невозможность наличности необходимаго верховнаго руководства и объединенія власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтственнаго веденія операцій, невозможность правильной постановки цѣлей даже при условіи правильнаго пониманія обстановки, недостаточная подготовка начальствующаго персонала и вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія,— все это, вмѣстѣ взятое, вполнѣ объясняетъ всю совокупность неудачъ, которыя пришлось потерпѣть Россіи во время войнъ съ Польшею и Швеціею во вторую половину царствованія Царя Іоанна IV.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, вспомогательные органы высшаго командованія и вообще высшаго военнаго управленія могутъ нести на себѣ отвѣтственность лишь за нѣкоторыя частности рѣшенія этой великой задачи, да и при этомъ должно принять въ соображеніе ту подготовку, которую они получали, и тѣ условія, въ кои они было поставлены. Тѣмъ не менѣе, эти органы являлись отличнымъ показателемъ неудовлетворительности выдвинувшей ихъ военно-административной системы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей военной системы московскаго государства. Сила обстоятельствъ выясняла необходимость усовершенствованія, обновленія и даже преобразованія той и другой системы, въ связи съ усовершенствованіемъ всей административной системы того же государства вообще.

Какъ ни круты были мѣропріятія Царя Грознаго,—должно признать, что благодаря имъ, Россія была удержана отъ слѣдованія въ направленіи, указанномъ ей Польшею, и продолжала слѣдовать по пути, на который ее вывели ея собиратели, великіе князья московскіе. Ей пришлось пережить еще продолжительный періодъ внутреннихъ неустройствъ, потрясеній и переворотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашествій внѣшнихъ враговъ. Все это она пережила, возстановила свою, выработанную вѣками, прочную и устойчивую государственную организацію, собралась съ силами и снова двинулась по тому пути, на который пытался ее вывести Царь Грозный и который, ранѣе или позднѣе, долженъ былъ привести ее къ достаточно близкому и тѣсному общенію съ Западною Европою и къ усвоенію въ необходимой мѣрѣ ея цивилизаціи, что должно было

отразиться и на военной ея системѣ, въ смыслѣ ея усовершенствованія и движенія впередъ.

Съ этой точки зрѣнія, періодъ исторіи нашего отечества, отъ Іоанна Грознаго до Петра I, имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ это обыкновенно принято полагать. Какъ ни неприглядны различныя стороны быта и жизни нашихъ предковъ до-петровскаго періода, — все же должно признать, что и въ это время Россія шла не назадъ, а скорѣе (хотя и весьма медленно) впередъ и, во всякомъ случаѣ, совершала невидную подготовительную внутреннюю работу къ таковому движенію при Петрѣ I. Это становится вполнѣ яснымъ при паралельномъ изученіи этого періода исторіи не только Россіи, но и Польши, т. е. того самаго польско-литовско-русскаго государства, которое при Стефанѣ Баторіи (1574—1586) одержало верхъ надъ Россіею, при преемникѣ его Сигизмундѣ III (1587 — 1632) стремилось совершенно ее подавить и завоевать, а при сынѣ того же Сигизмунда Янѣ-Казимірѣ (1648 — 1668) едва само не подверглось раздѣлу между врагами и спаслось въ значительной степени благодаря Россіи. Уже одно это сопоставленіе указываетъ на то, что эта «Польша», съ теченіемъ времени, не усиливалась, но становилась все болѣе и болѣе слабою, какъ въ отношеніи обще-государственномъ, такъ и въ отношеніи спеціально-военномъ. Изъ вышеизложеннаго очерка видно, что иначе и быть не могло; окончательно же это разъяснится при изслѣдованіи рѣшенія разсматриваемыхъ вопросовъ въ обоихъ славянскихъ государствахъ въ слѣдующій періодъ ихъ исторіи.

7. Политическія отношенія, вліявшія на развитіе военныхъ системъ восточно-европейскихъ государствъ.

Въ XVII столѣтіи военная система польско-литовско-русскаго государства начала уже быстро разстраиваться, главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней неудовлетворительности его государственной организаціи, при которой дѣйствительной центральной власти не было, господство считалось принадлежащимъ шляхетской массѣ, состоявшей изъ 1 — 2 сотенъ тысячъ человѣкъ, а въ дѣйствительности принадлежало 1—2 сотнямъ высшихъ сановниковъ и магнатовъ, среднее сословіе едва существовало и было лишено сколько-нибудь существеннаго значенія, народныя массы угнетались привилегированнымъ сословіемъ на всемъ пространствѣ Рѣчи Поспо-

литой, а въ русской половинѣ государства подвергалось болѣе или менѣе тяжелому гнету все православно-русское населеніе страны.

Однако, это разстройство польской военной системы могло обнаружиться лишь при столкновеніи съ такимъ врагомъ, который обладалъ бы достаточно ощутительнымъ превосходствомъ. Такимъ врагомъ могла явиться прежде всего Турція, что и было понято различными польскими правительствами, которыя всѣми силами старались избѣжать войны съ нею и проявляли большую или меньшую боязливость даже по отношенію къ подвластнымъ ей татарамъ. На западѣ священная римская имперія, съ австрійскимъ домомъ во главѣ, была расчленена на множество владѣній, крупныхъ и мелкихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, католическихъ и протестантскихъ, преслѣдовавшихъ отнюдь не общіе, но свои частные интересы и ведшихъ даже между собою ожесточенную борьбу въ теченіе цѣлыхъ 30-ти лѣтъ, а потому, впредь до существеннаго преобразованія ея политическаго устройства, она опасной быть не могла. Не могло быть опаснымъ, по крайней мѣрѣ, сначала, и прилегавшее съ востока московское государство, переживавшее тяжелый періодъ внутренняго броженія и борьбы, осложненной прекращеніемъ царствовавшей династіи и потрясеніемъ смутнаго времени, а слѣдовательно само нуждавшееся въ отдыхѣ для того, чтобы оправиться и водворить у себя необходимый внутренній порядокъ.

Такимъ врагомъ явилась прежде всего Швеція, явившаяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, соперницею Польши, Россіи и Даніи въ борьбѣ за господство на Балтійскомъ морѣ; Россія, въ началѣ XVII вѣка, была оттѣснена вглубь своей территоріи и достичь балтійскаго побережья уже не могла такъ легко, какъ это было возможно при Іоаннѣ IV; Данія была также оттѣснена и была только зрительницею, но не участницею этой борьбы; Польша вела не славянскую и даже не польскую, но ультрамонтанскую политику, для проведенія которой должна была напрягать свои силы, вести войны и усмирять возстанія западно-русскихъ казаковъ въ теченіе чуть ли не 30-ти лѣтъ, а вслѣдствіе этого дошла до сильнѣйшаго политическаго и экономическаго разстройства, не говоря уже о полномъ финансовомъ изнеможеніи; въ виду этого Польша не могла состязаться съ Швеціею и была ею побѣждена. Мало того, вспыхнувшее въ 1648 году новое возстаніе западно-русскихъ казаковъ и народа малороссійскаго, которые не могли примириться съ польскимъ игомъ и гнетомъ и просили Царя Алексѣя Михаиловича принять ихъ подъ свою «высокую руку», довело Польшу въ 1654 году до

новой войны съ Россіею. Хотя Россія еще не была вполнѣ готова къ рѣшенію выпадавшей на ея долю задачи во всемъ ея объемѣ, но Царь Алексѣй Михаиловичъ счелъ своимъ священнымъ долгомъ выступить на защиту Малороссіи и въ короткое время овладѣлъ почти всею литовско-русскою половиною Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ и шведскій король Карлъ X Густавъ объявилъ Польшѣ войну и овладѣлъ почти всѣми польскими землями.

Возникъ проектъ *раздѣла* Польши. Если онъ не былъ осуществленъ тогда же, то этимъ Польша была обязана главнымъ образомъ Россіи, которая не допустила ея уничтоженія и позволила полякамъ сосредоточить ихъ силы противъ Швеціи. Затѣмъ уже, заключивъ миръ съ Швеціею, поляки обратились противъ Россіи, успѣвшей удержать за собою только земли по лѣвому берегу Днѣпра, съ Кіевомъ и Смоленскомъ, причемъ малороссійскіе казаки были раздѣлены на двѣ части, подвластныя соотвѣтственно Россіи и Польшѣ.

Эти событія и отношенія находились въ извѣстной связи съ событіями и отношеніями, происходившими и складывавшимися въ это же время въ Западной Европѣ, въ которой 30-ти-лѣтняя война привела прежде всего къ уничтоженію (не по имени, но на дѣлѣ) старой средневѣковой германской имперіи и къ образованію новой нормы въ государственныхъ отношеніяхъ. Мѣсто старой папско-императорской доктрины «священной римской имперіи нѣмецкой націи» заняло европейское равновѣсіе, основанное на полномъ безсиліи Германіи, организованной на новыхъ началахъ въ силу Вестфальскаго мирнаго трактата. При этомъ возвысились: Франція, достигшая довольно прочнаго положенія на Рейнѣ, и Швеція, получившая Померанію и укрѣпившая пріобрѣтенное ею господство на Балтійскомъ морѣ.

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, Швеція приняла на себя задачи, оказавшіяся ей не по силамъ. Роли представительницы и объединительницы Германіи она, ни въ какомъ случаѣ, сыграть не могла, а между тѣмъ ей, какъ члену германской имперіи, приходилось участвовать въ общей германской политикѣ и нести громадные расходы; сверхъ того, испытавшіе тяжесть и силу ея руки, ея же союзники, сильнѣйшіе нѣмецкіе государи не считали возможнымъ выносить ея притязанія на гегемонію. Политика Карла X Густава взволновала чуть ли не большую часть Европы. Западныя державы не могли допустить порабощенія Даніи. Разгромъ Польши выяснилъ ея внутреннюю слабость и привелъ къ возникновенію идеи ея

раздѣла. Россія все болѣе и болѣе развивалась и укрѣплялась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось ея стремленіе къ тому же Балтійскому морю.

При такихъ условіяхъ подготовлялась обширная коалиція противъ Швеціи, которая, между тѣмъ, достигла крайнихъ предѣловъ напряженія своихъ внутреннихъ силъ, что привело къ внутреннимъ неустройствамъ и недовольству. Во главѣ анти-шведской коалиціи стала Россія, быстро двинутая впередъ Петромъ I, быстро преобразовавшая и усовершенствовавшая свою военную систему и неожиданно для Европы проявившая свою гигантскую мощь. Она одолѣла грозную до того времени Швецію и отняла у нея Ингерманландію, Эстляндію и Лифляндію. Не только было «прорублено въ Европу окно», но устроены и широкія ворота, сквозь которыя стали быстро проникать и распространяться въ Россіи плоды западно-европейской цивилизаціи. Съ этихъ поръ о «равновѣсіи» собственно въ восточной Европѣ не могло быть и рѣчи. Преобладаніе перешло къ Россіи, которая теперь, въ отношеніи своего развитія, зависѣла только отъ себя самой и получила возможность брать съ Запада лишь то, что было для нея пригодно, а въ иныхъ случаяхъ могла и сама выработать образцы, достойные подражанія и поучительные для другихъ.

Этотъ быстрый ростъ Россіи находился въ тѣсной связи съ соотвѣтственнымъ ослабленіемъ тѣхъ ея сосѣдей, которые прежде ей угрожали или задерживали ея развитіе, т. е. Турціи, Польши и Швеціи. То и другое, естественно, отражалось и на военныхъ системахъ этихъ трехъ государствъ въ смыслѣ соотвѣтственнаго, болѣе или менѣе быстраго ихъ ухудшенія и разстройства.

8. Военная система польско-литовско-русскаго государства въ XVII вѣкѣ. Управленіе войсками. Значеніе западно-русскаго казачества, положеніе его въ означенномъ государствѣ и въ составѣ его вооруженныхъ силъ. Слѣдствія этого положенія.

Въ разсматриваемый періодъ, особенно въ его началѣ, польская военная система, еще такъ недавно усовершенствованная Баторіемъ, не взирая на свое неуклонное стремленіе къ упадку, обладала еще нѣкоторыми существенными достоинствами, которыя, въ связи съ недостатками военныхъ системъ сосѣдей, нерѣдко давали польско-литовско-русскимъ войскамъ блестящія побѣды надъ врагами.

Если въ 1588 году, вскорѣ послѣ смерти Баторія, польскій гетманъ *Замойскій* съ 6,000 чел. разбилъ на голову при *Бычинѣ*

(Пильшенъ) равносильный отрядъ эрцгерцога австрійскаго *Максимиліана*, провозглашеннаго польскимъ королемъ противниками Сигизмунда III (изъ дома Ваза), то гораздо болѣе блестящая побѣда была одержана въ 1605 году, въ бою при Кирхольмѣ, литовскимъ гетманомъ *Ходкевичемъ*, имѣвшимъ всего 3,600—3,700 чел. (изъ коихъ около 1,000 пѣхоты и 2,600—2,500 конницы), надъ шведскимъ королемъ Карломъ, который располагалъ, по показаніямъ польскихъ историковъ, 3,000 конницы и 11,000 пѣхоты, а по введеніи необходимыхъ поправокъ, все же чуть ли не тройнымъ превосходствомъ въ силахъ. Исторія отмѣчаетъ и другія, болѣе или менѣе блестящія побѣды войскъ Рѣчи Посполитой, которыя, однако, съ теченіемъ времени, начинаютъ чередоваться съ пораженіями.

Главнымъ родомъ войскъ является по прежнему кавалерія, во главѣ которой продолжаютъ стоять хотя и тяжело, но отлично вооруженные *гусары*, сидящіе на отличныхъ коняхъ, имѣющіе единственнымъ назначеніемъ производство рѣшительной атаки на врага, производящіе при этой атакѣ ударъ на карьерѣ и, по свидѣтельству современниковъ, «опрокидывавшіе все передъ собою». Тактическою единицею является *хоругвь*.

За гусарами слѣдовали тѣ же представители средней и легкой конницы, которые были упомянуты при изслѣдованіи предыдущаго періода и среди которыхъ преобладали польскіе и русскіе *казаки* (частью носившіе предохранительное вооруженіе, но всѣ имѣвшіе огнестрѣльное оружіе). Казаки эти исполняли всѣ вообще задачи, выпадавшія въ тѣ времена на долю конницы. Въ корпусѣ Ходкевича (подъ Кирхольмомъ, а равно и въ другихъ бояхъ), на ряду съ польскою регулярною кавалеріею встрѣчаются польско-нѣмецкіе наемные и вспомогательные нѣмецкіе же рейтарскіе и т. п. эскадроны, а на ряду съ казаками татарскія хоругви. Во время московскаго похода появилась разновидность легкой конницы — «лисовчики», названные такъ по имени своего вождя, партизана Лисовскаго.

Польская *пѣхота* въ концѣ XVI вѣка преобразовалась по венгерскому образцу. Тактическою единицею являлась *рота*, состоявшая изъ 200—800 чел., строившаяся въ 10 шеренгъ и дѣлившаяся на *сотни* и *десятки;* во главѣ роты стоялъ *ротмистръ* (иногда старшій ротмистръ), во главѣ сотенъ—поручики (иногда ротмистры), а во главѣ десятковъ—десятники. Въ 1632 году, при Владиславѣ IV, учреждается и постепенно вытѣсняетъ венгерскую пѣхоту—пѣхота «иноземнаго аутораментa» (cudzoziemskiego autoramentu), т. е. нѣ-

мецкаго типа. Чисто нѣмецкая пѣхота, въ которой всѣ солдаты были нѣмцы, существовала въ Польшѣ и ранѣе того, при Баторіи; новая же пѣхота комплектовалась вербованными польскими и русскими солдатами, но въ ней были установлены организація, управленіе, хозяйство, обученіе, строй, команды и тактическая подготовка исключительно нѣмецкихъ образцовъ; командиры и офицеры были частью нѣмцы, частью поляки. Административною единицею въ ней былъ *полкъ* (200—1,200 чел.), командованіе которымъ было сопряжено съ такими доходами, которые, по мнѣнію современниковъ, могла приносить только «хорошая деревня» (см. *Гурскій*, выше, стр. 55).

Въ качествѣ конной пѣхоты, во время войны съ шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ, появились *драгуны* (dragoni), сидѣвшіе на плохихъ лошадяхъ и (всѣ) спѣшивавшіеся для боя. Часть ихъ, состоявшая при «кварцяномъ войскѣ», комплектовалась русскими и, въ 1649 году, перешла на сторону казаковъ Хмѣльницкаго.

Артилерія, въ своемъ развитіи, слѣдовала за западно-европейскими артилеріями.

Кавалерія составляла большую часть арміи и въ численномъ отношеніи, а между тѣмъ, она именно, гордая своими побѣдами, не обнаруживала стремленія къ совершенствованію и вообще къ движенію впередъ. Отсюда—движеніе въ обратномъ направленіи. Въ регулярной кавалеріи административною единицею въ мирное время оставалась хоругвь, которою фактически командовалъ не самъ ротмистръ и даже не поручикъ, но замѣститель послѣдняго, *намѣстникъ* (namiestnik), назначавшійся изъ числа благородныхъ товарищей. Полки или вѣрнѣе подобія полковъ организовались только во время походовъ. Къ тому же эти полки соотвѣтствовали скорѣе нынѣшнимъ дивизіямъ и даже корпусамъ, чѣмъ нынѣшнимъ полкамъ. Полковниками назначались обыкновенно сенаторы и вообще высшіе сановники, которые, впрочемъ, довольствовались только почетомъ, сопряженнымъ съ ихъ чиномъ; фактически же полками управляли и командовали поручики полковничьихъ хоругвей, которые, съ теченіемъ времени, стали присваивать себѣ также и полковничій чинъ. Начальства было много, а дѣла дѣлалось мало.

Въ умѣлыхъ рукахъ, конечно, *управленіе* войсками все же доводилось до достаточной степени упорядоченности и давало возможность извлекать въ бояхъ отличные результаты изъ сочетанія дѣйствій прекрасной польской тяжелой и средней кавалеріи, неза-

мѣнимой легкой казачьей, т. е. русской конницы и стойкой польской и русской пѣхоты.

Въ упомянутомъ бою при Кирхольмѣ 1605 года, Ходкевичъ раздѣлилъ свой корпусъ на правое крыло, центръ, лѣвое крыло и резервъ (odwód—отводной отрядъ), которые и построили соотвѣтственный боевой порядокъ. Гетманъ приказалъ: а) *правому крылу*—Яна Сапѣги—дѣйствовать оборонительно и задерживать, привлекая

на себя, рейтаръ шведскаго лѣваго крыла; б) *кавалеріи центра*—Войно—атаковать пѣхоту противника съ фронта; в) *лѣвому крылу*—Домброва—атаковать сначала правое крыло шведовъ, а затѣмъ ту же пѣхоту съ лѣваго фланга и съ тыла; г) *Ляцкому* и *пѣхотѣ* ожидать приказаній. Гусары Войно, поддержанные курляндскими рейтарами, стремительно атаковали шведскую пѣхоту и хотя понесли большія потери, но, при помощи Домброва, исполнившаго въ точности приказаніе гетмана, изрубили непріятельскихъ пѣхотинцевъ до послѣдняго человѣка. Положеніе Сапѣги было очень трудно, но гетманъ поддержалъ его хоругвью Ляцкаго, который и рѣшилъ здѣсь дѣло въ пользу поляковъ. Участіе пѣхоты въ точности не выяснено. По всему вѣроятію, она поддержала съ фронта гусаръ и курляндцевъ противъ непріятельской пѣхоты.

Изъ этого краткаго обзора видно, что Ходкевичъ составилъ замѣчательный планъ наступательнаго боя, логически вытекавшій изъ тщательно изученной обстановки и въ частности отлично соображенный съ развертываніемъ противника для боя; приведеніе этого плана въ исполненіе не оставляетъ желать лучшаго; успѣхъ вполнѣ заслуженъ искусствомъ полководца и доблестью войскъ. Столь блестящіе результаты были возможны лишь при условіи тщательнаго и умѣлаго сбора свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности, искуснаго распознаванія обстановки и не менѣе искуснаго управленія войсками, какъ на полѣ сраженія, такъ и внѣ онаго.

Въ извѣстномъ бою при *Клушинѣ* 24-го іюня 1610 года гетманъ Жолкѣвскій съ 5,300 чел. разбилъ московскую рать князя

Димитрія Шуйскаго (чуть ли не около 30,000 чел., не обладавшихъ, однако, необходимою боевою подготовкою и павшихъ духомъ), соединившуюся съ вспомогательными наемными войсками шведскаго генерала Делагарди (до 8,000 чел., большая часть которыхъ, однако, во время самаго боя, вступила въ переговоры съ поляками). Польскій отрядъ былъ раздѣленъ на шесть частей, изъ коихъ полки Зборовскаго и Струся составили правое и лѣвое крылья боевой части, полки Казановскаго и Вейгера (подъ общимъ начальствомъ Дуниковскаго) частный резервъ праваго крыла (въ двухъ линіяхъ), гетманскій полкъ — частный резервъ лѣваго крыла (также въ двухъ линіяхъ), 400 казаковъ Пясковскаго стали на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—въ кустахъ, а остальныя части (въ колоннахъ) стали за центромъ всего боеваго порядка и составили общій резервъ (*propter omnes casus*, т. е. «на всѣ случаи»). Искусство гетмана Жолкѣвскаго, отсутствіе мѣръ охраненія и развѣдыванія у русскихъ, ихъ слабая боевая подготовка, отсутствіе должнаго внутренняго порядка въ московской рати, неполученіе жалованья наемниками Делагарди и его послѣдствія, а болѣе всего паденіе духа въ войскахъ Шуйскаго — все это вмѣстѣ взятое дало полякамъ побѣду. При этомъ ярко обрисовывается значеніе личности такого вождя, какъ Жолкѣвскій, который постоянно принималъ зависѣвшія отъ него мѣры къ сбору свѣдѣній о противникѣ, отлично распознавалъ обстановку, твердо держалъ въ своихъ рукахъ ввѣренныя ему войска и отлично направлялъ ихъ и управлялъ ими въ бою.

Однако, когда вся Великая Россія поднялась противъ поляковъ, то ни превосходство ихъ боевой подготовки, ни искусство нѣкоторыхъ ихъ вождей имъ не помогло и они были изгнаны изъ московскаго государства, успѣвъ оторвать отъ него лишь небольшую часть его территоріи. При такой слабо развитой военной системѣ, какъ польская, нечего было и думать о завоеваніи Великой Россіи. Мало того, не легко было удержать подъ своею властью и Малороссію, которой Польша была многимъ обязана, ибо казаки малороссійскіе участвовали во всѣхъ ея войнахъ и безъ ихъ участія поляки не одержали бы многихъ своихъ успѣховъ, если не сказать болѣе.

Въ 1620 году великій гетманъ Жолкѣвскій былъ разбитъ турками и погибъ въ бою при Цецорѣ, между рр. Прутомъ и Днѣстромъ, а въ 1621 году турецкій султанъ Османъ рѣшилъ раздавить Польшу окончательно и двинулся противъ нея съ полчищами, численность коихъ нѣкоторые польскіе писатели опредѣляютъ въ 700,000 челов., но, за вычетомъ небоевого элемента, въ ней было не болѣе 300,000 ту-

рокъ и 100,000 татаръ. Противъ Османа двинулся великій гетманъ литовскій *Ходкевичъ* съ 32,500—34,000 челов.; къ чему присоединился «гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска Запорожскаго» *Конашевичъ-Сагайдачный* съ 30,000—40,000 казаковъ; всего въ польско-литовско-русской арміи было 64,000—72,500 челов. Польско-литовская часть этой арміи дѣлилась на 11 полковъ различной численности; 1) королевича *Владислава*—7,200 пѣхоты и 2,910 кавалеріи; 2) великаго гетмана *Ходкевича*—2,750 кавалеріи и 1,050 пѣхоты; 3) исполняющаго обязанности польнаго гетмана *Любомирскаго* — 2,050 кавалеріи и 1,400 пѣхоты; 4) подкоморія *Лѣсневскаго*—1,000 кавалеріи; 5) старосты *Боратинскаго*—850 конницы; 6) каштеляна *Зеновича* — 1,150 кавалеріи и 600 пѣхоты; 7) старосты *Сапѣги*—1,400 кавалеріи и 600 пѣхоты; 8) каштеляна *Опалинскаго* — 800 кавалеріи и 400 пѣхоты; 9) каштеляна *Журавинскаго*—1,200 конницы и 400 пѣхоты; 10) старосты *Коссаковскаго*—900 конницы и 400 пѣхоты; 11) двухъ *Сенявскихъ*—1,100 конницы и 100 пѣхоты. Сверхъ того, позже подошедшія части образовали еще три группы: 1-ю изъ 950 пѣхоты и 650 конницы, 2-ю изъ 1,050 нѣмецкой пѣхоты и 3-ю изъ 400 конницы; о томъ, къ какимъ полкамъ были присоединены эти группы, точныхъ свѣдѣній нѣтъ; если эти три группы составили 12-й полкъ, то все же число болѣе или менѣе крупныхъ единицъ, подчиненныхъ непосредственно главнокомандующему, было весьма велико, что до крайности затрудняло управленіе польско-литовскими войсками. Наоборотъ, у казаковъ никакихъ затрудненій въ этомъ отношеніи не было.

Поляки и казаки окопались двумя отдѣльными станами близъ Хотина. 6-го сентября подошли турки съ татарами и атаковали оба стана, причемъ главная атака была направлена на казаковъ. Турки и татары были отбиты, а казаки преслѣдовали ихъ. Ночью (на 7-е сентября) Конашевичъ самъ перешелъ въ наступленіе, ворвался въ турецкій лагерь и овладѣлъ бы имъ, если бы Ходкевичъ не отказалъ ему въ поддержкѣ. Казаки сочли это обидою для себя; къ тому же недостатокъ продовольствія и фуража усугубилъ ихъ неудовольствіе и вызвалъ среди этихъ, понимавшихъ свою силу и свои заслуги, станичниковъ громкій ропотъ. 24-го сентября умеръ Ходкевичъ. Поляки, повидимому, свалили всю вину на него и, пользуясь авторитетомъ любимаго казаками королевича Владислава, кое-какъ ихъ успокоили.

Турки были чрезвычайно озлоблены противъ казаковъ и, при переговорахъ о мирѣ, требовали отъ поляковъ казни Конашевича и

всѣхъ старшинъ. Этого поляки не могли исполнить, даже если бы хотѣли. За то, одною изъ статей мирнаго договора, они обязались «обуздать самовольство запорожцевъ и прекратить ихъ морскіе разбои». Конашевичъ, въ виду такой несправедливости и вѣроломства поляковъ, отдѣлился отъ нихъ и ушелъ съ казаками въ Малороссію.

Одни казаки составляли не менѣе половины польско-литовско-русской арміи, а въ составѣ польско-литовской ея части находилось еще не мало русскихъ воиновъ, хотя и подчинявшихся польскимъ и нѣмецкимъ начальникамъ, но все же чувствовавшихъ, что казаки ихъ родные братья по вѣрѣ и языку. На долю русскихъ выпадала, такимъ образомъ, неблагодарная задача—работать на пользу польской Рѣчи Посполитой, польскихъ пановъ и шляхты, католическаго духовенства и даже евреевъ, а права ихъ все болѣе и болѣе уменьшались. Мало того, именно при Сигизмундѣ III началось преслѣдованіе за вѣру, жестокій гнетъ, казни и т. д. Отсюда цѣлый рядъ возстаній казаковъ, а за ними и народа малороссійскаго противъ поляковъ. При такихъ условіяхъ, успѣхи, одерживаемые поляками въ борьбѣ съ казаками, нисколько не упрочивали владычества первыхъ надъ послѣдними и только усиливали ненависть послѣднихъ къ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждали всю Малороссію къ борьбѣ за свою вѣру и народность.

Въ 1648 году казаки снова возстали противъ польскаго владычества и провозгласили гетманомъ Богдана *Хмѣльницкаго*, который призвалъ на помощь татаръ и разбилъ поляковъ въ бою при *Желтыхъ Водахъ* и въ сраженіи при *Корсуни*, причемъ въ послѣднемъ случаѣ были взяты въ плѣнъ коронные гетманы *Потоцкій* и *Калиновскій*. Въ этомъ же году умеръ король Владиславъ IV. Собравшійся сеймъ выставилъ новую армію, во главѣ которой были поставлены, въ качествѣ замѣстителей гетмановъ, *региментари* князь *Заславскій*, *Конецпольскій* и *Остророгъ*, названные въ насмѣшку: «пуховикъ, ребенокъ и латынь» (pierzyna, dziecina i łacina), что соотвѣтствовало изнѣженности перваго, юности второго и учености третьяго. Подобные начальники были назначены, будто бы съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ кроткихъ вождей прекратить кровопролитіе до избранія новаго короля.

Самая возможность назначенія подобнаго тріумвирата вмѣсто одного главнокомандующаго свидѣтельствуетъ о степени разстройства военной системы Польши, явившейся слѣдствіемъ разстройства ея государственной системы. При такомъ верхѣ арміи самые лучшіе

вспомогательные органы высшаго командованія не могли бы спасти эту армію, а между тѣмъ, и эти органы въ ней были довольно далеки отъ идеала. Послѣдствія должны были быть и были печальны: региментари, не вступая даже въ бой съ непріятелемъ, начали отступать отъ Пилявы къ Константинову и это отступленіе превратилось вскорѣ въ постыдное бѣгство.

Въ 1649 году самъ король *Янъ-Казиміръ*, съ 34,000—40,000 чел. былъ разбитъ Хмѣльницкимъ, располагавшимъ 60,000—70,000 чел. въ сраженіи подъ *Зборовымъ* 17-го іюня, но въ 1651 году, въ сраженіи при *Берестечкѣ* 27-го-30-го іюня, этотъ же король, имѣя болѣе 100,000 челов. противъ нѣсколько слабѣйшей арміи Хмѣльницкаго, къ коему присоединился крымскій ханъ съ 20,000 челов., одержалъ рѣшительную побѣду надъ казаками. Вообще военныя дѣйствія велись съ перемѣннымъ успѣхомъ. Польша была не въ силахъ бороться противъ казаковъ и соединявшихся съ ними татаръ, но и казаки, вслѣдствіе ненадежности своихъ союзниковъ, не могли собственными силами добиться независимости отъ Польши, что и побудило ихъ признать своимъ государемъ царя Алексѣя Михаиловича, а затѣмъ привело къ войнѣ между Польшею и Россіею, въ которой впервые выяснилась слабость Польши, но не могла еще обнаружиться возрастающая сила Россіи.

9. Военная система великорусскаго государства въ XVII вѣкѣ. Управленіе государствомъ и вооруженными силами. Войска русскаго и иноземнаго строя. Система чиноначалія. Начальствующій персоналъ. Вспомогательные органы высшаго управленія и командованія.

Со вступленіемъ на царскій престолъ династіи Романовыхъ, Россія должна была залечивать раны, причиненныя ей смутнымъ временемъ. Всѣ гражданскія отношенія разстроились. Экономическое положеніе народа было крайне неудовлетворительно. Множество крестьянъ оказалось не въ силахъ обработывать свои тягловые участки. Это ухудшило положеніе главной части боевой силы государства, провинціальныхъ помѣстныхъ дворянъ, которые безъ государева жалованья подняться не могли. Необходимо было изыскивать новые государственные доходы. Между тѣмъ сфера дѣятельности Россіи въ области внѣшней политики расширилась настолько, что уже при трехъ первыхъ царяхъ, съ 1613 до 1682 года, ей пришлось жить въ мирѣ съ сосѣдями только 30 лѣтъ, тогда какъ въ теченіе остальныхъ 40 лѣтъ она вела

войну, иногда даже съ нѣсколькими врагами одновременно. Слѣдствіемъ этого было еще большее, чѣмъ ранѣе, напряженіе народныхъ силъ. Естественно усложнялись и расширялись задачи, кои выпадали на долю правительства и всѣхъ органовъ управленія государствомъ, возникали новыя задачи, рѣшеніе коихъ нельзя было откладывать, а между тѣмъ средства для разрѣшенія этихъ задачъ уменьшились. Къ тому же измѣнилось и нравственное настроеніе народа, утратившаго ту политическую выносливость, которою отличались его предки въ XVI вѣкѣ. Общественная дисциплина расшаталась.

При такихъ условіяхъ необходимы были реформы во внутреннемъ порядкѣ государства, главнымъ образомъ въ смыслѣ усовершенствованія административной его системы. Прежде всего необходимо было упорядоченіе разроставшейся, съ теченіемъ времени, совокупности приказовъ московскаго государства, не исключавшее необходимости учрежденія еще новыхъ приказовъ.

По степени власти приказы были не одинаковы; одинъ приказъ могъ подчиняться другому; нѣсколько приказовъ поручалось вѣдѣнію одного и того же лица. Названіе приказа могло не соотвѣтствовать его занятіямъ. Строгаго разграниченія предметовъ вѣдомства между центральною властью и органами областного управленія не было; нерѣдко столичные приказы вмѣшивались въ сферу мѣстнаго управленія; приказныя отношенія все болѣе и болѣе перепутывались.

Приказы не были органами исключительно административными; не только приказамъ смѣшаннаго характера, но и почти чисто военнымъ была присвоена и власть судебная, а большей ихъ части присваивались еще и функціи финансоваго управленія. Совокупность этихъ приказовъ представляла неупорядоченную систему центральной администраціи, безъ точнаго разграниченія вѣдомствъ, безъ ясно опредѣленныхъ взаимныхъ отношеній между учрежденіями. При новой династіи правительство проявило централизаторскую дѣятельность и старалось придать управленію государствомъ такой характеръ и устройство, которые дѣлали бы его послушнымъ и гибкимъ орудіемъ въ рукахъ того же правительства. Съ этою цѣлью оно примѣняло два пріема: а) ставило одного начальника во главѣ нѣсколькихъ приказовъ, сходныхъ по вѣдомству, или б) подчиняло одному приказу нѣсколько другихъ. Такъ, тесть Царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Илья Милославскій управлялъ, въ теченіе 17-ти лѣтъ, пятью приказами: а) *иноземскимъ*, который вѣдалъ дѣла слу-

жилыхъ иноземцевъ и русскихъ, служившихъ въ полкахъ иноземнаго строя, б) *рейтарскимъ*, вѣдавшимъ дѣла рейтаръ (конныхъ полковъ), в) *аптекарскимъ*, коему подчинялись придворные врачи изъ иноземцевъ, г) *стрѣлецкимъ*, вѣдавшимъ дѣла стрѣлецкихъ полковъ (приказовъ), различныхъ учрежденій и самыхъ стрѣльцовъ и д) *приказомъ большія казны*, который игралъ роль какъ бы нынѣшняго департамента окладныхъ сборовъ министерства финансовъ (соотвѣтственные налоги), главнаго казначейства (отпуски денежныхъ суммъ на ратное дѣло) и отчасти главнаго артилерійскаго управленія (Тульскій заводъ, снабженіе городовъ и крѣпостей орудіями съ принадлежностью и боевыми припасами).

Этимъ путемъ было объединено управленіе приказами военными, стоявшими во главѣ выше указанныхъ частей пѣхоты и конницы, и финансовымъ, вѣдавшимъ соотвѣтственные денежные расходы на содержаніе этихъ же войскъ. Позже, къ посольскому приказу было присоединено 9 другихъ приказовъ.

Равнымъ образомъ увеличивалось и значеніе Разряда въ отношеніи высшаго военнаго управленія вслѣдствіе передачи въ его вѣдѣніе цѣлыхъ спеціальныхъ разрядовъ ратныхъ людей и сосредоточенія въ немъ всѣхъ свѣдѣній обо всѣхъ вообще войскахъ и ратныхъ людяхъ, находившихся въ вѣдѣніи иноземскаго приказа. Значеніе Разряда усиливалось еще и тѣмъ, что черезъ него приводились въ исполненіе всѣ распоряженія верховной власти, касавшіяся высшаго войскового управленія и боевой дѣятельности войскъ.

Такимъ образомъ изъ мелкихъ раздробленныхъ учрежденій складывались крупныя вѣдомства, до нѣкоторой степени соотвѣтствовавшія нынѣшнимъ министерствамъ, въ которыя прежніе приказы входили, какъ департаменты. Такое сосредоточеніе центральнаго управленія имѣло цѣлью облегчить и усилить контроль надъ управленіемъ, который затруднялся излишнимъ дробленіемъ администраціи. Этотъ контроль былъ двоякій: финансовый и административный.

Стремленіе установить такой контроль сказалось особенно ясно въ двухъ новыхъ приказахъ, возникшихъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича: а) счетныхъ дѣлъ и б) тайныхъ дѣлъ.

Приказъ счетныхъ дѣлъ «вѣдалъ и дѣлалъ дѣла всего Московскаго государства, приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ за многіе годы» и такимъ образомъ являлся высшимъ государственнымъ и контрольнымъ учрежденіемъ; этотъ же приказъ стягивалъ

къ себѣ денежныя суммы, оставшіяся отъ текущихъ расходовъ въ учрежденіяхъ, какъ центральныхъ, такъ и областныхъ.

Приказъ тайныхъ дѣлъ являлся собственною канцеляріею Государя. Подъячіе этого приказа посылались въ посольства и прикомандировывались къ воеводамъ (полковъ) для того, чтобы присматривать «за послами и воеводами и послѣ обо всемъ сказывать царю». Цѣль учрежденія этого приказа заключалась въ томъ, чтобы «царская мысль и дѣла исполнялися всѣми по его хотѣнію, а бояре и думные люди о томъ ничего не вѣдали». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приказъ тайныхъ дѣлъ касался нѣкоторыхъ предметовъ вѣдѣнія Разряда; въ такихъ случаяхъ разграниченіе ихъ сферы дѣйствій производилось по указаніямъ самого Государя.

То же самое стремленіе преобразовать администрацію въ указанномъ смыслѣ и духѣ проводилось еще съ большею настойчивостью и въ областномъ управленіи. Въ смутное время большая часть внутреннихъ городовъ подверглась опасности нашествія со стороны внѣшнихъ враговъ; въ виду этого вскорѣ воеводство стало повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Воевода велъ дѣла, судилъ и рядилъ въ «съѣзжей избѣ» или «приказной палатѣ», представлявшей какъ бы приказъ въ миніатюрѣ, но съ безусловнымъ преобладаніемъ единоличнаго начала; въ вѣдѣніи воеводы состояли дьякъ и подъячіе; всѣ они не получали жалованья за эту службу и кормились на счетъ управляемаго округа.

Рядомъ съ воеводами существовали въ уѣздахъ выборные (изъ дворянъ) «губные старосты», которые вели обще-государственныя дѣла и поддерживали полицейскій порядокъ. Губной староста дѣйствовалъ съ выборными же присяжными помощниками или «цѣловальниками» и имѣлъ при себѣ исполнительные органы въ лицѣ «сотскихъ», «пятидесятскихъ» и «десятскихъ». Сверхъ того существовало еще довольно сложное выборное земское управленіе, вѣдавшее лишь дѣла хозяйственныя.

Въ общемъ, хотя эта административная система и, составлявшая ея часть, военно-административная система московскаго государства отличались большою сложностью и громоздкостью и не могли функціонировать съ достаточною быстротою, — тѣмъ не менѣе, правительство достигало возможности держать все въ своихъ рукахъ и направлять всѣ соотвѣтственныя дѣла болѣе или менѣе согласно съ требованіями обстановки.

Если въ области администраціи, какъ общей, такъ и военной, вышеуказанныя усовершенствованія признавались необходимыми и проводились въ жизнь независимо отъ того или другого иноземнаго вліянія, то по отношенію собственно къ вооруженнымъ силамъ, дѣла складывались иначе. Здѣсь нельзя было обходиться безъ чужой помощи; помочь могли только тѣ самые «невѣрніи языцы», кои «отъ праваго пути отступиша». Иноземцы стали поступать на службу и число ихъ быстро возрастало. Кромѣ прежнихъ войскъ «русскаго строя» (не считая казаковъ и т. п.) появились (какъ и въ Польшѣ) новыя войска «иноземнаго строя», въ коихъ не только иноземцы, но и чисто русскіе люди подчинялись иноземнымъ начальникамъ и обучались строю «нѣмецкому».

Полки *иноземнаго строя* организовались по западно-европейскимъ, главнымъ образомъ нѣмецкимъ образцамъ, а потому въ нихъ устанавливалась та же система чиноначалія, та же военно-іерархическая лѣстница и то же распредѣленіе правъ и обязанностей, какъ и въ полкахъ соотвѣтственныхъ нѣмецкихъ владѣтелей. Во главѣ каждаго полка «иноземнаго строя» стоялъ *полковой полковникъ*, ближайшимъ помощникомъ и замѣстителемъ котораго былъ *полковой поручикъ* или подполковникъ. Затѣмъ слѣдовали другіе «высокіе чины», въ ряду коихъ особенно важное значеніе имѣли *полковой сторожеставецъ* (вахтмейстеръ) и *полковой становставецъ* (квартирмейстеръ). Во главѣ каждой изъ ротъ полка, кромѣ полковничьей и подполковничьей, стоялъ *капитанъ*, помощникомъ коего являлся *поручикъ;* младшимъ офицеромъ былъ *прапорщикъ*. Между тѣмъ въ войскахъ *русскаго строя* выработались вполнѣ самостоятельнымъ путемъ довольно простыя и отвѣчавшія требованіямъ обстановки: устройство войсковыхъ частей, система чиноначалія и военно-іерархическая лѣстница, которыя, впрочемъ, начали нѣсколько сближаться съ иноземными: стрѣлецкій «приказъ», сила коего была увеличена съ 500 до 1,000 чел., начали называть полкомъ, а *голову*—полковникомъ; послѣ головы былъ поставленъ его помощникъ, именуемый *полуголовою* или пятисотеннымъ; далѣе слѣдовали *сотникъ*, командиръ административной и боевой единицы, соотвѣтствующей ротѣ, и *пятидесятникъ*, помощникъ сотника. Оцѣнивая эту систему чиновъ, профессоръ А. З. *Мышлаевскій*, между прочимъ, замѣчаетъ: эти званія «были исключительно *строевыми*» и сверхъ того «каждому званію соотвѣтствовала опредѣленная строевая обязанность, вытекавшая изъ сущности организаціи войскъ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ старорусская система

офицерскихъ должностей представляетъ весьма поучительный образчикъ умѣреннаго, строго соображеннаго съ дѣйствительными потребностями, нагроможденія въ войскахъ начальственнаго элемента. Въ помѣстной конницѣ замѣчается даже нѣчто обратное: нежеланіе, по извѣстной причинѣ, соединять сотни въ единицы высшаго порядка, приводитъ къ тому, что чинъ полковника, признанный необходимымъ для стрѣльцовъ, тамъ остается не введеннымъ».

Высшее управленіе въ отрядахъ изъ разныхъ категорій и родовъ войскъ сосредоточивалось въ рукахъ *воеводъ* двухъ степеней: высшихъ начальниковъ или воеводъ «полковъ» (большого, правой и лѣвой руки, передового, сторожевого и прибылаго) и б) «товарищей» этихъ высшихъ начальниковъ. Служебное положеніе воеводы обусловливалось не столько личными заслугами, сколько мѣстническими счетами.

Въ то же время, въ видахъ объединенія управленія полками иноземнаго строя, къ 70-мъ годамъ XVII столѣтія были введены генеральскіе чины; прежде всего *генералъ-маіоры*, а затѣмъ *генералъ-поручики* и *генералы*.

Каждый «начальный человѣкъ», какъ представитель государевой власти, долженъ былъ обладать *нравственнымъ авторитетомъ* для охраненія «государевой чести» и «службы ратныхъ людей». Въ частности, онъ долженъ былъ быть способнымъ предупреждать всякую измѣну, какъ и всякій военно-служащій, «никого не грабити и не побивати», никому не чинить «насильства и убытка», ничего «безденежно не имати», заботиться о предупрежденіи побѣговъ и не отпускать никого со службы безъ государева указа.

Присягою 1651 года отъ него, какъ и отъ всякаго «чиновника», требовалось крестное цѣлованіе, что онъ будетъ «служити... Царю... и прямити и добра хотѣти во всемъ въ правду... никакого лиха ему, Государю, не мыслити... и съ недруги Его... и съ литовскими и съ нѣмецкими людьми битися... не щадя головы своей до смерти... и изъ полковъ и изъ посылокъ безъ Государева указу и безъ отпуску не съѣхать и въ полкѣхъ воеводъ не покинуть... по свойству и дружбѣ ни по комъ не покрывать, а по недружбѣ ложно не сказывать».

На сколько были высоки требованія нравственныхъ качествъ отъ «начальныхъ людей», можно судить еще лучше по тому, что вмѣнялось въ обязанность всѣмъ вообще ратнымъ людямъ: а) *уставомъ* Царя Алексѣя Михаиловича, изданнымъ въ 1647 году подъ заглавіемъ: «*ученіе и хитрость, ратнаго строенія пехотныхъ людей*», въ силу коего «ратному человѣку надобно быти зерцалу

учтивости, чести и чювству», и б) ***приказомъ*** того же Государя который былъ объявленъ, въ его присутствіи, 28-го іюня 1653 года собраннымъ на смотръ на Дѣвичьемъ полѣ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ:... «И видѣвши всеурядное тщаніе, благодаря Бога, по прежнему радуемся, и ваше тщаніе къ службѣ и службу вашу похваляемъ. Егда же благоволитъ Богъ... супротивныя воевати, и вамъ бы съ такимъ же тщаніемъ, яко же и нынѣ видимъ васъ, съ радостнымъ усердіемъ готовымъ быти, да не мимо идетъ и Насъ Христово велѣніе... больше себя любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя, и аще кто воинствуя за Святую Соборную и Апостольскую церковь и за православную вѣру... отъ Нашего Царскаго Величества великія милости сподобится... и Небеснаго Царствія и вѣчныхъ благъ сподобится».

Чтобы быть достойнымъ чести командовать такими воинами, должно было не только не заслуживать упрековъ, но и подавать должный примѣръ.

Эти нравственныя требованія не оставались въ области теоріи и благихъ пожеланій и, по мѣрѣ возможности, проводились въ жизнь: бывали случаи, когда обнаружившаяся нравственная неудовлетворительность «начальныхъ людей» приводила къ отрѣшенію ихъ отъ должностей.

Однако, условія того времени препятствовали достиженію достаточно удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ направленіи.

Служилые люди были раздѣлены на «статьи» по степени имущественнаго достатка. Начальники выбирались преимущественно изъ высшихъ статей. Большій матеріальный достатокъ давалъ избранному такимъ образомъ начальнику нѣкоторое превосходство надъ общею массою его подчиненныхъ и вообще управляемыхъ имъ людей. Впрочемъ, своими личными недостатками онъ могъ разрушить престижъ своего родового превосходства. Существовало, правда, требованіе, чтобы въ начальники назначались тѣ, «кому у какова дѣла быти пригоже», но это, а равно и другія ему подобныя требованія отходили на второй планъ при столкновеніи съ мѣстничествомъ и съ административными распорядками въ дѣлѣ назначенія на должности.

Вслѣдствіе мѣстническихъ счетовъ людей родословныхъ, а за ними и не родословныхъ, талантъ, знанія и опытъ не могли получить соотвѣтственнаго ихъ важности значенія, а вслѣдствіе утвердившейся въ государственномъ управленіи своеобразной централизаціи — назначеніе на должности вѣдалось Разрядомъ, во главѣ

котораго фактически стояли *дьяки*, т. е. лица, оторванныя отъ строевой службы, хотя и обладавшія высокимъ по тому времени общимъ образованіемъ, но по обыкновенію мало свѣдущія или даже вовсе не свѣдущія въ военномъ дѣлѣ.

Нерѣдко «думный разрядный дьякъ имѣлъ возможность оказывать давленіе на государственный распорядокъ въ росписяхъ чиновныхъ лицъ и въ служебныхъ назначеніяхъ. При злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ дьяковъ, это вліяніе доходило до рѣзкаго самовольства».

Этому произволу дьяковъ не мало способствовалъ сложный порядокъ учета службъ помѣстнаго класса, отражавшійся въ высшей степени неблагопріятно на уровнѣ военной подготовки начальствующаго персонала въ помѣстныхъ войскахъ. Къ этому присоединялись еще послѣдствія фискальной системы и общихъ правилъ, установленныхъ для отбыванія помѣстной службы, при которыхъ контроль былъ обращенъ преимущественно на финансовыя дѣла, а воеводамъ воспрещалось производить начальныхъ людей въ слѣдующіе служебные чины безъ Царскаго указа. Такъ какъ помѣстная система приводила къ выставленію ополченій на извѣстный срокъ, послѣ котораго ратные люди распускались и возвращались въ свои помѣстья, то всѣ назначенія имѣли лишь временный характеръ. Должность сотника, головы или полковника не имѣла значенія чина въ современномъ намъ смыслѣ этого слова. Это была временная обязанность, связанная съ тяготами, отъ которой начальный человѣкъ, подобно послѣднему сыну боярскому «отбывалъ» и оказывался въ «нѣтѣхъ». Отсюда — почти полное пренебреженіе строевыми должностями въ разрядныхъ записяхъ и при мѣстническихъ счетахъ. Повышенія въ этихъ должностяхъ и не включались въ систему наградъ.

Такимъ образомъ выработавшійся въ главной помѣстной части вооруженной силы московскаго государства порядокъ назначенія на должности тормозилъ нерѣдко благія начинанія правительства, медленно, но вѣрнымъ путемъ шедшаго, какъ къ усовершенствованію всей военной системы государства вообще, такъ и къ упорядоченію рѣшенія собственно этого вопроса въ частности. Въ то же время система чиноначалія, установившаяся въ войскахъ иноземнаго строя, имѣла постоянный характеръ, а при назначеніяхъ на должности въ этихъ войскахъ правительству не приходилось стѣсняться мѣстническими счетами кандидатовъ такъ, какъ въ помѣстныхъ войскахъ. Естественно, старо-русская іерархія должна была

потерпѣть крушеніе въ борьбѣ съ иноземною, принявшею, впрочемъ, чуть ли не вполнѣ русскій обликъ.

Уже въ смутное время, когда приходилось формировать отряды болѣе или менѣе спѣшно, мѣстническаго этикета не придерживались. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича практичность этой мѣры была усвоена только отчасти. Тогда же начало устанавливаться понятіе о *«разрядѣ»*, какъ объ организаціонной единицѣ высшаго порядка, въ которую прежніе «полки» (большой, прибылой и т. д.) входили въ качествѣ составныхъ частей. Во время польско-русской войны при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, въ 1660 г., въ Малороссіи дѣйствовала армія *В. Б. Шереметева*, состоявшая изъ четырехъ отрядовъ: 1) самаго *Шереметева* изъ его 300-ной конной роты, 800 дворянъ, 3,000 латниковъ, 2,000 солдатъ полковъ фонъ-Стадена и Крифорта, 1,000 драгунъ Яндера, 1,000 драгунъ Ховена и Сплича, 800 «охочеконныхъ драгунъ» и 1,000 стрѣльцовъ Левонтьевича; 2) князя *Щербатова*, изъ его 200-ной роты, 500 дворянъ, 2,000 конницы и 1,200 драгунъ; 3) князя *Козловскаго*, изъ его 200-ной конной роты, 3,100 дворянъ, 1,100 рейтаръ и 1,000 солдатъ, и 4) полковника *Цецуры*—болѣе 20,000 малороссійскихъ казаковъ. Организація этой арміи имѣла большое сходство съ организаціею польско-литовской арміи королевича Владислава и гетмана Ходкевича въ турецкомъ походѣ 1621 года. Съ теченіемъ времени, старые «полки» постепенно уступаютъ мѣсто новымъ соединеніямъ, причемъ окончательно устанавливается понятіе о «разрядѣ», какъ о корпусѣ войскъ извѣстнаго территоріальнаго раіона, имѣющемъ опредѣленную стратегическую задачу и подраздѣляющемся на нѣсколько отрядовъ. Приэтомъ сфера мѣстническихъ счетовъ съуживалась, а при формированіи отрядовъ можно было съ большимъ вниманіемъ отнестись къ стратегической части операцій.

Формы, въ которыя окончательно вылилась организація дѣйствующей арміи во второй половинѣ XVII вѣка, выясняются при разсмотрѣніи состава арміи князя *Черкасскаго* 1679 года, выставленной на южной Украйнѣ, непосредственно послѣ Чигиринскихъ походовъ (за два года до уничтоженія мѣстничества). Армію эту составляли: 1) Большой полкъ (князя Черкасскаго) изъ трехъ полковъ — князей *Черкасскаго* (4,940 помѣстной конницы, 4,187 конницы иноземнаго строя, 10,206 солдатъ и 1,020 стрѣльцовъ), *Хованскаго* (изъ 492 помѣстныхъ всадниковъ, 2,204 всадниковъ иноземныхъ и 1,846 стрѣльцовъ) и *Барятинскаго* (изъ неизвѣст-

наго числа помѣстныхъ всадниковъ и солдатъ и 1,332 всадниковъ иноземныхъ); 2) Новгородскій разрядъ (князя Хованскаго—изъ 1,252 помѣстныхъ и 3,848 иноземныхъ всадниковъ, 3,169 солдатъ и 2,500 стрѣльцовъ); 3) Казанскій разрядъ, изъ двухъ полковъ — князей *Долгорукова* (1,291 помѣстныхъ и 6,529 иноземныхъ всадниковъ и 4,335 стрѣльцовъ) и *Козловскаго* (50 помѣстныхъ и 1,703 иноземныхъ всадниковъ и 732 стрѣльцовъ); 4) Рязанскій разрядъ (Шереметева), изъ двухъ полковъ—*Шереметева* (1,639 помѣстныхъ и 5,043 иноземныхъ всадниковъ, 2,271 солдатъ и 4,009 стрѣльцовъ) и *Хитрово* (изъ 91 помѣстныхъ и 5,046 иноземныхъ всадниковъ и неизвѣстнаго числа стрѣльцовъ); 5) Бѣлгородскій разрядъ, изъ двухъ полковъ—*Милославскаго* (изъ 854 помѣстныхъ и 9,692 иноземныхъ всадниковъ, 6,052 солдатъ и 754 стрѣльцовъ) и *Косагова* (изъ 93 помѣстныхъ и 1,982 иноземныхъ всадниковъ, 666 солдатъ и 9,069 казаковъ), и 6) два отдѣльныхъ отряда—князя *Барятинскаго* (на чертѣ—изъ 218 помѣстныхъ и 168 иноземныхъ всадниковъ, 1,126 солдатъ и 1,524 стрѣльцовъ) и *Апухтина* (на Валуйкѣ—изъ 1,172 всадниковъ иноземнаго строя и 3,544 казаковъ); всего же въ этой арміи было около 110,000 человѣкъ.

Армія эта, за выдѣленіемъ отдѣльныхъ отрядовъ, имѣвшихъ особыя задачи, состояла изъ четырехъ «разрядовъ» или корпусовъ, формируемыхъ въ извѣстномъ территоріальномъ районѣ, и соотвѣтствующаго тому же понятію «большого полка», отличавшагося, однако, отъ разрядовъ тѣмъ, что онъ находился подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго воеводы и былъ составленъ изъ войскъ, собранныхъ со всей территоріи государства, и московскаго гарнизона. Эти корпуса (кромѣ одного) дѣлились на «полки» въ прежнемъ, широкомъ смыслѣ, именовавшіеся по именамъ своихъ воеводъ, представлявшіе соединенія нѣсколькихъ родовъ и категорій войскъ и соотвѣтствующіе позднѣйшимъ дивизіямъ. Каждый изъ этихъ «полковъ» имѣлъ въ своемъ составѣ нѣсколько *полковъ* въ тѣсномъ, современномъ намъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ отдѣльныхъ частей, или соотвѣтствовавшихъ имъ стрѣлецкихъ *приказовъ*; внѣ этой полковой организаціи могла стоять только помѣстная конница, подчинявшаяся непосредственно воеводѣ.

Сила соединеній выше полка была не одинакова и опредѣлялась въ зависимости отъ военныхъ соображеній, отъ удобствъ сосредоточенія и, по всему вѣроятію, отъ мѣстническихъ счетовъ между воеводами. Организація этой арміи, по своей стройности и сравни-

тельной законченности, была, конечно, выше и предыдущихъ русскихъ, и современныхъ польскихъ образцовъ; она даетъ намъ понятіе о громадной работѣ, которую долженъ былъ выполнить и, въ данномъ случаѣ, выполнилъ съ успѣхомъ Разрядный приказъ; тѣмъ не менѣе въ ней должно отмѣтить существенныя несовершенства, которыя должны были вредно отражаться на боевомъ употребленіи войскъ, а именно: а) невозможность выдвинуть въ составъ верха арміи генераловъ, которые превосходили воеводъ въ отношеніи военной подготовки, и б) двойственность устройства низшихъ соединеній (помѣстной конницы со стрѣльцами и полковъ иноземнаго строя); послѣдняя не только затрудняла служебныя перемѣщенія начальныхъ людей изъ одной групы войскъ въ другую, но, что гораздо хуже, создавала внутреннее противорѣчіе, въ силу коего являлись двѣ организаціи, двѣ тактики, двѣ системы обученія и два разныхъ способа боевого употребленія частей арміи.

Въ видахъ устраненія этой двойственности, правительство постаралось, прежде всего, сгладить разницу между полками иноземнаго строя и стрѣлецкими: указомъ 25-го марта 1680 года Царь Θеодоръ Алексѣевичъ «велѣлъ быть изъ головъ въ полковникахъ, изъ полуголовъ въ подполковникахъ, изъ сотниковъ въ капитанахъ», а служить имъ «противъ иноземскаго чину, какъ служатъ у гусарскихъ и у рейтарскихъ, и у пѣшихъ полковъ»... Позже, въ 1682 г., Царь указалъ боярину князю В. В. Голицыну съ выборными чинами отъ помѣстныхъ войскъ и отъ полковъ иноземнаго строя, въ виду замѣченныхъ, въ послѣднія войны, «нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей», разсмотрѣть частный вопросъ, «въ какомъ ратномъ устроеніи быти стольникомъ и стряпчимъ, и дворяномъ, и жильцомъ». Отвѣтъ послѣдовалъ въ томъ смыслѣ, что и на нихъ слѣдуетъ распространить иноземческую ротную организацію съ ротмистрами и поручиками. Пришлось приступить тотчасъ же къ замѣщенію должностей, причемъ натолкнулись на тормозившее всѣ благія начинанія мѣстничество. Оставался одинъ исходъ — уничтожить это препятствіе къ существенному усовершенствованію военной системы государства, что и было сдѣлано безотлагательно. Съ проведеніемъ этой реформы, окончательно восторжествовала иноземная іерархія; вмѣстѣ съ тѣмъ, организація войскъ достигла необходимаго единства, а правительство получило полную свободу дѣйствій при замѣщеніи высшихъ должностей. Правда, на первыхъ порахъ оно пользовалось достигнутымъ успѣхомъ весьма осторожно и все еще отдавало предпочтеніе воеводѣ передъ генераломъ, но

уже не считалось съ родословною воеводъ и, такимъ образомъ, подготовило умы современниковъ къ преобразованiямъ Петра Великаго, которому не приходилось уже считаться ни съ аристократическимъ составомъ высшаго начальствующаго персонала, ни съ устарѣвшими воззрѣнiями въ отношенiи офицерскаго вопроса вообще.

Военная система московскаго государства, сложившаяся къ концу среднихъ вѣковъ, просуществовала до конца XVII вѣка. Къ этому времени недостатки этой системы давали себя чувствовать настолько сильно, что мысль о необходимости реформъ начала получать преобладанiе въ сознанiи московскаго общества; правительство же шло впереди послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, положенiе правительства было весьма трудно вслѣдствiе отсутствiя соотвѣтственныхъ вспомогательныхъ органовъ управленiя, какъ государствомъ, такъ и его вооруженными силами, т. е. такихъ, которые могли бы быть признаны находящимися на высотѣ своего назначенiя.

Изъ числа вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленiя и командованiя *окольничiе* давно уже прiобрѣли характеръ государственно-придворныхъ чиновъ 2-го класса, слѣдовавшихъ непосредственно послѣ бояръ; они назначались на должности товарищей къ воеводамъ или на должности самостоятельныхъ начальниковъ меньшихъ отрядовъ, а о своихъ прежнихъ обязанностяхъ позабыли. Въ сферѣ полевой службы никто ихъ преемственно не смѣнилъ; войсковые начальники должны были сами заботиться о томъ, чтобы таковые органы были у нихъ подъ рукою, для чего имъ приходилось выбирать соотвѣтственныхъ людей изъ состава младшихъ начальниковъ, или лучшихъ помѣстныхъ воиновъ. Воеводамъ и ихъ товарищамъ придавались всегда *дьяки* «для Государевыхъ полковыхъ и всякихъ разправныхъ дѣлъ»; они завѣдывали письменною частью армiи, смотрѣли за цѣлостью Государевой казны, вели счеты и раздавали жалованье ратнымъ людямъ не нѣмецкаго строя; они же, вмѣстѣ съ воеводами, отдавали письменные приказы, которые разсылались за подписью воеводъ и «за дьячьею приписью»; за таковою же приписью велись всѣ дѣла по управленiю войсками во время похода; наконецъ, они же иногда командовали частями армiи или отрядами.

Такимъ образомъ, единственный наличный, имѣвшiй прочную и сильно развитую организацiю, вспомогательный органъ высшаго военнаго управленiя представляли дьяки, т. е. органъ этотъ полу-

чилъ характеръ бюрократическій, что вполнѣ гармонировало съ господствовавшей во всемъ управленіи централизаціею.

Неудовлетворительный начальствующій персоналъ, при помощи неудовлетворительныхъ вспомогательныхъ органовъ высшаго управленія и командованія, не могъ вести армію къ побѣдамъ, если только приходилось имѣть дѣло съ серьезнымъ и искуснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что и устройство самой вооруженной силы отживало свой вѣкъ и нуждалось въ обновленіи. Этимъ и объясняются неудачи нашихъ ратей въ разсматриваемый періодъ, напримѣръ катастрофа, постигшая армію В. Б. Шереметева въ польскомъ походѣ 1660 года и т. д.

Первый шагъ впередъ въ данномъ отношеніи былъ сдѣланъ въ тѣхъ же полкахъ иноземнаго строя, которые выработали принятую во всей арміи систему чиноначалія и въ которыхъ весьма видную роль играли принадлежавшіе къ разряду «высокихъ» чиновъ полковые «сторожеставцы» и «станоставцы».

Полковой сторожеставецъ (превратившійся впослѣдствіи въ маіора) являлся если не начальникомъ штаба, то старшимъ офицеромъ штаба командира полка и вѣдалъ походныя движенія, расположеніе на отдыхъ съ внѣшнимъ охраненіемъ и съ мѣрами для поддержанія внутренняго порядка и безопасности, и развѣдываніе; въ отношеніи развертыванія для боя и веденія боя онъ исполнялъ приказанія полковника и его перваго замѣстителя, подполковника; самъ же являлся вторымъ его замѣстителемъ.

Полковой станоставецъ (превратившійся позже въ квартирмейстера) являлся младшимъ офицеромъ полкового штаба, вѣдалъ спеціально расположеніе на отдыхъ во всѣхъ его деталяхъ, а во всемъ остальномъ былъ помощникомъ сторожеставца, котораго долженъ былъ быть всегда готовъ смѣнить или замѣстить.

Въ составъ полкового штаба входили еще полковые: *судья* (съ судными секретаремъ, веӧеломъ и 10 цѣловальниками), *профосъ* (съ его поручикомъ и палачемъ), *урядникъ* надъ женками, *попъ*, *секретарь* надъ запасами и *обозникъ*. Ротное управленіе получило также соотвѣтственное развитіе: кромѣ капитана, поручика и прапорщика имѣлись еще должностныя лица изъ нижнихъ чиновъ: сержанты, урядникъ надъ оружіемъ, корпоралы съ подкорпоралами и *ротные станоставцы* («фуриры»); послѣдніе исполняли соотвѣтственныя приказанія полкового станоставца.

Такимъ образомъ, полковое и даже ротное управленіе въ полкахъ иноземнаго строя получило полное развитіе и могло бы явиться

основою для развитія соотвѣтственной системы управленія въ высшихъ соединеніяхъ и во всей арміи. То же самое можно сказать и о вспомогательныхъ органахъ полковыхъ командировъ, постановка коихъ была вполнѣ цѣлесообразна; повидимому, и подготовка ихъ была достаточна. Но въ высшихъ соединеніяхъ таковыхъ органовъ не было; о восполненіи же ими этого недостатка не могло быть и рѣчи.

Въ общемъ, совокупность вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія и командованія въ московскомъ государствѣ представляла не то три, не то два развѣтвленія, не имѣвшія почти ничего общаго между собою; изъ нихъ одно (товарищи воеводъ) уже почти вполнѣ потеряло характеръ вспомогательнаго органа, другое (дьяки) было насквозь пропитано бюрократическимъ духомъ, а третье (сторожеставцы и станоставцы) хотя и было поставлено близко къ войскамъ и стояло на вѣрномъ пути, но получило лишь довольно узкую сферу дѣятельности и вообще было принижено. Эта неудовлетворительность постановки, подготовки и дѣятельности подобной совокупности вспомогательныхъ органовъ высшаго управленія и командованія являлась показателемъ неудовлетворительности всей военной системы государства и неотложности ея преобразованія и обновленія.

10. Военная система польско-литовско-русскаго государства въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Разстройство этой системы. Вспомогательные органы высшаго командованія.

При королѣ Янѣ-Казимірѣ (1648—1668 гг.), современникѣ царя Алексѣя Михаиловича, Польша спаслась отъ гибели лишь благодаря стеченію въ высшей степени благопріятныхъ обстоятельствъ. При преемникѣ его Михаилѣ Вишневецкомъ († 1673), она заключила въ Бучачѣ постыдный миръ съ Турціею, уступивъ ей крѣпость Каменецъ и Подолію, а признавшимъ власть султана казакамъ правобережную Украйну, съ обязательствомъ уплачивать еще ежегодную дань въ 22,000 червонцевъ. Великій гетманъ *Собѣскій* отчасти смылъ этотъ позоръ, разбивъ турокъ въ сраженіи при Хотинѣ 11-го ноября 1673 года; вскорѣ послѣ того, по смерти короля Михаила, онъ былъ избранъ въ короли подъ именемъ *Яна III* (1674—1694). Отъ этого храбраго воина и замѣчательнаго полководца поляки ожидали возстановленія прежней силы и славы ихъ отечества. Славу онъ, пожалуй, и возстановилъ (насколько было возможно),

особенно въ походѣ 1683 года подъ Вѣною, когда онъ, располагая лишь 16,000 своихъ и 54,000 челов. нѣмецкихъ войскъ, а всего 70,000 челов., разбилъ на голову чуть ли не 300,000 турокъ (не считая татаръ) великаго визиря Кара Мустафы и спасъ отъ разгрома Вѣну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Германію. Но онъ не находилъ поддержки въ шляхетскомъ «народѣ» и не могъ добиться ни усиленія арміи въ численномъ отношеніи, ни улучшенія ея организаціи, ни обезпеченія ея всѣмъ необходимымъ.

«Побѣда подъ Вѣною, по опредѣленію К. Гурскаго, представляетъ послѣднее блестящее дѣяніе польской кавалеріи». Съ этого времени духъ ея ослабѣваетъ и сама она стремится къ упадку. Стараясь выяснить главную причину этого явленія, названный изслѣдователь подчеркиваетъ, прежде всего, то, что «польская земля, произведя цѣлый рядъ талантливыхъ гетмановъ, какъ бы выбилась изъ силъ и лишилась положительной производительности», причемъ, послѣ Собѣскаго, за исключеніемъ Яблоновскаго и Любомирскаго, гетманами были люди слабые, ни къ чему не способные и вообще, не находившіеся на высотѣ своего призванія. Затѣмъ, что всего хуже, уже «не львиное, но заячье сердце билось въ груди товарища, стоявшаго въ первой шеренгѣ польской хоругви, гдѣ господствовалъ изжившійся шляхетскій элементъ, который подвергся еще деморализаціи на службѣ у магнатовъ и, громко говоря о «рѣчи посполитой», въ дѣйствительности руководился только своими собственными интересами (полученіемъ староствъ, должностей и т. д.). Такимъ образомъ, главная причина упадка польской кавалеріи коренилась въ печальномъ нравственномъ состояніи польскаго шляхетскаго общества, комплектовавшаго эту кавалерію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, являвшагося правящимъ классомъ во всемъ государствѣ. Улучшеніе было невозможно безъ измѣненія всего строя Рѣчи Посполитой; мало того, порча и разложеніе проникали все болѣе и болѣе глубоко.

Подобное состояніе главной части вооруженной силы Польши давало тонъ всей этой силѣ, которая, къ тому же, съ теченіемъ времени не только не увеличивалась численно, но даже была ограничена неизмѣнными, весьма тѣсными предѣлами, между тѣмъ какъ арміи сосѣдей постоянно возростали. Во время польско-саксонской междоусобной войны при Августѣ II, въ 1716 году, одна только кавалерія была доведена до 22,000 — 23,000 коней, а вся армія до 36,000 чел.; но затѣмъ, «нѣмой» сеймъ 1717 года постановилъ содержать 6,000 кавалеріи и около 5,000 пѣхоты, а всего около

11,000 челов. Такимъ образомъ, «безопасность, неприкосновенность и честь обширной Рѣчи Посполитой опиралась всего лишь на 4,088 штыковъ»; сеймъ не измѣнилъ прежней соразмѣрности между родами войскъ, что объясняется его «предразсудками и неумѣстнымъ пристрастіемъ» къ «отжившей свое время и истлѣвшей» конницѣ, являвшейся лишь «мертвою тѣнью прежней богатырской польской кавалеріи». При этомъ сеймъ этотъ не далъ необходимыхъ средствъ на устройство полковъ и даже не была обезпечена исправная выдача жалованья, а артилерія «была совершенно позабыта».

Главная часть арміи, конница «польскаго ауторамента» была разбросана по всей территоріи государства; отдѣльныя ея хоругви были предоставлены самимъ себѣ и оставлены безъ надзора и безъ контроля, не имѣя надъ собою никакой дѣйствительной власти, за исключеніемъ «номинальныхъ полковниковъ» и «слабыхъ (ни на что неспособныхъ) гетмановъ». До тѣхъ поръ, пока еще Польшѣ приходилось вести войны, ротмистры этихъ хоругвей все же сколько нибудь имѣли въ виду пользу службы и избирали въ поручики, т. е. къ себѣ въ замѣстители, воиновъ, болѣе или менѣе достойныхъ этого названія. Но «когда насталъ постоянный миръ, знаніе службы для поручика сдѣлалось излишнимъ» и, какъ видно изъ «*Регламента польскаго ауторамента*», поручиками могли быть: подстаросты, судьи, подсудки, писаря и иные земскіе чиновники и служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ, лишь бы только они принадлежали къ шляхетскому сословію. Такіе поручики исполняли свои обязанности не при хоругвяхъ, но въ трибуналахъ и т. п. присутственныхъ мѣстахъ. Какъ и прежде, замѣстителемъ поручика на службѣ въ хоругви былъ намѣстникъ, но прежде его назначалъ, на время своего отсутствія, поручикъ, а теперь его начало выбирать общество товарищей. Этотъ выборный намѣстникъ являлся лишь представителемъ и слугою общества товарищей и дѣйствительной власти надъ ними не имѣлъ. Мало того, богатые товарищи упрочили за собою право выставлять, вмѣсто себя, въ качествѣ замѣстителей, слугъ шляхетскаго происхожденія, имѣвшихъ право занимать ихъ мѣста въ первой шеренгѣ, независимо отъ слугъ, составлявшихъ вторую шеренгу. Бѣднѣйшіе оставляли только одного слугу во второй шеренгѣ, а нѣкоторые и это считали излишнимъ. Слѣдствіемъ этого явилась «полнѣйшая анархія» въ конныхъ хоругвяхъ польскаго ауторамента вообще; значеніе же всей совокупности этихъ хоругвей, какъ сколько-нибудь серьезной силы, было весьма не велико.

Августъ II (1697—1733), любившій военное дѣло, привлекалъ польскія войска къ совмѣстнымъ упражненіямъ съ своими саксонцами, но собственно польская кавалерія участія въ нихъ обыкновенно не принимала. Такъ, въ 1732 году, были произведены подобныя занятія въ лагерѣ подъ Варшавою, въ которыхъ участвовали одинъ саксонскій баталіонъ и три саксонскихъ же кавалерійскихъ полка, а вмѣстѣ съ ними и три баталіона и одинъ драгунскій полкъ польской гвардіи съ артилеріею.

Польскіе драгуны иностраннаго аутрамента и пѣхота стояли выше кавалеріи польскаго аутрамента, имѣли и полковую организацію, имѣли надъ собою и нѣкоторую, болѣе дѣйствительную власть, но и у нихъ были тѣ же недостатки, только въ меньшей степени.

Въ общемъ вооруженная сила Рѣчи Посполитой была слаба и числомъ, и качествомъ, не въ смыслѣ матеріала (который, пожалуй, былъ даже и тогда лучше, чѣмъ въ Западной Европѣ), но въ смыслѣ устройства, дисциплины, боевой подготовки и надежности, какъ орудія въ рукахъ верховной власти для достиженія тѣхъ или другихъ государственныхъ цѣлей. Управленія войсками въ истинномъ смыслѣ не было и быть не могло, разъ не было и управленія государствомъ, достойнаго этого названія.

При такихъ условіяхъ и тѣ вспомогательные органы военнаго управленія и командованія, которые существовали въ предшествующіе періоды, теперь достигли совершеннаго разстройства и существовали только по имени, а новые, возникавшіе въ войскахъ иностраннаго аутрамента по иноземнымъ же образцамъ, еще не выходили изъ состоянія почти безформеннаго зачатка.

11. Преобразованіе военной системы Россіи при Петрѣ Великомъ. Управленіе государственными и военными дѣлами. Центральное и мѣстное управленіе. Вооруженная сила. Управленіе войсками. Генералитетъ. Квартирмейстерская часть и генеральскіе адъютанты. Разъединенность вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія и командованія.

Недостатки военной системы московскаго государства, въ связи съ недостатками всей его государственной системы, сознавались, какъ правительствомъ, такъ и передовыми русскими людьми, еще при предшественникахъ Петра I и притомъ настолько, что одинъ изъ компетентныхъ нашихъ историковъ, професоръ *Ключевскій*

считаетъ даже умѣстнымъ «дивиться обилію преобразовательныхъ идей, какія накопились въ московскихъ умахъ того мятежнаго времени». По его же мнѣнію, «эти новыя мысли развивались безъ общаго плана, безъ взаимной связи и составляютъ цѣлую, довольно разработанную програму», главные пункты которой суть: 1) миръ и даже союзъ съ Польшею; 2) борьба съ Швеціею за восточный берегъ Балтійскаго моря; 3) надлежащее устройство вооруженной силы, и 4) соотвѣтственныя потребностямъ времени реформы въ области финансовъ, торговли, промышленности и т. д. Такимъ образомъ была подготовлена почва и выработана преобразовательная програма, которую предшественники Петра Великаго начали даже приводить въ исполненіе и которую продолжалъ проводить въ жизнь и Петръ, съ тою, однако, разницею, что продолжительная война, которую ему пришлось вести, сообщила его преобразованіямъ въ высшей степени ускоренный ходъ.

При этой преобразовательной дѣятельности основными задачами являлись: 1) надлежащее устройство вооруженной силы и 2) изысканіе средствъ, необходимыхъ для ея содержанія. Исходнымъ пунктомъ преобразовательной дѣятельности Царя были военныя реформы, конечною ея цѣлью являлось устройство государственнаго хозяйства, самыя же реформы развивались въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ вызывала война, и производились одновременно по всѣмъ отраслямъ государственной и народной жизни.

Старая московская администрація, имѣвшая смѣшанный сословно-административный характеръ, не была годна для такой спѣшной и усиленной работы. Петръ произвелъ техническую перемѣну въ этой администраціи, уничтожилъ ея двойственный характеръ, раздѣлилъ ея начала и каждому указалъ особое мѣсто; при этомъ устройство вооруженной силы и финансовыхъ средствъ государства было имъ возложено на центральное управленіе, которое получило чисто бюрократическій характеръ; въ то же время развитіе и устройство народнаго хозяйства, какъ источника финансовыхъ средствъ государства, было возложено на областное управленіе, подчиненное общему надзору центральныхъ учрежденій.

Прежняя боярская дума привыкла дѣйствовать вмѣстѣ съ Государемъ и не была отвѣтственна за свои дѣйствія даже тогда, когда дѣйствовала безъ Государя. Въ первую половину царствованія Петра Великаго высшее управленіе, въ отсутствіе Царя, возлагалось на *министровъ*, которые съѣзжались въ «ближнюю канцелярію» на «конзилію», т. е. на общій совѣтъ. Но этого было недо-

статочно. Государь, находясь почти всегда внѣ столицы, взялъ въ свои руки веденіе текущихъ дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ; для руководства же текущими внутренними дѣлами ему пришлось создать передъ турецкимъ походомъ 1711 года, вмѣсто упраздненной боярской думы, новое высшее правительственное учрежденіе, на которое была возложена строгая отвѣтственность передъ верховною властью Царя. Такимъ учрежденіемъ и явился «правительствующій сенатъ», получившій весьма обширныя полномочія: въ отсутствіи Государя онъ его замѣнялъ; всѣ учрежденія и лица были обязаны повиноваться сенату, какъ самому Государю. Къ предметамъ его вѣдѣнія были отнесены: высшій контроль и руководство управленіемъ и судомъ, надзоръ за судопроизводствомъ, наблюденіе за государственными доходами и расходами, общій надзоръ за ходомъ народнаго хозяйства, промышленности и торговли и наблюденіе за исправностью отбыванія дворянами воинской повинности. Первоначально сенатъ былъ составленъ изъ девяти человѣкъ, административныхъ, судебныхъ и военныхъ дѣльцовъ; въ числѣ послѣднихъ находились одинъ военный казначей и одинъ генералъ-квартирмейстеръ, что объясняется необходимостью имѣть въ составѣ сената свѣдущихъ людей по двумъ соотвѣтственнымъ спеціальностямъ.

Съ учрежденіемъ сената окончательно потерялъ всякое значеніе *разрядный* приказъ, который былъ упраздненъ въ 1711 году и замѣненъ вошедшимъ въ составъ сената *разряднымъ столомъ*.

Подъ руководствомъ сената дѣйствовали учрежденія двухъ родовъ: а) колегіи, и б) областныя учрежденія. Царь, продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, стягивавшихъ московскіе приказы въ обширныя вѣдомства, замѣнилъ ихъ *колегіями*, устроенными по образцу тѣхъ, кои существовали тогда въ Швеціи и въ Германіи. Общій планъ ихъ устройства былъ готовъ къ 1718 году. Въ первое время ихъ было образовано девять: 1) чужестранныхъ дѣлъ; 2) юстицъ-колегія; 3) и 4) военная и адмиралтейская, 5), 6) и 7) три финансовыхъ (каммеръ, штатсъ-контроль и ревизіонъ) колегіи, и 8) и 9) двѣ промышленныхъ (коммерцъ и мануфактуръ, и бергъ) колегіи. Къ концу царствованія Петра I ихъ было десять, но на военныхъ колегіяхъ эта перемѣна ни въ чемъ не отразилась.

Присутствіе каждой колегіи состояло обыкновенно изъ президента, одного или двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ асесоровъ; во главѣ канцеляріи стояли два секретаря. Въ каждую колегію назначался изъ иностранцевъ одинъ совѣтникъ

или одинъ асесоръ; президентъ долженъ былъ быть русскій, а одинъ изъ вице-президентовъ—знающій дѣло иностранецъ. Президенты колегій были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами сената. Колегіи, подчиняясь сенату, обращались къ нему съ дѣлами, превышавшими ихъ компетенцію, или же съ дѣлами по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ. Тогда какъ прежніе приказы завѣдывали преимущественно или исключительно дѣлами извѣстной части государства,—колегіи не имѣли такого територіальнаго характера; дѣла были распредѣлены между ними по существу. Велись эти дѣла въ нихъ также нѣсколько иначе, чѣмъ въ приказахъ: они обсуждались всѣми членами и рѣшались большинствомъ голосовъ; отвѣтственность падала на все присутствіе. Такимъ образомъ въ колегіяхъ восторжествовало вполнѣ начало колегіальное, которое въ приказахъ не было, ни послѣдовательно проведено, ни точно выражено, и проявлялось спорадически.

Собственно въ отношеніи военнаго управленія замѣчается чуть ли не большее стремленіе къ объединенію и упорядоченію, чѣмъ въ отношеніи другихъ отраслей управленія. Уже въ 1700 году были учреждены *приказъ при генералъ-комисарѣ* и *провіантскій* приказъ, а въ 1701 году изъ приказовъ рейтарскаго и иноземскаго возникъ *приказъ военныхъ дѣлъ*, вѣдавшій всѣ дѣла кромѣ снабженія войскъ предметами комисаріатскаго, провіантскаго, артилерійскаго и инженернаго довольствія; когда же генералъ-комисаръ князь Я. Ф. Долгоруковъ былъ поставленъ во главѣ приказа военныхъ дѣлъ, то большая часть военнаго управленія сосредоточилась въ его рукахъ; но, послѣ учрежденія сената, приказъ военныхъ дѣлъ былъ переименованъ въ *военную канцелярію*, значеніе которой было уменьшено въ пользу *комисаріата*; во главѣ послѣдняго стоялъ «генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-комисаръ», подчинявшійся самому Государю. Отъ комисаріата была независима *артилерійская канцелярія*, вѣдавшая части артилерійскую и инженерную. Эти два учрежденія и составляли въ это время все центральное военное управленіе.

Въ концѣ 1717 года послѣдовалъ указъ о подготовкѣ устройства колегій. Первымъ президентомъ военной колегіи былъ назначенъ ингерманландскій генералъ-губернаторъ генералъ-фельдмаршалъ князь *Меншиковъ*, а вторымъ президентомъ генералъ *Вейде*, оба люди «новые». Въ вѣдѣніи военной колегіи находились: «армія и гарнизоны и всѣ воинскія дѣла, которыя были вѣдомы въ военномъ приказѣ и которыя получаются во всемъ государствѣ, а так-

же казаки донскіе, яицкіе и гребенскіе». Военная колегія открыла свои дѣйствія съ начала 1720 года. Съ подчиненіемъ ей комисаріата если и было достигнуто объединеніе военнаго управленія, то все же неполное, ибо какъ комисаріатъ, такъ и артилерійская канцелярія распоряжались своими суммами безконтрольно.

Одновременное существованіе сената и колегій представляло нѣкоторыя затрудненія, вредно отражавшіяся на всей административной системѣ государства, причемъ сенатъ не могъ точно установить своего положенія между верховною властью и колегіями.

Въ январѣ 1722 года составъ сената былъ коренным образомъ измѣненъ: президенты колегій были изъ него выключены, но право принимать участіе въ его засѣданіяхъ было оставлено за президентами «первыхъ трехъ государственныхъ колегій», въ томъ числѣ военной, въ слѣдующихъ случаяхъ: «1) когда какія нужны вѣдомости; 2) когда надлежитъ въ государствѣ публиковать новый указъ; 3) когда судъ генеральный; 4) или какое новое дѣло рѣшенія требующее, и 5) когда въ сенатѣ присутствуетъ Государь». Такимъ образомъ военная колегія на первыхъ же порахъ заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду высшихъ государственныхъ установленій, но вскорѣ дали себя чувствовать и ея недостатки, какъ, напримѣръ, малочисленность штата канцеляріи, выполнявшей и часть работы нынѣшнихъ вспомогательныхъ органовъ военнаго управленія и т. п., а въ особенности неполнота проведеннаго объединенія того же управленія.

Въ связи съ вышеизложеннымъ преобразованіемъ центральнаго управленія находилось соотвѣтственное преобразованіе и развитіе мѣстнаго управленія. Все государство было раздѣлено на военно-финансовые округа или *губерніи*, во главѣ коихъ стояли губернаторы или генералъ-губернаторы; губерніи же дѣлились на провинціи, во главѣ коихъ остались прежніе воеводы; губернаторамъ же подчинялись оберъ-коменданты и коменданты; тѣ и другіе имѣли при себѣ соотвѣтственныя канцеляріи. Петръ I пытался было провести правильную бюрократическую организацію всего областнаго управленія вообще, но эта попытка не привела къ удовлетворительнымъ результатамъ, и послѣ его смерти, было признано цѣлесообразнымъ вернуть областныя учрежденія почти къ допетровской простотѣ.

Сестра Петра I, царевна Софія Алексѣевна стремилась къ государственному перевороту въ свою пользу и старалась опереться на

стрѣльцовъ, которые, въ ея правленіе, и обратились въ «настоящихъ янычаръ». Бунтъ 1689 года былъ усмиренъ, причемъ былъ впервые положенъ предѣлъ ненормальному развитію стрѣлецкихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, юный Царь счелъ себя вынужденнымъ считаться съ этою грозною силою, а потому массѣ стрѣльцовъ все прошлое прошло относительно безнаказанно. Только послѣ заговора Циклера и бунта 1698 года, Петръ I рѣшилъ расформировать этотъ отжившій свое время первый типъ русскаго регулярнаго войска и замѣнить его инымъ, сформированнымъ и воспитаннымъ на началахъ, выработанныхъ самимъ Царемъ въ новой военной школѣ, въ его потѣшныхъ полкахъ. Наканунѣ и въ началѣ XVIII вѣка, Царь приступаетъ къ утвержденію въ своей арміи надлежащаго «регулярства», причемъ формированіе новыхъ полковъ и наборъ рекрутъ идутъ рука объ руку съ полнымъ использованіемъ прежнихъ войсковыхъ элементовъ, которые включаются въ составъ вооруженной силы государства и ставятся на соотвѣтственныя мѣста въ зависимости отъ своей къ тому пригодности. Къ концу царствованія Петра I, полевая *дѣйствующая армія* состояла изъ 70,000 пѣхоты, 38,000 драгунъ и 4,000 артиллеріи и инженерныхъ войскъ, всего же изъ 112,000 чел.; сверхъ того имѣлось до 68,000 человѣкъ *гарнизонныхъ войскъ*, до 10,000 чел. *ландмилиціи* и 30,000—35,000 чел. казаковъ и прочихъ *нерегулярныхъ* войскъ; итого 220,000—225,000 чел., изъ коихъ до 150,000 чел. годныхъ для полевыхъ дѣйствій.

Даточные, занимавшіе до сихъ поръ послѣднее мѣсто въ арміи, составляютъ теперь главный элементъ, изъ котораго она формируется и комплектуется; поэтому армія получаетъ вполнѣ національный характеръ; мало того, полки получаютъ рекрутовъ изъ тѣхъ же губерній, которыя даютъ деньги и другія средства для ихъ содержанія; порочные люди не принимаются въ войска; соотвѣтственность рекрутъ строевымъ условіямъ и успѣшность призыва обезпечиваются дѣятельностью губернскихъ коммисій подъ личною отвѣтственностью губернаторовъ и подъ контролемъ сената; поэтому качественный составъ арміи несравненно лучше таковаго же состава всѣхъ европейскихъ армій.

Корпусъ офицеровъ, по прежнему, комплектуется дворянами, но отъ производимыхъ въ офицеры, кромѣ сословныхъ правъ, требуются еще: а) *нравственный цензъ*, и б) «*знаніе съ фундамента солдатскаго дѣла*». Выраженіемъ перваго являлись: атестація производимаго всѣмъ обществомъ офицеровъ данной части и вмѣненіе

въ обязанность тому же обществу судить о проступкахъ офицеровъ противъ правилъ чести, понимаемой въ достаточно широкомъ смыслѣ. Въ офицеры могли быть производимы достойные сержанты и не изъ дворянскаго сословія, но, не иначе, какъ при условіи баллотировки; къ тому же, съ производствомъ въ первый офицерскій чинъ, они становились дворянами; поэтому производство ихъ не угрожало традиціямъ начальствующаго персонала арміи. Въ видахъ основательнаго практическаго знанія строя была установлена обязательная служба дворянъ рядовыми въ гвардіи, причемъ, однако, отдавалось преимущество лицамъ, получившимъ извѣстное общее и въ особенности спеціально-военное образованіе.

Офицеры прежнихъ службъ и отставные, оставшись за штатомъ, вскорѣ получили разнообразныя назначенія въ губерніяхъ и въ гарнизонахъ. Наконецъ, былъ установленъ порядокъ производства въ офицерскихъ чинахъ на вакансіи и по балотировкѣ: въ штабъ-офицерскіе чины всѣми штабъ-офицерами своей дивизіи, а въ оберъ-офицерскіе чины всѣми офицерами полка, съ утвержденіемъ (до 1719 года) фельдмаршаломъ; въ полковники и выше производилъ самъ Государь.

Такимъ образомъ корпусъ офицеровъ былъ однороднаго состава и принадлежалъ къ высшему сословію, богатому прежними воинскими традиціями и привыкшему къ власти надъ народною массою, изъ которой выходила масса нижнихъ чиновъ, что сразу устанавливало правильныя дисциплинарныя отношенія. Иноземные офицеры хотя и получали большій денежный окладъ, но должны были удовлетворять весьма серьезнымъ требованіямъ и не повышались въ ущербъ русскимъ офицерамъ; мало того, съ первыхъ лѣтъ Сѣверной войны, первые замѣщались, по возможности, послѣдними.

Организація не шла дальше полковъ, но все въ ней было разсчитано и соображено такъ, чтобы полкъ представлялъ собою прочный войсковой организмъ, способный сохранить свою цѣльность и при неизбѣжной убыли въ военное время. Дальнѣйшее соединеніе войсковыхъ частей предоставлялось соотвѣтственнымъ высшимъ и частнымъ начальникамъ, сообразно съ требованіями обстановки. Самъ Царь далъ по этому вопросу слѣдующія указанія: «Армія сочиняется либо велика или малая... отъ 10,000 до 100,000... но Юліусъ Цезарь въ одномъ корпусѣ никогда свыше 50,000 человѣкъ не употреблялъ... Притомъ въ такомъ порядкѣ и прилежномъ обученіи были, что ими могъ надежно великія дѣла творити... ...*Нужно есть сочинять армію свою, смотря непріятельской силы и оного*

намѣренія, дабы его во всѣхъ дѣлахъ упреждать и всячески искать непріятеля опровергнуть».

Единицами высшаго порядка въ арміи Петра I являлись *дивизіи*, состоявшія изъ нѣсколькихъ бригадъ пѣхоты и драгунъ, вмѣстѣ или отдѣльно, по распоряженію главнокомандующаго. *Бригада* состояла изъ двухъ, трехъ и большаго числа полковъ, но имѣла болѣе постоянное устройство. *Артилерія* составляла какъ бы отдѣльный корпусъ; къ ней причислялась не только полевая артилерія (прежній «большой нарядъ»), но и вся парковая часть, понтоны и всѣ средства полевого «арсенала». Такое же устройство имѣли: а) «*корпусъ резерва*», предназначавшійся для дѣйствій на рѣшительномъ пунктѣ (тамъ, «гдѣ непріятельскому нападенію наивящее быти чаютъ») и б) *легкій корпусъ* или *корволантъ* двухъ видовъ: а) *большой* (6,000—7,000 коней), въ исключительныхъ случаяхъ («для пресѣканія или отниманія пасу», или непріятелю «въ тылъ итти» и т. п.) съ небольшою частью пѣхоты и всегда съ легкими пушками, и б) *малый*, немногочисленный легкоконный отрядъ безъ артилеріи; составъ того и другого видоизмѣнялся въ зависимости отъ обстоятельствъ: «смотря случая и положенія земли».

Управленіе войсками въ военное время вырабатывалось постепенно. Въ январѣ 1695 года, во время подготовки къ Азовскому походу, былъ объявленъ Крымскій походъ и съ особою гласностью начались въ Бѣлгородѣ формированіе и организація арміи «стараго строя» въ 120,000 чел., подъ начальствомъ Б. П. Шереметева. Затѣмъ въ составъ Азовской арміи «новаго строя» были назначены три дивизіи лучшихъ войскъ (Гордона, Лефорта и А. Головина), всего до 31,000 чел. съ соотвѣтственною артилеріею. Планъ операцій обсуждался на военномъ совѣтѣ 6-го февраля. Самъ Царь придавалъ главное значеніе Азовской арміи, не взирая на меньшую ея численность. Въ главной квартирѣ этой арміи и находились лучшія силы начальствующаго персонала; управленіе ею представляло первый, впрочемъ весьма еще неловкій, шагъ къ устройству таковаго на новыхъ началахъ.

Первый Азовскій походъ обнаружилъ различные недостатки и привелъ Царя къ заключенію о необходимости введенія соотвѣтственныхъ усовершенствованій. Между прочимъ, выяснилась необходимость установленія въ войскахъ единовластія. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ сѣверной войны, во время извѣстной Нарвской операціи 1700 года, вопросъ этотъ не получилъ удовлетворительнаго

рѣшенія. Подъ Нарвою русская армія состояла изъ отрядовъ князя И. Трубецкаго, Бутурлина, ген. Вейде и Головина, помѣстной конницы Б. П. Шереметева и нѣкоторыхъ мелкихъ частей, всего же изъ 33,000—34,000 чел. при 95 орудіяхъ; оставляя армію для свиданія съ польскимъ королемъ, Царь Петръ сдалъ начальство иноземцу, фельдмаршалу герцогу де-Кроа, который не могъ знать и понимать свои войска и котораго эти войска также не знали и не понимали; вообще организація верха арміи страдала многими недостатками; она и была главною причиною того, что пораженіе нашихъ войскъ 19-го ноября приняло столь большіе размѣры.

Въ 1701—1702 гг. уничтожается окончательно «товарищество» и устанавливается единовластіе главнокомандующаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ положено начало устройству штаба арміи, заключавшаго въ своемъ составѣ представителей различныхъ отдѣловъ управленія войсками. Въ 1716 году былъ изданъ «*Уставъ воинскій* о должности генераловъ, фелтъ-маршаловъ и всего генералитета, и протчихъ чиновъ, которые при воискѣ надлежатъ быть, и о иныхъ воинскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно...» Уставъ этотъ не являлся новостью, но представлялъ результатъ сводки и переработки прежнихъ законоположеній того же рода, согласованной съ указаніями, полученными на основаніи продолжительнаго боевого опыта.

Во главѣ арміи стоялъ или могъ стоять *генералиссимусъ*. «Сей чинъ коронованнымъ главамъ и велікімъ владѣющимъ прінцамъ только надлежіть, а наипаче тому чіе есть воіско. Въ небытии же своемъ оной команду даетъ надъ всѣмъ воіскомъ, своему генералу фелтъ-маршалу. Лібо самовластно по случаю поступать, како онъ за благо изобрящетъ... Или съ воінскімъ совѣтомъ (что всегда надлежітъ чиніть) или по данной ему інструкціи чінілъ, и кромѣ оной, онъ нічего важного съ помянутымъ воіскомъ предпріять могъ. Но чінілъ бы прежде о томъ доношеніе своему Государю и военному совѣту, и не получа ихъ въ томъ благоизобрѣтенія и позволенія, главныхъ дѣлъ собою не чінілъ. Однакожъ, ежели чего въ інструкціи и не изображено, а увидитъ, что надежно возможно авантажъ получіть, то съ воінского совѣта конечно чініть, и такого случая непропускать...»

Во главѣ арміи могъ стоять *генералъ-фельдмаршалъ* или другой «*аншефтъ*». «Его ордеръ, и повелѣніе въ воіскѣ, должны всѣ почітать, понеже вся армѣя, и настоящее памѣреніе отъ государя своего ему вручено. Его чінъ такой, чтобъ былъ не точію мужъ ве-

лікого искусства, и храбрости, но и доброго кондувіта (сірѣчь всякія годности) котораго бы квалітеты (или качества) съ добродѣяніемъ, и благочестівою справедлівостію связаны были... Походъ армѣи повелѣваетъ чініть смотря страну и землямъ положеніе, и потому учреждаетъ мѣсто гдѣ лагеру быть. По размѣру же разводітъ караулы, лазутчіковъ, гдѣ нужно, высылаетъ для вѣдомости, прілѣжно, что намѣряетца дѣлать, стоитъ ли въ траншементѣ, или нѣтъ. О всякіхъ оного поступкахъ ему вѣдать нужно есть. По вся вечеры отдаетъ онъ генералу фелтъмаршалу леітенанту пароль, и при томъ повелѣваетъ, что при армѣи исполняти надлежітъ. Ежели же что важное, то на пісмѣ, а не на словахъ указы давать надлежітъ, равно жъ и репорты о таковыхъ дѣлахъ на пісмѣжъ прінімать... Ибо командующій высокій генералъ душѣ человѣческой въ тѣлѣ уподобляется, зане въ немъ безъ души нічто двигнется, тако и при армѣи, не волно что главного учініть безъ повелѣнія и ордера командующаго вышняго генерала. Егда осада въ намѣреніи есть, тогда повелѣваетъ онъ то мѣсто объѣхать, и остерегать. Также и самъ онъ осматриваетъ то мѣсто, прімѣчая, гдѣ быть лінѣи циркумваланціи, и контраваланціи, и коімъ образомъ прістойнѣе учініть. Такожъ на которой сторонѣ не само крѣпкое мѣсто, гдѣ атаку лучше учініті... Бодрое око имѣетъ на непріятельскую помощь. Высылаетъ потребныхъ проводніковъ, что бы можно было всякія надобныя вещи къ армѣе безопасно привозіти. Особліво же полкамъ доволно бъ было піщею, и не допустіть бы дороговізны. Егда нужно есть съ непріятелемъ бітіся, надлежітъ ему угодныя мѣста горныя, и проходы перво взяти, учініть ордеръ дебаталіи всеи армѣи, кавалеріи, інфантеріи, и артилеріи, съ прілѣжнымъ совѣтомъ. Велітъ тогда обозъ отвесть на безопасное мѣсто. Научаетъ всѣ полки при настоящемъ бою храбро и мужественно держатіся, осматріваетъ кругомъ мѣсто, и положеніе земли, и велитъ, ежели надобно, редутами и транжаментами, и выставленными караулами, и резервами оградіть, и управляетъ все предзрітелнымъ промышленіемъ... По его повелѣнію надобно весь лагаръ (или станъ) благо учредіть, чісто держать, и по инструкціямъ (порядкамъ) какъ она единожды учінена, каждому во всемъ дѣлать. Чінъ командующаго генерала есть важной, и велікого пространства, почтенъ бы былъ умнымъ, искуснымъ, храбрымъ, вѣрнымъ и попечітельнымъ мужемъ. Понеже на немъ завісітъ все отвѣтствованіе, что при армѣи прилучітца. О чемъ долженъ онъ репортовать своего государя, и воинской совѣтъ (буде возможно) по вся недѣли, а по нуждѣ дважды въ

мѣсяць. Въ походѣ и баталіи онъ всегда на лошади. Главные и велікіе дѣла, и всякія начинанія, безъ консіліи генераловъ, собственнымъ своімъ изволеніемъ нікогда чініті надлежітъ, но всегда съ совѣту, которой должни, какъ всѣ въ совѣтѣ будущіе, такъ и главныи, своіми руками закрѣплять, развѣ когда отъ непріятеля такое незапное нападеніе будетъ, что къ тому времяни не будетъ, или иной незапной случай до того не допустітъ. И въ такомъ случаѣ и словесной консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящымъ отправлять должно...»

Цѣль подобныхъ, обязательныхъ для главнокомандующаго, совѣщаній и обсужденій вовсе не заключалась въ томъ, чтобы поставить во главѣ арміи военные совѣты; эти совѣщанія и обсужденія служили Царю лишь средствомъ для всесторонняго выясненія обстановки. Это положеніе онъ счелъ необходимымъ ввести въ уставъ, установивъ обязательность совѣтовъ, въ виду того, что, какъ показалъ боевой опытъ, того требовала ненадежность иностранныхъ полководцевъ, а еще чаще недостаточная оперативная подготовка тогдашняго начальствующаго персонала нашей арміи. Во время Гродненской операціи, въ виду отъѣзда Царя въ Москву, начальство надъ арміею было поручено королю *Августу II*, а затѣмъ фельдмаршалу *Огильви;* оба они имѣли въ виду, само собою разумѣется, не русскіе, но свои интересы; въ результатѣ, арміи угрожала гибель, и только вмѣшательство самого Царя спасло столь дорого стоившія ему войска.

Въ кампанію 1708 года, 11-го марта, послѣ совѣта, Царь оставилъ армію и отправился въ Петербургъ. Во главѣ арміи оказались: фельдмаршалъ Б. П. *Шереметевъ* и генералъ отъ кавалеріи князь А. Д. *Меншиковъ*.

Професоръ А. З. *Мышлаевскій* даетъ слѣдующія характеристики обоихъ этихъ лицъ: «Шереметевъ,—«родословный» человѣкъ по происхожденію, съ продолжительнымъ военнымъ прошлымъ, осторожный и медлительный, способный на уступки своимъ положеніемъ и самолюбіемъ, едва ли располагалъ обширнымъ военнымъ талантомъ. Военные его взгляды слагались подъ сильнымъ вліяніемъ дореформенныхъ порядковъ; въ немъ сохранилось много особенностей прежняго «воеводы большого полку...» Царь не скрывалъ недовѣрія къ его способностямъ и не поручалъ ему разрѣшенія болѣе или менѣе сложныхъ военныхъ вопросовъ. Но въ Шереметевѣ онъ не могъ не цѣнить неподкупного, убѣжденнаго приверженца своихъ начинаній и добросовѣстнѣйшаго исполнителя своей

воли. Иными особенностями обладалъ кн. А. Д. Меншиковъ. Человѣкъ безъ «предковъ», безъ фамильныхъ традицій, карьеристъ чистой воды, занятый исключительно своею особою, «любочестія» непомѣрнаго, которое впослѣдствіи «не полагало предѣла замысламъ, до простиранія видовъ своихъ выше состоянія подданническаго», поощряемый удачею, угодничествомъ, лестью и самообожаніемъ, онъ былъ способенъ поставить многое на карту, а въ томъ числѣ и судьбу арміи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Меншиковъ среди сподвижниковъ Царя являлъ собою также и единственное лицо съ безспорнымъ военнымъ талантомъ, широкимъ глазомѣромъ, инициативою и способностью многое взять на свою отвѣтственность. Несмотря на полную необразованность кн. Меншикова, Царь высоко цѣнилъ его природныя дарованія. Даже во время личнаго присутствія Царя въ арміи кн. Меншиковъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ дѣйствій; въ отсутствіе Петра вліяніе это должно было только увеличиваться».

Сочетаніе такихъ противоположностей могло бы принести пользу, если бы между Шереметевымъ и Меншиковымъ царили довѣріе, согласіе, взаимное уваженіе и уступчивость. Но этого-то именно и не было: хотя вражду между ними и «удалось утишить», но взаимная холодность и недовѣріе сохранились. Оба руководителя операціею встрѣчались только при крайней необходимости.

При такихъ условіяхъ, Шереметеву, почти не располагавшему конницею, приходилось строить свои планы на устарѣлыхъ или случайныхъ данныхъ, а Меншиковъ, широко черпая необходимыя свѣдѣнія отъ кавалеріи, лишенъ былъ возможности безотлагательно поддержать ея успѣхи дѣйствіями пѣхоты. Результаты такой организаціи верха арміи дали себя чувствовать во время самыхъ операцій и выразились особенно рельефно въ положеніи нашей арміи послѣ Головчинскаго боя 3-го іюля, къ счастью продолжавшемся лишь до 9-го іюля, когда, съ прибытіемъ къ арміи Царя, военныя дѣйствія вступили въ новый періодъ, увѣнчавшійся Полтавскою побѣдою.

Не удивительно, что Царь Петръ придавалъ столь важное значеніе военнымъ совѣтамъ, которые могли хоть отчасти устранять неудобства, являвшіяся слѣдствіемъ вышеуказанныхъ условій, предопредѣлявшихъ организацію верха нашихъ армій. Тѣмъ не менѣе, обязывая главнокомандующаго созывать военный совѣтъ и совѣщаться съ генералитетомъ, Царь не лишалъ его «полной мочи», а желалъ только, чтобы онъ былъ лучше оріентированъ, чтобы онъ

могъ и долженъ былъ выслушать мнѣнія, несогласныя съ его мнѣніемъ, и чтобы онъ, наконецъ, дѣйствовалъ и по своему крайнему разумѣнію, но уже вполнѣ сознательно, на свой страхъ, подъ своею личною отвѣтственностью.

Генералъ-фельдмаршалъ имѣлъ или могъ имѣть ближайшаго помощника въ лицѣ *генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанта*. Должность эта была заимствована, какъ и многое другое, отъ «цесарской» арміи, но носители ея у насъ были еще менѣе замѣтны, чѣмъ въ войскахъ австрійскихъ Габсбурговъ.

За главнокомандующимъ, кромѣ его помощника, слѣдовали: *генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ отъ кавалеріи и генералъ отъ инфантеріи*, съ подчиненными имъ генералъ-лейтенантами и генералъ-маіорами, *генералъ-кригсъ-комисаръ* съ *оберъ-штеръ-кригсъ-комисаромъ* (агентомъ военной колегіи), *генералъ-квартирмейстеръ* съ подчиненными ему чинами, *генералъ-аудиторъ* и т. д. Каждый изъ начальниковъ отдѣловъ полевого управленія завѣдывалъ своею частью по принадлежности.

Квартирмейстерская часть, въ началѣ царствованія Петра I, не имѣла правильной организаціи. Полковые *сторожеставцы* исчезли совершенно; обязанности ихъ перешли частью къ *маіорамъ*, частью же къ ихъ помощникамъ, получившимъ названіе *полковыхъ адъютантовъ*. Полковые *станоставцы* названы полковыми *квартермистерами*, которые, подобно имъ, получали указанія относительно расположенія лагеремъ и на квартирахъ и исполняли тѣ же обязанности, имѣя въ своемъ распоряженіи фурьеровъ (со значками). Въ уставѣ генерала *Вейде*, 1698 года, объ обязанностяхъ этихъ чиновъ сказано слѣдующее: «Полковой квартирмейстеръ не имѣетъ въ русской землѣ столь много дѣла, какъ въ иныхъ земляхъ, а особливо у цесарцевъ; подобаетъ ему на походѣ всегда напередъ идти, полку становище занимать; ему подобаетъ отчасти фортификацію, или крѣпостное строеніе знати, дабы лучше и легче могъ полку становище учредить и отмѣрить. По вся вечеры подобаетъ ему къ генералъ-квартирмейстеру ѣздить. Будетъ ли указано другого утра подниматися и какъ полкъ въ какой городъ въ осаду (въ гарнизонъ) поставленъ будетъ, подобаетъ квартирмейстеру, такожъ по лучшей мѣрѣ попеченіе имѣть, какъ бы полкъ поставить».

Тотъ же генералъ Вейде говоритъ о генералъ-квартирмейстерѣ нижеслѣдующее: «...есть въ русской землѣ непотребенъ, понеже войско всегда равно (ратно?) вдругъ идетъ, такожде и паки становится; у цесарцевъ имѣетъ онъ много дѣла; всѣ квартирмейстеры отъ всѣхъ

полковъ подъ его владѣтельствомъ и принуждены съ нимъ всегда напередъ ѣздить и становище помогать отводить. И подобаетъ въ семъ чину досужему удобному человѣку быть, который бы крѣпостное строеніе и особо географію и земные маппы (карты) или чертежи зналъ и во время нужды, если бы начальнаго инженера у войска не было и осада бы прилучилась, дабы онъ нападеніе и раскаты (траншеи) умѣлъ учреждать и то на чертежѣ написавъ и воеводѣ отдать могъ; сей есть зѣло и трудный и докучный чинъ; онъ ни у кого иного ни подъ началомъ, кромѣ единаго воеводы, съ которымъ ему всегда подобаетъ доброе согласіе имѣть».

Повидимому, генералъ Вейде, утверждая, что генералъ-квартирмейстеръ «есть въ русской землѣ непотребенъ», говорилъ не вполнѣ искренно. Что его побуждало къ этому, неизвѣстно. Быть можетъ, онъ соблюдалъ какую-то «политику», считаясь съ мнѣніемъ какого-либо сильнаго и вліятельнаго лица, съ которымъ не хотѣлъ ссориться. Во всякомъ случаѣ, изъ его же словъ вытекаетъ необходимость учрежденія должности генералъ-квартирмейстера; онъ же далъ прекрасное (для того времени) опредѣленіе его обязанностей и замѣчательное (для всѣхъ временъ) опредѣленіе отношеній генеральнаго штаба къ старшему начальнику.

Въ 1700 году, въ полкахъ, выступившихъ подъ Нарву, были уже квартирмейстеры, но общаго для всей арміи генералъ-квартирмейстера не было, и такимъ образомъ неудовлетворительность организаціи верха арміи усугублялась отсутствіемъ надлежащаго вспомогательнаго органа высшаго командованія. Между тѣмъ необходимость наличности таковаго чувствовалась и понималась лицами, стоявшими у дѣла, все болѣе и болѣе.

Уже въ 1701 году, командовавшій войсками въ Лифляндіи, Б. П. Шереметевъ писалъ Царю, что «при арміи надлежитъ быть, и безъ того невозможно, одного человѣка генералъ-квартирмейстера...» вслѣдствіе чего, въ декабрѣ того же года, былъ назначенъ на эту должность князь А. Ѳ. Шаховской. Съ тѣхъ поръ генералъ-квартирмейстеры встрѣчаются не только при арміяхъ и «корпусахъ», но даже и при отрядахъ того времени, не получающихъ этихъ названій.

По штату 1711 года «генеральный штабъ арміи» долженъ былъ состоять изъ 184 чиновъ разныхъ наименованій, принадлежавшихъ, какъ къ составу общаго управленія войсками, такъ и къ различнымъ спеціальнымъ частямъ и отдѣламъ военной администраціи, включая и военное хозяйство. Въ ихъ числѣ было поло-

жено имѣть только двухъ генералъ-квартирмейстеровъ и трехъ капитановъ надъ вожатыми или «де гидъ».

Въ «Воинскомъ Уставѣ» 1716 года былъ начертанъ кругъ дѣятельности квартирмейстерской части съ замѣчательною для того времени полнотою. При каждой отдѣльной арміи находились *генералъ-квартирмейстеръ* и его *помощникъ*, генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ [1]), а въ каждой дивизіи по одному *оберъ-квартирмейстеру*.

Въ силу этого устава чинъ генералъ-квартирмейстера «требуетъ мудраго разумнаго и искуснаго человѣка, въ географіи, и фортикаціи, понеже ему надлежітъ учреждать походы, лагеры и по случаю фортификаціи, и ретранжаменты, и надъ оными надзираніе имѣть, а особливо при небольшихъ воискахъ, въ которыхъ інженеры обыкновенно, подъ его надзираніемъ и командою обрѣтаютца. А ежели таковый... и артилерію при томже разумѣетъ, то онъ можетъ по случаю, и оною командовать. А особливо надлежітъ ему генерално оную землю знать, въ которой свое и непріятельское воиско обрѣтаетца, такожде какіе рѣки, проходы, дефилеи горы, лѣса, и болота находятца, Онъ по вся дни имѣетъ быть у командующаго главного генерала, да бы могъ знать, когда что о походѣ, или лагарѣ воиска опредѣлено будетъ. Ибо онъ ни отъ кого иного указы не получаетъ, токмо отъ командующаго генерала самого... когда опредѣлітца, чтобъ воиску маршировать, и въ иномъ какомъ мѣстѣ стать, которое мѣсто ему не весма знакомо, или отъ непріятеля опасное, тогда осматриваетъ онъ за день съ добрымъ эскортомъ кавалеріи, таковое мѣсто, какое положеніе имѣетъ, и какіми надежными путями воиско туды маршировать можетъ.

Еже все оное чрезъ своіхъ подчіненныхъ офіцѣровъ ландъ картою нарісовать, и изобразіть долженъ, а при возвращеніи своемъ доносіть, что при томъ внімать надлежітъ, да бы генералітейство напередъ, не токмо положеніе мѣста знать, но и мѣры свои по тому воспріять могло. Когда день при паролѣ назначенъ будетъ, чтобъ воіску въ походъ итти, тогда генералъ-квартіръ-меістеръ, или съ авангардіею подъ командою генерала маиора, (ежели непріятель въ близости обрѣтаетца) или токмо съ обыкновенными полными караулами, такожде съ подчіненными офіцѣрами, со всѣми полковыми квартіръ-меістерами, и фуріерами, за нѣсколко часовъ до походу воіска, на предъ отправляетца, и учреждаетъ обозъ по ордеру де

[1]) Ихъ могло быть и два.

баталіи въ лінѣи, и квартіры наілутчімъ образомъ». Онъ долженъ былъ давать необходимыя для сего указанія всѣмъ полковымъ квартирмейстерамъ, артилерійскому квартирмейстеру, генералъ-штабъ-квартирмейстеру и «надворнымъ фуріерамъ», послѣднимъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы фельдмаршалъ и генералитетъ были внѣ опасности со стороны непріятеля.

Передъ походомъ «надлежітъ генералу квартирмеістеру нѣкоторые росписи къ походу изготовіть: которымъ путемъ и въ какомъ строю кавалерія, инфантерія, артилерія, и обозы итти имѣютъ, да бы другъ другу въ походѣ не препятствовали, и сколь скоро возможно, и вмѣстѣ, въ новомъ обозѣ и квартірѣ случітца могли. Которую роспісь походу надлежітъ въ военной походной канцеляріи спісать, и ему генералу квартірмеістеру паки вручіть, и фелтъ маршалу и знатнымъ генераломъ подать. А потомъ отъ полку до полку пріобщіть, дабы каждой свои порядокъ и путь знать могъ, какъ и куды маршіровать имѣетъ. И того для получаютъ они отъ капітана провожатого нѣкоторыхъ вожей, знающіхъ дороги и пути. И ежели въ пути многія ямы, болоты, или непроходімыя воды, наідутца, то надлежітъ ему генералу квартіръ меістеру, мастера мостового, подкопщіковъ и плотніковъ, съ собою взять, и опымъ показать, гдѣ они злую дорогу вычініти или по обстоятельству дѣлъ нѣкоторые мосты построіть имѣютъ»...

Онъ же долженъ былъ: а) опредѣлять, при расположеніи на отдыхъ, особыя мѣста маркитантамъ; б) опредѣлять соотвѣтственныя мѣста для расположенія госпиталей въ палаткахъ въ случаѣ, если бы не оказалось возможнымъ расположить ихъ въ деревняхъ или мѣстечкахъ; в) «на крѣпко того смотрѣть, чтобъ весь обозъ фрунтомъ къ непріятелю поставіть»; г) избирать такія мѣста для расположенія на отдыхъ, въ которыхъ имѣлись бы по близости вода и лѣсъ; д) имѣть въ виду, что фланги и тылъ войскъ удобнѣе всего примыкать къ водѣ, лѣсу, болоту или высокой горѣ, дабы войска были обезпечены отъ нечаяннаго нападенія противника; е) имѣть «записную кнігу, или протоколъ» и «воіскамъ всѣ походы, и бывшіе лагеры запісывать, и чертежи опымъ рисовать, еже ему для вѣденія служіть, и его отъ многаго труда освободіть можетъ». Отношенія къ главнокомандующему или иному старшему начальнику получили слѣдующее (замѣчательное не только для того времени, но и для позднѣйшихъ поколѣній) опредѣленіе: «Въ протчемъ надлежітъ ему, командующему генералу, въ добромъ послушаніи быть, и о походахъ и обозѣхъ съ нимъ соглашатіся, и по

его пріказу и благоизобрѣтенію все прілѣжно учреждать. А того не смотрѣть, что ежели одінъ или другой своею квартірою не весма доволенъ будетъ (понеже таковому надлежітъ развѣ рожденну быть впредь которой бы всѣмъ угодіть могъ)».

Генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ и оберъ-квартирмейстеры, само собою разумѣется, должны были обладать такими же достоинствами и способностями, какъ и самъ генералъ-квартирмейстеръ, ибо, въ случаѣ его отсутствія, каждый изъ нихъ долженъ былъ временно его замѣщать, или даже самостоятельно исполнять его обязанности въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, не говоря уже о томъ, что каждый изъ нихъ могъ впослѣдствіи быть назначенъ на ту же должность.

Сверхъ того генералъ-квартирмейстеру подчинялись: а) *генералъ-штабсъ-квартирмейстеръ* или квартирмейстеръ главной квартиры и б) *генералъ-штабсъ-фурьеры*, исполнявшие фурьерскія обязанности при генералъ-квартирмейстерѣ и подчиненныхъ ему квартирмейстерскихъ чинахъ штаба арміи или отряда. Наконецъ, въ случаѣ отсутствія *генерала-инженера*, генералъ-квартирмейстеру подчинялись всѣ инженеры, минеры, инженерные кондуктора и вообще всѣ чины инженернаго корпуса.

При арміи (или отрядѣ) находился «*капитанъ надъ вожами*» (или «порутчікъ провожатый»), который долженъ былъ знать нѣсколько языковъ, или по крайней мѣрѣ понимать языкъ мѣстнаго населенія. Хотя онъ и не былъ подчиненъ генералъ-квартирмейстеру, но оказывалъ ему содѣйствіе въ дѣлѣ вожденія войскъ. Онъ долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное число вожатыхъ, въ томъ числѣ и мѣстныхъ жителей, получавшихъ провіантъ наравнѣ съ рядовыми, которые и назначались для указанія путей войскамъ и обознымъ колоннамъ въ различныхъ случаяхъ; въ случаѣ ихъ нежеланія служить въ качествѣ проводниковъ, они могли быть принуждаемы къ тому силою.

Для передачи приказаній и «паролей» при старшихъ начальникахъ и вообще при всѣхъ генералахъ состояли: а) при *генералъ-фельдмаршалѣ* — 3 генералъ-адъютанта и 4 флигель-адъютанта; б) при *генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантѣ* — 2 генералъ-адъютанта и 3 флигель-адъютанта; в) при полныхъ *генералахъ* — по 1 генеральсъ-адъютанту (но если полный генералъ былъ главнокомандующимъ, то вмѣсто одного генеральсъ-адъютанта при немъ состояли, въ соотвѣтственномъ числѣ, генералъ-адъютанты); г) при *генералъ-лейтенантахъ*—по 1 флигель-адъютанту или генеральсъ-

адъютанту и д) при *генералъ-маіорахъ* — по 1 генеральсъ-адъютанту.

Генералъ-адъютантъ Государя состоялъ въ чинѣ полковника, генералъ-адъютантъ генералъ-фельдмаршала—въ чинѣ подполковника; далѣе чины адъютантовъ соотвѣтственно понижались, такъ что адъютантъ генералъ-маіора состоялъ въ чинѣ прапорщика; всѣ же адъютанты подчинялись одинъ другому соотвѣтственно тому, какъ подчинялись другъ другу ихъ начальники, причемъ первыя мѣста въ этой іерархіи занимали всѣ вообще генералъ-адъютанты, а затѣмъ уже слѣдовали флигель-адъютанты и генеральсъ-адъютанты. Строго говоря, флигель-адъютанты принадлежали къ разряду генеральсъ-адъютантовъ, но получили особое названіе въ виду исполненія ими особыхъ обязанностей, въ зависимости отъ раздѣленія линій боевого порядка на крылья (Flügel): флигель-адъютантъ праваго крыла передавалъ пароль только на своемъ крылѣ, равно какъ и флигель-адъютантъ лѣваго крыла [1]).

При передачѣ «указовъ и паролей» (генералъ-фельдмаршаломъ) генераламъ отъ кавалеріи и инфантеріи, таковые передавались генералъ-адъютанту генералъ-фельдмаршала, который передавалъ ихъ адъютантамъ названныхъ полныхъ генераловъ; послѣдніе передавали полученное адъютантамъ прочихъ генераловъ, которые, наконецъ, передавали тоже самое полковымъ адъютантамъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Все передаваемое должно было быть «прілѣжно въ запісные книжицы запісано, и потомъ полковымъ маеорамъ объявлено», причемъ «надлежітъ въ томъ крѣпкой порядокъ въ рангахъ полковъ, и командированныхъ отъ інфантеріи и кавалеріи содержанъ быть, дабы каждому полку нікакой обиды въ томъ не было». «Адъютантъ отъ артилеріи» получалъ обыкновенно пароль и приказанія отъ генералъ-адъютанта генералъ-фельдмаршала, который также, въ случаѣ болѣзни того или другого старшаго генерала, передавалъ ему то и другое «изустно или письменно».

Для успѣшнаго выполненія столь важныхъ обязанностей должно было избирать «умныхъ, трудолюбивыхъ и храбрыхъ» молодыхъ офицеровъ, которые должны были «указы вышнихъ своихъ, принадлежащімъ образомъ объявлять, и отнюдь нічего не запомніть, понеже въ томъ много завісітъ, и времянемъ все воиско по тому поступать имѣетъ»...

---

[1]) Государь, какъ генералиссимусъ, имѣлъ своихъ генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ въ такомъ числѣ, въ какомъ признавалъ необходимымъ.

Сверхъ того при генералахъ состояли, въ необходимомъ числѣ, гражданскіе чиновники (секретари, нотаріусы, регистраторы, канцеляристы и переводчики), писаря и «извощики». Всѣ эти чины, кромѣ послѣднихъ, составляли, при каждомъ генералѣ отдѣльно, его военную канцелярію, въ которой старшій или единственный адъютантъ завѣдывалъ письменною частью. Такія же канцеляріи имѣли при себѣ и всѣ чины, завѣдывающіе отдѣлами военнаго управленія и даже нѣкоторые ихъ подчиненные, напримѣръ не только генералъ-квартирмейстеръ, но и генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ и оберъ-квартирмейстеры; при послѣднихъ чинахъ, впрочемъ, составъ канцеляріи ограничивался двумя или однимъ писаремъ.

Штаты 1720 года болѣе полны въ сравненіи съ прежними, что объясняется вліяніемъ боевого опыта. Число чиновъ квартирмейстерской части увеличено съ 5 до 19, причемъ вновь введены въ штатъ: 2 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта въ рангѣ полковника, которые должны были служить помощниками генералъ-квартирмейстерамъ; 5 оберъ-квартирмейстеровъ въ рангѣ маіора (по одному на каждую изъ имѣвшихся въ то время дивизій); 2 генералъ-штабъ-квартирмейстера въ рангѣ капитана съ двумя помощниками, штабъ-фурьерами (въ рангѣ прапорщика) и 4 помощника (поручика) къ капитанамъ надъ вожатыми. Число послѣднихъ уменьшено до двухъ, а число генералъ-квартирмейстеровъ осталось безъ измѣненія.

Штатъ 1720 года являлся необходимымъ дополненіемъ къ уставу 1716 года. Со введеніемъ въ дѣйствіе того и другого квартирмейстерская часть получила извѣстную, точно опредѣленную организацію, хотя и не отвѣчавшую требованіямъ обстановки въ полной мѣрѣ, но все же представлявшую не малый шагъ впередъ, особенно по сравненію съ рѣшеніемъ того же вопроса въ западно-европейскихъ арміяхъ, не говоря уже о Польшѣ.

Обязанности квартирмейстерскихъ чиновъ распадались на три категоріи: а) по части движенія и расположенія войскъ; б) по изученію мѣстности (гдѣ войска дѣйствуютъ) и составленію военныхъ картъ и плановъ и, наконецъ, в) по составленію военно-историческихъ журналовъ всѣмъ происходившимъ дѣйствіямъ.

Въ ряду этихъ обязанностей главное значеніе принадлежало приведенію въ исполненіе воли главнокомандующаго и вообще старшаго начальника въ отношеніи полевой службы войскъ въ

военное время, которое лежало на чинахъ квартирмейстерской части и на генеральскихъ адъютантахъ (различныхъ наименованій). Послѣдніе занимали наиболѣе близкое къ высшимъ начальникамъ положеніе и выбирались ими лично, причемъ, по установившемуся обычаю, военная колегія не могла отмѣнять этого выбора. Не удивительно, что адъютанты пользовались наибольшимъ довѣріемъ начальствующихъ лицъ и выполняли чаще всего наиболѣе важныя порученія, что отражалось въ соотвѣтственно неблагопріятномъ смыслѣ на постановкѣ чиновъ квартирмейстерской части въ качествѣ вспомогательнаго органа высшаго военнаго управленія и командованія.

Въ виду вышесказаннаго приходится разсматривать дѣятельность не только чиновъ квартирмейстерской части, но и другого вспомогательнаго органа высшихъ начальниковъ, который въ наше время не играетъ столь видной роли и въ нѣкоторыхъ арміяхъ получилъ названіе *адъютантуры*, а у насъ не имѣетъ даже особаго названія.

Для исполненія столь сложныхъ и трудныхъ обязанностей, какъ вышеуказанныя, отъ исполнителей требовались соотвѣтствующія развитіе, образованіе и подготовка, а между тѣмъ не имѣлось достаточнаго числа подготовленныхъ людей, а что всего хуже, не было одного общаго начальника, который заботился бы о выборѣ и подготовкѣ чиновъ квартирмейстерской части. Чины эти избирались и состояли въ вѣдѣніи высшихъ войсковыхъ начальниковъ, привлекались на время къ исполненію тѣхъ или другихъ обязанностей и возвращались назадъ въ ту среду, изъ которой были взяты. Такимъ образомъ, квартирмейстерская часть была разъединена; между чинами этой части не было надлежащей органической связи, тогда какъ другіе спеціальные роды службы уже складывались въ особые корпуса съ большими или меньшими преимуществами, а главное съ достаточно законченною организаціею. Слѣдствіемъ этого было отсутствіе работъ, требовавшихъ совокупнаго труда (топографическихъ, картографическихъ, военно-историческихъ и т. д.) и производившихся безъ надлежащей системы, въ различныхъ вѣдомствахъ, а въ томъ числѣ и въ учрежденіяхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ квартирмейстерскою частью (напримѣръ въ сенатѣ, въ адмиралтействъ-колегіи, а съ 1725 года даже въ Академіи Наукъ).

12. Колебанія въ общей административной системѣ государства послѣ Петра 1. Вліяніе ихъ на военно-административную систему имперіи вообще и на устройство, постановку и подготовку вспомогательныхъ органовъ высшаго управленія (и командованія) въ частности. Уклоненіе отъ началъ, положенныхъ въ основаніе ихъ устройства, постановки и подготовки Петромъ I, въ связи съ господствомъ иноземцевъ.

При Петрѣ I въ области европейскихъ политическихъ отношеній произошло поразительное явленіе: чуть ли не варварская Россія ниспровергла господствовавшую до того времени въ сѣверо-восточной Европѣ Швецію, утвердилась на Балтійскомъ морѣ и заняла выдающееся мѣсто въ ряду могущественнѣйшихъ, первоклассныхъ европейскихъ державъ. Безъ ея участія, съ этихъ поръ, не могли уже рѣшаться сколько-нибудь для нея важные обще-европейскіе вопросы, а въ восточной Европѣ къ ней перешла безусловно первая роль: Польша, пока еще номинально независимая, въ дѣйствительности подчинялась болѣе всего вліянію Россіи; Турція хотя и одержала успѣхъ надъ самимъ Петромъ, но быстро ослабѣвала и вскорѣ должна была отказаться отъ надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ юною славянскою имперіею. Подобному усиленію Россіи въ политическомъ отношеніи вообще соотвѣтствовало и усиленіе ея военнаго могущества; мало того, въ отношеніи военнаго искусства, Россія именно при Петрѣ I опередила Западную Европу. Однако, вслѣдствіе культурнаго превосходства той же Западной Европы, эти послѣдніе успѣхи не были прочны. Не стало Великаго Преобразователя и не оказалось на лицо государственныхъ людей, которые могли бы продолжать и развивать его дѣло. Дворцовые перевороты, въ связи съ отсутствіемъ точныхъ законоположеній относительно престолонаслѣдія, борьба придворныхъ партій со всѣми ея послѣдствіями, возможность выдвинуться весьма быстро безъ соотвѣтственныхъ достоинствъ и заслугъ и прочія условія обстановки того времени, въ связи съ быстрымъ распространеніемъ вліянія Западной Европы, отъ которой легче было заимствовать дурное, чѣмъ хорошее, вредное, чѣмъ полезное, все это вмѣстѣ оказывало на культурный слой русскаго народа вліяніе въ значительной степени неблагопріятное, въ смыслѣ пониженія въ немъ уровня нравственныхъ силъ и достоинствъ.

Въ предшествующіе періоды нашей исторіи, значеніе дворянства въ Россіи основывалось на службѣ его верховной власти, олице-

творяющей государство. Въ до-петровское время дворянство было прикрѣплено къ этой службѣ и это давало государству возможность выставлять главное ядро крайне необходимой для обезпеченія его жизненныхъ интересовъ вооруженной силы. Привилегированнымъ сословіемъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, дворянство въ то время не было. Близко къ этому положенію подошло титулованное и вообще высшее боярство; но оно не было проникнуто сословнымъ духомъ, не составляло одного цѣлаго, заботилось только о личныхъ выгодахъ службы, растеряло наслѣдственныя земли и распалось. Одновременно съ этимъ создалась на болѣе широкомъ фундаментѣ компактная масса низшаго дворянства, которое, въ XVIII столѣтіи, и сдѣлалось настоящимъ привилегированнымъ сословіемъ; еще въ XVII вѣкѣ сложились главныя основы, сообщившія дворянству сословную силу: основа *юридическая*, полнота земельной собственности, и основа *экономическая*—даровой трудъ крѣпостныхъ крестьянъ; недоставало лишь сословной организаціи, которой оно добилось именно въ XVIII вѣкѣ; мало того, сохранивъ за собою пріобрѣтенныя права, оно освободилось отъ обязанностей.

Въ исходѣ первой трети XVIII вѣка нѣсколько вельможъ новой и старой формаціи, являясь выразителями идей извѣстной части высшаго дворянства и завидуя положенію польскихъ магнатовъ, но въ то же время понимая полную нецѣлесообразность польскаго государственнаго устройства, задумали водворить въ Россіи господство чистой олигархіи, но этотъ нелѣпый планъ, отчасти уже приведенный въ исполненіе, былъ разстроенъ благодаря массѣ дворянства, отстаивавшей при этомъ, конечно, свои собственные интересы, но, во всякомъ случаѣ инстинктивно понимавшей безусловную необходимость сохраненія въ цѣлости и неприкосновенности выработанныхъ вѣками устоевъ русскаго государства. Разстройство замысловъ «верховниковъ» не уничтожило, конечно, ихъ идей, которыя и продолжали еще жить въ умахъ нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ XVIII вѣка; примѣръ же какъ верховниковъ, такъ и различныхъ возвышавшихся по временамъ «счастія баловней безродныхъ», непомѣрное «любочестіе» которыхъ «не полагало предѣла замысламъ, до простиранія видовъ своихъ выше состоянія подданническаго»,—могъ лишь расшатывать сознаніе долга, а никакъ не укрѣплять его. Такимъ образомъ школа жизни и даже школа службы, которую проходили молодые дворяне, служившіе источникомъ комплектованія начальствующаго персонала нашей арміи, была не удовлетворительна и только большимъ запасомъ непочатыхъ прав-

ственныхъ силъ въ русскомъ человѣкѣ можно объяснить то обстоятельство, что порча названнаго источника имѣла характеръ лишь частнаго, но не общаго явленія и, во всякомъ случаѣ, проникла не глубоко.

При такихъ условіяхъ характеристическими чертами послѣ-петровскаго времени являлись: отсутствіе опредѣленной, тщательно обдуманной и логически развитой и разработанной програмы административной дѣятельности, отсутствіе послѣдовательности, колебанія, быстрый переходъ отъ одной програмы къ другой (чуть ли не прямо противоположной), господство случайностей и т. п.

Русская армія послѣ Петра I одерживаетъ успѣхи вездѣ и повсюду, но это вовсе не служитъ доказательствомъ соотвѣтственнаго превосходства или высокихъ достоинствъ русской военно-административной системы и даже всего военнаго устройства Россіи, которое переживаетъ періодъ, характеризующійся по временамъ застоемъ и даже движеніемъ назадъ, по временамъ же порывистымъ движеніемъ впередъ. Случается при этомъ, что тѣ именно дѣятели, кои хотятъ развивать военное искусство въ Россіи въ направленіи, указанномъ Петромъ В., въ однихъ случаяхъ выходятъ на этотъ путь, а въ другихъ схватываютъ лишь букву, но не духъ, форму, но не сущность дѣла, вслѣдствіе чего сходятъ съ упомянутаго пути и ведутъ самое дѣло не къ усовершенствованію, но къ разстройству.

При Императрицѣ Екатеринѣ I былъ учрежденъ *верховный тайный совѣтъ* изъ высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ самой Государыни, поставленный выше всѣхъ государственныхъ учрежденій, не исключая и сената. Совѣтъ этотъ долженъ былъ обсуждать важнѣйшія дѣла внутреннія и внѣшнія и оказывать Государынѣ необходимое въ дѣлахъ правленія содѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ «сенатъ и прочія колегіи» оставлялись «при своихъ уставахъ», но «первыя три колегіи» (иностранная, военная и морская) признавались не зависящими ни въ чемъ отъ сената, который получилъ новое названіе «*высокаго*» (вмѣсто прежняго правительствующаго) и сразу потерялъ значеніе, пріобрѣтенное при Петрѣ I. Президентъ военной колегіи кн. *Меншиковъ*, бывшій также наиболѣе вліятельнымъ изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, занялъ первое мѣсто въ ряду «верховниковъ» и стремился къ захвату въ свои руки всей власти, но не успѣлъ довести это дѣло до конца и былъ свергнутъ. Послѣ его ссылки, военная колегія осталась безъ президента, что, конечно, отразилось на военномъ

управленіи въ смыслѣ его разстройства. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны былъ уничтоженъ верховный тайный совѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлено прежнее значеніе сената и даже иногда какъ бы выражалось намѣреніе возвратиться къ петровскимъ порядкамъ. Въ 1731 году былъ учрежденъ *кабинетъ* для лучшаго отправленія дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію Императрицы. Члены этого кабинета, получившіе названіе *кабинетъ-министровъ*, конечно, стали весьма близко къ престолу; составъ же кабинета находился въ зависимости отъ того, что первыя мѣста заняли и вліяніе на дѣла захватили иноземцы, съ Бирономъ во-главѣ, которые старались «раздѣляя властвовать». Устраняя наиболѣе опасныхъ изъ числа верховниковъ, они не тронули фельдмаршала князя М. М. *Голицына*, который былъ даже назначенъ президентомъ военной колегіи, но вскорѣ умеръ (въ концѣ 1730 года). На его мѣсто былъ назначенъ другой русскій фельдмаршалъ, князь В. В. *Долгорукій*, но и онъ вскорѣ былъ заточенъ въ Шлиссельбургъ за то, что «презря... многую къ себѣ милость» Государыни и «свою присяжную должность, дерзнулъ» не только ея «государству» полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и непочтительно отзываться о самой Государынѣ. Этимъ двумъ «русскимъ военнымъ знаменитостямъ», кн. Голицыну и Долгорукому, рѣшено было противопоставить своего человѣка въ лицѣ вызваннаго изъ заграницы Петромъ I, въ 1721 году, Б. Х. *Миниха*, который обратилъ особенное вниманіе на инженерный корпусъ; въ 1727 году онъ былъ назначенъ «оберъ-директоромъ надъ фортификаціями всероссійской Имперіи» и тогда же добился самостоятельности инженернаго корпуса отъ артилерійскаго вѣдомства. Талантливость Миниха не замедлила обнаружиться и возвышеніе его совершилось весьма быстро.

Еще при Екатеринѣ I возбуждался вопросъ, поставленный вновь на очередь верховнымъ тайнымъ совѣтомъ при Петрѣ II и получившій рѣшеніе вскорѣ по воцареніи Анны Іоанновны, объ учрежденіи комисіи (изъ фельдмаршаловъ и членовъ изъ генералитета и полковниковъ), которая должна «такія основательныя учрежденія учинить, чтобы армія содержалась всегда въ добромъ состояніи и сколько возможно безъ излишней народной тягости и напрасныхъ убытковъ». Въ этой комисіи первенствующее вліяніе и получилъ Минихъ, успѣвшій соединить въ своихъ рукахъ много должностей: въ 1729 году, онъ былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а затѣмъ президентомъ военной колегіи и петер-

бургскимъ губернаторомъ; къ 1732 году, осыпанный наградами, онъ былъ возведенъ въ графы и произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, не участвуя (до того времени) ни въ одной кампаніи съ русскою арміею. Естественно, онъ получилъ возможность производить реформы въ русской военной системѣ чуть ли не всецѣло по своему усмотрѣнію.

Еще до пріобрѣтенія Минихомъ такого положенія, въ іюнѣ 1730 года, въ сенатѣ разсуждали, что «военная колегія и коммисаріатъ состоятъ не въ такомъ порядкѣ, какъ надлежитъ» и т. п., что и привело къ изъятію комисаріата изъ прежняго подчиненія и къ подчиненію его сенату, но, въ 1736 году, въ виду явно увеличившихся безпорядковъ, признано было необходимымъ возвратиться къ петровскому положенію.

Работы вышеупомянутой комисіи заслуживаютъ вниманія отчетливою разработкою всѣхъ предметовъ военнаго хозяйства, а также введеніемъ впервые особыхъ штатовъ для мирнаго и военнаго времени. Къ сожалѣнію, сокращеніе военнаго бюджета было достигнуто на счетъ полевой дѣйствующей арміи. Разница между штатами мирнаго и военнаго времени для войскъ была незначительна (157,546 чел. и 167,019 чел.), но она была относительно весьма велика для чиновъ квартирмейстерской части.

По штатамъ 1731 года численность генералитета и штабныхъ чиновъ была уменьшена: въ мирное время положено имѣть этихъ чиновъ 259 (въ томъ числѣ собственно канцелярскихъ чиновъ 158), а въ военное время 302 (въ томъ числѣ канцелярскихъ 175). Такое уменьшеніе, свидѣтельствующее, между прочимъ, о силѣ бюрократическаго элемента (явившагося достойнымъ наслѣдникомъ прежнихъ дьяковъ), отнесено было преимущественно на чиновъ квартирмейстерской части, между которыми, по штатамъ мирнаго времени, были сокращены «за ненадобностію»: одинъ генералъ-квартирмейстеръ, всѣ оберъ-квартирмейстеры и капитаны надъ вожатыми съ ихъ поручиками; чиновъ послѣднихъ двухъ разрядовъ положено было не имѣть и въ военное время съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ войны, должности капитановъ надъ вожатыми исполнялись оберъ-квартирмейстерами, что, впрочемъ, предоставлялось на усмотрѣніе главнокомандующаго. Въ составѣ генеральнаго штаба арміи полагалось имѣть: а) въ военное время—2 генералъ-квартирмейстеровъ, 2 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ, 5 оберъ-квартирмейстеровъ, 2 генералъ-штабъ-квартирмейстеровъ и 2 штабъ-фурьеровъ, а всего 13; б) въ мирное время — 1 генералъ-квартир-

мейстера, 2 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ и 2 генералъ-штабъ-квартирмейстеровъ, а всего пять квартирмейстерскихъ чиновъ на всю армію. Изъ нихъ генералъ-квартирмейстеръ и оба генералъ-штабъ-квартирмейстера должны были находиться постоянно при Украинскомъ корпусѣ, стоявшемъ на наиболѣе важной въ то время нашей турецкой границѣ, а генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты должны были исполнять самыя разнообразныя порученія: такъ, ихъ предполагалось назначать для командировокъ заграницу, а, оставаясь въ предѣлахъ имперіи, они должны были наблюдать за строеніемъ и починкою крѣпостей, находившихся въ распоряженіи тѣхъ войскъ, при коихъ состояли эти чины. Въ то же время инженерный корпусъ принялъ на себя многія обязанности квартирмейстерской части; вообще же смѣшеніе обязанностей квартирмейстерскихъ чиновъ и инженеровъ, существовавшее и при Петрѣ I, перешло теперь въ подчиненіе квартирмейстерской части инженерному элементу.

Это излишнее возвышеніе инженернаго элемента не могло не отразиться на самомъ образѣ веденія операцій: преобладающее значеніе было дано *расположенію* войскъ надъ *движеніемъ*, а армія должна была являться твердынею, при столкновеніи съ которою разбивался бы всякій противникъ, вздумавшій нанести ей ударъ. Уже это одно является достаточнымъ показателемъ извѣстнаго упадка военнаго искусства въ Россіи въ эпоху реформъ Миниха. Не отрицая его талантливости, должно подчеркнуть также, что онъ придавалъ должное значеніе нравственному элементу, научился цѣнить боевыя достоинства русскаго солдата и всегда высоко поддерживалъ въ арміи традиціонное достоинство русской вооруженной силы, что удавалось далеко не всѣмъ иноземцамъ. Но, въ то же время, оставаясь истымъ сыномъ тогдашняго Запада, Минихъ, при веденіи операцій вообще, стремился достичь рѣшительныхъ результатовъ маршами-маневрами и демонстраціями, что, впрочемъ, не помѣшало ему, при атакѣ Гданска въ 1734 году, произвести безцѣльный и необдуманный штурмъ Гагельсберга съ большими потерями, окончившійся, къ тому же, неудачею; послѣ этого злоупотребленія храбростью войскъ онъ сдѣлался даже черезъ-чуръ осторожнымъ и въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время извѣстной Ставучанской операціи 1739 года, когда онъ далъ образецъ «полкохожденія» (съ обозомъ), отличавшагося чуть ли не такою же пассивностью, какъ извѣстное «полкохожденіе» въ Шереметевскую войну царя Алексѣя Михайловича.

Не такой полководецъ могъ создать настоящую русскую бое-

вую школу; не такой военный администраторъ могъ ввести въ военной системѣ русскаго государства необходимыя усовершенствованія; не въ его управленіе и командованіе могла двинуться впередъ и русская квартирмейстерская часть, которая при немъ стояла, конечно, на низшемъ уровнѣ, чѣмъ при Петрѣ I. Преимущества, которыми пользовались гвардія, артилерія и инженерный корпусъ, отвлекали къ себѣ чуть ли не всѣхъ наиболѣе образованныхъ и развитыхъ людей того времени, что неизбѣжно отражалось на комплектованіи квартирмейстерской части. При ограниченномъ содержаніи и большихъ расходахъ, офицеры этой части, какъ и всей вообще нашей арміи, могли содержать себя только при условіи наличности у нихъ своихъ собственныхъ средствъ. Между тѣмъ квартирмейстерская служба не представляла никакихъ особенныхъ преимуществъ, а только одни затрудненія, къ чему нужно еще добавить неопредѣленность положенія чиновъ этой части. Поэтому даже и малое число должностей квартирмейстерской службы не замѣщалось полностью въ мирное время.

Такимъ образомъ, хотя, въ сравненіи съ тѣмъ, что было тогда же на Западѣ, разница и не была велика, и во многихъ арміяхъ квартирмейстерская часть даже уступала нашей, но все же и послѣдняя не находилась на высотѣ своего назначенія. То же можно сказать и относительно дополнявшихъ ея дѣятельность чиновниковъ въ управленіяхъ, а равно и чиновъ инженернаго корпуса и даже генеральскихъ адъютантовъ.

Въ общемъ, въ эту эпоху приходится отмѣтить уклоненіе отъ началъ, положенныхъ въ основаніе устройства, постановки и подготовки вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и управленія Петромъ Великимъ, и соотвѣтственное ихъ ухудшеніе.

13. Паденіе иноземцевъ съ воцареніемъ Императрицы Елисаветы Петровны. Стремленіе къ возстановленію петровскихъ порядковъ и его результаты. Подчиненіе русской политики и стратегіи—политикѣ и стратегіи австрійской. Слѣдствія этого подчиненія. Ненормальность положенія квартирмейстерской части. Значеніе боевого опыта Семилѣтней войны.

Въ кратковременное царствованіе младенца Императора Іоанна Антоновича (1740—1741), никакихъ улучшеній произойти не могло, ибо уже сама непрочность установившагося порядка исключала возможность сколько нибудь существенныхъ перемѣнъ. Въ

концѣ 1740 года фельдмаршалъ Минихъ, получивъ на то полномочіе отъ матери Императора, принцессы Анны Леопольдовны, арестовалъ регента Бирона, который былъ отрѣшенъ отъ регентства и сосланъ въ Пелымъ. Принцесса Анна Леопольдовна была провозглашена правительницею, а Минихъ сдѣлался первымъ министромъ.

Ненормальность тогдашнихъ отношеній между высшими въ государствѣ лицами характеризуется тѣмъ, что въ указѣ о производствѣ въ генералиссимусы отца Императора, принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго было сказано: хотя фельдмаршалъ графъ Минихъ, за знаменитыя услуги, оказанныя имъ государству, имѣлъ право разсчитывать на званіе генералиссимуса, но онъ отказывается отъ него въ пользу принца, довольствуясь мѣстомъ перваго министра. Сверхъ того, принцъ Антонъ-Ульрихъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Минихъ не признавалъ своего подчиненія ему, генералиссимусу, если и дѣлалъ ему представленія, то лишь о неважныхъ дѣлахъ и притомъ въ несоотвѣтственной формѣ. Враги Миниха этимъ воспользовались и вскорѣ онъ былъ уволенъ въ отставку.

Продолжавшееся господство иноземцевъ, заботившихся только о своихъ интересахъ и относившихся крайне безцеремонно и пренебрежительно къ русскимъ, вызвало всеобщее неудовольствіе, выразительницею котораго явилась гвардія, участвовавшая во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ того времени. Было бы несправедливо, однако, сравнивать ее съ какими-нибудь преторіанцами и янычарами, производившими подобные перевороты по своекорыстнымъ побужденіямъ. Гвардія заключала въ себѣ лучшихъ русскихъ людей того времени, которымъ дороги были интересы Россіи и которые желали только, чтобы престолъ принадлежалъ законному государю. Неудивительно поэтому, что когда, ночью 25-го ноября 1741 года, цесаревна Елисавета Петровна явилась въ казармы Преображенскаго полка и, обратившись къ гренадерской ротѣ этого полка, сказала: «Ребята! вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною», то всѣ преображенцы, офицеры и солдаты, закричали въ отвѣтъ: «Матушка! мы готовы, мы ихъ всѣхъ перебьемъ». Убивать цесаревна никого не позволила, но безъ труда арестовала правительницу съ сыномъ и всѣми близкими къ ней лицами и вступила на престолъ Петра Великаго. Воцареніе ея было принято всею Россіею съ восторгомъ. Неопредѣленное и неустойчивое положеніе дѣлъ прекратилось. Нравственная атмосфера очистилась. Явилась возможность приступить къ упорядоченію всѣхъ государственныхъ

и въ частности военныхъ дѣлъ, послѣ чего только возможно было дальнѣйшее движеніе впередъ, прервавшееся со смертью Петра I.

12-го декабря 1741 года былъ обнародованъ высочайшій указъ, въ которомъ Императрица отмѣтила «нарушеніе порядка государственнаго управленія», какъ онъ былъ при ея отцѣ, «отъ чего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло», а потому, «для отвращенія прежнихъ непорядковъ, «повелѣла, чтобы правительствующій сенатъ имѣлъ прежнюю свою силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было повелѣно: «всѣ указы и регламенты Петра Великаго накрѣпчайше содержать и по нихъ неотмѣнно поступать, не отрѣшая и послѣдующихъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые съ состояніемъ настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны».

«Кабинетъ» былъ уничтоженъ, но при дворѣ состояло *«министерское и генералитетское собраніе»*, имѣвшее значеніе чрезвычайнаго совѣта по внѣшнимъ и внутреннимъ дѣламъ. Государственные люди, возвысившіеся въ царствованіе Елисаветы Петровны, несомнѣнно были преданы Россіи и гораздо болѣе заботились о ея благѣ, чѣмъ ихъ предшественники иноземцы, но и они большею частью слишкомъ высоко ставили свои собственные интересы и слишкомъ много занимались интригами, связанными съ взаимною между ними борьбою за вліяніе на дѣла, а что всего хуже, не были въ состояніи понять, въ чемъ именно заключались дѣйствительные интересы Россіи, какія цѣли должно ставить въ области внѣшней ея политики, на какихъ условіяхъ допустимы соглашенія съ тѣми или другими западно-европейскими державами, въ чемъ военная система Россіи уступала тѣмъ или другимъ западно-европейскимъ военнымъ системамъ и въ чемъ она ихъ превосходила. Культурное превосходство Запада производило на громадное большинство тогдашнихъ русскихъ людей высшаго слоя общества такое сильное впечатлѣніе, что они не могли допустить, что русскіе въ чемъ нибудь превосходятъ западныхъ европейцевъ. Не взирая на то, что сама Императрица и нѣкоторые ея сподвижники думали и чувствовали иначе, подъемъ русскаго національнаго самосознанія въ эту эпоху былъ меньше, чѣмъ можно было ожидать, потому что громадное большинство людей, какъ стоявшихъ, такъ и не стоявшихъ у дѣлъ, не было одушевлено такою же вѣрою въ Россію и въ русскихъ людей, какъ сама Государыня и указанное меньшинство.

Это отразилось, прежде всего, на внѣшней политикѣ Россіи, а затѣмъ и на ея внутреннихъ и военныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ.

Могущество государства настолько уже возросло, что оно могло приступить къ довершенію объединенія Руси посредствомъ возвращенія отъ Польши захваченныхъ ею русскихъ земель, безъ чего былъ невозможенъ дальнѣйшій ростъ и развитіе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Достиженіе этой цѣли облегчалось продолжительною борьбою прусскаго короля Фридриха II съ Австріею, въ которой приняла участіе почти вся Западная Европа и которая истощила обѣ стороны. Россія приняла участіе въ этой борьбѣ, во время извѣстной Семилѣтней войны, по главными цѣлями ея явились: «сокращеніе силъ скоропостижнаго прусскаго короля» и возвращеніе Австріи отторгнутой отъ нея Фридрихомъ Силезіи, а затѣмъ уже пріобрѣтеніе Россіею Восточной Пруссіи. Съ 1757 до 1761 г. Россія вела эту войну, подчиняя свои интересы интересамъ Австріи, а потому и не добилась сколько нибудь соотвѣтственныхъ результатовъ, не взирая на успѣхи, одержанные русскими войсками, которыя завоевали Восточную Пруссію, перенесли военныя дѣйствія въ Померанію, Силезію и Бранденбургію, угрожали самому Берлину и даже захватили, хотя не надолго, этотъ городъ, приведя Фридриха Великаго на край пропасти. Оставалось только толкнуть его въ эту пропасть, но для этого нужно было взять въ свои руки направленіе военныхъ дѣйствій коалиціи и заставить австрійцевъ согласовать свои операціи съ дѣйствіями нашихъ войскъ, а не позволять имъ вести себя почти все это время на помочахъ. Къ чести русскихъ военныхъ людей, принадлежавшихъ къ составу верха арміи, должно признать, что они большею частью понимали этотъ вопросъ правильно, т. е. согласно съ обстановкою; мало того, нѣкоторые изъ нихъ напрягали всѣ свои усилія къ тому, чтобы освободиться отъ подчиненія интересамъ Австріи, но безуспѣшно.

Проведенію въ области политики и стратегіи цѣлей, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ интересамъ Россіи, препятствовало выше указанное, не соотвѣтствовавшее имъ, пониманіе дѣла тогдашними нашими государственными людьми и особенно дипломатами, не исключая и самаго талантливаго изъ нихъ, графа А. П. Бестужева-Рюмина.

3-го марта 1756 года, Императрица повелѣла колегіи иностранныхъ дѣлъ представить докладъ по поводу назрѣвшихъ политическихъ вопросовъ, слѣдствіемъ чего явилась записка канцлера слѣдующаго содержанія: «Когда канцлеръ, въ окончаніи пространнаго

своего представленія отъ 19-го января, упоминалъ вкратцѣ о надобности учредить нѣкоторую особливую изъ довѣренныхъ персонъ комисію, которая бы подъ единымъ руководствомъ Ея Императорскаго Величества поручаемое ей отправляла; то онъ тогда подлинно не имѣлъ еще къ тому другой важнѣйшей причины, какъ только чтобъ удобнѣй и съ лучшимъ порядкомъ исполнять принятыя обязательства. Почему, ежели бъ почитать, что заключенный въ Англіи съ королемъ прусскимъ трактатъ разрушаетъ нѣкоторымъ образомъ здѣшнюю конвенцію, то вышепоказанное о учрежденіи нѣкотораго совѣта представленіе могло бъ теперь уже прошедшимъ дѣломъ считаться. Но понеже вмѣсто того сей съ Пруссіею трактатъ, не разрушая ни мало здѣшней конвенціи и обѣщая паче, что Англія нынѣ еще охотнѣе по сту тысячъ фунтовъ стерлинговъ на годъ давать будетъ за содержаніе *здѣшнихъ войскъ* [1]) въ Лифляндіи.... перемѣняетъ однакожь.... весь видъ бывшаго донынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія: то скорѣй произведеніе въ дѣйство вышепоказаннаго представленія нынѣ паче, нежели когда либо, нужно и полезно быть имѣетъ; надобно принятіе такой резолюціи, которая бы всѣхъ въ Европѣ державъ, такъ сказать, удивя и остановя въ своихъ устремленіяхъ, обратила ихъ глаза и атенцію предпочтительно всѣмъ другимъ на здѣшній дворъ, и чрезъ то сдѣлавъ ихъ неотмѣнными искателями здѣшней дружбы, и избирать тогда что лучшее. Ничего къ сему способнѣе быть не можетъ, какъ когда бъ Ея Императорское Величество, избравъ наидостойнѣйшихъ монаршей своей довѣренности персонъ, учредила изъ нихъ при своемъ дворѣ тайный военный совѣтъ, не только для нынѣшняго времени, но и навсегда... Весьма много сему первому распоряженію важности прибавится, ежели бъ притомъ еще угодно было повелѣть, чтобъ сей тайный военный совѣтъ началъ исправленіе своей должности приведеніемъ генерально всѣхъ здѣшнихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ такую готовность и состояніе, чтобъ тотчасъ все въ движеніе прійти и каждый полкъ въ 24 часа въ походъ выступить могъ. Понеже теперь должность и упражненіе подобнаго тайнаго военнаго совѣта почти генерально всю политическую систему въ себѣ заключать имѣютъ, то кого бы Ея Императорское Величество и сколько членами онаго назначить не соизволила, канцлеру и вице-канцлеру въ томъ числѣ быть нужно».

---

[1]) Курсивъ нашъ. Такъ называетъ наши войска нашъ же канцлеръ, готовый отдать ихъ въ услуженіе другой державѣ въ качествѣ наемниковъ по приказанію свыше.

14-го марта того же года была учреждена, вмѣсто предлагаемаго военнаго совѣта, *конференція*, членами которой были назначены: Великій Князь Петръ Θеодоровичъ, графы А. П. и М. П. Бестужевы-Рюмины, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, сенаторъ Бутурлинъ, вице-канцлеръ Воронцовъ, сенаторъ князь М. Голицынъ, генералъ С. С. Апраксинъ и графы А. И. и П. И. Шуваловы. Секретаремъ былъ назначенъ Дмитрій Волковъ. Такимъ образомъ въ этомъ «военномъ совѣтѣ» преобладали люди не военные. Конференціи повелѣно собираться два раза въ недѣлю.

Учрежденіе это принесло извѣстную пользу, такъ какъ оно до извѣстной степени объединило управленіе [1]) не только военно-сухопутными, но и морскими силами государства и установило требуемую связь между политикою и стратегіею, но польза, имъ принесенная, была ничтожна въ сравненіи съ проистекавшимъ отсюда же вредомъ, такъ какъ конференція явилась подобіемъ извѣстнаго австрійскаго гофкригсрата, взяла въ свои руки всѣ главныя нити стратегическихъ операцій нашей арміи въ Семилѣтнюю войну, руководила этими операціями изъ С.-Петербурга, находясь въ разстояніи 1,000 и болѣе верстъ отъ арміи, и превратила главнокомандующаго въ своего агента, который не располагалъ «полною мочью» и которому приходилось только исполнять предписанія и инструкціи конференціи и даже требованія австрійскаго правительства и австрійскаго главнокомандующаго.

Въ составѣ конференціи не было лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ веденія военныхъ операцій; этимъ и объясняется болѣе или менѣе полное подчиненіе русской стратегіи интересамъ ложной стратегіи австрійской, вытекавшей изъ таковаго же подчиненія и русской политики интересамъ политики австрійской, узко и неправильно понимаемымъ самою Австріею. Если на дѣлѣ русская армія освобождалась по временамъ отъ этой зависимости, то это было дѣломъ русскихъ главнокомандующихъ и вообще русскихъ людей, стоявшихъ у дѣла, понимавшихъ обстановку и всѣми силами старавшихся исправить ошибки конференціи.

Во всякомъ случаѣ положеніе русскихъ главнокомандующихъ и вообще верха русской арміи въ Семилѣтнюю войну было въ высшей степени трудно; имъ приходилось жить и дѣйствовать въ особой атмосферѣ подчиненнаго положенія, что, конечно, отражалось

---

[1]) Конференціи пришлось столкнуться съ сенатомъ, который вскорѣ началъ отстаивать свое положеніе, какъ «перваго государственнаго мѣста».

въ соотвѣтственно неблагопріятномъ смыслѣ на ихъ творческой дѣятельности и вообще на веденіи ими операцій.

Соотвѣтственно трудно было положеніе вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія, особенно чиновъ квартирмейстерской части, ослабленіе которой совпало съ усиленіемъ инженернаго элемента; невыгоды же послѣдняго выразились въ томъ, что въ Семилѣтнюю войну русскія войска едва ли не болѣе работали лопатою. чѣмъ оружіемъ, а что всего хуже, работали лопатою большею частью безъ дѣйствительной къ тому надобности.

Инженерное вѣдомство, поднятое Минихомъ, поднялось еще болѣе при графѣ Шуваловѣ, который былъ назначенъ, въ 1756 г., генералъ-фельдцейхмейстеромъ и главнымъ начальникомъ инженернаго корпуса и который привелъ въ систематическій порядокъ все ранѣе установленное. Онъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на полнѣйшій недостатокъ картъ и описаній прежнихъ кампаній. объявилъ строгій выговоръ *канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи* за то, что она не обращала вниманія на собираніе и храненіе документовъ, относящихся къ предшествовавшимъ войнамъ, и предписалъ, чтобы впредь состоящіе при арміяхъ инженеры были непремѣнно снабжаемы подробными инструкціями о томъ, какъ они должны составлять маршъ-карты, планы, журналы и описанія военныхъ дѣйствій.

Онъ же положилъ начало устройству *инженернаго архива*, при которомъ должны храниться не только планы и чертежи всѣхъ крѣпостей, но и всѣхъ мѣстъ вообще, генеральныя и спеціальныя карты, а равно и описанія прежнихъ войнъ и военныхъ дѣйствій. Этимъ было положено начало тому хранилищу, которое впослѣдствіи послужило однимъ изъ основаній для нашихъ *военно-топографическаго депо* и нынѣшняго *военно-ученаго архива*.

Изъ инструкціи, данной графомъ Шуваловымъ, 17-го января 1757 года, инженеръ генералъ-маіору *де-Боскету*, назначенному начальникомъ инженеровъ въ армію фельдмаршала Апраксина, видно, что инженерные офицеры назначались въ распоряженіе начальниковъ дивизій и отдѣляемыхъ отъ арміи начальниковъ отрядовъ и что они, независимо отъ обязанностей по своей прямой спеціальности, должны были сочинять подробныя маршъ-карты всѣмъ мѣстамъ, по которымъ слѣдовали войска, описывать и исправлять дороги, снимать планы лагерей, позицій и т. п., показывать на особыхъ картахъ кантониръ-квартиры и винтеръ-квартиры и, наконецъ, вести подробные и обстоятельные журналы военныхъ дѣйствій.

Въ виду подобнаго развитія круга дѣйствій и обязанностей инженерныхъ офицеровъ, собственно для квартирмейстерскихъ чиновъ оставалось немногое, тѣмъ болѣе, что при высшемъ генералитетѣ усилилось значеніе *адъютантуры*. Особенно важное значеніе имѣли два *генералъ-адъютанта* главнокомандующаго, завѣдывавшіе военно-походною канцеляріею, а затѣмъ четыре его же *флигель-адъютанта* (какъ и ранѣе, назначавшіеся соотвѣтственно флангамъ двухъ линій боевого порядка). Адъютанты, состоявшіе при остальныхъ генералахъ, избирались по преимуществу изъ ихъ родственниковъ или близкихъ къ нимъ лицъ, находились при нихъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, отлично изучали свои постоянныя обязанности, пользовались полнымъ довѣріемъ своихъ начальниковъ и такимъ образомъ отнимали у квартирмейстерскихъ чиновъ другую часть ихъ круга дѣйствій, правъ и обязанностей.

Ненормальность положенія квартирмейстерской части и вытекавшія отсюда послѣдствія не замедлили обнаружиться въ Семилѣтнюю войну; сплошь и рядомъ не оказывалось подъ рукою достаточнаго числа заблаговременно и въ достаточной степени подготовленныхъ квартирмейстерскихъ офицеровъ, для замѣщенія коихъ назначались не только инженерные, но и строевые офицеры; чины квартирмейстерскіе совершенно позабыли о нѣкоторыхъ, весьма важныхъ своихъ обязанностяхъ, вмѣсто чего собирали провіантъ и фуражъ и т. п.[1]). Однако эта же война послужила отличною боевою школою всей нашей арміи и не могла не отразиться на квартирмейстерской части. Изъ состава генералитета нашей арміи выдвинулись такіе первоклассные дѣятели, какъ графъ П. А. *Румянцевъ*, П. И. *Панинъ* и З. Г. *Чернышевъ;* изъ нихъ П. И. Панинъ, исполняя обязанности дежурнаго генерала, сплошь и рядомъ исполнялъ обязанности нынѣшняго начальника штаба и притомъ съ полнымъ успѣхомъ; къ концу войны онъ былъ уже генералъ-аншефомъ и, обладая большимъ опытомъ и знаніемъ военнаго дѣла, могъ представить на благоусмотрѣніе высшей власти цѣнныя соображенія по вопросу объ усовершенствованіи квартирмейстерской части и объ улучшеніи ея постановки; о Румянцевѣ и говорить нечего: высокоталантливый полководецъ, подготовившій стра-

---

[1]) Въ видахъ подробнаго изученія операцій нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну слѣдуетъ пользоваться прежде всего сочиненіемъ покойнаго професора генералъ-маіора Д. Ф. *Масловскаго*: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», и т. д., а затѣмъ соотвѣтственными архивными матеріалами.

тегическое положеніе, необходимое для нанесенія рѣшительнаго удара Фридриху Великому, не могъ не быть знатокомъ разсматриваемаго вопроса; почти то же можно сказать и талантливомъ администраторѣ, З. Г. Чернышевѣ. Въ составѣ самой квартирмейстерской части имѣлись уже такіе достойные ея представители, какъ генералъ-квартирмейстеръ при арміи фельдмаршала Апраксина, Х. Ф. *Штофельнъ* и генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ при той же арміи, И. И. *Веймарнъ*. Послѣдній вскорѣ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ на мѣсто Н. П. *Вильбоа*, который не только не умѣлъ ужиться съ тогдашними порядками, но еще говорилъ о своихъ сослуживцахъ: «Чортъ ихъ возьми, здѣсь надобно притворяться такимъ же дуракомъ, какъ и всѣ, иначе всѣхъ сдѣлаешь себѣ непріятелями». Ему и пришлось выйти въ отставку; замѣститель же его, Веймарнъ пользовался большимъ вліяніемъ на фельдмаршала, котораго, по отзыву современниковъ, «водилъ, какъ на веревочкѣ».

Съ теченіемъ времени стали выдвигаться и младшіе чины квартирмейстерской части, составъ которой началъ замѣтно пополняться въ численномъ и улучшаться въ качественномъ отношеніи; къ концу войны при арміи состояло: 2 генералъ-квартирмейстера (князь *Вяземскій* и баронъ фонъ *Эльмптъ*), 4 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта (П. *Ивашевъ*, П. *Чарторижскій*, М. *Каменскій* и М. *Каховскій*) и 8 оберъ-квартирмейстеровъ. Когда и какимъ образомъ эти лица попали въ квартирмейстерскую часть, въ точности (за малыми исключеніями) неизвѣстно; по всему вѣроятію, дѣло не обошлось безъ протекціи и т. п.; тѣмъ не менѣе, одинъ боевой опытъ сильно повышалъ служебную годность этихъ чиновъ; если же принять во вниманіе, что весь корпусъ офицеровъ нашей дѣйствующей арміи, подъ вліяніемъ того же боевого опыта, проникся духомъ иниціативы и вообще пріобрѣлъ замѣчательную для того времени боевую подготовку, то имѣется основаніе заключить, что эти немногочисленные, выбранные изъ такой среды, офицеры въ достаточной степени удовлетворяли тогдашнимъ требованіямъ той спеціальной службы, которой они себя посвятили.

Но этого было недостаточно; необходимо было воспользоваться опытомъ столь продолжительной и поучительной войны, точно опредѣлить выяснившіеся недостатки организаціи квартирмейстерской части, ея постановки и подготовки и устранить таковые на будущее время.

14. Начинанія Императора Петра III. Политическія отношенія при Императрицѣ Екатеринѣ II. Програма Н. И. Панина. Поправки, введенныя въ эту программу Императрицею. Постановка на очередь и рѣшеніе польско-русскаго вопроса. Военная система Польши наканунѣ ея паденія. Значеніе паденія Польши.

Императоръ Петръ III (1761—1762) началъ было переустраивать военную систему Россіи по прусскимъ образцамъ, но дѣятельность его была весьма не продолжительна и не отразилась на квартирмейстерской части, которая подверглась преобразованію уже въ царствованіе его преемницы, императрицы Екатерины II.

Въ моментъ вступленія на престолъ императора Петра III чувствовалось уже приближеніе конца семилѣтней войны. По собственному своему признанію, Фридрихъ Великій не видѣлъ для себя спасенія, ибо понималъ, что Россія, владѣя Восточною Пруссіею и утвердившись въ Помераніи, обезпечивъ своей арміи сообщеніе съ базою и съ отечествомъ, доведя ее до 100—110,000 чел., снабдивъ ее необходимою осадною артилеріею и поставивъ во главѣ ближайшей къ Берлину половины этой арміи такого генерала, какъ Румянцевъ,—могла нанести Пруссіи рѣшительный ударъ, даже въ томъ случаѣ, если бы остальные союзники дѣйствовали по прежнему. Фридриху оставалось, по его же выраженію, «умереть по королевски» (mourir en roi). Его спасло только воцареніе его друга и почитателя, Петра III, который отказался отъ союза съ Австріею, заключилъ миръ съ Пруссіею, вступилъ съ нею въ переговоры о заключеніи союзнаго договора, повелѣлъ корпусу Чернышева поступить въ распоряженіе прусскаго короля и началъ готовиться къ войнѣ съ Даніею.

Проектъ упомянутаго союзнаго русско-прусскаго договора предусматривалъ соглашеніе и совмѣстныя дѣйствія Россіи и Пруссіи въ Польшѣ, въ видахъ поддержки «единовѣрныхъ обѣихъ сторонъ... подъ именемъ диссидентовъ разумѣющихся греческаго исповѣданія и реформатской и лютерской религіи обывателей Польши и Литвы... чтобъ помянутые диссиденты могли паки достигнуть отнятыхъ у нихъ правъ... или... чтобъ соблюдены быть могли въ томъ состояніи, въ какомъ обрѣтаются, до лучшихъ временъ и конъюнктуръ»... Такимъ образомъ предусматривалась постановка на очередь польско-русскаго вопроса, но при этомъ Россія обязывалась согласовать свои дѣйствія съ интересами и дѣйствіями той самой Пруссіи, ко-

торую, незадолго до того, считалось необходимымъ чуть ли не уничтожить.

Въ манифестѣ Императрицы Екатерины II, при вступленіи ея на престолъ, было, между прочимъ сказано: «... Слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ чрезъ многое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ ... отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе»... Но, по мнѣнію Императрицы, *миръ* былъ ей нуженъ по неупроченности ея положенія, по желанію ея заняться внутренними дѣлами и по отношеніямъ къ Польшѣ, а потому рѣшено было мира съ Пруссіею не нарушать. Выходъ Россіи изъ состава враждебной Фридриху Великому коалиціи повліялъ на остальныхъ участниковъ войны въ смыслѣ побужденія ихъ къ прекращенію безполезной (отнынѣ) борьбы. Въ февралѣ 1763 года семилѣтняя война была окончена. Этотъ историческій моментъ въ высшей степени важенъ, знаменуя собою упроченіе положенія Пруссіи въ качествѣ соперницы Австріи въ Германіи и въ качествѣ новой великой европейской державы. Это возвышеніе Пруссіи принесло не малый вредъ Россіи, еще большій Австріи, а наибольшій Польшѣ, дни которой были отнынѣ сочтены, ибо Пруссія стремилась неукоснительно къ уничтоженію черезполосности своихъ владѣній на счетъ Польши, а Австрія не считала возможнымъ допустить подобное усиленіе Пруссіи, не вознаградивъ себя на счетъ той же Польши.

Россія первоначально стремилась къ сохраненію Польши, что отвѣчало программѣ Н. И. Панина, занимавшаго въ то время выдающееся положеніе въ ряду совѣтниковъ Императрицы вообще и первое мѣсто по отношенію къ внѣшней политикѣ государства. Панинъ, подобно многимъ другимъ русскимъ государственнымъ людямъ того времени, желалъ усиленія значенія Россіи, но для этого придумывалъ особенно замысловатыя средства, «идиллическія» въ глазахъ западно-европейскихъ политиковъ; чуждый стремленія пріобрѣсть что нибудь для Россіи, онъ придумалъ союзъ съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которомъ сильныя государства должны были соединиться съ слабыми, принимая на себя обязанности блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ именно и былъ знаменитый «*сѣверный аккортъ*» Панина, въ составъ котораго должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія и Польша, при чемъ Польшѣ должно было дать возможность выйти изъ состоянія анархіи и усилиться, дабы она могла быть полезна предполагаемому союзу. При этомъ Па-

нинъ, какъ и его предшественники, понимавшіе программу Петра Великаго не по духу, но по буквѣ, предполагалъ возможнымъ удерживать и впредь Польшу подъ вліяніемъ Россіи. Такъ какъ Фридрихъ Великій, съ своей стороны, только ожидалъ удобнаго случая, чтобы воспользоваться слабостью Швеціи, Даніи, Саксоніи и въ особенности Польши и такъ какъ и Англія не могла слѣдовать подобной «идиллической» программѣ, то этотъ планъ Панина не могъ осуществиться.

Тѣмъ не менѣе, Панину удалось на первыхъ порахъ убѣдить Императрицу въ необходимости проведенія въ жизнь изобрѣтенной имъ политической программы, результатомъ чего явилось вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши по смерти короля Августа III († 1763).

Въ 1764 году русскія войска, въ числѣ 12,700—16,700 чел., вступили въ Польшу для поддержки партіи князей Чарторыйскихъ и намѣченнаго кандидата въ преемники Августу III, родственника ихъ графа Понятовскаго. Сама Императрица мотивировала этотъ выборъ тѣмъ, что «изъ всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе шансовъ и слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи». Противники Чарторыйскихъ, составившіе партію великаго короннаго гетмана Браницкаго, и другія, примкнувшія къ ней, партіи, могли располагать во всей Польшѣ и Литвѣ съ Западною Русью 12,000 — 15,000 чел., а въ томъ или другомъ важномъ пунктѣ могли сосредоточить до 4,000 и никакъ не болѣе 6,000 чел. и только въ самой Варшавѣ могли, въ крайности, удвоить эти силы. Боевая подготовка этихъ войскъ не могла выдержать сравненія съ таковою же подготовкою русскихъ войскъ. Не удивительно, что не многочисленныя русскія войска безъ особеннаго труда подавили противниковъ Чарторыйскихъ и дали возможность провести избраніе въ короли графа Понятовскаго, принявшаго имя *Станислава-Августа*. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Чарторыйскіе провели намѣченныя ими (и не возбраненныя Россіею) реформы, а именно: а) для поднятія городовъ имъ было возвращено самоуправленіе; б) улучшено было судопроизводство; в) функціонированіе сейма было упорядочено, при чемъ былъ поколебленъ принципъ *единогласія*, обязательность котораго оставлена только для установленія законовъ, и наконецъ г) была установлена *дѣйствительная* (исполнительная) *правительственная власть*, въ видѣ двухъ комисій, *финансовой* и *военной*; каждая изъ этихъ комисій составлялась изъ соотвѣтствующихъ министровъ (каковыми были признаны подскарбіи и гетманы),

4-хъ сенаторовъ и 12-ти шляхтичей, избираемыхъ сеймомъ; эти комисіи должны были рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ.

Новый король не обладалъ достаточною силою воли, необходимымъ въ его положеніи характеромъ и политическою иниціативою, но имѣлъ искреннее желаніе дополнить и осуществить реформы, начатыя Чарторыйскими. Подчиненность его Россіи (по мнѣнію профессора Бобржинскаго) была у него слѣдствіемъ главнымъ образомъ «того убѣжденія, что это единственное средство, которое спасетъ страну отъ погибели и дастъ ей возможность внутренняго возрожденія»...

По возведеніи на польскій престолъ Понятовскаго, Россія стала требовать отъ Польши возстановленія правъ диссидентовъ, что считалось соотвѣтственнымъ интересамъ Россіи, но въ данную эпоху соотвѣтствовало интересамъ Польши; поляки же, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, не понимая того, чего не понималъ и Панинъ, находили невозможнымъ исполнить требованіе Россіи, т. е. дѣйствовали согласно съ ея интересами и вопреки своимъ собственнымъ. Ихъ возмущало, въ особенности, вмѣшательство Россіи въ ихъ дѣла, такъ какъ, не взирая на крайнюю слабость Польши въ политическомъ и военномъ отношеніи, они все еще находились подъ впечатлѣніемъ прежняго (призрачнаго) могущества ихъ отечества и прежнихъ побѣдъ ихъ предковъ надъ врагами. Дѣйствія русскаго посланника въ Варшавѣ князя Репнина, который не затруднился даже арестовать нѣсколькихъ членовъ польскихъ сената и сейма, упорно сопротивлявшихся возстановленію правъ диссидентовъ, и вывезти ихъ въ Россію,—довели раздраженіе поляковъ до высшей степени развитія и привели ихъ къ вооруженному возстанію противъ Россіи и покровительствуемаго ею короля, извѣстному подъ названіемъ *Барской конфедераціи*, которая имѣла цѣлью изгнать изъ Польши русскія войска, низложить Понятовскаго и возстановить независимость Рѣчи Посполитой; Россіи же пришлось помогать польскому королю, дабы подавить конфедератовъ и добиться дѣйствительнаго исполненія своихъ требованій. Это и имѣло слѣдствіемъ *1-ую польскую* (или конфедератскую) *войну* Императрицы Екатерины II, начавшуюся въ 1768 году и приведшую къ первому раздѣлу Польши 1772—1773 г.г., по которому Россія возвратила отъ Польши Бѣлоруссію, т. е. должна была отступить отъ програмы Панина.

Въ это время ясно обнаружилась тѣсная связь между польско-русскимъ и турецкимъ вопросами. Турція препятствовала Рос-

сіи устроить польскія дѣла согласно съ ея интересами, тогда какъ Польша, пока была слаба, являлась, сама по себѣ, препятствіемъ для сведенія счетовъ съ Турціею, а усилившись, угрожала бы Россіи съ фланга въ случаѣ, если бы Россія пожелала вести войну съ Турціею. Послѣдняя не замедлила заключить съ польскими конфедератами союзъ, въ силу котораго, по изгнаніи русскихъ изъ Польши и по принужденіи Россіи къ заключенію мира, условія котораго будутъ ей продиктованы союзниками,—Польша должна была уступить Турціи Кіевскую область и получить за то отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію. Это имѣло слѣдствіемъ *1-ую турецкую войну* Императрицы Екатерины II 1769—1774 г.г., (во время которой турки были побѣждены и) которая усилила Россію на счетъ Турціи и передвинула границу Россіи на линію р. Буга и Черноморскаго побережья, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько улучшила положеніе Россіи по отношенію къ Польшѣ.

Такимъ образомъ выяснялась несостоятельность политической программы Панина, по отношенію къ Польшѣ, основанной на ея сохраненіи и на удержаніи ея подъ вліяніемъ Россіи, для чего приходилось чуть ли не постоянно держать въ Польшѣ русскія войска, стараясь даже силою навязать полякамъ нѣкоторыя благодѣтельныя для нихъ реформы и совершенно забывая о дѣйствительныхъ интересахъ Россіи. Императрица хотя и ввела поправку въ упомянутую программу въ томъ смыслѣ, что, посредствомъ перваго раздѣла Польши, положила начало возвращенію отъ нея западно-русскихъ земель, — не могла, однако, отказаться сразу отъ этой программы вполнѣ и даже была вынуждена допустить участіе въ упомянутомъ раздѣлѣ какъ Пруссіи, такъ и Австріи, не имѣвшихъ на то никакихъ законныхъ основаній, по вознаграждавшихъ этотъ недостатокъ искусствомъ своей дипломатіи.

Россія взяла отъ Польши только небольшую часть своего кровнаго достоянія, тогда какъ Австрія и Пруссія взяли не свое, а чужое. Тѣмъ не менѣе поляки возненавидѣли главнымъ образомъ Россію и эту ненависть нисколько не уменьшило замѣчательно дружелюбное отношеніе Россіи къ Польшѣ послѣ 1-го раздѣла; Россія ограничилась лишь подчиненіемъ Польши своему вліянію главнымъ образомъ въ области внѣшней политики и вообще въ томъ, что не препятствовало ея внутреннему развитію; въ отношеніи же послѣдняго она поставила Польшу въ такое благопріятное положеніе, въ какомъ послѣдняя, въ новые вѣка, еще не находилась, ибо, допустивъ извѣстное упорядоченіе ея государственнаго устройства и,

что было особенно важно, созданіе дѣйствительной исполнительной власти, не дозволяя никому вмѣшиваться въ дѣла Рѣчи Посполитой и оберегая ее подобно самому добросовѣстному опекуну, Россія дала Польшѣ возможность сдѣлать въ короткое время весьма большіе успѣхи въ отношеніи экономическомъ, и вообще культурномъ, и даже политическомъ. Лучшіе польскіе историки признаютъ, что время послѣ перваго раздѣла было чуть ли не лучшимъ во всей исторіи Польши. Но поляки не могли примириться съ потерею независимости, а потому и не были въ состояніи понять ни сущности своихъ отношеній къ Россіи, ни дѣйствительныхъ интересовъ своего отечества, требовавшихъ союза съ Россіею и даже возвращенія ей западно-русскихъ земель въ видахъ спасенія этнографической Польши.

При такихъ условіяхъ, необыкновенно быстрый ростъ національнаго самосознанія въ культурномъ польскомъ обществѣ, принявшаго, къ тому же, ложное направленіе, въ связи съ интригами враговъ Польши и Россіи, привелъ руководимую фанатиками-патріотами Рѣчь Посполитую къ политикѣ безусловно враждебной Россіи: большое число поляковъ пришло къ заключенію о необходимости произвести коренныя реформы въ государственномъ устройствѣ Рѣчи Посполитой, при чемъ усилить королевскую власть, создавъ дѣйствительное, а не номинальное правительство, и вмѣстѣ съ тѣмъ усилить армію на столько, чтобы она могла явиться надежнымъ орудіемъ для возвращенія и обезпеченія національной независимости. Реформы въ этомъ духѣ были проведены знаменитымъ *4-хълѣтнимъ сеймомъ*, созваннымъ въ 1788 году и продолжавшимъ свою дѣятельность до 1791 года включительно. Въ 1791 году польскіе патріоты, захвативъ въ свои руки руководство дѣлами на сеймѣ произвели государственный переворотъ и провели извѣстную «*конституцію 3-го мая*», выработанную въ выше указанномъ духѣ, а еще ранѣе того сеймъ постановилъ довести численность арміи до 100,000 человѣкъ; для лучшаго же обезпеченія своей независимости Польша заключила союзъ съ Пруссіею, которая, съ своей стороны, старалась столкнуть возможно скорѣе Польшу съ Россіею, дабы вынудить послѣднюю согласиться на новый раздѣлъ Рѣчи Посполитой.

Между тѣмъ въ Россіи, послѣ первой турецкой войны, первое мѣсто въ ряду совѣтниковъ Императрицы занялъ Г. А. Потемкинъ, человѣкъ талантливый, но склонный къ составленію грандіозныхъ проектовъ, основанныхъ не столько на строгомъ и тщательномъ изученіи фактовъ, сколько на порывахъ воображенія. Таковъ былъ

извѣстный *греческій проектъ*, сводившійся къ возстановленію греческой имперіи и вообще къ ликвидаціи наслѣдства, которое должно было остаться послѣ предполагаемаго изгнанія турокъ изъ Европы. Политика Потемкина дала Россіи Крымъ и земли по Кубани, но, вслѣдъ за тѣмъ, привела ее ко *2-й турецкой войнѣ* 1787—1791 гг., а между тѣмъ, въ 1788 году, и Швеція объявила Россіи войну.

Положеніе Россіи было весьма затруднительно. При этомъ снова обрисовалась весьма рельефно связь между турецкими и польскими дѣлами: это то положеніе и ободрило польскихъ патріотовъ и дало имъ возможность произвести выше указанныя перемѣны въ своемъ отечествѣ. Не ограничиваясь этимъ, новое польское правительство потребовало удаленія изъ юго-восточныхъ областей польскаго королевства русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, а равно и русскихъ магазиновъ. Императрица исполнила эти требованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣла князю Потемкину окончить войну съ Турціею возможно скорѣе.

Погрѣшности государственныхъ людей были исправлены главнымъ образомъ благодаря храбрости русскаго солдата, доблести русскаго офицера и генію Суворова, выдвинувшагося въ предъидущія войны, а теперь завершившаго цѣлый рядъ блестящихъ подвиговъ чуть ли не сказочнымъ штурмомъ Измаила. Вторая турецкая война Императрицы Екатерины II не могла дать, конечно, тѣхъ результатовъ, о которыхъ мечталъ Потемкинъ. Она окончилась, въ декабрѣ 1791 года, Ясскимъ миромъ, по которому Россія все же сдѣлала цѣнныя пріобрѣтенія, при чемъ придвинула свою границу съ Турціею къ Днѣстру, а что всего важнѣе, получила возможность свести счеты съ Польшею. Теперь уже было ясно, что программа Панина не выдерживаетъ критики и что Польшѣ нужно нанести достаточно сильный ударъ.

Въ слѣдующемъ же 1792 году, произошла *вторая польская война* Императрицы Екатерины II, которая направила въ Польшу двѣ арміи, генераловъ *Каховскаго* и *Кречетникова*, всего до 100,000 чел. Къ этому времени поляки довели численность своихъ войскъ лишь до 44,000 чел., а потому не были въ состояніи вести съ успѣхомъ хотя бы оборонительную войну; союзникъ же Польши, прусскій король бросилъ ее на произволъ судьбы и заключилъ соглашеніе съ Россіею. Польша была вынуждена смириться и подверглась *2-му раздѣлу 1792—1793 г.*, по которому Россія возвратила отъ нея нынѣшнюю Кіевскую, большую часть Минской и Волынской и Подольскую губернію, т. е. не только подвинула впе-

редъ дѣло объединенія русскихъ земель, но и поставила себя въ гораздо лучшее положеніе относительно Турціи.

Императрица все еще противилась окончательному уничтоженію Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе чего хотя и допустила новое усиленіе Пруссіи, получившей, при второмъ раздѣлѣ, Гданскъ, Торунь и часть Великой Польши, но, тѣмъ не менѣе, признала возможнымъ оставить еще, въ видѣ отдѣльнаго государства, значительно ослабленную Польшу, которая находилась, впрочемъ, всецѣло подъ вліяніемъ Россіи и въ предѣлахъ которой оставлены были, въ необходимомъ числѣ, русскія войска, тогда какъ большая часть польскихъ войскъ должна была быть распущена. Эти событія вызвали новый взрывъ негодованія среди поляковъ, которые, въ 1794 году, снова поднялись противъ Россіи и поставили во главѣ государства и арміи, въ качествѣ диктатора, талантливаго генерала *Ѳ. Костюшко;* Россія же была вынуждена подавить поляковъ, что и привело къ *3-й польской войнѣ* Императрицы Екатерины II, которою и завершилась многовѣковая борьба между Россіею и независимою Польшею въ пользу Россіи; при этомъ независимая Польша прекратила вовсе свое существованіе.

До перваго раздѣла Польши военное ея устройство сохраняло еще, по преимуществу, средневѣковый характеръ: главную часть вооруженной силы составляла конница, а главную часть послѣдней *народовая кавалерія* (хоругви гусарскія и панцырныя), комплектовавшаяся шляхтичами, носившими званіе *товарищей* и имѣвшими за собою вооруженныхъ слугъ или *«почтовыхъ»*; сверхъ того имѣлись, какъ и прежде, *драгуны* и *казаки*; по опредѣленію К. Гурскаго, конница эта находилась въ состояніи «совершеннаго разстройства»; недалеко отъ нея ушла и *пѣхота*, имѣвшая «чрезмѣрно разросшіеся штабы, громадное число дармоѣдовъ, именовавшихся сверхштатными, и сильно уменьшенное число рядовыхъ солдатъ»; *управленіе* войсками, по буквѣ, было такимъ же, какъ и прежде, а по духу достигло болѣе или менѣе полнаго разстройства. Полезное значеніе имѣло учрежденіе, въ 1765 году, *«военной комисіи»*, при помощи которой король Станиславъ-Августъ началъ производить различныя улучшенія въ военной системѣ Польши. Дѣятельность эта была прервана *Барскою конфедераціею* и первою русско-польскою или конфедератскою войною 1768 — 1772 гг.; во время же этой войны, вожди конфедератовъ, особенно Дюмурье и Віомениль (французы) старались организовать на ново вооруженныя силы

возставшихъ поляковъ, пользуясь, какъ кадрами, наемными иноземцами и перешедшими на сторону конфедераціи регулярными польскими войсками, но всѣ ихъ усилія не привели къ достаточно удовлетворительнымъ результатамъ.

«*Делегаціонный сеймъ*», утвердившій договоръ о первомъ раздѣлѣ Польши, учредилъ при особѣ короля и подъ его предсѣдательствомъ «*постоянный совѣтъ*» (изъ 18 сенаторовъ и 18 сеймовыхъ пословъ), который былъ облеченъ исполнительною властью. Король отлично воспользовался учрежденіемъ этого совѣта и, искусно направляя его по своему желанію, возобновилъ вышеупомянутую дѣятельность. Благодаря этому, польская военная система начала совершенствоваться по западно-европейскимъ образцамъ: армія была изъята изъ рукъ гетмановъ; соразмѣрность кавалеріи къ пѣхотѣ начала уменьшаться, тогда какъ численность той и другой увеличивалась; устройство войскъ и ихъ боевая подготовка улучшались; учрежденіе кадетскаго корпуса дало возможность выпускать въ армію достаточно хорошо образованныхъ и подготовленныхъ офицеровъ; возникла и *квартирмейстерская* часть, правда, еще только въ видѣ слабо развитой копіи западно-европейскаго образца.

Вторая русско-польская война 1792 года пріостановила ростъ и совершенствованіе польской арміи, а условія второго раздѣла въ корнѣ ихъ подрѣзали; въ третью же польско-русскую войну 1794 года, воодушевленіе поляковъ и талантъ Костюшки снова двинули польскую военную систему впередъ. Но это послѣднее движеніе было слишкомъ порывисто и скороспѣло; попытка Костюшки привлечь подъ знамена не только весь культурный слой общества, но и народныя массы дала, правда, поразительные для своего времени результаты, но и они оказались крайне недостаточными: численность польскихъ войскъ, получившихъ болѣе или менѣе сносную организацію, дошла въ эту войну до 95,000 чел., а съ крестьянскими и городскими ополченіями даже до 150,000 чел., но эта армія имѣла, по преимуществу, характеръ и всѣ свойства *импровизованной* вооруженной силы и не могла состязаться съ закаленными въ бояхъ, регулярными русскими войсками, особенно съ тѣхъ поръ, когда во главѣ этихъ войскъ сталъ Суворовъ. Война эта окончилась разгромомъ поляковъ при штурмѣ Праги, о которомъ самъ Суворовъ говорилъ: «дѣло сіе подобно измаильскому». Польша пала окончательно: по *третьему раздѣлу* 1795 года, Россія взяла почти всѣ остававшіяся еще подъ властью Польши русскія земли и

большую часть Литвы, а все остальное было раздѣлено между Австріею и Пруссіею.

Только теперь Россія завершила дѣло, начатое Петромъ Великимъ, котораго онъ и не могъ довести до конца: устранено было, наконецъ, главное препятствіе полному общенію Россіи съ Западною Европою, т. е. Россія сдѣлалась европейскою державою въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ этихъ поръ вліяніе Западной Европы на Россію растетъ и распространяется неимовѣрно быстро, что отражается и на всей ея военной системѣ вообще, и на постановкѣ вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія и командованія въ частности.

15. Эпоха расцвѣта военнаго искусства въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II. Вліяніе культурной отсталости Россіи на ходъ развитія въ ней военнаго дѣла. Реформы Императрицы Екатерины II въ области государственнаго и военнаго управленія. Военная комисія. Ея работы. Генеральный штабъ. Реформы, произведенныя при генералъ-квартирмейстерѣ фонъ-Бaурѣ.

Еще будучи великою княгинею, Екатерина II успѣла вполнѣ сродниться съ своимъ новымъ отечествомъ и полюбить все русское. Она искренно вѣрила въ силу и жизнеспособность русскаго народа, отлично знала и понимала его исторію, хорошо изучила его національныя особенности, вѣрно оцѣнила средства своего государства. Она обладала даромъ выбирать и понимать людей, умѣла поддерживать, объединять и направлять полезную дѣятельность лицъ разныхъ между собою взглядовъ къ одной общей цѣли, на благо общаго дѣла, сама вырабатывала свою государственную програму въ общемъ, но пользовалась при этомъ знаніями и опытомъ своихъ помощниковъ и совѣтниковъ въ отношеніи различныхъ частностей этой програмы, и предоставляла этимъ помощникамъ большую самостоятельность. «...Крупные и рѣшительные успѣхи достигаются только дружными усиліями всѣхъ..., а кто умнѣе, тому и книги въ руки...» Этимъ словамъ Императрицы соотвѣтствовала ея дѣятельность, которая и выдвинула впередъ лучшія умственныя силы тогдашней Россіи. Силами этими была особенно богата въ то время армія, на долю этой арміи выпала въ это царствованіе большая работа и въ результатѣ—русское военное дѣло именно при Екатеринѣ II достигло небывалой высоты развитія, идя дорогою, указанною Петромъ I; русское военное искусство опередило западно-европейское. Широкій просторъ для примѣненія частной

иниціативы (котораго она была совершенно лишена на Западѣ). Возвышеніе значенія личности солдата (который въ Россіи при Суворовѣ является «чудо-богатыремъ», а на Западѣ въ то же время низводится до степени забитаго, безсловеснаго автомата), внесеніе возможно полной энергіи какъ въ тактику, такъ и въ стратегію (что на Западѣ являлось лишь въ видѣ исключенія, да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ быстро шло на убыль)—все это доказываетъ, что Россія въ эту эпоху шла впереди Запада и притомъ шла самостоятельно.

Однако, культурная отсталость Россіи давала себя чувствовать все болѣе и болѣе сильно и, въ концѣ XVIII вѣка, задержала дальнѣйшее развитіе даже и военнаго дѣла; мало того, и достигнутые уже результаты не могли быть прочными.

При столь сложныхъ условіяхъ обстановки, невозможно уразумѣть тѣ или другія стороны военной системы тогдашней Россіи безъ уразумѣнія соотвѣтственныхъ сторонъ ея государственной системы вообще и ея административной системы въ особенности.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, по идеѣ Н. И. Панина, возникъ проектъ учрежденія постояннаго *Императорскаго совѣта*, который долженъ былъ представлять собою «установляемое формою государственною верховное мѣсто легисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе». По мнѣнію Панина, этотъ совѣтъ долженъ былъ и могъ «оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя». Однако, Императрица не признала возможнымъ осуществить этотъ проектъ, вмѣсто чего, въ соотвѣтственно важныхъ случаяхъ, созывала *временный совѣтъ* или конференцію изъ лицъ по своему назначенію. Сенатъ, на первыхъ порахъ, оставался при прежнемъ своемъ значеніи, но, съ теченіемъ времени, административная система государства подверглась систематической перестройкѣ. Сенатъ былъ лишенъ законодательныхъ функцій; внутренняя административная власть была сосредоточена вообще въ рукахъ генералъ-прокурора и въ центральномъ управленіи усилилось единоличное начало. Одною изъ наиболѣе важныхъ, наиболѣе удачныхъ и наиболѣе прочныхъ реформъ Императрицы Екатерины II должно признать реформу, приведшую къ устройству новыхъ *губернскихъ учрежденій*. Въ основаніе ихъ устройства была положена идея децентрализаціи управленія: прежде управляли областями изъ центра; теперь управленіе губерніею стало принадлежать самой губерніи; къ

тому же, въ новыхъ учрежденіяхъ появились выборные представители мѣстныхъ дворянскихъ обществъ и такимъ образомъ было положено начало мѣстнаго самоуправленія въ современномъ смыслѣ этого слова. Въ военномъ вѣдомствѣ этому до извѣстной степени отвѣчало раздѣленіе государства на восемь территоріальныхъ *дивизій* (и два *корпуса* на окраинахъ). Сосредоточеніе правительственной власти въ губерніи повело къ разрушенію этой же власти въ центральныхъ колегіяхъ, сдѣлавшихся или, по крайней мѣрѣ, признававшихся теперь (большею частью) какъ бы излишними. Въ виду этого, за исключеніемъ трехъ главныхъ, иностранной, военной и морской, подвергшихся нѣкоторому переустройству, остальныя колегіи были упразднены. Центральными органами управленія сдѣлались: а) генералъ-прокуроръ, управлявшій вѣдомствами финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ; б) президенты трехъ главныхъ колегій; в) генералъ-почтъ-директоръ, управляющій вѣдомствомъ путей сообщеній, и г) завѣдывающій народнымъ просвѣщеніемъ.

Въ военное время при Императрицѣ состоялъ *военный совѣтъ*, имѣвшій, конечно, извѣстное вредное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій (1-я турецкая война, Ларго-Кагульская операція и т. д.; кампанія 1794 года), но вліяніе это низводилось до минимума благодаря генію самой Императрицы и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сравниваемо съ таковымъ же вліяніемъ знаменитой «Конференціи» временъ Елисаветы Петровны. Во вторую турецкую войну не было и этого вліянія; полководецъ (Потемкинъ) пользовался «полною мочью».

Исполнительныя распоряженія по утвержденнымъ законодательнымъ мѣрамъ составляли обязанность военной колегіи. Инициатива ихъ исходила отъ Государыни посредствомъ ея указовъ (или словесныхъ приказаній черезъ генералъ-адъютантовъ Ея Величества) президенту, или по представленію самого президента.

Во главѣ военной колегіи стояли: фельдмаршалъ князь Н. Ю. *Трубецкой* (до 1763 года), графъ З. Г. *Чернышевъ* (до 1774 года), князь Г. А. *Потемкинъ* († 1791) и графъ Н. И. *Салтыковъ* (до конца царствованія Екатерины II), изъ коихъ Потемкинъ особенно наглядно показалъ пользу, получаемую при объединеніи военной власти въ однѣхъ рукахъ. Обладая замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ и пользуясь обширными полномочіями, онъ могущественно вліялъ на развитіе военнаго дѣла въ Россіи. На ряду съ нимъ въ этомъ отношеніи стояли два другихъ фельдмаршала, вы-

двинувшіеся уже исключительно въ силу своего генія: *Суворовъ*, воспитатель русскаго воинства, единственный въ своемъ родѣ вождь «чудо-богатырей», и *Румянцевъ*, котораго Суворовъ называлъ своимъ учителемъ. Эти три дѣятеля главнымъ образомъ и выдвинули русское военное искусство на небывалую до того времени высоту, пользуясь содѣйствіемъ всей массы прочихъ талантливыхъ военныхъ людей Екатерининскаго времени, только что прошедшихъ отличную боевую школу въ походахъ Семилѣтней войны противъ войскъ одного изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ. Естественно, эта война и способствовала проведенію у насъ многихъ важныхъ усовершенствованій.

Еще при Петрѣ III организована была военная комисія для разработки преобразованій, необходимыхъ въ военномъ вѣдомствѣ; въ 1762 году, эта комисія была упразднена и на мѣсто ея учреждена новая, для разсмотрѣнія всѣхъ штатовъ войскъ, преобразованія военныхъ учрежденій и опредѣленія потребностей службы. Въ составъ этой комисіи были назначены: фельдмаршалы гр. Разумовскій и Салтыковъ, ген.-фельдцейхмейстеръ Вильбоа, генералы князь Голицынъ, графъ Чернышевъ, П. И. Панинъ, князья Волконскій и Долгоруковъ и генералъ-поручики В. Суворовъ, Лопухинъ и Бергъ.

Комисія эта исполнила много работъ; благодаря ей, уже въ слѣдующемъ году были изданы новые штаты. Она обратила надлежащее вниманіе на обнаружившіеся въ Семилѣтнюю войну некомплектъ генераловъ и малое число офицеровъ квартирмейстерской части. Вслѣдствіе недостаточности числа этихъ офицеровъ, «къ развѣдыванію для всѣхъ дивизій и колоннъ ситуаціи, къ пріуготовленію имъ дорогъ и къ препровожденію имъ колоннъ, а особливо жъ къ препровожденію жъ деташементовъ» приходилось брать полковыхъ офицеровъ. Комисія выяснила и результаты примѣненія подобной мѣры: «избираемыхъ незапно къ тѣмъ должностямъ полковыхъ офицеровъ неизвѣстная способность въ первомъ времени всегда зависѣла отъ удачи и неудачи, а тѣмъ особливо незапно отправляющимся съ деташементомъ командирамъ, причинялись великія затрудненія и недовѣрки къ предпріемлимымъ маршамъ».

Выяснивъ недостатки существовавшей организаціи и постановки квартирмейстерской части, комисія предложила создать ее на новыхъ основаніяхъ, въ болѣе широкихъ рамкахъ организаціи, слѣдуя при этомъ лучшимъ западно-европейскимъ образцамъ, и дать ей соотвѣтствующее названіе, котораго она до сихъ поръ не имѣла, наименовавъ ее не генералъ-квартирмейстерскимъ штабомъ,

какъ въ Пруссіи, по единымъ *генеральнымъ штабомъ* [1]), какого не было еще и во Франціи. При этомъ постановка и кругъ дѣятельности этого генеральнаго штаба получили слѣдующее опредѣленіе: «...оному, обще съ генералъ-квартирмейстерами, яко главными въ томъ штабѣ классами, во время мира состоять подъ единственнымъ вѣдѣніемъ надъ всѣми В. И. В. войсками военнаго правительства, которое бы во время мира способомъ того генеральнаго штаба собирало подробныя извѣстія и сочиняло, съ примѣчаніями по воинскому искусству, ландкарты всѣмъ положеніямъ и проходамъ, лежащимъ, какъ на границахъ всей имперіи В. И. В., такъ дорогамъ и всякимъ къ онымъ способнымъ комуникаціямъ, на случающіяся, гдѣ потребныя войскамъ тамъ собранія и къ пріуготовленію способности для доставленія онымъ всего потребнаго имъ снабдѣнія, а при случаяхъ отправленія арміи или корпусовъ въ войну, чтобъ изъ того генеральнаго штаба и отряжало военное правительство, по числу отправляющагося войска, потребныхъ къ нему тѣхъ чиновъ».

На генеральный штабъ возлагались: а) разработка, въ мирное время, данныхъ для боевой дѣятельности войскъ; б) подготовка офицеровъ къ службѣ генеральнаго штаба въ военное время, и в) картографическія работы. Такимъ образомъ впервые вмѣнялось въ обязанность генеральному штабу заниматься въ мирное время подготовительными работами въ дѣлѣ изученія мѣстности и по составленію картъ для надобностей военнаго времени.

Число чиновъ генеральнаго штаба увеличивалось съ 13 до 40 (и въ мирное, и въ военное время), причемъ на каждую изъ двухъ дѣйствующихъ армій положено было имѣть: 1 генералъ-квартирмейстера, 1 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта и нѣсколькихъ оберъ-квартирмейстеровъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ; на резервную же армію полагался 1 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ. Сверхъ того распредѣлялись особо по арміямъ же *«колоножные офицеры»*, замѣнившіе прежнихъ поручиковъ при капитанѣ надъ вожатыми; они должны были знать мѣстный языкъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, выбирать проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей, распредѣлять ихъ по колоннамъ и т. п.

Часть чиновъ генеральнаго штаба должна была находиться при *чертежной*, состоявшей при военной колегіи, къ которой при-

---

[1]) 27-го іюля 1764 года офицерамъ генеральнаго штаба было опредѣлено обмундированіе и снаряженіе, сходное съ обмундированіемъ и снаряженіемъ офицеровъ мушкетерскихъ полковъ.

командировывались, по мѣрѣ надобности, для работъ офицеры и унтеръ-офицеры изъ армейскихъ полковъ.

Во главѣ генеральнаго штаба былъ поставленъ вице-президентъ военной колегіи, графъ З. Г. Чернышевъ, завѣдывавшій также чертежною и *секретною экспедиціею* той же колегіи, черезъ которую дѣлались секретныя распоряженія по движенію войскъ и по сбору корпусовъ и отрядовъ для операцій. Служба генеральнаго штаба все болѣе и болѣе связывалась съ этою экспедиціею.

На генералъ-квартирмейстеровъ была возложена аттестація всѣхъ прочихъ чиновъ генеральнаго штаба для повышенія ихъ по службѣ, но на дѣлѣ эта аттестація не имѣла значенія, такъ какъ выборъ офицеровъ генеральнаго штаба и ихъ производство до штабъ-офицерскаго чина зависѣли отъ главнокомандующихъ. Вообще на дѣлѣ результаты новаго положенія были гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать.

Особаго наставленія генеральному штабу не было (кромѣ указаній комисіи 1763 года). Главныя занятія чиновъ генеральнаго штаба сводились къ составленію картъ и нѣкоторыхъ маршрутовъ, къ расположенію войскъ на постоянныхъ квартирахъ и особенно къ съемкѣ большихъ пространствъ; большая же часть обязанностей, исполняемыхъ генеральнымъ штабомъ въ настоящее время, была возложена: *въ военной колегіи*—на особыхъ чиновниковъ, сравненныхъ лишь въ рангахъ съ военными чинами; а *при войскахъ*—на генеральскихъ адъютантовъ (и флигель-адъютантовъ), инженерныхъ офицеровъ, секретарей, канцеляристовъ и писарей. Такимъ образомъ генеральный штабъ былъ отчужденъ отъ значительной части прямыхъ своихъ обязанностей, что приводило къ довольно печальнымъ результатамъ: такъ, напримѣръ, генералъ-квартирмейстеръ баронъ Эльмптъ, состоявшій при Лифляндской дивизіи, не зналъ въ точности числа полковъ этой дивизіи.

Въ военное время офицеры генеральнаго штаба, какъ и прежде, находились при легкихъ передовыхъ отрядахъ, для осмотра дорогъ и выбора мѣстъ расположенія войскъ, а въ бою начальники пользовались ими для передачи приказаній, но донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ составлялись инженерными офицерами.

Въ 1768 году, въ виду предстоявшей войны съ Турціею, были организованы, на границѣ съ нею, двѣ арміи: I, князя А. М. Голицына, до 80,000 чел. при 110 орудіяхъ и II, генерала П. А. Румянцева, не болѣе 50,000 чел. при 50-ти орудіяхъ. Въ первую армію было назначено 15, а во вторую 13 офицеровъ генеральнаго

штаба (считая съ «колоножными»); предполагалось же имѣть ихъ въ каждой арміи по 16; при военной колегіи оставалось только 2. при двухъ дивизіяхъ по одному, при корпусѣ генералъ-поручика Веймарна въ Польшѣ—2, при Тоснинскомъ каналѣ—1 и на съемкѣ въ Архангельской губерніи—1. Это распредѣленіе было сдѣлано въ виду представленія генералъ-квартирмейстера I арміи Михаила *Каховскаго* и вызвало неудовольствіе старшаго генералъ-квартирмейстера II арміи барона *Эльмпта.* Повидимому, этотъ разладъ между обоими генералъ-квартирмейстерами не имѣлъ характера случайнаго явленія и былъ лишь проявленіемъ нѣкотораго, крайне прискорбнаго разлада, раздѣлившаго всю квартирмейстерскую часть на двѣ партіи, русскую и нѣмецкую. Въ тогдашнемъ образованномъ русскомъ обществѣ стали пробуждаться патріотическія стремленія; сообразно съ этимъ и въ арміи русскіе люди стали выдвигаться на первыя мѣста и проявлять извѣстную самостоятельность, тогда какъ офицерамъ не русскаго происхожденія не хотѣлось отказываться отъ выгодъ пріобрѣтеннаго ими положенія. Обѣ стороны увлекались въ завязавшейся при этомъ борьбѣ и не были справедливы другъ къ другу. Въ результатѣ страдала служба. Такъ или иначе, это указывало на необходимость принятія мѣръ если не къ полному устраненію, то къ ослабленію этого разлада и къ уменьшенію вреднаго значенія его послѣдствій.

И дѣйствительно, съ открытіемъ турецкой войны, разстройство, уже существовавшее въ генеральномъ штабѣ, стало еще быстро усиливаться: генералъ-квартирмейстеры то и дѣло ссорились между собою; офицеры генеральнаго штаба, замѣчая нерасположеніе къ себѣ со стороны главнокомандующаго 2-ю арміею, начали оставлять службу въ этомъ вѣдомствѣ; графъ Румянцевъ началъ замѣщать мѣста отсутствовавшихъ, не сносясь ни съ генералъ-квартирмейстерами, ни съ военною колегіею; на обязанности офицеровъ генеральнаго штаба все еще смотрѣли по примѣру Семилѣтней войны.

Въ это именно время былъ принятъ на службу и назначенъ въ I армію, оперировавшую противъ турокъ, талантливый военный человѣкъ, Фридрихъ-Вильгельмъ *фонъ-Бауръ*, начавшій службу въ 1756 году въ гессенскихъ войскахъ, служившій затѣмъ подъ начальствомъ герцога Кумберлендскаго въ должности дивизіоннаго квартирмейстера и въ корпусѣ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, который рекомендовалъ его, какъ отличнаго офицера, Фридриху Великому. Въ 1760 году онъ былъ принятъ въ прусскую

службу инженеръ-маіоромъ, въ 1762 году исполнялъ обязанности генералъ-квартирмейстера, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, дѣлахъ и осадахъ, въ 1763 году (въ виду окончанія войны) оставилъ прусскую службу, а 14-го сентября 1769 года былъ принятъ въ русскую службу и опредѣленъ въ генеральный штабъ бригадиромъ.

На сколько Императрица Екатерина II цѣнила умъ и служебныя достоинства Баура, видно изъ того, что уже 19-го сентября того же года онъ былъ пожалованъ генералъ-квартирмейстеромъ съ чиномъ генералъ-маіора, вскорѣ послѣ того командированъ для осмотра квартирнаго расположенія войскъ Финляндской дивизіи, а въ январѣ 1770 года отправленъ въ I армію. Вскорѣ послѣ его прибытія къ арміи, 14-го февраля того же года, графъ Румянцевъ доносилъ Императрицѣ, что онъ «обозрѣлъ въ немъ (Баурѣ) твердость знанія военной науки и то превосходство, что онъ не подобенъ тѣмъ, которые въ одномъ глубокомысліи всѣ свои таланты сокрываютъ...» и что «служба, вмѣстная съ такимъ человѣкомъ», послужитъ и ему «въ науку», а еще черезъ мѣсяцъ, что «подобнаго ему наукою въ семъ чинѣ, въ мою службу, у насъ не было». Кампанія 1770 года вполнѣ подтвердила справедливость отзывовъ гр. Румянцева о Баурѣ.

Въ томъ же 1770 году Бауръ вошелъ съ представленіемъ о необходимости реформъ. Сущность его предложеній сводилась къ слѣдующему: а) высшихъ чиновъ много, а низшихъ мало; приходится привлекать на службу не подготовленныхъ; б) жалованье, положенное офицерамъ генеральнаго штаба наравнѣ съ офицерами полевыхъ полковъ, крайне недостаточно для обезпеченія всѣхъ расходовъ, какіе имъ приходится производить при частыхъ командировкахъ на съемки и рекогносцировки, для занятія позицій, для сопровожденія войскъ и т. п., вслѣдствіе чего тѣ офицеры, которые могли бы съ успѣхомъ служить въ генеральномъ штабѣ, уклоняются отъ этой службы; необходимо сдѣлать эту службу въ достаточной степени привлекательною, и в) генеральному штабу недостаетъ «провожатыхъ колоннъ» (колонновожатыхъ) унтеръ-офицерскаго званія, въ которыхъ встрѣчается крайняя необходимость, особенно въ военное время. Предложенія Баура, хотя и не сразу, были однакожъ приняты во вниманіе.

30-го января и 1-го марта 1772 года были утверждены выработанные Бауромъ новый штатъ и положеніе о корпусѣ генеральнаго штаба. Число офицерскихъ чиновъ было уменьшено до 37 (вмѣсто 40), но на практикѣ не измѣнилось. Бауръ остался един-

ственнымъ генералъ-квартирмейстеромъ и главнымъ начальникомъ этого корпуса, подчиняясь генералу главноприсутствующему въ военной колегіи. Ему подчинялись: 2 генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта (1 бригадиръ и 1 полковникъ), 13 оберъ-квартирмейстеровъ (3 подполковника и 10 маіоровъ), 24 дивизіонныхъ квартирмейстера (капитаны и поручики) и 60 «провожатыхъ къ колоннамъ» унтеръ-офицерскаго званія. Послѣдніе являлись рабочею силою генеральнаго штаба и должны были служить источникомъ его комплектованія.

Нѣсколько ранѣе того, 6-го апрѣля 1771 года, утверждено было представленіе Баура о необходимости учрежденія при арміи особаго піонернаго баталіона, для разработки дорогъ по путямъ слѣдованія войскъ, для починки и постройки на нихъ военныхъ мостовъ и вообще для исполненія всѣхъ тому подобныхъ работъ, на которыя до того времени назначались команды отъ войскъ. По мысли Баура, баталіонъ этотъ долженъ былъ въ мирное время состоять въ вѣдѣніи главноприсутствующаго въ военной колегіи генерала, а во время войны распредѣляться частями по дѣйствующимъ арміямъ и въ каждой изъ нихъ находиться въ вѣдѣніи старшаго въ той арміи офицера генеральнаго штаба. Баталіонъ этотъ былъ сформированъ и прибылъ къ арміи гр. Румянцева въ началѣ апрѣля 1772 года, но сколько-нибудь ощутительной пользы не принесъ и по окончаніи войны, въ 1775 году, «по ненадобности упраздненъ».

При опредѣленіи сущности службы и обязанности генеральнаго штаба, а равно и его отношеній къ военной колегіи, прежде всего подтверждалось, что «какъ дисциплина есть главное основаніе всей военной связи, то генералъ-квартирмейстеру неуклонно должно содержать ее безъ всякаго послабленія, ибо чѣмъ болѣе находящіеся въ генеральномъ штабѣ чины найдутся въ разныхъ раскомандированіяхъ, тѣмъ нужнѣе, чтобы военное повиновеніе, не только противъ командировъ въ войскахъ, но и между ними, совершенно наблюдено было и чтобы точно исполняли они подаваемымъ имъ предписаніямъ». Военная колегія подчеркивала это требованіе не безъ основанія, такъ какъ до того времени случалось, что генералъ-квартирмейстеръ, не получая соотвѣтственныхъ донесеній отъ подчиненныхъ ему офицеровъ генеральнаго штаба, находившихся въ командировкахъ, не зналъ, гдѣ они находились; начинали отыскивать того или другого офицера и находили его не тамъ, гдѣ ему надлежало быть и т. п. Теперь генералъ-квартирмейстеръ

долженъ былъ ежемѣсячно представлять въ военную колегію списки всѣхъ чиновъ, съ означеніемъ, гдѣ кто находится, а чрезъ каждые полгода особые списки, на основаніи полковничьей инструкціи, съ означеніемъ старшинства по службѣ и атестаціи каждаго.

Генералъ-квартирмейстеръ, находясь при арміи, долженъ былъ представлять въ военную колегію: а) «*планы*», съ обозначеніемъ на нихъ всѣхъ военныхъ дѣйствій — тотчасъ послѣ того, какъ эти дѣйствія произошли, а также всѣхъ лагерей и путей, по которымъ шли войска, по окончаніи похода, и б) «*военныя примѣчанія*» къ этимъ планамъ, т. е. соотвѣтственныя описанія. То же самое возлагалось и на всѣхъ чиновъ генеральнаго штаба, состоявшихъ при отдѣльныхъ корпусахъ и отрядахъ.

Всѣ эти, а равно и другіе планы и карты съ описаніями и приложеніями хранились въ военной колегіи, въ которой постоянно долженъ былъ оставаться, для завѣдыванія ими, одинъ офицеръ генеральнаго штаба. Такимъ образомъ было положено начало позднѣйшему *военно-топографическому депо*, какъ хранилищу не только всѣхъ картъ, потребныхъ для удовлетворенія текущихъ потребностей военнаго вѣдомства, но и военно-историческихъ матеріаловъ, независимо отъ подобнаго же хранилища инженернаго вѣдомства, устроеннаго въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Этимъ же самымъ, обязанность веденія во время войны военныхъ журналовъ и плановъ сраженій и маршей снималась съ инженернаго вѣдомства и переносилась на генеральный штабъ.

Въ мирное время генералъ-квартирмейстеръ долженъ былъ находиться при военной колегіи и имѣть наблюденіе, чтобы всѣ чины генеральнаго штаба «обращались въ упражненіи сходномъ съ ихъ должностію, старались къ пріобрѣтенію лучшаго познанія всего того, что къ оной принадлежитъ, для чего всѣхъ тѣхъ, кои на лицо состоять будутъ, непрестанно употреблять къ снятію и чертежу разныхъ плановъ, а сверхъ того давать имъ подлежащія къ сей наукѣ лекціи; равномѣрное попеченіе имѣть и о вожатыхъ колоннъ, дабы и они время свое не провожали въ праздности, но, прилежа къ познанію должности, могли бы себя подготовлять къ заступленію мѣстъ офицерскихъ и къ вспоможенію имъ во всякихъ случаяхъ; къ сему можетъ онъ опредѣлить кого либо изъ штабъ-офицеровъ на лицо находящихся». На него же возлагалась отвѣтственность за поведеніе всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Начиная съ 1774 года, устроенное Бауромъ управленіе генеральнаго штаба стало именоваться *департаментомъ генеральнаго*

штаба; начальникъ же его напрягалъ всѣ усилія къ наилучшему устройству всего ввѣреннаго ему корпуса въ духѣ выше приведенныхъ положеній. Въ частности, относительно колоновожатыхъ, въ 1776 году было установлено, чтобы только половина всего ихъ числа состояла постоянно при войскахъ, а другая при департаментѣ, гдѣ имѣлось болѣе средствъ къ обученію ихъ «въ чертежахъ и въ прочихъ принадлежащихъ ихъ должности наукахъ».

Такъ или иначе, Бауръ устроилъ у насъ генеральный штабъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ современныхъ западно-европейскихъ арміяхъ. Къ тому же это было одно изъ лучшихъ рѣшеній этого вопроса. Бауръ стремился къ образованію небольшого, но отборнаго корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, назначеннаго для вожденія войскъ въ военное время и для подготовки въ мирное время всякаго рода свѣдѣній къ тому необходимыхъ. При новомъ положеніи генералъ-квартирмейстеръ могъ служить офицерамъ генеральнаго штаба защитою противъ произвола войсковыхъ начальниковъ, смотрѣвшихъ на генеральный штабъ, какъ на какой то чуждый, навязанный имъ элементъ среди личнаго состава подчинявшихся имъ вполнѣ войсковыхъ управленій.

Эта независимость генеральнаго штаба, въ связи съ возможностью болѣе быстраго повышенія въ чинахъ, сравнительно съ другими родами службы, была одною изъ главныхъ причинъ неуспѣха реформы Баура, возбудившей неудовольствіе и въ военномъ обществѣ, и въ средѣ придворныхъ партій. Бауръ былъ иностранецъ, держалъ себя вполнѣ самостоятельно и, повидимому, былъ очень ревнивъ въ охраненіи предоставленныхъ ему правъ. Высшіе начальники привыкли увольнять и производить офицеровъ генеральнаго штаба по своему усмотрѣнію; теперь имъ пришлось стѣсняться ради пришлаго иноземца, ставшаго во главѣ новаго учрежденія; отсюда постоянныя столкновенія и неудовольствія, обостряемыя еще личными отношеніями. Жалобы высшихъ начальниковъ были отчасти основательны. Офицеры генеральнаго штаба отзывались нерѣдко изъ армій въ Петербургъ, гдѣ оставались, по распоряженію генералъ-квартирмейстера, на болѣе или менѣе продолжительное время; даже сами завѣдывавшіе генеральнымъ штабомъ въ арміяхъ старшіе офицеры того же штаба жаловались, что у нихъ вслѣдствіе этого бываетъ недостатокъ въ офицерахъ. Между тѣмъ генеральскіе адъютанты, считавшіе себя главными дѣятелями въ штабахъ, признавали для себя обиднымъ предоставленіе упомянутыхъ преимуществъ и вліянія на дѣла офицерамъ генеральнаго штаба и не-

рѣдко старались всячески имъ вредить. Этотъ разладъ между адъютантурою и генеральнымъ штабомъ обострялъ и усиливалъ разладъ между высшими войсковыми начальниками съ одной стороны и генеральнымъ штабомъ съ другой. Послѣдствія этого разлада были болѣе или менѣе неблагопріятны для офицеровъ генеральнаго штаба, но главными виновниками неудовлетворительности этихъ отношеній между чинами, долженствовавшими всячески поддерживать и помогать другъ другу, высшіе войсковые начальники считали генералъ-квартирмейстера и оказывавшаго ему сильную поддержку графа З. Г. Чернышева, съ которымъ враждовали такіе выдающіеся представители высшаго генералитета, какъ графы П. А. Румянцевъ и П. И. Панинъ. По мнѣнію послѣдняго, графъ Чернышевъ былъ уже не обыкновенный «колежскій вице-президентъ», но «изображающійся военный министръ» или, по крайней мѣрѣ, стремился быть таковымъ. «Перваго степени чины» примириться съ этимъ не могли и вели борьбу. Такимъ образомъ неудовольствіе генеральнаго штаба совпадало съ неудовольствіемъ противъ центральнаго органа военнаго управленія, вслѣдствіе чего на генеральномъ штабѣ отражались всѣ измѣненія въ положеніи названнаго высшаго военно-административнаго учрежденія.

Вышеуказанное постепенное уничтоженіе колегіальной системы и перенесеніе ея въ губерніи привело къ полному обособленію военнаго управленія и къ непосредственному подчиненію его самой верховной власти. Сенатъ почти вовсе потерялъ для арміи значеніе: объявляемые военною колегіею именные указы повелѣно было сообщать сенату лишь по тѣмъ дѣламъ, «которыя по связи дѣлъ до свѣдѣнія его принадлежать могутъ». Самостоятельное и независимое положеніе военной колегіи опредѣлилось уже твердо и прочно. Единоличная власть вице-президента колегіи уже достаточно развилась и окрѣпла. «Изображающійся военный министръ» долженъ былъ сдѣлаться дѣйствительнымъ военнымъ министромъ. Но необходимость подобнаго довершенія и узаконенія того, что уже фактически существовало, понималась еще лишь весьма немногими и встрѣчала противодѣйствіе со стороны весьма многихъ. Поэтому министерская система управленія не могла еще быть введена, вслѣдствіе чего въ самомъ управленіи неизбѣжныя колебанія сильнѣе отражались на всемъ вѣдомствѣ, а происходившая постоянно борьба придворныхъ партій усиливала какъ эти колебанія, такъ и ихъ послѣдствія.

Съ паденіемъ партіи Орловыхъ, Бауръ потерялъ своихъ покро-

вителей, а между тѣмъ генеральный штабъ вышелъ изъ-подъ вѣдѣнія графа Чернышева и перешелъ подъ вліяніе Г. А. Потемкина, который, съ первыхъ же дней своего управленія военною колегіею и секретною экспедиціею, сталъ во враждебныя отношенія къ генералъ-квартирмейстеру, и безъ того уже имѣвшему много враговъ. Само собою разумѣется, что и дѣятельности Баура были присущи нѣкоторыя слабыя стороны, которыя, конечно, подхватывались и преувеличивались его врагами. Особенно важное значеніе имѣло то, что онъ не съумѣлъ устранить разлада между русскими и нѣмцами въ самомъ составѣ генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего, напримѣръ, въ 1770 г., такой выдающійся военный человѣкъ, какъ оберъ-квартирмейстеръ маіоръ *Голенищевъ-Кутузовъ* долженъ былъ перейти на службу изъ штаба въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, еще при жизни Баура началось разстройство генеральнаго штаба, только что начинавшаго упрочивать подъ собою почву и стремившагося выйти на путь, соотвѣтствующій истинному его назначенію.

16. Разстройство Генеральнаго Штаба во вторую половину царствованія Императрицы Екатерины II.

Въ 1873 году Бауръ умеръ. Генералъ квартирмейстеромъ былъ назначенъ служившій прежде въ генеральномъ штабѣ, генералъ-поручикъ Михаилъ Васильевичъ *Каховскій*, землякъ, поклонникъ и довѣренное лицо всесильнаго князя Потемкина, мало занимавшійся генеральнымъ штабомъ и допустившій замѣтное ухудшеніе состава ввѣреннаго ему «корпуса».

Приготовленія ко 2-й турецкой войнѣ 1787—1791 гг. и сама эта война привели къ сосредоточенію офицеровъ генеральнаго штаба въ двухъ арміяхъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ турокъ: при *главной* (Екатеринославской) арміи князя Потемкина изъ 70—80,000 чел. находились: самъ Каховскій, 26 штабъ и оберъ-офицеровъ и 22 провожатыхъ колоннъ, не считая 4 офицеровъ и 3 провожатыхъ колоннъ, находившихся при корпусѣ генерала Текелли, который дѣйствовалъ на Кубани; въ то же время при Украинской арміи гр. Румянцева изъ 30,000 чел. находились 1 генералъ-маіоръ, 5 штабъ и оберъ-офицеровъ и шесть провожатыхъ колоннъ. Не ограничиваясь этимъ и не сносясь ни съ кѣмъ, кн. Потемкинъ переводилъ многихъ лицъ прямо въ оберъ-квартирмейстеры; случалось, что такія лица службы по генеральному штабу никогда и не

несли [1]). Въ 1789 году генералъ-квартирмейстеръ не могъ дать свѣдѣній о 16 (изъ 83) чинахъ, очевидно, попавшихъ въ генеральный штабъ безъ всякаго съ его стороны участія. Въ это время въ Петербургѣ оставался только одинъ дивизіонный квартирмейстеръ, наблюдавшій за зданіемъ департамента генеральнаго штаба, а между тѣмъ пришлось формировать наскоро Финляндскую армію для дѣйствій противъ Шведовъ. Генеральный штабъ для этой арміи былъ составленъ помимо Каховскаго. Все это клонилось въ ущербъ положенію послѣдняго.

Въ это время въ Петербургѣ усилилось вліяніе Н. И. *Салтыкова*, а на мѣсто Потемкина въ ряду совѣтниковъ и довѣренныхъ лицъ Императрицы сталъ П. А. *Зубовъ*. Интриги, направленныя противъ Потемкина, не могли поколебать его самаго, но привели къ смѣщенію Каховскаго, на мѣсто котораго былъ назначенъ въ 1789 году, произведенный, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ генералъ-маіоры Іоганъ-Яковъ *Писторъ*, служившій, во время Семилѣтней войны, въ гессенскихъ войскахъ, а затѣмъ въ прусской арміи, сблизившійся тамъ съ Бауромъ и, по рекомендаціи послѣдняго, принятый въ 1771 году въ русскую службу на должность оберъ-квартирмейстера. Писторъ хотѣлъ быть полезнымъ, но не могъ привести это желаніе въ исполненіе главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что ему недоставало значенія, связи и вліянія на дѣла.

Во вторую польскую войну 1792 года, самъ Писторъ, съ довольно многочисленнымъ составомъ генеральнаго штаба, находился при Украинской арміи генералъ-аншефа Каховскаго. Составленный имъ планъ дѣйствій былъ довольно сложенъ (4 «отдѣленія» или корпуса—дѣйствія по наружнымъ операціоннымъ линіямъ), но принятіе его позволяло вторгнуться въ Польшу прямо съ тѣхъ пунктовъ, гдѣ войска уже были сосредоточены, а что всего важнѣе, планъ этотъ былъ исполненъ блистательно. Правда, противникъ былъ, по меньшей мѣрѣ, вдвое слабѣе нашихъ войскъ въ отношеніи численности, уступалъ имъ и въ отношеніи боевой подготовки. Офицеры генеральнаго штаба, въ эту кампанію, шли впереди колоннъ съ сильными легкими партіями и доставляли свѣдѣнія о непріятелѣ и о мѣстности, но задачи, на нихъ выпадавшія, говоря сравнительно, не были особенно трудны. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ имѣетъ несомнѣнно положительное значеніе по отношенію

---

[1]) Напр. маіоръ Ситниковъ, состоявшій при постройкахъ въ Николаевѣ, и академикъ академіи художникъ Михаилъ Ивановъ, снимавшій виды съ мѣстъ, ознаменованныхъ подвигами кн. Потемкина.

къ дѣятельности нашего тогдашняго генеральнаго штаба, съ генералъ-квартирмейстеромъ во главѣ.

Генералъ-квартирмейстеромъ при арміи генералъ-аншефа Кречетникова былъ назначенъ генералъ-маіоръ *Германъ*, служившій въ званіи «колоножнаго офицера» еще въ 1770 году при Бауръ, а затѣмъ въ генеральномъ штабѣ и дѣйствовавшій успѣшно на Кубани. Составленный имъ планъ дѣйствій былъ проще предъидущаго и вполнѣ отвѣчалъ обстановкѣ (непріятель былъ еще слабѣе, чѣмъ на главномъ театрѣ дѣйствій).

Эти факты, имѣвшіе положительное значеніе, нисколько не измѣняютъ общаго характера; отдѣльныя усилія нѣкоторыхъ высшихъ представителей генеральнаго штаба, находившихся на высотѣ своего назначенія, не могли остановить общаго теченія дѣлъ. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II генеральный штабъ все болѣе и болѣе разстраивался и это его разстройство являлось показателемъ извѣстнаго разстройства всей военной системы, которая нуждалась въ реформѣ.

17. Преобразованія Императора Павла I. Упраздненіе Генеральнаго Штаба. Свита Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. Чертежная. Депо картъ. Частыя смѣны генералъ-квартирмейстеровъ и ихъ слѣдствія. Кампанія 1799 года. Квартирмейстерская часть въ арміи Суворова и въ корпусахъ Римскаго-Корсакова и Германа. Состояніе квартирмейстерской части въ концѣ царствованія Императора Павла I.

Тотчасъ по восшествіи на престолъ Императора Павла I начались преобразованія по разнымъ частямъ государственнаго управленія, въ томъ числѣ и по военной части, по личной иниціативѣ Государя. Императоръ Павелъ усмотрѣлъ въ системѣ государственнаго устройства существенный пробѣлъ, явившійся слѣдствіемъ упраздненія большей части коллегій. Выработанная Имъ самимъ программа заключалась въ слѣдующемъ: «Государство имѣетъ 7 главныхъ департаментовъ, кромѣ Сената, яко главнаго трибунала..., которые составляютъ правленіе онаго: 1) Юстиціи, 2) Финанціи, 3) Военной, 4) Иностранной, 5) Морской, 6) Коммерцъ, 7) Казна. Каждая изъ оныхъ имѣетъ своего Министра». Министрамъ подчиняются соотвѣтственныя коллегіи или департаменты. «Государь имѣетъ Кабинетъ или Канцелярію, которая должна быть составлена изъ слѣдующихъ: Генералъ-Адъютантъ и 6 секретарей

или адъютантовъ, каждый принадлежащій одному изъ департаментовъ... Каждый изъ вышепоименованныхъ имѣетъ отправлять дѣла изъ своей части и другъ отъ друга независящій».

Въ Государевой Канцеляріи Генералъ-Адъютантъ долженъ былъ имѣть «въ своемъ правленіи всѣ дѣла касательно до военнаго департамента».

Различныя части управленія объединялись самимъ Государемъ при помощи особаго Совѣта. «Въ Совѣтѣ присутствуютъ первые Министры департаментовъ и вице-канцлеры, въ которыхъ оные быть имѣютъ. Совѣтъ мѣсто не законодательное, а единственно для помощи и сношенія какъ Государю, такъ и Министрамъ. Совѣту себѣ дѣлъ не присвоять, а разсматривать представленныя Министромъ того департамента, какого рода дѣло, но съ повелѣнія Государя. Министры имѣютъ по своимъ частямъ начальство департаментовъ каждаго рода дѣлъ, о которыхъ имѣли бы сношеніе безпосредственное съ Государемъ, и переговоря по онымъ между собою въ Совѣтѣ, по повелѣнію Государя имъ же въ своихъ же департаментахъ наблюдать, дабы дѣла шли порядкомъ и сношеніе было не прерванное, а законное съ разсмотрѣніемъ, голосами, справками и протоколами. Каждый министръ имѣетъ день и часъ для переговора его съ Государемъ. Всѣ дѣла, слѣдующія къ прочтенію Государя, отсылаются съ вечера, въ запечатанномъ конвертѣ, въ Канцелярію Государя, съ мнѣніемъ министра и всѣхъ членовъ онаго департамента. Въ таковыхъ же дѣлахъ, есть ли министръ имѣетъ нужду самоличнаго объясненія съ Государемъ, тогда объ ономъ можетъ самъ докладывать и оное подносить Государю... Касательно рѣшенія Государя по дѣламъ, то Министры оное получаютъ отъ самого Государя и изъ Его Канцеляріи... но за подписаніемъ Государя... Касательно же до дѣлъ, долженствующихъ быть представленными на разсмотрѣніе въ Совѣтъ, то оное министръ каждаго департамента не прежде исполняетъ, какъ доложивъ объ ономъ Государю и имѣвъ на такой поступокъ Его повелѣніе»...

Императоръ Павелъ хотѣлъ самъ быть не только своимъ первымъ министромъ но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ министромъ по всѣмъ отраслямъ управленія государствомъ. Не ограничиваясь подобными намѣреніями, онъ старался осуществить ихъ на дѣлѣ и проявилъ удивительную энергію и дѣятельность.

Въ первый же мѣсяцъ новаго царствованія (указомъ сенату 19-го ноября 1796 года) были возстановлены важнѣйшія изъ упраздненныхъ коллегій «на такомъ основаніи, какъ оныя нахо-

дились до 1775 года»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, а равно и послѣ того принимались мѣры къ удержанію на соотвѣтственной высотѣ правительствующаго сената. Въ началѣ 1797 года было повелѣно: вносить въ сенатъ всѣ именные Высочайшіе указы, кромѣ секретныхъ, но изъ коллегій военной, адмиралтейской и иностранной объявлять сенату только тѣ указы, которые «по связи дѣлъ до свѣдѣнія его принадлежать могутъ». Уже изъ этого видно, сколь велико было значеніе, пріобрѣтенное тремя главными коллегіями, если даже самъ Императоръ Павелъ I не признавалъ соотвѣтственнымъ сравнять ихъ съ остальными. Сверхъ того, Императору приходилось считаться и со многими другими обстоятельствами, затруднявшими осуществленіе его предначертаній, а потому его программа, замѣчательная по своей простотѣ и цѣльности, не могла быть проведена въ жизнь, какъ вслѣдствіе указанныхъ причинъ и кратковременности его царствованія, такъ и вслѣдствіе его личной впечатлительности и порывистости, приводившихъ сплошь и рядомъ къ отступленіямъ отъ этой же програмы и даже къ дѣйствіямъ совершенно съ нею несогласнымъ. Преобразованія по военной части клонились къ уменьшенію численности арміи, къ водворенію въ ней строгаго внутренняго порядка и къ искорененію разныхъ злоупотребленій въ войскахъ. Общій смыслъ всѣхъ этихъ преобразованій сводился къ тому, чтобы въ возможно большей степени сблизить военную систему Россіи съ прусскою военною системою. Кромѣ гвардіи и инженерныхъ командъ, всѣ войска были распредѣлены по округамъ, которые сначала назывались *дивизіями*, а затѣмъ *инспекціями*. Въ случаѣ войны, войска назначались въ составъ дѣйствующихъ корпусовъ и армій по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, независимо отъ распредѣленія ихъ по инспекціямъ. Въ первый же мѣсяцъ новаго царствованія были введены воинскіе уставы, составленные по прусскимъ образцамъ. Во всей арміи вообще стали водворять прусскую дисциплину. Мало того, старались превзойти даже пруссаковъ.

Выше указанное разстройство генеральнаго штаба обратило, конечно, на себя вниманіе Императора, который не остановился передъ принятіемъ такой же мѣры, какая была принята правительствомъ революціонной Франціи (см. выше), и даже придалъ проведенію ея болѣе радикальный характеръ, чѣмъ это было сдѣлано французами; указомъ 13-го ноября 1796 года было повелѣно: «департаментъ генеральнаго штаба упразднить, чиновъ онаго распре-

дѣлить въ армію..., а карты, планы и вообще всѣ дѣла отдать Е. И. В. генералъ-адъютанту Кушелеву».

Упразднивъ генеральный штабъ, Императоръ приступилъ къ созданію новаго вспомогательнаго органа высшаго командованія, находившагося въ непосредственномъ распоряженіи самого Государя, подъ названіемъ *свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части*, съ тѣмъ, чтобы на чиновъ этой свиты возлагать разнаго рода порученія, а въ томъ числѣ и порученія по квартирмейстерской части. Свита пополнялась, частью выборомъ служившихъ въ прежнемъ генеральномъ штабѣ, частью же офицерами, взятыми изъ армейскихъ полковъ и даже изъ другихъ вѣдомствъ. 29-го ноября того же года, Императоръ, посѣтивъ 1-й кадетскій корпусъ, обратилъ особенное вниманіе на занятія кадетъ черченіемъ, отобралъ пять лучшихъ чертежниковъ (а въ нихъ числѣ *Толя*) и повелѣлъ зачислить ихъ поручиками въ свиту и отправить въ распоряженіе генерала Кушелева. Эти молодые люди образовали особую *чертежную* собственно для Особы Государя. Къ апрѣлю 1797 года въ свитѣ состояло 33 офицера и 4 колонновожатыхъ, изъ числа которыхъ только девять не служили въ прежнемъ генеральномъ штабѣ.

19-го апрѣля 1797 года генералъ-квартирмейстеромъ, т. е. главнымъ начальникомъ вновь формируемаго корпуса былъ назначенъ генералъ-маіоръ баронъ А. А. *Аракчеевъ*, которому еще ранѣе того, въ декабрѣ 1796 года, было поручено наблюденіе за *«тактическимъ классомъ»*, учрежденнымъ во дворцѣ для штабъ и оберъ-офицеровъ вообще.

Дѣятельность новаго генералъ-квартирмейстера была обращена главнымъ образомъ на распредѣленіе офицеровъ свиты по инспекціямъ войскъ, на усиленіе работъ въ чертежной Его Величества и на усовершенствованіе производившихся въ то время съемокъ. Съ его назначеніемъ были возстановлены званія оберъ-квартирмейстеровъ (для штабъ-офицеровъ) и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ (для оберъ-офицеровъ); былъ также усиленъ пріемъ въ свиту колонновожатыхъ унтеръ-офицерскаго званія. Къ концу 1797 года въ свитѣ состояло 13 штабъ-офицеровъ, 39 оберъ-офицеровъ и 14 колонновожатыхъ. Въ нихъ числѣ было много получившихъ самое ограниченное образованіе; весьма многіе не знали иностранныхъ языковъ.

Произведенныя въ это время съемки были драгоцѣннымъ матеріаломъ для нашей картографіи, на которую теперь было обращено

должное вниманіе. Императоръ, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ, поручилъ генералъ-адъютанту *Кушелеву* образовать собственное Его Величества *депо картъ*, которое должно было: а) быть архивомъ картъ и плановъ, не только военныхъ, но и обще-государственныхъ и б) сочинять и издавать подробныя карты и планы для общественнаго употребленія, а равно и описанія къ нимъ (необходимыя для особыхъ соображеній). Къ депо причислялись, смотря по надобности, штабъ и оберъ-офицеры инженернаго корпуса и квартирмейстерской части. Депо это, не смотря на новизну занятій и ограниченность средствъ, въ первые же годы своего существованія произвело много весьма солидныхъ (по тому времени) работъ.

12-го февраля 1798 года Аракчеевъ, отрѣшенный отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, былъ лишенъ и званія генералъ-квартирмейстера. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ *Германъ*, командовавшій въ 1794 году корпусомъ на территоріи бывшей Польши, имѣвшій вліяніе на съемочныя и картографическія работы, производившіяся въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ и этимъ обратившій на себя вниманіе Государя.

Съ назначеніемъ Германа усилились съемки пограничныхъ пространствъ; были разосланы въ разныя стороны офицеры свиты для снятія плановъ мѣстностей, назначенныхъ для сборовъ и маневровъ войскъ; самъ Германъ отправился, лѣтомъ того же года, въ южную Россію для производства рекогносцировокъ и составленія соображеній объ укрѣпленіи Севастополя и вообще береговъ Чернаго моря. Но, въ концѣ того же года, Германъ былъ назначенъ командующимъ корпусомъ, собиравшимся для заграничнаго похода у Каменца-Подольска, а затѣмъ начальникомъ десантнаго отряда, отправленнаго въ Голландію. 22-го декабря 1798 года его замѣнилъ снова генералъ-лейтенантъ баронъ Аракчеевъ, который, впрочемъ, 1-го апрѣля 1799 года, былъ снова отставленъ отъ службы. Депо квартирмейстерской части перешло въ вѣдѣніе графа Кушелева, которому уже подчинялось депо картъ; непосредственное же управленіе дѣлами перваго депо поручалось послѣдовательно нѣсколькимъ лицамъ: до 31-го іюля 1801 года перемѣнилось четыре начальника: артиллеріи генералъ-маіоръ *Толстовъ* и Свиты Его Величества генералъ-маіоры *Булатовъ*, *Штейнгель* и *Герардъ 1-й*. При столь частыхъ перемѣнахъ главныхъ начальниковъ, свита не могла надлежащимъ образомъ организоваться и окрѣпнуть.

Въ началѣ лѣта 1798 года, на западныхъ границахъ Имперіи стали формировать нѣсколько корпусовъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ Франціи. При этихъ корпусахъ находилось слѣдующее число офицеровъ квартирмейстерской части: а) при корпусѣ генерала *Розенберга* (20,000 чел.)—8, б) при корпусѣ генерала *Ребиндера* (до 12,000 чел.)—7 (въ ихъ числѣ поручикъ Толь) и в) въ корпусѣ генерала *Римскаго-Корсакова* (37,000 чел.)—4 офицера.

Въ апрѣлѣ 1799 года, когда въ Италіи былъ только одинъ русскій корпусъ Розенберга (22—23,000 чел.), при главнокомандующемъ, фельдмаршалѣ графѣ *Суворовѣ-Рымникскомъ* состояли русскіе офицеры, не принадлежавшіе къ составу квартирмейстерской части, а при войскахъ названнаго корпуса состояло 15 русскихъ чиновъ этой части и сверхъ того офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, число коихъ въ точности неизвѣстно. Въ должности генералъ-квартирмейстера при Суворовѣ находились австрійскіе же генералы: маркизъ *Шателеръ*, а затѣмъ *Цахъ* (см. выше). При переходѣ Суворова изъ Италіи въ Швейцарію, русскія войска, въ числѣ 24,286 чел., составляли два корпуса; при нихъ находилось 13 русскихъ офицеровъ квартирмейстерской части и 1 колонновожатый и сверхъ того 9 офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба, съ подполковникомъ Вейротеромъ во главѣ.

Въ кампанію 1799 года, главную роль въ союзной арміи игралъ австрійскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ, гордившійся своимъ образованіемъ и боевою опытностью. Отъ него и исходили общія распоряженія по арміи. Распоряженія же собственно по русскимъ войскамъ дѣлались прямо отъ Суворова, простыми записками, часто писанными карандашемъ дежурнымъ генераломъ или кѣмъ-либо инымъ изъ лицъ, состоявшихъ при главнокомандующемъ.

Въ числѣ старшихъ офицеровъ русской квартирмейстерской части не было ни одного, который выдавался бы своими познаніями и опытностью и могъ бы состязаться съ вышеупомянутыми представителями австрійскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба, а изъ остальныхъ только трое участвовали въ походахъ, да и то противъ горцевъ на кавказской линіи и противъ польскихъ конфедератовъ. Чуть ли не всѣмъ этимъ квартирмейстерскимъ офицерамъ приходилось учиться своему дѣлу при самомъ исполненіи своихъ весьма сложныхъ и трудныхъ обязанностей. Работы было много. Войска дѣйствовали въ мѣстностяхъ совершенно имъ неизвѣстныхъ, гдѣ къ тому же незнаніе языка затрудняло распросы, а между тѣмъ при-

ходилось дѣлать частыя и продолжительныя передвиженія. Имѣвшіяся карты крайне мелкаго масштаба были недостаточны; приходилось постоянно дополнять ихъ рекогносцировками; на каждомъ шагу нужно было указывать войскамъ дороги, мѣста расположенія, снабжать ихъ отчетными карточками окружающей мѣстности для того, чтобы они могли представить себѣ вполнѣ ясно все происходившее.

Замѣчательны указанія по этому вопросу самого Суворова: «*Планъ операціонный:* въ главную армію, въ корпусъ, въ колонну. Ясное распредѣленіе полковъ. Вездѣ разсчетъ времени. Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ; будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое. Не довольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные и ротные командиры должны знать его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. *Тайна* есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ. Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ небольшой чертежъ, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ, сколько можетъ быть нужно для простого воина; притомъ нужно дать нѣкотораго рода понятіе о возвышеніяхъ (горахъ)» (см. *Милютинъ*. «Война 1799 г.», т. III, стр. 168 и 169, приказы Суворова въ Валеджіо).

Суворовъ требовалъ отъ квартирмейстерскихъ офицеровъ находчивости и знанія какъ мѣстности, такъ и всего, что относится до войскъ, при которыхъ они состоятъ. Въ день сраженія при Нови (4-го августа) Толь былъ присланъ къ фельдмаршалу отъ Розенберга за приказаніями и на вопросъ Суворова о ходѣ минныхъ работъ подъ крѣпостью отговорился незнаніемъ. Это возбудило гнѣвъ фельдмаршала, который назвалъ Толя «немогузнайкой, опаснымъ человѣкомъ». Черезъ два дня послѣ этого, тотъ же Толь выбиралъ мѣсто для расположенія корпуса Розенберга въ долинѣ Скривіи и былъ снова встрѣченъ Суворовымъ, который долго и подробно, какъ бы испытывая, расспрашивалъ его обо всей окрестной мѣстности, о выбранномъ бивакѣ, о порядкѣ расположенія на немъ войскъ, объ аванпостахъ и патруляхъ. На этотъ разъ всѣ отвѣты

Толя были вполнѣ удовлетворительны; Суворовъ остался доволенъ и тутъ же приказалъ сдѣлать представленіе о производствѣ Толя въ капитаны.

Учась своему дѣлу подъ руководствомъ такого учителя, какъ Суворовъ, наши квартирмейстерскіе офицеры дѣлали быстрые успѣхи и исполняли свои обязанности прекрасно. Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей имъ приходилось замѣнять инженерныхъ офицеровъ. Вся ихъ служба была сопряжена съ чрезвычайными затрудненіями, особенно во время перехода черезъ Альпы и во время швейцарскаго похода вообще. Щедро розданныя награды свидѣтельствуютъ о томъ, какъ была оцѣнена ихъ служба Суворовымъ. Они же оставили по себѣ прекрасный памятникъ, свидѣтельствующій объ ихъ дѣятельности, а именно два атласа картъ и плановъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ, къ составленію которыхъ они приступили тотчасъ по окончаніи военныхъ дѣйствій, во время стоянки нашихъ войскъ на зимнихъ квартирахъ въ Чехіи.

Не такова была дѣятельность офицеровъ квартирмейстерской части въ корпусѣ Римскаго-Корсакова. Вотъ что говоритъ по этому вопросу извѣстный исторіографъ нашего генеральнаго штаба: «....Въ штабѣ Римскаго-Корсакова не было никакого порядка. Гордый, самонадѣянный, съ высокимъ мнѣніемъ о своихъ собственныхъ достоинствахъ, Римскій-Корсаковъ пренебрегалъ всякими чужими мнѣніями и совѣтами; въ главной квартирѣ его не было ни одного человѣка, который бы пользовался его довѣріемъ. Ближайшимъ помощникомъ его былъ полковникъ Вистицкій, человѣкъ безъ образованія, знавшій лишь россійскую грамоту и часть математическихъ наукъ, служившій 10 лѣтъ сержантомъ и капраломъ въ гвардіи, а затѣмъ выпущенный въ армію ротмистромъ и вскорѣ переведенный тѣмъ же чиномъ въ генеральный штабъ (въ 1791 г).. Всѣ его прежнія отличія заключались въ личной храбрости, выказанной на Дунаѣ, но для европейской войны онъ не имѣлъ ни достаточно свѣдѣній, ни опытности; помощниками его были все молодые офицеры, впервые дѣлавшіе кампанію. Поэтому неудивительно, что по квартирмейстерской части въ корпусѣ Римскаго-Корсакова не было никакого порядка: войска сами располагались лагеремъ и шли въ походѣ, безъ всякой заботы со стороны корпуснаго штаба....»

Въ томъ же духѣ высказывается и одинъ изъ участниковъ этого похода, генералъ Сакенъ, описывая прибытіе войскъ къ Іунаху

(13-го августа): «Народу было столько, что негдѣ было его помѣстить. Сверхъ того неопытность генерала Корсакова и его генеральнаго штаба въ воинскихъ движеніяхъ была столь велика, что даже не былъ означенъ лагерь. Полки и баталіоны, какъ они мало по малу приходили, располагались между садами и домами по собственному произволу и возможности, въ величайшемъ безпорядкѣ. Кой гдѣ была раскинута палатка, не было ни цѣпи, ни карауловъ....»

Генерала Римскаго-Корсакова и офицеровъ штаба ввѣреннаго ему корпуса упрекаютъ въ слѣдующемъ: а) «расположеніе на р. Лиматъ было крайне ошибочно»; б) находясь въ виду непріятеля, они ничего не знали о его силахъ и предположеніяхъ, а во время самаго боя не заявили себя никакими распоряженіями относительно отступленія войскъ, очистки Цюриха отъ обозовъ; в) на нихъ же падаетъ отвѣтственность и за нераспорядительность корпуснаго штаба во время всей Цюрихской операціи вообще.

Суровъ приговоръ историковъ, составленный главнымъ образомъ (если не исключительно) на основаніи иностранныхъ источниковъ. Французы старались возвысить блескъ и значеніе побѣды генерала Массена надъ Римскимъ-Корсаковымъ и уменьшали число своихъ войскъ; австрійцы же, главные виновники неудачи операціи, обвиняли нашихъ генераловъ въ запосчивости и незнаніи военнаго дѣла, а войска въ неумѣніи маневрировать. Между тѣмъ должно имѣть въ виду, что Римскій-Корсаковъ предвидѣлъ неудачу и смѣнилъ войска эрцгерцога Карла только вслѣдствіе строгаго повелѣнія Императора Павла; получивъ планъ военныхъ дѣйствій въ Швейцаріи, составленный Вейротеромъ, онъ не хотѣлъ посылать къ Готце своего резерва, который могъ дать другой ходъ сраженію подъ Цюрихомъ. Обвинять его можно не столько въ незнаніи, сколько въ буквальномъ исполненіи полученныхъ приказаній, но послѣднее обвиненіе, при условіи принятія во вниманіе господствующихъ понятій того времени, отпадаетъ само собою.

Австрійцы, при составленіи плановъ военныхъ дѣйствій, признавъ вѣроятнымъ какое-либо положеніе противника, предполагали, что во все время, необходимое для исполненія ихъ предположеній, онъ будетъ оставаться неподвижно на своей позиціи и на этомъ основывали свои разсчеты. Такъ именно и разставляли они сѣти французамъ и отдавали имъ въ жертву корпусъ Римскаго-Корсакова. Если русскій генералъ и офицеры его штаба не могли стать на точку зрѣнія австрійцевъ, то это говоритъ въ ихъ пользу.

Въ самомъ бою для атаки какихъ-нибудь 2,000 чел. нашихъ войскъ потребовалось 8,000 французовъ, да и тутъ наши войска уступили только послѣ упорнаго и продолжительнаго сопротивленія. Ни одна русская часть не положила оружія, тогда какъ «хорошо маневрирующіе» австрійцы сдавались французамъ цѣлыми баталіонами. Очевидно, русскіе проявили при этомъ выдающуюся храбрость, но ея одной было мало; нужно было и искусство и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и оно было проявлено. Поэтому суровый приговоръ историковъ относительно Римскаго-Корсакова и квартирмейстерскихъ чиновъ его корпуса требуетъ извѣстнаго смягченія.

Въ корпусѣ генерала *Германа*, участвовавшемъ въ дессантной экспедиціи въ Голландіи, совмѣстно съ англичанами, состояло 4 офицера квартирмейстерской части, изъ коихъ старшій, маіоръ *Струковъ* исполнялъ обязанности «бригадъ-маіора» при командующемъ корпусомъ. Русскій штабъ не имѣлъ никакой самостоятельности, такъ какъ всѣ приказанія онъ получалъ изъ англійской главной квартиры (герцога Іоркскаго). Исходъ экспедиціи былъ неудаченъ; генералъ Германъ и маіоръ Струковъ были исключены изъ службы, но если первый былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ неудачи, то второй только раздѣлилъ участь своего начальника; впослѣдствіи, оба они были приняты на службу, причемъ Струковъ даже былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ (съ возвращеніемъ соотвѣтственнаго старшинства).

Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода, жизнь и дѣятельность свиты Его Величества по квартирмейстерской части подверглись новымъ измѣненіямъ.

23-го марта 1800 года чинамъ свиты повелѣно носить мундиры тѣхъ полковъ и командъ, откуда кто поступилъ (или общій мундиръ соотвѣтственнаго рода войскъ), а 20-го апрѣля того же года, повелѣно именоваться, по роду службы, кавалерійскими или пѣхотными чинами; колонновожатые же переименованы въ кондукторы инженернаго корпуса.

Въ концѣ царствованія Императора Павла I, квартирмейстерское вѣдомство, не имѣвшее во главѣ своей генералъ-квартирмейстера, лишенное особаго мундира и своей линіи чинопроизводства, потерявшее чиновъ, представлявшихъ источникъ его укомплектованія, и не имѣвшее опредѣленнаго штата и положенія, представляло собою собраніе небольшого числа хорошихъ чертежниковъ, анимаемыхъ по временамъ разными работами по указанію самого

Государя, или по указаніямъ изъ депо картъ, частью же производившихъ государственныя съемки. Это вѣдомство находилось теперь въ гораздо болѣе разстроенномъ положеніи, чѣмъ генеральный штабъ конца царствованія Императрицы Екатерины II, и это указывало на соотвѣтственное разстройство всей военной системы государства. Новому царствованію въ началѣ новаго вѣка жизнь ставила задачу произвести соотвѣтственную реформу этой системы вообще и вспомогательнаго органа высшаго военнаго управленія и командованія въ частности.

Д. Рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ сферѣ дѣятельности генеральнаго штаба до выступленія на военно-историческое поприще Наполеона I.

1. Сборъ свѣдѣній о мѣстности и о противникѣ въ новые вѣка до Наполеона I.

Свѣдѣнія о мѣстности и о непріятелѣ, въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, пріобрѣтались тѣми же способами и средствами, какъ и въ древніе и средніе вѣка. Во главѣ этого дѣла въ западно-европейскихъ арміяхъ, въ военное время, стоялъ самъ главнокомандующій и его ближайшіе помощники, фельдмаршалкъ, позже генералъ-квартирмейстеръ или генералъ-вахтмейстеръ; въ мирное же время, когда, въ большей части случаевъ, правильно организованное высшее военное управленіе вовсе не существовало, дѣло это отчасти переходило въ руки вспомогательныхъ органовъ верховной власти, вѣдавшихъ внѣшнія сношенія или внутреннее управленіе государствомъ. Военное управленіе сначала не отдѣлялось рѣзкою гранью отъ гражданскаго, а потому и на постахъ гражданскаго характера сплошь и рядомъ находились военные люди, прошедшіе серьезную боевую школу и нерѣдко бывшіе въ состояніи направлять указанное дѣло съ достаточнымъ успѣхомъ.

Съ теченіемъ времени, условія обстановки усложнялись, а между тѣмъ различныя профессіи и спеціальности стали раздѣляться; явилась необходимость въ людяхъ, посвящавшихъ себя спеціально не только той или другой профессіи, но и въ этой профессіи тому или другому ея развѣтвленію. При такихъ условіяхъ, трудное дѣло сбора свѣдѣній могло вестись лишь лицами, посвятившими себя этому дѣлу, получавшими (на практикѣ) соотвѣтственную подго-

20*

товку и, благодаря постояннымъ или, въ крайнемъ случаѣ, частымъ упражненіямъ, не отстававшимъ отъ требованій жизни.

Первымъ высшимъ представителемъ этихъ спеціалистовъ, обязанности и кругъ дѣятельности коего были очерчены достаточно рельефно, явился во Франціи *лагерный маршалъ* съ своими помощниками, *боевыми сержантами*, а затѣмъ *генералъ-квартиръ-маршалъ*, также имѣвшій помощниковъ, и вообще всѣ офицеры, принадлежавшіе къ составу французскихъ «генеральныхъ штабовъ», а также инженеръ-географы; низшими же представителями этой спеціальности, кромѣ шпіоновъ, явились *вожатые* (гиды), съ своимъ *капитаномъ* во главѣ, и *штабныя* команды; положеніе и значеніе капитана надъ вожатыми стало быстро возвышаться и возрастать. Французы, по всему вѣроятію, и выработали бы еще въ XVIII столѣтіи удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса, если бы тому не препятствовали колебанія въ сферѣ высшаго военнаго управленія, вмѣшательство гражданскихъ сферъ въ военныя дѣла и особенно разстройство всей военной системы Франціи, явившееся слѣдствіемъ той катастрофы, которая постигла ее въ концѣ XVIII вѣка.

Въ арміяхъ другихъ западно-европейскихъ государствъ постановка разсматриваемаго дѣла представляла, въ общемъ, болѣе или менѣе рельефно обозначавшееся подражаніе французскимъ образцамъ. Не составляла исключенія въ этомъ отношеніи и Пруссія, даже при Фридрихѣ Великомъ. Но этотъ именно король, думавшій по-французски и писавшій охотнѣе по-французски, чѣмъ по нѣмецки, далъ толчекъ къ подъему и развитію національнаго самосознанія не только среди пруссаковъ, но и среди другихъ нѣмцевъ. Онъ же далъ толчокъ къ самостоятельному рѣшенію различныхъ, стоявшихъ на очереди, вопросовъ. Онъ же положилъ начало подготовкѣ выработки удовлетворительнаго рѣшенія разсматриваемаго дѣла въ Пруссіи. Нужды нѣтъ, что, вскорѣ послѣ его смерти, разстройство прусской военной системы быстро усиливалось и сама Пруссія шла быстрыми шагами къ катастрофѣ. Нужды нѣтъ, что въ прусскомъ генералъ-квартирмейстерскомъ штабѣ могъ играть выдающуюся роль фонъ-Фуль, не говоря уже о фонъ-Массенбахѣ. Въ это именно время, благодаря тому же Массенбаху, было поставлено на прочную почву дѣло сбора необходимыхъ свѣдѣній о мѣстности, о вѣроятныхъ противникахъ и вообще о вѣроятной обстановкѣ будущихъ войнъ, въ тѣсной связи съ подготовкою къ войнѣ. Правда, до 1806 года, на рѣшеніи этого вопроса отражалась ложность господствовавшаго тогда въ прусскомъ генералъ-квартирмей-

стерскомъ штабѣ направленія, но какъ только, послѣ войны 1806—1807 гг., началось оздоровленіе прусской военной системы въ направленіи, намѣченномъ Фридрихомъ Великимъ, такъ сейчасъ же началось и пошло быстрыми шагами впередъ искорененіе господствовавшаго ранѣе ложнаго систематизма и столь же ложнаго объективнаго методизма, чему много способствовалъ опытъ наполеоновскихъ войнъ.

Въ мірѣ восточномъ, давшемъ въ средніе вѣка выдающіеся образцы рѣшенія разсматриваемыхъ вопросовъ, замѣчается все большее и большее нравственное и умственное оскудѣніе, а въ связи съ этимъ міръ восточный все болѣе и болѣе отстаетъ отъ опередившаго его міра западно-европейскаго. Это отражается и на сосѣднемъ славянскомъ мірѣ, которому приходится обратить взоры на западъ и учиться у европейцевъ. Первою начала у нихъ учиться Польша, а за нею уже послѣдовала Россія; обѣимъ приходилось отказаться отъ того, что было ими выработано къ концу среднихъ вѣковъ, и преобразовать всю свою военную систему. Первая этого сдѣлать не могла; вторая это сдѣлала и уже въ началѣ XVIII столѣтія, при Петрѣ Великомъ, догнала въ дѣлѣ развитія военнаго искусства, Западную Европу, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опередила послѣднюю. Однако, общая культурная отсталость Россіи и различныя другія неблагопріятныя обстоятельства привели къ тому, что, въ общемъ, Россія шла за Западною Европою и подчинялась ея вліянію безъ разбора, слѣдовало ли или не слѣдовало подчиняться таковому. Поэтому неудивительно, что послѣ быстраго подъема и небывалаго до тѣхъ поръ развитія военнаго искусства въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II, совпавшаго съ паденіемъ того же искусства на Западѣ (въ эпоху подражанія отжившимъ уже свое время прусскимъ образцамъ),—Россія въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, въ то самое время, когда весь свѣтъ былъ изумленъ искусствомъ и геніемъ Суворова,—совершила довольно крутой поворотъ и стала подражать тому, что считалось лучшимъ, но уже не было таковымъ. Въ войскахъ водворяется прусская муштровка, а за нею идутъ и другіе прусскіе и разные нѣмецкіе порядки. Суворовъ требуетъ, чтобы «всякій солдатъ понималъ свой маневръ» и у него всякій солдатъ «свой маневръ» понимаетъ. Нѣмецкая военная логика того времени слѣпо вѣруетъ въ то, что «солдатъ долженъ бояться палки сержанта больше, чѣмъ непріятельской пули» и эта логика у насъ въ Россіи торжествуетъ надъ Суворовскою. Въ дѣлѣ веденія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сра-

женія, равнымъ образомъ торжествуютъ нѣмецкія идеи того или другого толка. Нужно ли много заботиться о сборѣ свѣдѣній относительно противника? Теоретически, да; практически, нѣтъ! «Ученые» нѣмецкіе лже-стратеги сами впередъ опредѣляютъ, какъ долженъ дѣйствовать противникъ, ибо на все имѣются «неизмѣнныя правила». Стало быть, нужно только изучить эти правила, нужно также изучить мѣстность, конечно, съ точки зрѣнія теоріи, устанавливаемой этими лже-стратегами, вотъ и все! Свѣдѣнія о противникѣ должны, конечно, собираться и въ мирное, и въ военное время, но, во время самыхъ операцій, они должны только подтверждать тѣ предположенія, кои сдѣланы упомянутыми стратегами! Далѣе идти уже нельзя!

Вліяніе теоретической прусской и практической австрійской военныхъ школъ, въ связи съ вліяніемъ нѣмецкой политической школы вообще, на соотвѣтственныя русскія военныя и дипломатическія сферы не могло не быть пагубнымъ. Слѣдствія его дали себя чувствовать прежде всего во время столкновеній Россіи съ Франціею въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, когда русскіе люди не могли не убѣдиться въ томъ, что тайною побѣды владѣли не австрійскіе лже-стратеги, не прусскіе лже-систематики и вообще не нѣмецкіе сочинители «неизмѣнныхъ правилъ» для дѣйствій на войнѣ, но полководцы, дѣйствовавшіе не по этимъ правиламъ, Суворовъ и Наполеонъ. До тѣхъ поръ, пока это не было понято стоявшими у дѣла русскими военными людьми, улучшенія были невозможны.

Съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ и съ расширеніемъ круга человѣческихъ знаній, въ Западной Европѣ возродились *картографія* и *топографія*. Отъ плоской проекціи возвратились къ проекціямъ Птоломея; въ концѣ XVI вѣка, Меркаторъ далъ географическимъ картамъ совершенно новый видъ изобрѣтеніемъ «проекціи уменьшенной карты» (projection de la carte réduite) и примѣненіемъ на практикѣ изобрѣтенной Птоломеемъ стереографической проекціи. Онъ употреблялъ уменьшенную проекцію для общихъ или генеральныхъ и морскихъ картъ земного шара, сохранивъ коническую проекцію Птоломея для частныхъ или спеціальныхъ географическихъ картъ.

Начало собственно топографіи въ Западной Европѣ относится къ первой четверти XVI вѣка; первые опыты въ ней принадлежатъ шведамъ (при Густавѣ I, а затѣмъ при Карлѣ IX и Густавѣ-Адольфѣ)

и голландцамъ. Въ Германіи, въ серединѣ XVII столѣтія, началось изданіе картъ въ большомъ масштабѣ (карты Вестфаліи, Гессена, Швабіи и Саксоніи; карта Баваріи, изданная Аппіаномъ). Въ Англіи были изданы хорошія карты (Секстона и Спида) во второй половинѣ XVI вѣка. Во Франціи начало и успѣхи топографіи замедлились вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и войнъ религіозныхъ и междоусобныхъ; начало топографіи въ этомъ государствѣ относится къ царствованію Людовика XIV. Успѣхи ея до Вобана были незначительны. По идеямъ Вобана были учреждены инженеры и военные географы или военные топографы, которые, подъ его же руководствомъ, сняли окрестности всѣхъ построенныхъ или перестроенныхъ имъ крѣпостей. Во время войнъ Людовиковъ XIV и XV до 1750 года, инженеры и инженеръ-географы произвели различныя военно-топографическія работы (съемки, рекогносцировки и военныя обозрѣнія, карты, планы, маршруты и мемуары). Между тѣмъ парижская академія наукъ, учрежденная въ 1666 году, собрала матеріалы для составленія карты Франціи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, были произведены многочисленныя съемки внутреннихъ и пограничныхъ областей Франціи, нѣкоторыхъ областей сосѣднихъ государствъ, Пиренейскихъ горъ, теченій Рейна и По и т. д. Однако карты того времени имѣютъ одинъ общій и важный недостатокъ, а именно рѣдко удовлетворяютъ необходимымъ условіямъ хорошей военно-топографической карты (недостатокъ надлежащей правильности и вѣрности какъ въ проекціи, такъ и въ изображеніи мѣстности).

Въ 1750 году начато изданіе большой семи-топографической карты Франціи, извѣстной подъ названіемъ *академической* или *Кассиніевой* (по имени Франциска и сына его Іакова-Доминика Кассини-де-Тюри); изданіе это было окончено передъ самою революціею. Сверхъ того были сняты наново и изданы карты многихъ мѣстностей во Франціи, хорошія карты театра военныхъ дѣйствій во время семилѣтней войны и т. д. Верхъ совершенства въ топографическомъ отношеніи, по мнѣнію французовъ, составляла карта окрестностей Версаля (на 12 листахъ), начатая въ 1764 году и составленная инженеръ-географами подъ руководствомъ Бертье (отца знаменитаго сподвижника Наполеона I). Въ это время геодезія и въ частности топографія сдѣлали во Франціи большіе успѣхи. Этими успѣхами Франція была обязана своимъ отличнымъ математикамъ, астрономамъ, географамъ, инженерамъ и инженеръ-географамъ. Производство главной и важнѣйшей части военно-топо-

графическихъ работъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, лежало на чинахъ послѣднихъ двухъ корпусовъ; участіе же въ въ этихъ работахъ чиновъ «генеральныхъ штабовъ» имѣло лишь второстепенное, вспомогательное значеніе.

Въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ развитіе топографіи слѣдовало почти такому же ходу, какъ во Франціи. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, она находилась въ лучшемъ состояніи въ Піемонтѣ. Съ половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ вообще были приняты новые, усовершенствованные способы составленія картъ, которыя начали отличаться уже (въ Германіи) и вѣрностью проекціи, и тщательностью работы; только гравировка ихъ была нѣсколько груба и тяжела. Въ Англіи имѣлись весьма благопріятныя условія для развитія топографіи: ученыя сочиненія, положительныя знанія, искусство гравированія, соотвѣтственная оцѣнка произведеній топографическаго искусства и т. д. Вліяніе этимъ выгодъ видно въ изданныхъ тамъ въ это время картахъ. Повсюду въ Западной Европѣ, кромѣ Испаніи и Португаліи, напрягали всѣ усилія къ усовершенствованію топографіи, что приносило пользу и въ военномъ отношеніи.

Также, какъ и во Франціи, успѣхами топографіи всѣ упомянутыя государства были обязаны ученымъ, математикамъ, астрономамъ и географамъ и, сверхъ того, чинамъ генералъ-квартирмейстерскихъ штабовъ и инженерамъ. Инженеры и произвели важнѣйшія и замѣчательнѣйшія топографическія работы; чины же генералъ - квартирмейстерскихъ штабовъ производили собственно военно-топографическія, военно-географическія и военно-статистическія работы, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, при войскахъ въ полѣ. Большія государственныя топографическія работы ученыхъ, инженеровъ и даже отчасти генералъ-квартирмейстерскихъ чиновъ производились подъ главнымъ наблюденіемъ и руководствомъ ученыхъ учрежденій, или ученыхъ обществъ, или спеціальныхъ топографическихъ управленій, не имѣвшихъ ничего общаго съ генералъ-квартирмейстерскими штабами. Эта разъединенность, при отсутствіи строгой и точной регламентаціи взаимныхъ отношеній, конечно, приносила вредъ, особенно въ военномъ отношеніи.

Въ Польшѣ, правительство, существовавшее только по имени, не имѣло ни средствъ, ни возможности составлять карты своего государства, но за то нѣкоторые магнаты составляли и издавали, на свой счетъ, карты различныхъ частей Рѣчи Посполитой. Такъ,

въ 1613 году, одинъ изъ князей Радзивилловъ приказалъ составить и издать карту великаго княжества Литовскаго. Съ теченіемъ времени, правительство взяло, наконецъ, это дѣло въ свои руки, но, по вышеуказаннымъ причинамъ, и топографія, и примѣненіе ея къ военному дѣлу быстрыхъ успѣховъ здѣсь сдѣлать не могли.

Въ Россіи, до Петра I, дѣло это стояло не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Польшѣ; со времени же царствованія Петра I Россія и въ этомъ отношеніи учится у Западной Европы и слѣдуетъ за нею. Топографическія и военно-топографическія работы получили большое развитіе въ царствованія Императрицы Екатерины II и Императора Павла I, въ зависимости отъ потребностей даннаго времени; успѣхи же геодезіи и въ частности топографіи, быть можетъ, были бы больше, если бы постановка и организація вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія имѣли болѣе постоянный, прочный и устойчивый характеръ и не подвергались бы различнымъ колебаніямъ (см. выше).

2. Подготовка къ войнѣ и бою.—Планы войнъ, кампаній и операцій.—Исполненіе плановъ.—Соотвѣтственная дѣятельность вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія и командованія.

Въ отношеніи подготовки къ бою и къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ, плановъ войнъ, кампаній и операцій, а равно и исполненія этихъ плановъ, первостепенные образцы, въ новые вѣка, были даны, такъ называемыми, «великими полководцами» (по опредѣленію Наполеона I), Густавомъ-Адольфомъ, маршаломъ Тюренномъ, принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ и Фридрихомъ Великимъ, а также и нѣкоторыми другими, которые съ большимъ или съ меньшимъ къ тому основаніемъ, могутъ быть приравнены къ первымъ четыремъ, или до извѣстной степени къ нимъ приближаются, а именно, во Франціи маршаломъ Виллеромъ, въ Польшѣ гетманами Тарновскимъ, Жолкевскимъ, Ходкевичемъ и т. д., въ Малороссіи гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и въ Россіи Петромъ I, а послѣ него дѣятелями Екатерининскаго времени съ Румянцевымъ и Суворовымъ во главѣ. Изъ числа всѣхъ этихъ дѣятелей Густавъ-Адольфъ, Фридрихъ Великій и Петръ Великій, какъ государи, объединявшіе въ своихъ рукахъ направленіе дѣлъ политическихъ и военныхъ, обладали необходимымъ просторомъ для проявленія своего искусства въ данныхъ отношеніяхъ, а потому и дали столь замѣчательные, можно

даже сказать поразительные результаты въ отношеніи рѣшенія всѣхъ выше поставленныхъ вопросовъ.

Планъ веденія войны Густава-Адольфа, при высадкѣ его въ Помераніи лѣтомъ 1630 года, могъ казаться проявленіемъ безумія, но уже въ концѣ 1631 года безумцемъ признавался тотъ, кто сомнѣвался въ возможности его осуществленія; планы кампаній и операцій Густава-Адольфа образцовы, чего почти никто и не оспариваетъ; если же еще принять во вниманіе всю его подготовку къ этой войнѣ, не только военную, но и политическую, начиная съ войны противъ Даніи и постепенно переходя къ войнамъ съ Россіею, Польшею и католическою Германіею, то сила и блескъ его генія обрисуются во всемъ его величіи. То же самое можно сказать и о подготовкѣ Фридриха Великаго къ войнамъ съ Австріею и съ ея союзниками, о планѣ веденія 3-й изъ числа этихъ войнъ, извѣстной подъ названіемъ семилѣтней, о планахъ всѣхъ кампаній этой же войны, особенно 1756 и 1757 годовъ, о планахъ операцій послѣдней кампаніи, особенно Росбахской и Лейтенской и, что важнѣе всего, объ исполненіи этихъ плановъ. То же самое можно сказать о подготовкѣ къ войнѣ Петра I, о тѣхъ планахъ кампаній и операцій, которые ему приходилось вырабатывать подъ давленіемъ обстановки, а также и объ ихъ исполненіи (напримѣръ, подъ Полтавою).

Остальные полководцы не имѣли такого обширнаго поприща для проявленія своего творчества и своего искусства и тѣмъ не менѣе оставили по себѣ безсмертные образцы рѣшенія тѣхъ изъ числа выше поставленныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ нихъ однихъ. Если же принять во вниманіе указанную разницу въ положеніи тѣхъ и другихъ полководцевъ, то не трудно видѣть, что градація, установленная для нихъ Наполеономъ I, имѣетъ лишь условный характеръ. По этой градаціи даже Суворовъ не попалъ въ разрядъ «великихъ полководцевъ», т. е. какъ бы оказался ниже его; это не говоритъ въ пользу соотвѣтственныхъ идей автора этой градаціи, который, не взирая на свою геніальность, не понялъ Суворова. Отчасти это объясняется, но не оправдывается незнаніемъ Россіи и непониманіемъ всего русскаго. Впрочемъ, и сами русскіе сильно грѣшили въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого, градація наполеоновская только въ послѣднее время начала подвергаться поправкамъ.

Независимо отъ этой градаціи, нельзя не отмѣтить общую черту, присущую если не всѣмъ, то большей части геніальныхъ и талант-

ливыхъ полководцевъ: если они не находили себѣ вполнѣ соотвѣтственныхъ помощниковъ, то сами были начальниками своихъ штабовъ, а нѣкоторые, въ случаѣ надобности, шли и далѣе того, и не гнушались черновой работы генеральнаго штаба. Они именно отлично выяснили, что рѣзкая граница между дѣятельностью начальника отряда съ одной стороны и штаба того же отряда съ другой если и можетъ быть проведена, то лишь въ теоріи, но не на практикѣ. Рѣшающій голосъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ, конечно, начальнику, который, во всѣхъ случаяхъ долженъ принимать на себя высшую, творческую часть подготовки къ веденію операцій, самаго веденія этихъ же операцій и эксплуатаціи успѣха или парированія невыгодъ, являющихся слѣдствіемъ неудачи; въ различныхъ же частныхъ случаяхъ, начальникъ отряда, въ зависимости отъ обстановки и отъ своихъ субъективныхъ качествъ, обращаетъ болѣе или менѣе серьезное вниманіе на все то, что онъ находитъ особенно важнымъ; все же остальное ложится на штабъ отряда, представитель и глава котораго, начальникъ штаба долженъ всею дѣятельностью своею и всего штаба наилучшимъ образомъ дополнять дѣятельность начальника отряда. Организація управленія арміями разсматриваемыхъ временъ не устанавливала должности такого ближайшаго и единственнаго помощника, докладчика и совѣтника главнокомандующаго или начальника отряда, хотя теоретически необходимость ея учрежденія уже сознавалась; въ нѣкоторыхъ случаяхъ идея эта проводилась и въ жизнь (напримѣръ, во Франціи, наканунѣ революціи), но подобное ея проведеніе не могло еще быть вполнѣ прочнымъ и, во всякомъ случаѣ, не обладало достаточною законченностью.

При такихъ условіяхъ полководцы, находившіеся на высотѣ своего назначенія, не могли не брать на себя всю творческую часть подготовки веденія операцій, веденія ихъ и эксплуатаціи ихъ результатовъ; не ограничиваясь этимъ, они должны были входить и въ детали этого дѣла, такъ какъ вообще всѣ вспомогательные органы высшаго командованія, существовавшіе въ тѣ времена, не удовлетворяли въ достаточной мѣрѣ своему назначенію вслѣдствіе своего расчлененія на нѣсколько вѣтвей, разъединенности и слабаго развитія организаціи этихъ вѣтвей, неправильности ихъ постановки и неудовлетворительности ихъ подготовки.

Тѣмъ не менѣе, въ рукахъ упомянутыхъ мастеровъ искусства все совершенствовалась, совершенствовались, а иногда и создавались на ново вспомогательные органы высшаго командованія и

военнаго управленія, особенно во время тѣхъ войнъ, которыя были освѣщены блескомъ генія того или другого изъ числа выше названныхъ полководцевъ.

Естественно, что вспомогательные органы не могли идти далѣе исполненія своихъ обязанностей въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. понимая эти обязанности такъ, какъ онѣ очерчены выше. Они производили и работы военно-ученаго характера, но эти работы, за малыми исключеніями, не выходили изъ того же тѣсно очерченнаго круга, включавшаго исполненіе лишь такихъ задачъ и порученій, которыя вызывались обстановкою, въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями, предъявляемыми свыше.

Въ виду этого, оставляя въ сторонѣ замѣчательный трудъ маркиза *Фекьера* (топографическое описаніе Піемонта) и труды нѣкоторыхъ другихъ французскихъ офицеровъ, приходится признать образцомъ подобныхъ работъ, исполненныхъ офицерами генеральныхъ штабовъ тѣхъ временъ и дающихъ, къ тому же, понятіе о томъ предѣлѣ, далѣе котораго онѣ обыкновенно не шли, работу французскаго же офицера маркиза де-Сансе.

Іоаннъ - Баптистъ - Гіацинтъ - Марія *дю-Тертръ*, маркизъ *де-Сансе*, родился въ 1730 году; произведенъ въ корнеты въ конный полкъ Клермонъ въ 1746 и въ капитаны въ драгунскій полкъ Караманъ въ 1748 году; причисленъ къ генеральному штабу арміи въ 1757 году; назначенъ помощникомъ генералъ-квартиръ-маршала Нижне-Рейнской арміи и исполнялъ эти обязанности въ кампаніи 1758, 1761 и 1762 гг.; раненъ въ дѣлѣ при Аменебургѣ 21-го сентября послѣдняго года, за что произведенъ въ штабъ-офицеры; въ 1781 году произведенъ въ лагерные маршалы.

Знатность происхожденія открывала ему широкую дорогу для быстраго движенія по пути карьеры, но онъ предпочелъ трудовую жизнь такого офицера генеральнаго штаба, на добросовѣстности, способностяхъ и работѣ котораго зиждутся благополучіе войскъ и готовность ихъ къ выполненію воли высшаго начальника.

Въ штабѣ арміи былъ возбужденъ вопросъ объ использованіи военно-топографическихъ матеріаловъ по кампаніи 1761 года. Маркизъ де-Сансе представилъ генералъ-квартиръ-маршалу (впослѣдствіи маршалу) маркизу *де-Кастри* записку съ соображеніями по этому вопросу. По его мнѣнію, можно было пользоваться этими матеріалами порознь, или же, обработавъ ихъ, составить карту похода Нижне-Рейнской арміи 1761 года, на которой были бы показаны ея лагери, марши и вообще всѣ маневры. При этомъ при-

ходилось, однако, считаться съ весьма серьезными неудобствами: а) важнѣйшіе пункты не были опредѣлены геометрически, и б) между путями колоннъ не имѣлось достаточной связи, т. е. достаточнаго числа вѣрно опредѣленныхъ пунктовъ. Въ видахъ устраненія этихъ неудобствъ, нужно будетъ воспользоваться картою, благодаря которой хорошо опредѣляются Золингенъ, Бокумъ, Кесфельдъ и все пространство между этими пунктами и Рейномъ; сверхъ того, нужно будетъ произвести нѣкоторыя дополнительныя работы; къ картѣ нужно приложить копію походнаго журнала. Генералъ-квартиръ-маршалъ приказалъ составить карту, которая и была составлена подъ ближайшимъ руководствомъ маркиза де-Сансе и представляла собою отличный образецъ наилучшаго способа изображенія военныхъ дѣйствій, какъ бы они ни были сложны [1]). Къ этой картѣ былъ приложенъ составленный самимъ де-Сансе объяснительный очеркъ кампаніи 1761 года на Нижнемъ Рейнѣ, образцовый по методу, ясности, точности и краткости.

Въ сравненіи съ работами маркиза де-Сансе и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, труды чиновъ прусскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба конца XVIII столѣтія должны быть поставлены безусловно ниже, уступая имъ въ простотѣ, ясности и отсутствіи какихъ бы то ни было натяжекъ. Впрочемъ, работы прусскихъ офицеровъ школы Шарнгорста выгодно отличались отъ прочихъ, не нося, къ тому же, характера подражанія французскимъ образцамъ. Труды австрійскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба, за малыми исключеніями, представляли слишкомъ пространныя изслѣдованія, отличавшіяся предвзятостью и удаленіемъ отъ дѣйствительности; такая ложная ученость ихъ составителей приносила дѣлу не пользу, но вредъ, и только въ глазахъ недостаточно просвѣщенныхъ людей могла считаться ученостью; въ войскахъ же, выносившихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть ея послѣдствій, она вызывала лишь уныніе и паденіе духа, т. е. подготовляла эти войска къ пораженіямъ.

Въ Россіи въ концѣ XVIII столѣтія, вырабатывались условія, неблагопріятныя для развитія всей военной системы, что отражалось, конечно, и на направленіи дѣятельности вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и военнаго управленія. Господствовавшее на западѣ поклоненіе прусскимъ образцамъ начинало

[1]) Подлинникъ этой карты (20 ф. длины и 13—14 ф. высоты) находился у маршала де-Кастри и, по всему вѣроятію, попалъ въ «военное депо».

все болѣе и болѣе утверждаться и у насъ. Россія имѣла счастіе пользоваться плодами дѣятельности такого первокласснаго военнаго генія, какъ Суворовъ, но русскіе военные люди не умѣли ими пользоваться и даже, большею частью, не понимали значенія этой дѣятельности. Если такіе люди, какъ соперникъ Суворова, князь *Репнинъ*, т. е. практики, дозволяли себѣ насмѣшливые отзывы на счетъ Суворовскаго способа веденія войны, называя этотъ способъ «натурализмомъ», то чего же можно было ожидать отъ узкихъ лжетеоретиковъ того времени, не понимавшихъ сущности военнаго дѣла, а вслѣдствіе этого не дошедшихъ до уразумѣнія надлежащихъ отношеній между теоріею и практикою, между наукою и жизнью? Они, въ этомъ отношеніи, превзошли всякія ожиданія. Могла ли выработаться надлежащая школа для генеральнаго штаба? Конечно, нѣтъ! У Суворова учиться было нельзя. Значитъ нужно было учиться у ученыхъ западно-европейцевъ, т. е. прежде всего у нѣмцевъ. Эта наука начала быстро приносить соотвѣтственные плоды.

Почти въ то самое время, когда былъ взятъ Суворовымъ Измаилъ, одинъ изъ «тактиковъ» того времени, С. *Вистицкій*, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Тактика*, касающаяся до правильнаго устроенія всѣхъ движеній сухопутныхъ войскъ при сраженіяхъ и повсюду» (1791 г.). Тактика эта представляла не болѣе не менѣе, какъ перефразированный уставъ, дополненіемъ къ которому являлись разсужденія въ родѣ слѣдующаго: «Опытъ научаетъ, что всякая чрезмѣрная скорость безполезна, когда движеніе должно производиться порядочно; ибо замѣшательство въ войскѣ гораздо вреднѣе, нежели коснительность въ поступки, и примѣчено вообще, что легче дѣлать большіе шаги тихо и порядочно, нежели малые, но спѣшно». Отдѣльно взятыя мысли автора подчасъ не только не вызываютъ возраженій, но даже могутъ быть признаны правильными, но общій смыслъ и духъ этой «тактики» сводится къ отрицанію тактики Суворовской; тутъ уже обнаруживается достаточно рельефно склонность къ усвоенію правилъ нѣмецкой военной науки того времени и къ дѣйствіямъ по этимъ правиламъ.

При такихъ условіяхъ, улучшенія были возможны лишь по ниспроверженіи господствовавшихъ теорій, каковое, въ свою очередь, было возможно лишь послѣ того, какъ вся Европа получила цѣлый рядъ уроковъ отъ дѣйствовавшаго «не по правиламъ» геніальнаго «выскочки корсиканца», который воспользовался тѣмъ, что революція ниспровергла существовавшіе до того порядки, но не была въ

состоянии выработать новые, и самъ быстро выработалъ и установилъ таковые.

Естественно, у него и нужно было учиться и на этой, а не на прежней нѣмецкой наукѣ основать рѣшеніе разсматриваемыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи вопросовъ.

3. Заключеніе о вспомогательныхъ органахъ высшаго командованія и военнаго управленія въ новые вѣка до Наполеона I.

Организація, подготовка и постановка вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и военнаго управленія въ новые вѣка до XVIII столѣтія включительно находились, какъ и ранѣе, въ зависимости отъ достоинствъ и недостатковъ военныхъ системъ различныхъ государствъ, въ связи съ достоинствами и недостатками ихъ государственныхъ и въ частности административныхъ системъ.

Средніе вѣка передали новымъ три главныхъ типа тѣхъ и другихъ системъ: восточный, средній (греко-славянскій) и западный (романо-германскій), распадавшіеся на нѣкоторое число видовъ и разновидностей.

Существовавшіе, въ разсматриваемые вѣка, виды *восточнаго* типа пребывали, большею частью, въ состояніи косности или же переживали безплодную внутреннюю борьбу, исключавшую малѣйшую возможность движенія впередъ. Наиболѣе могущественный изъ видовъ этого типа, *османско-турецкій* хотя и угрожалъ самому существованію ближайшихъ видовъ остальныхъ двухъ типовъ, но жилъ, въ качествѣ богатаго наслѣдника, главнымъ образомъ на чужой почвѣ, средневѣковою жизнью, а потому, дойдя до высшей точки развитія своей силы и могущества, началъ клониться къ упадку. Поучительнаго, съ точки зрѣнія настоящаго изслѣдованія, ни этотъ, ни другіе виды восточнаго типа, въ новые вѣка, ничего не представляли.

Виды *западнаго* типа представляли большое разнообразіе. Наиболѣе благопріятныя условія для развитія военной системы выработалъ въ себѣ *французскій* видъ, доставившій безусловное преобладаніе абсолютному началу государства надъ хаосомъ враждебныхъ общественныхъ стихій, имѣвшій на своей сторонѣ всѣ выгоды, сопряженныя съ сильнымъ внутреннимъ развитіемъ и достигшій національнаго объединенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большого внѣшняго могущества. *Германскій* видъ (въ тѣсномъ смыслѣ) не только не доставилъ необходимаго преобладанія абсолютному на-

чалу государства, но даже наоборотъ стремился къ сведенію этого начала нанѣтъ: «священная римская имперія нѣмецкой націи», представлявшая сначала какъ бы одно государство феодальнаго типа, а позже какъ бы одно союзное государство, съ теченіемъ времени превращалась въ союзъ государствъ, которыя, къ тому же, вслѣдствіе религіознаго раскола, распались на двѣ большія групы, католическую и протестантскую. Стоявшій во главѣ этой имперіи католическій габсбургскій домъ стремился къ объединенію Германіи, но не могъ достичь этой цѣли, а между тѣмъ слабость Германіи позволяла иностраннымъ державамъ вмѣшиватьзя въ ея дѣла и еще болѣе ее ослаблять. Слѣдствіемъ этого было вліяніе другихъ видовъ западнаго типа, главнымъ образомъ французскаго (и отчасти нидерландскаго и шведскаго) на развитіе вида германскаго, который, при такихъ условіяхъ, расчленился на значительное число разновидностей.

Католицизмъ представлялъ элементъ, задерживавшій какое бы то ни было развитіе, тогда какъ протестантизмъ (въ это время) держалъ болѣе или менѣе высоко знамя прогресса во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и военнаго. Естественно, изъ среды протестантской части Германіи выдѣлилась свѣжая сила, которой было суждено сдѣлаться ея объединительницею. То было прусско-бранденбургское государство, сдѣлавшееся, съ теченіемъ времени, соперникомъ монархіи Габсбурговъ. Вслѣдствіе этого, въ ряду разновидностей германскаго вида западнаго типа, выдвигается на первое мѣсто, въ ущербъ австрійской—*прусская* разновидность, которая, во второй половинѣ XVIII вѣка, благодаря вліянію успѣховъ Фридриха Великаго на умы современниковъ, заставляетъ всю Западную Европу обратиться къ ея изученію и къ болѣе или менѣе слѣпому подражанію прусскимъ образцамъ.

Изъ остальныхъ видовъ западнаго типа католическіе (романскіе) представляли мало поучительнаго въ смыслѣ положительномъ и уступали первенство въ этомъ отношеніи протестантскимъ (германскимъ въ широкомъ смыслѣ), главнымъ образомъ нидерландскому и шведскому, которые расчистили почву для развитія и торжества прусскаго вида.

Изъ вышеуказанныхъ видовъ средняго, *греко-славянскаго* типа юго-западный, *чешскій* былъ какъ бы поглощенъ германскимъ видомъ западнаго типа; разновидности *южнаго* вида были точно также поглощены османско-турецкимъ видомъ восточнаго типа; *польско-литовско-русскій* видъ подчинился вліянію западнаго типа,

главнымъ образомъ германскаго и французскаго его видовъ; наконецъ, собственно *русскій* или *великорусскій* видъ, покончивъ съ ближайшими разновидностями монголо-татарскаго вида восточнаго типа, стремился къ общенію съ шедшими впереди всѣхъ видами типа западнаго. Быстрый ростъ великорусскаго вида совпалъ съ ослабленіемъ трехъ сосѣднихъ видовъ, по одному отъ каждаго типа, препятствовавшихъ этому росту: а) турецко-османскаго вида восточнаго типа; б) скандинавскаго вида западнаго типа, собственно шведской его разновидности, и в) польско-литовско-русскаго вида славянскаго типа. Въ послѣднемъ *польская* разновидность подчинила своему вліянію не только собственно литовскую, но и западно-русскую. Однако, подавить послѣднюю она не могла. Западно-русская, точнѣе *малорусская* разновидность поднялась противъ польской и начала стремиться къ соединенію съ великорусскою, что, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, и было почти вполнѣ осуществлено, благодаря соотвѣтственному росту великорусскаго вида, превратившагося, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ *обще-русскій* или *всероссійскій*.

Устранивъ препятствія къ общенію съ западомъ и къ дальнѣйшему развитію и оставшись единственнымъ, достойнымъ своего имени, представителемъ греко-славянскаго типа, русскій видъ преобразовалъ свою военную систему по западно-европейскимъ образцамъ, но не лишился способности къ самостоятельному развитію и даже, по временамъ, въ томъ или другомъ отношеніи, въ большей или меньшей мѣрѣ, опережалъ Западную Европу.

Такимъ образомъ, въ разсматриваемые вѣка, встрѣчаются тѣ же разнообразные типы военныхъ системъ, съ ихъ видами и разновидностями, которые существовали уже въ средніе вѣка. Совокупность ихъ въ началѣ весьма сложна, равно какъ и взаимодѣйствіе типовъ и видовъ. Съ теченіемъ времени, эта совокупность, не взирая на большое число видовъ и разновидностей, начинаетъ упрощаться; взаимодѣйствіе типовъ и видовъ легче поддается опредѣленію; отысканіе преемственности облегчается; различія между разновидностями и видами и даже отчасти между типами уменьшаются.

Въ XVIII столѣтіи, главнымъ образомъ во второй его половинѣ, на первыя мѣста выдвинулись: *русскій* видъ греко-славянскаго типа и *прусскій* и *французскій* виды романо-германскаго типа. Соотвѣтственно этому, три арміи, русская, прусская и французская шли впереди другихъ, но все же болѣе или менѣе медленно, къ преобразованію своихъ военныхъ системъ и ко внесенію существенныхъ поправокъ въ военное искусство.

Изъ этихъ трехъ армій, прусская пріостановилась въ своемъ движеніи впередъ по смерти Фридриха Великаго, чуть ли даже не со времени Семилѣтней войны, стоившей слишкомъ дорого государству и народу и разстроившей всю государственную систему Пруссіи настолько, что требовалось достаточно продолжительное время для залеченія ранъ и устраненія золъ, причиненныхъ этою войною; коренная реформа военной системы, при такихъ условіяхъ была пока невозможна; къ тому же блескъ побѣдъ Фридриха Великаго отуманилъ умы прусскихъ военныхъ людей того времени и нуженъ былъ сильный ударъ судьбы для ихъ протрезвленія.

Русская армія, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, вступила на путь подражанія отжившимъ уже свое время прусскимъ образцамъ, вслѣдствіе чего также пріостановилась въ своемъ движеніи впередъ. Такимъ образомъ на пути развитія военнаго искусства, въ эту эпоху, оставалась только одна французская армія, которая, между тѣмъ, вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ, подверглась внутренней катастрофѣ.

Роковой пожаръ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ революціи, измѣнилъ весь строй французскаго государства, что не могло не отразиться на арміи, переставшей быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ высшихъ властей. Значительная часть генераловъ и офицеровъ была вынуждена покинуть армію, которая пришла въ совершенное разстройство, точнѣе была почти уничтожена въ смыслѣ правильно организованной вооруженной силы. Между тѣмъ революція увлекла Францію на путь, приведшій ее къ войнѣ съ сильною коалиціею враговъ. Казалось, что Франція была совершенно беззащитна. Однако, въ этотъ именно критическій моментъ и обнаружилась вся жизненная сила французскаго народа, который спасъ свое отечество отъ гибели, не взирая на постигшую его внутреннюю катастрофу, не взирая на довольно неумѣлое руководство дѣломъ народной обороны со стороны различныхъ, часто смѣнявшихся, республиканскихъ правительствъ, не взирая даже на крайне безпорядочное и неблагоразумное эксплоатированіе и расходованіе силъ и средствъ Франціи этими же республиканскими правительствами, которыя, строго говоря, жили, въ качествѣ богатаго наслѣдника, и пользовались тѣмъ, что было подготовлено ранѣе.

Введеніе конскрипціонной системы дало возможность французскому правительству выставлять многочисленныя арміи, дешево стоившія и хорошія по составу въ смыслѣ моральномъ, такъ какъ эти арміи состояли изъ гражданъ, готовыхъ отстаивать грудью свое

отечество, или, въ крайности, предпочитавшихъ погибать въ честномъ бою противъ враговъ Франціи, чѣмъ у себя дома на гильотинѣ. Слабая сторона этихъ армій сводилась къ неудовлетворительной спеціально военной подготовкѣ. Но и это не помѣшало имъ побѣждать отлично обученныя войска ихъ противниковъ, не только австрійцевъ, но и пруссаковъ, остававшихся при устарѣвшей стратегіи и тактикѣ въ то время, какъ французы начали примѣнять новые пріемы и образъ дѣйствій. Французскія войска, во время самой войны, постепенно закалялись въ бояхъ и походахъ и, съ теченіемъ времени, заняли первое мѣсто въ Западной Европѣ. Конечно, успѣхи ихъ облегчались слабостью обветшавшихъ военныхъ системъ ихъ западно-европейскихъ противниковъ, но все же задачи, на нихъ выпадавшія, были въ высшей степени трудны, а потому и успѣшное рѣшеніе этихъ задачъ приноситъ великую честь и славу самимъ французамъ. Значительная доля этой чести и славы принадлежитъ тѣмъ войсковымъ начальникамъ и строевымъ офицерамъ, подготовившимся еще при королевскомъ режимѣ, которые составили важнѣйшую часть кадра молодыхъ французскихъ войскъ, ибо, безъ этого кадра, многочисленныя арміи, выставленныя французскими республиканскими правительствами, не могли бы сдѣлаться серьезною боевою силою и, во всякомъ случаѣ, не могли бы состязаться съ австрійцами и пруссаками того времени. Не меньшая доля чести и славы принадлежитъ офицерамъ французскаго генеральнаго штаба республиканскихъ армій, не тѣмъ, конечно, которыхъ революціонное правительство назначало изъ театральныхъ танцовщиковъ и т. п. лицъ, но тѣмъ, которые подготовились при королевскомъ режимѣ, а равно и ихъ товарищамъ, которые учились у нихъ и подготовились во время самыхъ революціонныхъ войнъ.

Во всякомъ случаѣ, при революціонномъ режимѣ упорядоченіе военной системы было невозможно; не могла создаться и надлежащая школа, ни для генераловъ, ни для офицеровъ генеральнаго штаба, т. е. такая школа, которая могла бы функціонировать съ успѣхомъ и въ военное, и въ мирное время. Революціонный хаосъ давалъ себя чувствовать и въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ и вызывалъ реакцію. Франція была въ конецъ утомлена и въ значительной степени истощена революціею и ея послѣдствіями. Государственный переворотъ въ контръ-революціонномъ смыслѣ сдѣлался неизбѣжнымъ. Переворотъ этотъ былъ произведенъ генераломъ Бонапартомъ, который выдвинулся благодаря войнѣ и своему военному генію и вскорѣ сдѣлался полновластнымъ повелителемъ

Франціи, а затѣмъ и половины Европы. Въ его рукахъ военная система Франціи (и такъ или иначе соединенныхъ съ нею государствъ) сдѣлалась исполинскою силою, угрожавшею всѣмъ, еще не покореннымъ государствамъ и народамъ. Эта грозная сила встрѣтила, однако, противника, который не преклонился передъ нею и вступилъ съ нею въ роковую для нея борьбу. Исходъ этой гигантской борьбы и долженъ былъ опредѣлить ходъ дальнѣйшаго развитія военныхъ системъ всей Европы, а вмѣстѣ съ нею и всего культурно-историческаго міра. Вотъ почему первая часть настоящаго изслѣдованія и доводится только до эпохи Наполеона I исключительно.

Въ разсматриваемые вѣка, въ арміяхъ передовой части культурно-историческаго міра, т. е. Западной Европы, возникли вспомогательные органы высшаго командованія и военнаго управленія, распадавшіеся, однако, на нѣсколько вѣтвей, которыя имѣли весьма мало или даже не имѣли ничего общаго между собою; объ объединеніи ихъ сначала не могло быть и рѣчи. Въ ряду этихъ органовъ первое мѣсто занимали: а) въ Западной Европѣ *генеральные штабы* (во Франціи и др.) и *генералъ-квартирмейстерскіе штабы* (въ Пруссіи, Австріи и др.), и б) въ Восточной Европѣ—*квартирмейстерская часть*, созданная Петромъ Великимъ, и единый *генеральный штабъ*, устроенный по идеямъ Баура при Императрицѣ Екатеринѣ II. Однако, кругъ дѣятельности этихъ штабовъ оказывается узкимъ. Является необходимость его расширить и связать болѣе или менѣе тѣсно всѣ вообще вспомогательные органы высшаго командованія и управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ упорядочить отношенія этихъ органовъ вообще и генеральныхъ штабовъ въ особенности къ высшимъ войсковымъ начальникамъ и къ высшимъ военно-административнымъ учрежденіямъ. По проведенію въ жизнь подобной реформы препятствуетъ несовершенство военныхъ системъ европейскихъ государствъ и неудовлетворительное рѣшеніе вопросовъ объ организаціи, подготовкѣ и постановкѣ начальствующаго персонала въ арміяхъ и даже всего корпуса офицеровъ этихъ же армій. Связь между вопросами, касающимися вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и управленія съ одной стороны и начальствующаго персонала съ другой—оказывается настолько тѣсною, что усовершенствованіе первыхъ безъ соотвѣтственнаго усовершенствованія послѣдняго является невозможнымъ.

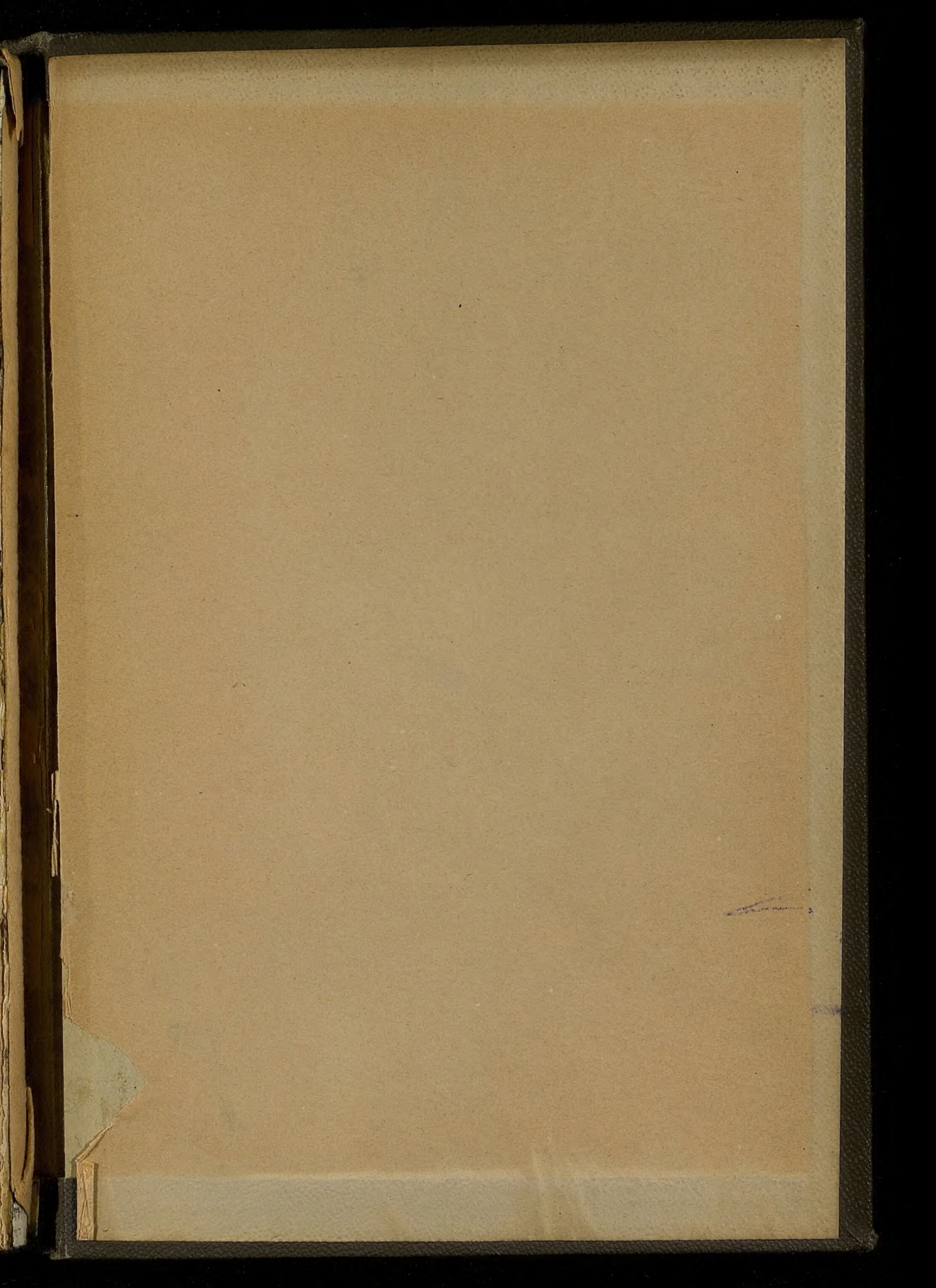
Такимъ образомъ, въ разсматриваемую часть новыхъ вѣковъ,

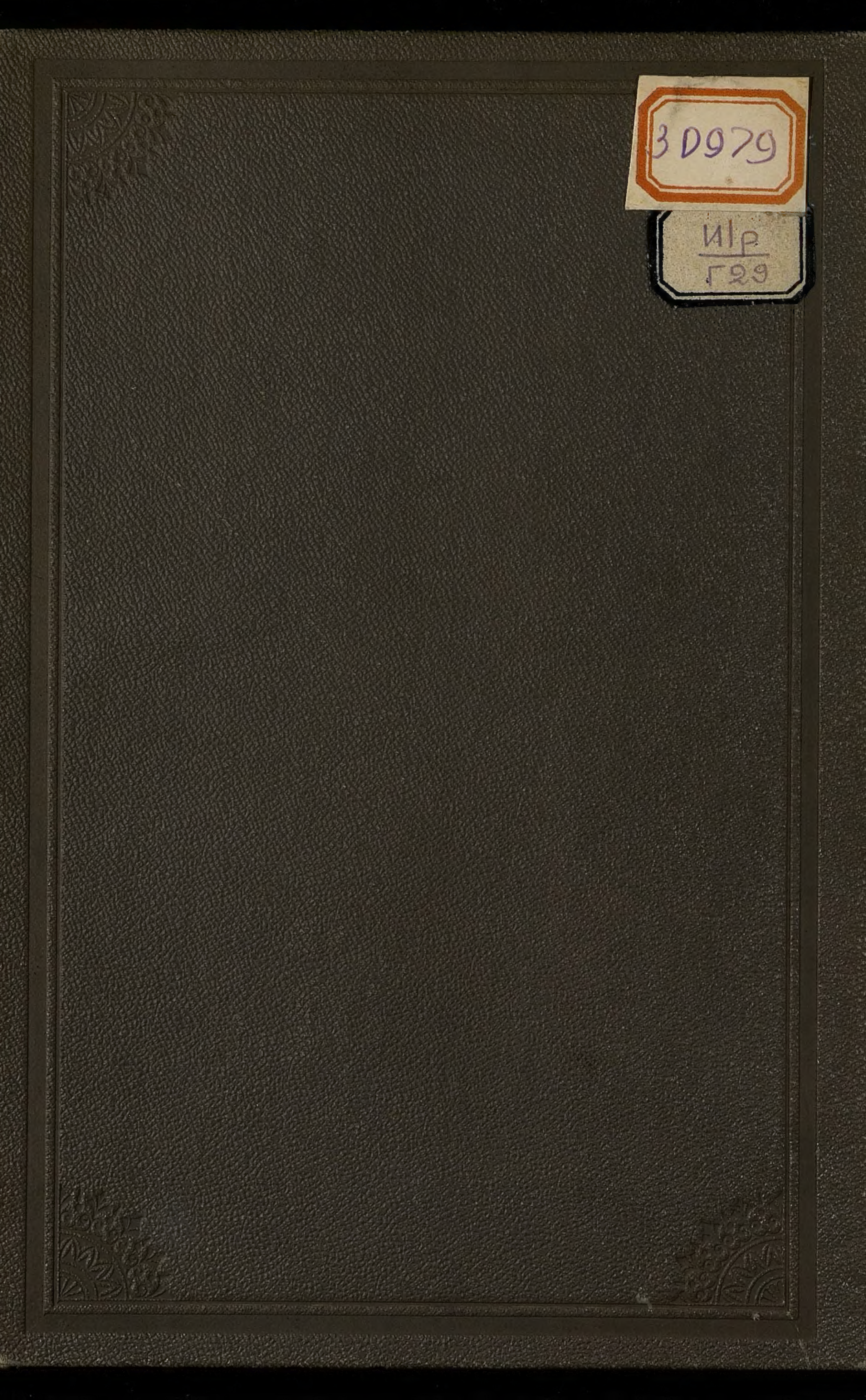
равно какъ и ранѣе, въ древніе и средніе вѣка, вспомогательные органы высшаго командованія и военнаго управленія вообще и генеральные штабы въ особенности являлись наилучшимъ показателемъ доброкачественности или недоброкачественности всей военной системы государства. Большее или меньшее несовершенство этихъ органовъ доказывало существованіе соотвѣтственныхъ недостатковъ во всей названной системѣ и необходимость соотвѣтственнаго усовершенствованія этой системы, безъ чего самыя рѣшительныя мѣры, клонившіяся къ усовершенствованію однихъ только вспомогательныхъ органовъ высшаго командованія и военнаго управленія, не приводили къ желаемымъ результатамъ, а затѣмъ и самые эти вспомогательные органы, не соотвѣтствуя общему теченію, должны были разстраиваться, какъ, напримѣръ, французскіе «генеральные штабы» XVII и XVIII столѣтій, русская квартирмейстерская часть временъ Петра Великаго и русскій же генеральный штабъ временъ Императрицы Екатерины II.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ц. 15р.-к

3D979
И|р
Г29